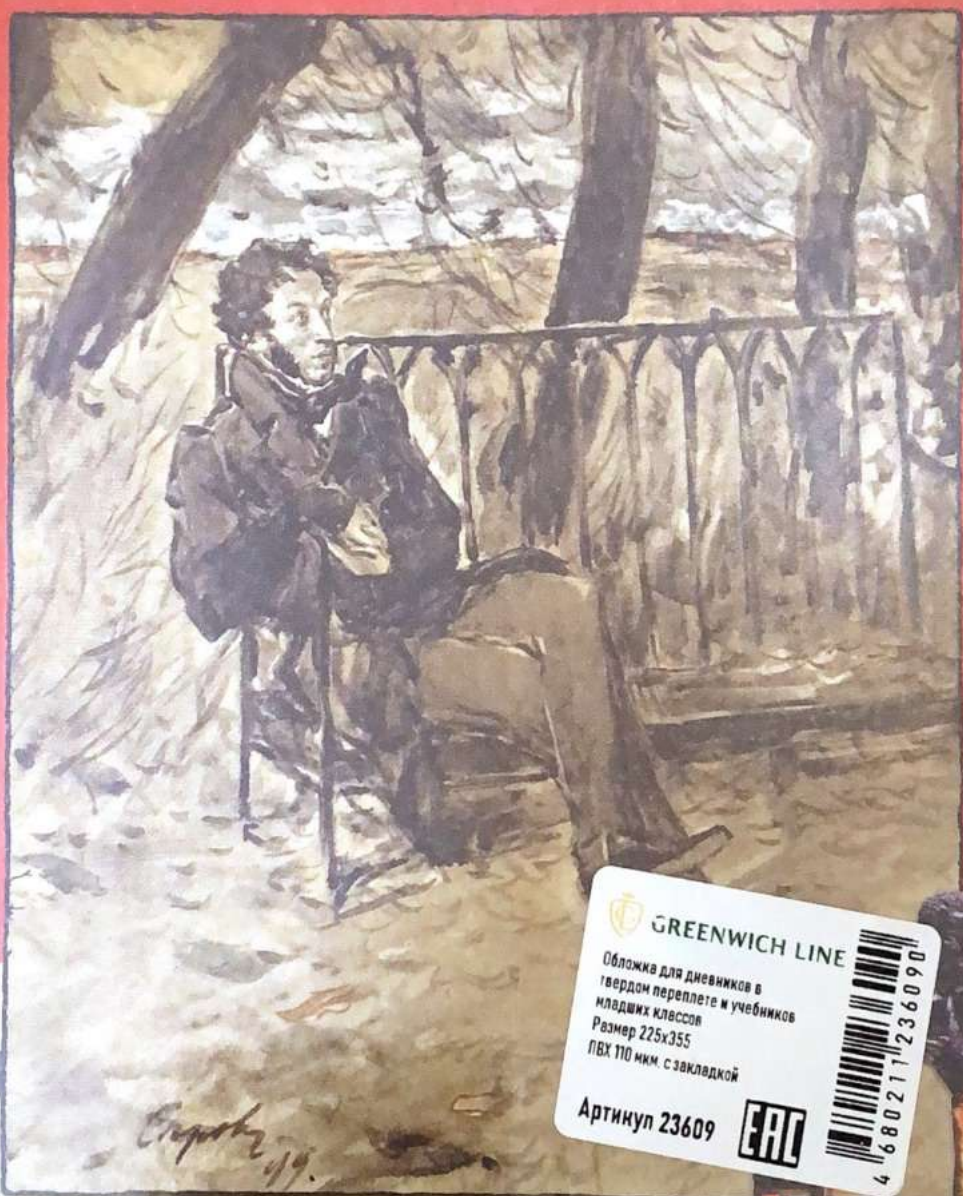
ИННОВАЦИОННАЯ ШКОЛА

Г.С. Меркин

Литература

GREENWICH LINE
Обложка для дневников в твердом переплете и учебников младших классов
Размер 225х355
ПВХ 110 мкм. с закладкой
Артикул 23609
4 680211 236090

ЧАСТЬ I

8 класс

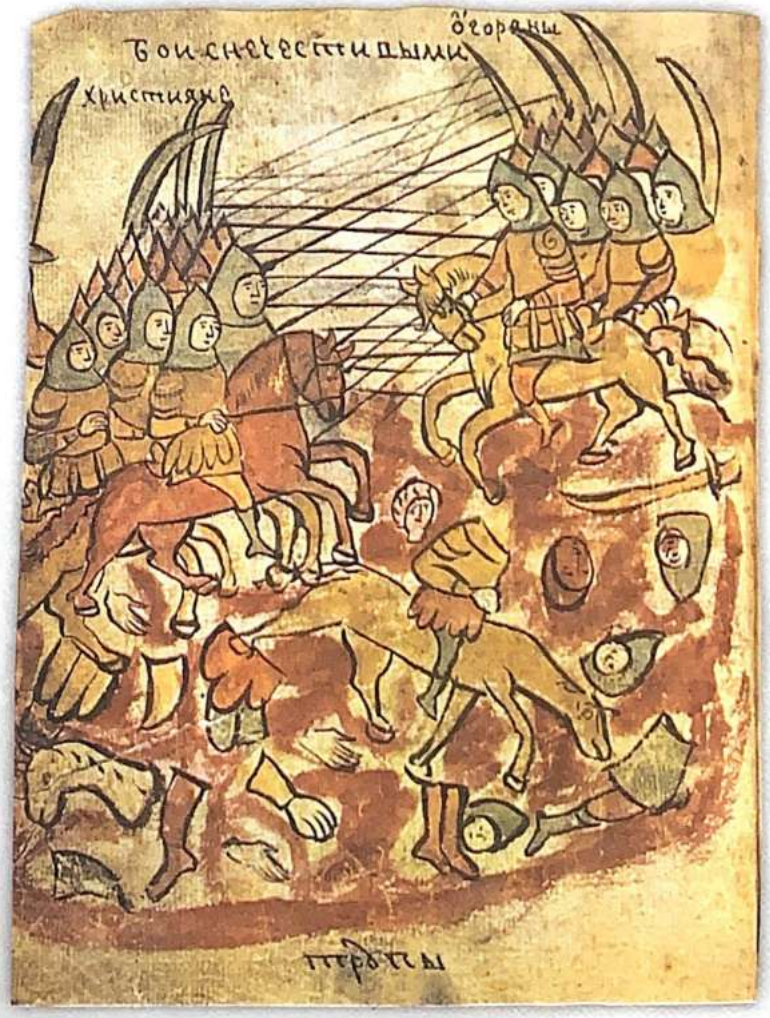
«РУССКОЕ СЛОВО»

Оборона Москвы
от войск Тохтамыша.
Первое в истории России
применение пушек.
Миниатюра Лицевого
летописного свода.
XVI в.

Печать
Дмитрия
Донского
со словами:
«Все ся
ми́нет»

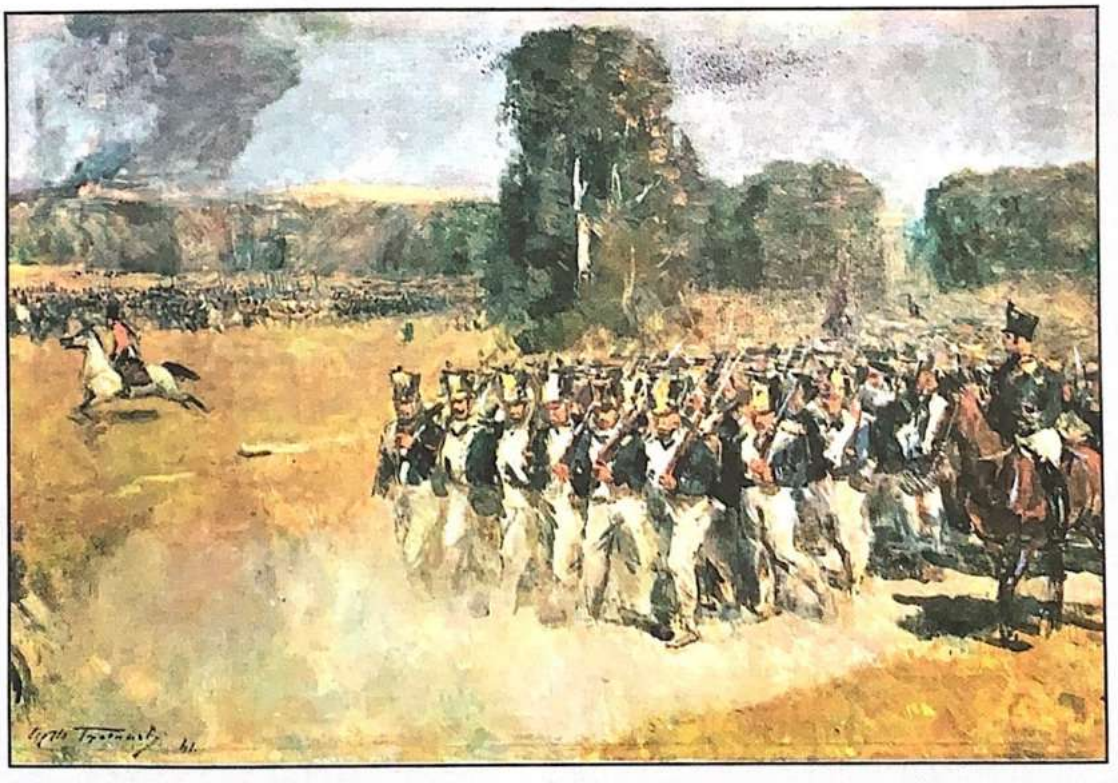
Битва
на Куликовом
поле.
Миниатюра
из лицевого
списка
«Сказания
о Мамаевом
побоище»

Русские гренадеры.
Художник Л.И. Киль.
1813 г.

Медаль участника
Отечественной войны
1812 года со словами:
«Не нам, не нам,
а имени Твоему»

Подкрепление защитникам Шевардинского
редута 5 сентября 1812 года.
Художник С.В. Герасимов. 1941 г.

ИННОВАЦИОННАЯ ШКОЛА

Литература

Учебник для 8 класса общеобразовательных организаций

В двух частях
Часть I

Автор-составитель
Г.С. Меркин

4-е издание

Рекомендовано Министерством образования и науки Российской Федерации

Учебник соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту

Москва
«Русское слово»
2017

УДК 373.167.1:82*08(075.3)
ББК 83.я721
Л64

Л64 **Литература:** учебник для 8 класса общеобразовательных организаций: в 2 ч. Ч. 1 / авт.-сост. Г.С. Меркин. — 4-е изд. — М.: ООО «Русское слово — учебник», 2017. — 432 с.: ил. — (Инновационная школа).

ISBN 978-5-00092-862-2 (ч. 1)
ISBN 978-5-00092-864-6

Учебник соответствует программе по литературе для 5—9 классов (авт.-сост. Г.С. Меркин). Он знакомит школьников с фольклором, произведениями русской и зарубежной литературы от древности до XX века включительно.

Учебник соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту и Примерной программе по литературе, входит в систему учебников «Инновационная школа» (5—8 классы — авт.-сост. Г.С. Меркин; 9 класс — авт. С.А. Зинин, В.И. Сахаров, В.А. Чалмаев).

Учебник предназначен для общеобразовательных организаций: школ, гимназий и лицеев.

УДК 373.167.1:82*08(075.3)
ББК 83.я721

ISBN 978-5-00092-862-2 (ч. 1)
ISBN 978-5-00092-864-6

© Г.С. Меркин, 2014, 2017
© ООО «Русское слово — учебник», 2014, 2017

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ

Естественное стремление образованного человека — узнать прошлое своей страны. Вспомним известный афоризм А.С. Пушкина: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости». Без знания истории собственного народа человеку невозможно понять и самого себя.

Мы хотим узнать наши истоки, наши корни, всё, что было до нас. Лучше всего об этом расскажет историческая книга. В ней будут выстроены цепочки событий, фактов, даны исторические комментарии и оценки; деятели различных эпох предстанут на фоне важнейших событий, преобразований, баталий, мира и временных перемирий. Начало исторической книге дали летописи — один из важнейших жанров древнерусской литературы.

Однако и пишущему, и читающему часто важны не только исторические факты, но и жизнь людей, их мысли, чувства, переживания, духовно-нравственные и идейные поиски. Так, А.С. Пушкин написал историческое повествование — «Историю Пугачёва» — и почти одновременно создал художественное полотно — «Капитанскую дочку». Только языка истории для писателя было мало. Необходим был язык художественной прозы.

История рассказывает о внешней стороне жизни известных деятелей: монархов, полководцев, бунтарей, дипломатов... Художественная литература раскрывает и внутренний мир человека. Человек страдает и радуется, плачет и поёт, стремится к счастью и совершает поступки. Обо всём этом повествует художественная книга.

Литература и история идут рядом, мощно взаимодействуя между собой. Часто история даёт литературе факт, пищу для размышлений, литература нередко предсказывает историческое развитие общества, государства. Не случайно писателя иногда называют прорицателем, пророком, предвестником.

История развивается по своим законам, литература — по своим, хотя законы эти взаимосвязаны. Конечно, литературное развитие не внеисторично, но влияние истории чаще всего многогранное и сложное, оно несводимо к прямому воздействию.

Знание истории необходимо для понимания литературного произведения, которое всегда является «продуктом» определённой эпохи. Автор фундаментальных работ, посвящённых истории русской литературы и культуры, академик Д.С. Лихачёв писал: «Если мы не будем знать, когда произведение составлено, не будем вносить известной доли историчности в его восприятие, — оно пропадёт для своего читателя художественно... Знание эпохи и жизни творца позволяет нам понять многое, что в противном случае прошло бы мимо нашего понимания». Восстановление историко-литературного контекста помогает нам верно оценить художественные достоинства произведения и постичь замысел его автора.

История своеобразно отражается в литературе, которая развивалась веками не только как искусство слова, но и как способ самопознания народа. Обращаясь к событиям и фактам отечественного прошлого, художественная словесность сохраняет связь поколений, помогает увидеть в прошедшем современное, в сиюминутном — вечное. «Ничто на свете не пропадает, и каждое дело, и каждое слово, и каждая мысль вырастает, как древо; и многое доброе и злое, что как загадочное явление существует поныне в русской жизни, таит свои корни в глубоких и тёмных недрах минувшего», — писал А.К. Толстой. Вот почему классические литературные произведения не стареют: они обращены к читателю — то есть к человеку. А то, что делает человека Человеком, неподвластно времени...

Из устного народного творчества

Как можно услышать голос истории? Как в его оттенках, эмоциональном строе ощутить неуловимое, почувствовать сокровенное? Одним из таких истоков народной памяти является историческая песня — древняя, прошедшая сквозь века и эпохи, отразившая различные события и судьбы.

Исторические песни — эпические и лирические фольклорные произведения, в которых отражается понимание народом исторических событий и явлений и выражается к ним отношение.

Учёный-фольклорист, исследователь русских былин и исторических песен Б.Н. Путилов писал: «Историческую песню как произведение искусства характеризует своеобразное и свободное отношение к фактической стороне истории. Песня — не летопись, и ей чужда установка на сколько-нибудь точное, „документальное" воспроизведение фактов. Напротив, чаще всего бросается в глаза несоответствие песен фактам. Песни изображают события не совсем так, а то и совсем не так, как они происходят в реальности. Иногда в них речь идёт о событиях вовсе не известных истории и в истории невозможных. Исторические лица совершают в песнях такие поступки, каких они на самом деле не совершали и не могли совершить. Среди песенных героев встречаются и такие, которых история вовсе не знает... <...> ...оценивать песни следует не по степени верности их фактам, а по степени глубины проникновения в действительность и выражения народного её сознания».

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ И ЛЕТОПИСИ

Исторические песни — жанр народно-поэтического творчества. Они возникли в период борьбы с монгольским нашествием, о чём свидетельствует одна из наиболее ранних песен такого рода — песня о Щелкане.

События, о которых говорится в песне, связаны с тверским восстанием 1327 года против наместника золотоордынского хана в Твери Шевкала (Чолхана, Щолкана, Щелкана Деневича, как именуют его русские летописи). Шевкал «сотворил великие гонения на христиан — насилие, грабёж, избиение и поругание». Восстание против Шевкала возникло вроде бы внезапно, стихийно: «...некий диакон-тверянин, прозвище ему Дудко» повёл лошадь на водопой, «татары же, увидев её, отняли». За дьякона вступились жители, началась схватка, перешедшая в мятеж: «И ударили во все колокола, и восстал город, и сразу же собрался весь народ... и кликнули тверичи, и стали избивать татар, где кого поймают, пока не убили самого Шевкала».

Летописец сообщает, что, узнав о смерти своего наместника, Узбек, татарский хан, «зимой послал рать на Русскую землю... и убили они множество людей, а иных взяли в плен, а Тверь и все тверские города предали огню». Обо всём этом повествуется в летописи.

Историческая песня о Щелкане и близка летописному рассказу, и во многом от него отличается. Летописная запись последовательна и строга в отборе фактов и их описании. Поступки персонажей мотивированны, сюжет в летописи напряжённый, драматический. Летописец неуклонно подводит к основному выводу: обиды, которые чинятся татарами тверским жителям, неизбежно должны привести людей к возмущению, взрыву.

В песне такой конфликт также присутствует:

И втапоры млад Щелкан
Он судьёю насел
В Тверь ту старую,
В Тверь ту богатую.
А немного он судьёю сидел:
И вдовы-то бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.

Однако в народной исторической песне уделяется внимание не столько хронологии, последовательности событий, сколько нравственной оценке происходящего.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ И БЫЛИНЫ

Исторические песни появились позже былин. От былин они отличаются тем, что основой их сюжета служат действительные события, важные социальные и внешнеполитические конфликты. Многие исторические песни, подобно былинам, передавались из поколения в поколение не только потому, что они были своеобразным воспоминанием о минувших событиях, но и потому, что оказывались созвучными каждой новой эпохе. В былинах действует герой-богатырь, представить которого в жизни невозможно, многие его характеристики гиперболизированы. Герой исторической песни — чаще всего реальный человек. В ранних исторических песнях особенно заметно влияние былин. В них проявляется присущий былинам гротеск в изображении врага. Вместе с тем, в отличие от былин, в них действуют не богатыри, наделённые сверхчеловеческой силой, а обыкновенные люди. Так, в наиболее ранней песне о Щелкане основной силой является простой тверской люд.

СОБИРАТЕЛИ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Исторические песни активно собирали и записывали в XVIII—XIX веках. Наиболее известными и крупными собирателями были:

Михаил Дмитриевич Чулков (1744—1792), русский писатель, фольклорист; итогом его собирательской деятельности явилась изданная в 1770—1774 годах в четырёх частях книга «Собрание разных песен»;

Пётр Васильевич Киреевский (1808—1856), русский фольклорист, археограф, публицист. Исторические песни, собранные им, вошли в издание «Песни, собранные П.В. Киреевским» в десяти томах, вышедших в 1860—1874 годах;

Всеволод Фёдорович Миллер (1848—1913), русский фольклорист, языковед, этнограф, археолог, академик Петербургской академии наук. Он систематизировал исторические песни в своём труде «Исторические песни русского народа XVI—XVII вв.»;

Владимир Николаевич Добровольский (1856—1920), этнограф, фольклорист, лингвист; наиболее известными его трудами были четырёхтомный «Смоленский этнографический сборник» (1891—1903) и «Смоленский областной словарь» (1914).

ПЕРИОДЫ СОЗДАНИЯ РУССКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН

Учёные считают, что в развитии русской исторической песни существует несколько периодов: исторические песни раннего периода, песни XVI века, песни начала XVII века, песни, появившиеся с 20-х годов XVII — до начала XVIII века, песни XVIII — начала XIX века и песни более позднего времени — после Отечественной войны 1812 года.

ТЕМЫ И ГЕРОИ. XVI ВЕК

В исторических песнях XVI века не только отразилась идея единства Русской земли, но и нашло воплощение народное представление о личности царя. Большой цикл песен посвящён времени правления Ивана Грозного. Наиболее яркой песней этого цикла является «Взятие Казанского царства». Её герой не богатырь, а рядовой воин, пушкарь, который твёрдо верит в победу и не боится предстать перед царём и сказать правдивые слова:

Ты великий, сударь-князь Московский!
Не вели ты нас, канонеров[1], казнити:
Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле-то свеча идёт тишее.

Взятию Казани было посвящено множество исторических песен, и это свидетельствует о разнообразии народного восприятия этого события. Важно, что во всех песнях психологически

[1] *Канонёр (канони́р)* — пушкарь, солдат в артиллерии русской и некоторых других армий.

Остров-град Свияжск, с которого началось покорение Казани. Собор Успения Пресвятой Богородицы, построенный в 1556—1560 гг. артелью псковских мастеров под руководством зодчего Постника Яковлева по прозвищу Барма. *Фотография.* 2013 г.

Золотой венец Ивана Грозного — шапка царства Казанского. XVI в.

достоверно воссоздаётся образ Ивана Грозного — сильного и неумолимого политического деятеля, беспощадного к любому изменнику.

И в то же время Грозный характеризуется как любящий отец, который не находит покоя после смерти старшего сына, оплакивает его. Именно передача особого эмоционального состояния, изображение переживаний героя, его внутреннего мира отличают историческую песню от былины.

Икона Божией Матери Одигитрии Иоасафовская.
Домовая царская святыня. По преданию, была поднесена
при крещении царевичу Иоанну — будущему царю Ивану Грозному

ИВАН ГРОЗНЫЙ МОЛИТСЯ ПО СЫНЕ

Эх да собирается наш православный царь
Да он к заутрене,
Ко тому ли свету, свету-светику
Ивану Великому[1].
Эх да как становится наш православный царь
Да он на своём месте.
Как становится наш православный царь
У правого клироса.
Эх да уж как молится наш православный царь
Ивану Великому.
Уж он молится, наш православный царь,
Да он низко кланяется.
Эх да как позадь-то его все бояре-князья

[1] *Иван Великий* — общеупотребительное название кремлёвской колокольни (церковь Иоанна Лествичника под Колоколы).

Они остановилися,
Как промеж-то себя ухмыльнулися,
Князья ухмыльнулися.
Эх да уж как гневно на них православный царь
Да он оглядается:
«И чему-то, чему вы, бояре-князья,
Чему больно радостны?
Эх да иль не знаете вы, иль не ведаете
Горя-то великого?
Знать, не ведома-то вам кручинушка
Безысходна царская!
Эх да как угасла-то свеча местная,
Закатилась-то звезда,
Поднебесна моя светла звёздонька —
Не стало млад царевича».

Царское место Ивана Грозного в Успенском соборе Московского Кремля — «Мономахов трон». 1551 г.
Современная фотография

Ермак Тимофеевич. *Неизвестный художник.* XVIII в.

Сражения и труды отряда Ермака во время похода в Сибирь.
Страницы «Истории Сибирской».
Текст и рисунки С.У. Ремезова. Конец XVIII в.

Другим крупным циклом этого периода были исторические песни о Ермаке. В них отражено стремление казаков к вольной жизни, отношение царя к казакам как к разбойникам; изображены походы Ермака в Сибирь. Известен исторический факт о том, что Грозный принял посланников от Ермака после его победы над войском Кучума. Этот эпизод нашёл своё отражение в песне. Прибывший к царю Ермак винится перед государем и говорит:

А теперича, надёжа православный царь,
Приношу тебе буйну головушку
И с буйной головушкой царство Сибирское!

Ермак в исторических песнях — народный герой, с которым необходимо считаться всем, даже царю-батюшке — таков смысл этих песен. В исторических песнях XVI века более широко, по сравнению с ранними историческими песнями, используются элементы лиризма, проникновения в психологию героя.

ТЕМЫ И ГЕРОИ. XVII ВЕК. ПЕСНЯ-ПЛАЧ

В XVII веке произошли важные для России события. Они были связаны с крестьянским восстанием под руководством Ивана Болотникова (1606—1607), борьбой с Великим княжеством Литовским за Смоленск и присоединением Смоленска к Российскому государству, с появлением самозванца Гришки Отрепьева, с политикой русского царя Бориса Годунова.

Исторические песни этого периода всё более и более тяготеют не только к передаче событийной стороны явлений, но и к проникновению в характер героя, к психологизму.

В XVII веке популярной исторической песней становится песня-плач. Примером является «Плач Ксении» (Ксения — дочь Бориса Годунова), в котором лирическое причитание вплетается в историческую основу события:

Сплачетца мала птичка,
белая пелепёлка:
«Охти мне, молоды́, горевати!
Хотят сы́рой дуб зажигати,

Ксения Годунова. Фрагмент иллюстрации к трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов». *Гравюра В.А. Фаворского.* 1956 г.

Самозванец Григорий Отрепьев. *Немецкий гравёр Л. Килиан.* 1606 г.

моё гнёздышко разорити,
мои малыи дети побити,
меня, пелепёлку, поимати».
Сплачетца на Москве царевна:
«Охти мне, молоды́, горевати,
что едет к Москве изменник,
ино Гриша Отрепьев Рострига,
что хочет меня полонити,
а полонив меня, хочет постри́тчи,
черне́нский чин положи́ти![1]
Ино мне постритчися не хочет,
черненского чину не сдержати:
отворити будет темна келья,
на добрых молотцов посмотрити.
Ино, ох милыи наши переходы[2]!
А кому будет по вас ходити
после царского нашего житья
и после Бориса Годунова?
Ах, милыи наши теремы!
А кому будет в вас да сидети
после царского нашего жития
и после Бориса Годунова?»

С этой песни началась история жанра песни-плача; это произошло, скорее всего, в 1605 году в период с 13 апреля (день смерти Бориса Годунова) по 20 июня (день вступления в Москву Лжедмитрия I). Песня записана в 1619—1620 годах. Во время захвата Москвы Лжедмитрием I на глазах царевны были убиты её мать и брат Фёдор. Красавица Ксения была насильно сделана наложницей самозванца, а затем пострижена в монахини.

В песнях этого времени осуждается Гришка Отрепьев, восхваляются стрельцы — защитники Отечества. Прославляется в исторических песнях подвиг Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, организовавших народное ополчение и разгромивших Лжедмитрия и польских захватчиков.

---

[1] *...Постритчи, черненский чин положити* — постричь в монахини.

[2] *Переходы* — галереи, крытые сени по бокам дома.

Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский. *Гравюра В.А. Фаворского из серии «Великие русские полководцы»*. 1947 г.

ПЕСНИ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ. 20-Е ГОДЫ XVII — НАЧАЛО XVIII ВЕКА

Большое количество исторических песен создано в период после 20-х годов XVII — до начала XVIII века. Многие из них посвящены Степану Разину, которого в песнях славят как сильного атамана, человека вольного, независимого. Песни о Степане Разине, в отличие от исторических песен предшествующих периодов, становятся более короткими, стремительными, лиричными. Разин в исторических песнях наделяется исключитель-

ными качествами: способностью к волшебству, богатырской силой и чудесной неуязвимостью. Об этом он говорит посланным против него солдатам:

Пуль-пороху, други, не теряйте!
Ваши пушечки меня не возьмут,
Мелки ружьицы не хлопнут.
Никово я, Стенька Разин, не боюся,
Никово я, братцы, не страшуся...

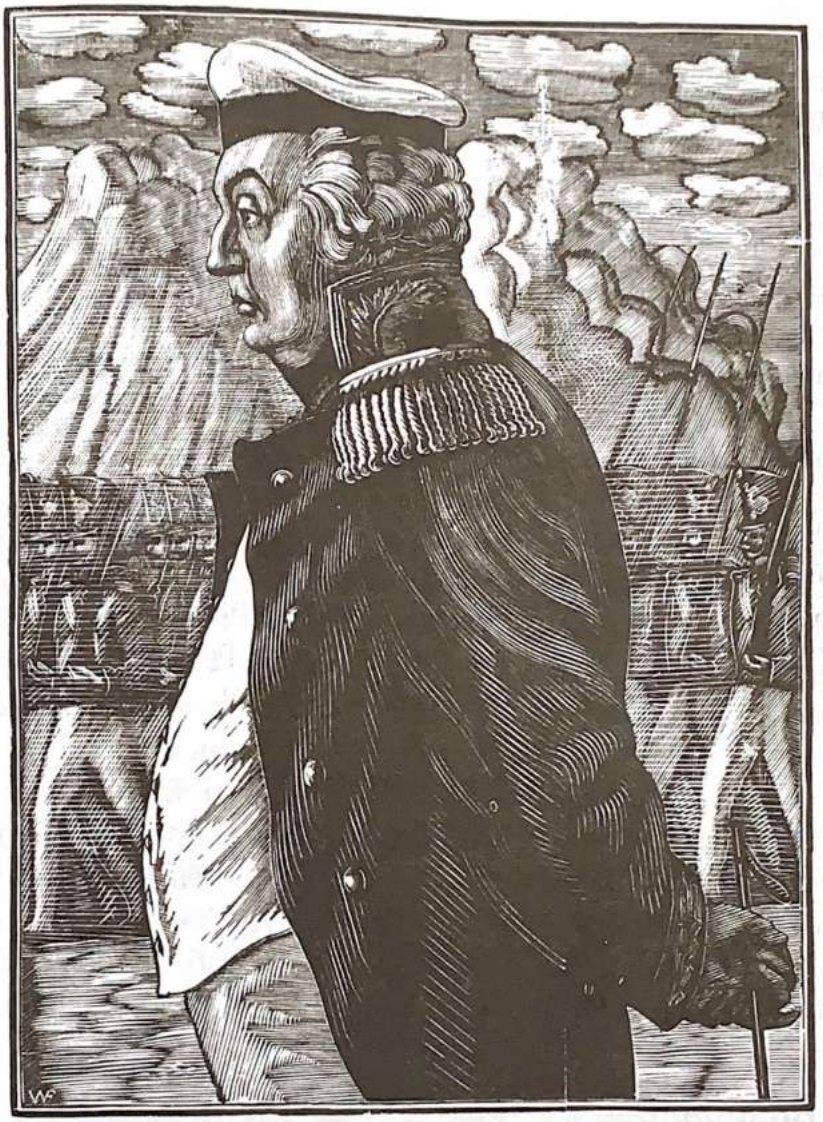
Разин обращается к солдатам не как к врагам, называет их «другами», «братцами». Это объясняется не только фольклорной традицией, но и тем, что создатели песни понимали: солдаты выполняют не свою волю.

Мысль о единении Русской земли отражается в многочисленных песнях о Смоленске, причём интересно, что некоторые из них возникли и были записаны в северной земле, в бывшей Олонецкой губернии.

Широко отражена в исторических песнях деятельность Петра I. Его воинские доблести прославляются в песнях о взятии Азова. Показательно, что эти песни имеют многочисленные варианты — свидетельство их широкого распространения и бытования в народе.

СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ. XVIII—XIX ВЕКА

В начале XVIII века наибольшее распространение получают солдатские песни. Это связано и с расправой Петра со стрельцами, и с войнами, которые велись в Петровскую эпоху. Судя по многочисленным деталям, в которых передаются подробности быта, снаряжения и обмундирования, специфические характеристики боевого порядка, авторами солдатских песен были сами солдаты. С XVIII века солдатская песня становится основной исторической песней на Руси. В ней найдут отражение победы русского оружия под Шлиссельбургом, Ревелем, Ригой, Полтавой в Петровскую эпоху и победы над Наполеоном в период Отечественной войны 1812 года. Персонажами этих песен станут Суворов и Потёмкин, Кутузов и Платов.

Михаил Кутузов. *Гравюра В.А. Фаворского из серии «Великие русские полководцы»*. 1945 г.

«ИСТОРИИ ЖИВЫЕ ГОЛОСА»

Во все времена историческую песню характеризовала особая публицистичность тона, которая позволяла поэтически точно и красочно выразить отношение создателей и исполнителей к отображённым в песнях событиям. Любимыми героями песенного исторического фольклора являлись народные заступники, независимые и смелые люди, борцы за справедливость и правду. В песнях достаточно точно и художественно своеобразно пере-

давался дух эпохи, давалась оценка многим реальным событиям и фактам, характерным деталям исторических явлений. Именно поэтому фольклорная историческая песня привлекла в дальнейшем многих литераторов и получила развитие в литературной исторической песне.

Исследователь исторической песни Л.И. Емельянов писал: «Мы часто говорим, что народная историческая песня — это ключ к пониманию истории. Это, конечно, так. Но не в том (вернее, не только в том) смысле, что она сохранила многие сведения, факты, подробности, не отражённые письменными источниками. По историческим песням, как и по былинам, историю изучать затруднительно. Зато в этих песнях отражено, воплощено нечто такое, чего не могут заменить никакие, пусть самые подробные исторические описания. В песнях живёт само время, их породившее, реальный, живой человек, современник Ивана Грозного и Петра I, Степана Разина и Суворова, человек эпохи Смутного времени и 1812 года, Азовских походов и крестьянских войн. События, факты, подробности, рассыпанные там и тут в песнях, быть может, мало скажут нашей памяти, нашему знанию, но человек, их современник и их автор, его мировосприятие, его кругозор, строй его мыслей и чувствований — всё это, воплощённое в песне с удивительной художественной силой, властно перенесёт нас в его время, в его жизнь и скажет нам о многом, о бесконечно многом. Такова тайна народной исторической песни».

Возвращаясь к теме

1. Назовите известные вам жанры народной поэзии.
2. В чём самое главное отличие исторической песни от летописи?
3. Определите отличие исторической песни от былины.
4. Вспомните определение литературоведческого термина «конфликт». На чём строится конфликт в исторических песнях?

Вопросы и задания

1. Какие события русской истории нашли отражение в исторических песнях?
2. Если историческая песня — не документальное воспроизведение фактов, то в чём тогда её значение?

3. В какое время начали записывать и научно обрабатывать исторические песни? Расскажите о первых учёных-фольклористах.
4. Назовите основные периоды создания исторических песен. Чем характеризуется каждый период и в чём особенность песен, созданных в разные эпохи?
5. Какими предстают в исторических песнях Иван Грозный и Степан Разин?

ВОЗВРАЩЕНИЕ ФИЛАРЕТА[1]

Зарадовалось царство Московское
И вся земля святорусская:
Умолил государь православный царь,
Князь великий Михайло Фёдорович[2].
А что скажут, въехал батюшко
Государь Филарет Микитич
Из неверной земли из литовской;
С собою он вывез много князей-бояр[3],
Ещё он вывез государева боярина,
Князя Михайла Борисовича Шеина[4].
Съезжалися многие кня́зи-боя́ра,
Кня́зи-боя́ра и многие власти
Ко сильному царству Московскому:
Хотят встречать Филарета Микитича.

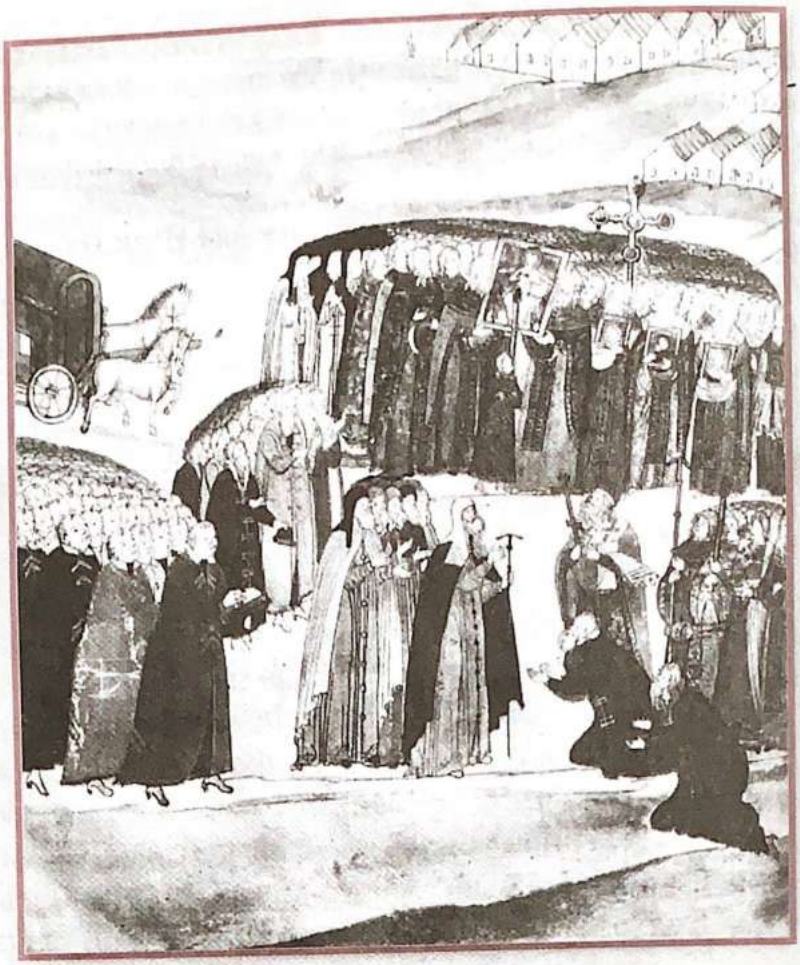
---

[1] *Филаре́т* (*Романов Фёдор Никитич*; ок. 1554/55—1633) — патриарх, отец царя Михаила Фёдоровича, боярин.

[2] *Михаил Фёдорович Романов* (1596—1645) — 21 февраля 1613 г. на Земском соборе был назван в качестве претендента на российский престол. Въезд Филарета происходил 14 июня 1619 г.

[3] *...Вывез много князей-бояр...* — Филарет был возвращён в Москву вместе с другими русскими пленниками по обмену.

[4] *Михаил Борисович Ше́ин* (ок. 1573—1634) — воевода, видный государственный деятель России. В 1596 г. принимал участие в походе Бориса Годунова против крымского хана. В 1609—1611 гг. возглавлял оборону Смоленска от поляков. В июне 1611 г., раненный, был взят в плен. Находился в числе обмененных русских.

Встреча Патриарха Московского и Всея Руси Филарета, возвращающегося из польского плена. *Фрагмент миниатюры.* 1672 г.

Из славного града каменной Москвы
Не красное солнышко катилося,
Пошёл государь православный царь
Встречати своего батюшка,
Государя Филарета Микитича;
С государем пошёл его дядюшка
Иван Микитич боярин[1]:
«Дай, Господи, здоров был государь мой батюшко,
А батюшко государь Филарет Никитич!»
А как будут оне в каменной Москве,
Не пошли оне в хоромы царские,

[1] *...Дядюшка Иван Микитич боярин...* — у Филарета в Москве был брат И.Н. Романов.

А пошли оне к Пречистой Соборной[1]
А пети честны́х молебенов.
Благословлял своего чада милого:
«И дай Господи, здоров был православный царь,
Князь великий Михайло Фёдорович,
А ему сдержати царство Московское
И вся земля святорусская!»

РАЗИН И ДЕВКА-АСТРАХАНКА

Уж вы горы мои, горы,
Прикажите-ка вы, горы,
Под собой нам постояти;
Нам не год-то годовати,
Не неделюшку стояти —
Одну ночку́ ночевати,
И тою всю нам не спати,
Лёгки ружья заряжати,
Чтобы Астрахань нам город
В глуху полночь проехать,
Чтоб никто нас не увидел,
Чтоб никто нас не услышал.
Как увидел и услышал
Астраханский воевода,
Приказал же воевода
Сорок пушек заряжати,
В Стеньку Разина стреляти.
«Ваши пушки меня не возьмут,
Легки ружьецы не проймут,
Уж как возьмёт ли, не возьмёт
Астраханская девка Маша».
По бережку Маша ходит,
Шелко́вым платочком машет.

[1] *Пречи́стая* — обычное в старину сокращённое наименование кремлёвского собора Успения Пресвятой Богородицы.

Степан Разин. *Художник В.И. Суриков* (слева).
Степан Разин. *Фрагмент английской гравюры.* 1672 г.

Шелковым платком махала,
Стеньку Разина прельщала.
Стеньку Разина прельстила,
К себе в гости заманила,
За убран стол посадила,
Пивом, мёдом угостила
И допьяна напоила,
На кровать спать положила
И начальству объявила.
Как пришли к нему солдаты,
Солдатушки молодые,
Что сковали руки, ноги
Железными кандалами,
Посадили же Стеньку
Во железную во клетку,
Три дни по Астрахани возили,
Три дни с голоду морили.
Попросил же у них Стенька
Хоть стакан воды напиться
И во клетке окатиться.
Он во клетке окатился —
И на Волге очутился.

Для вас, любознательные

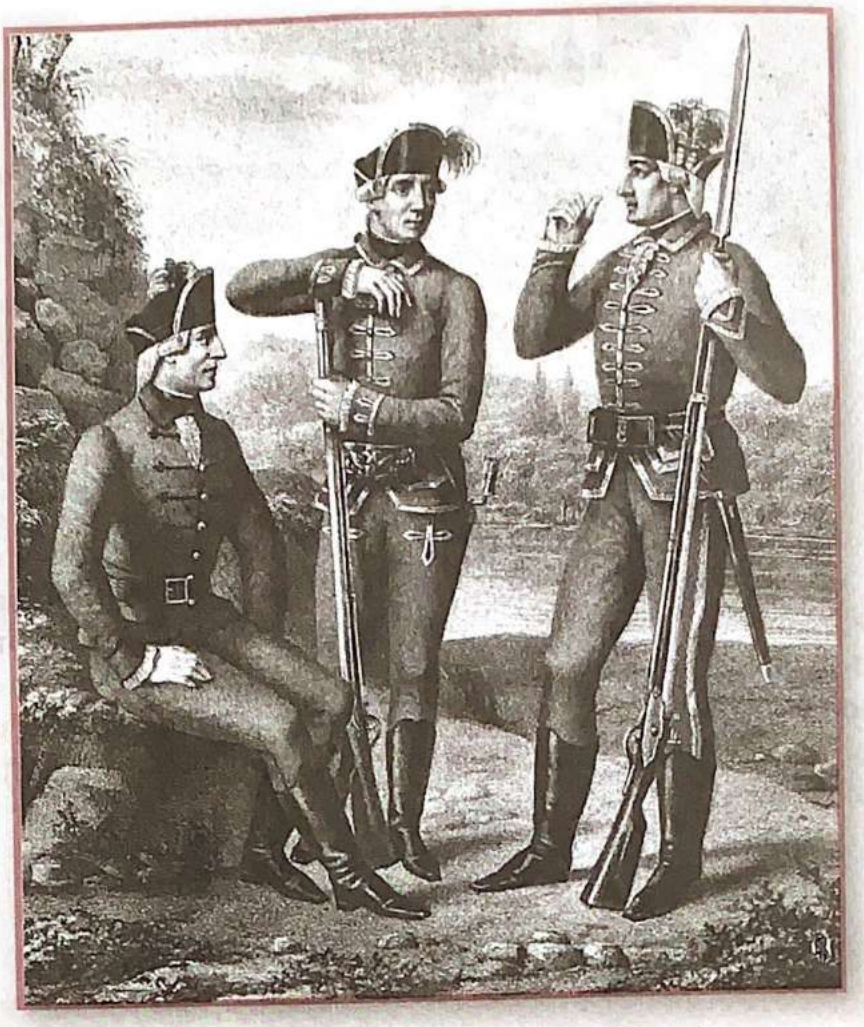
Песня «Разин и девка-астраханка» вошла в книгу «Народные исторические песни» (М.; Л., 1962), подготовленную к изданию Б.Н. Путиловым.

Слава «заговорённого», непобедимого воина, которому помогают сверхъестественные силы, сопутствовала Разину ещё при жизни. Одною из причин этого была поразительная лёгкость его побед, а также то огромное, поистине магическое воздействие, которое оказывали на народ его воззвания. Крупнейшие волжские города сдавались ему без единого выстрела, многочисленные отряды царских войск переходили на его сторону по первому его слову. В ряду легенд о Разине имеется и романтический эпизод с девкой-астраханкой, эпизод, который проник в разинский фольклор, по-видимому, в сравнительно поздние времена, когда образ Разина уже утратил исторические черты и стал восприниматься как обобщённый образ удалого разбойника.

СОЛДАТЫ ОСВОБОЖДАЮТ СМОЛЕНСК

Как повыше было Смоленска-города,
Что пониже было села Красного[1],
Что под рощею под зелёною,
Под берёзою кудрявою,
На большом зелёном лугу,
Стоял тут лагерь русской армии,
Русской армии, гвардейских солдат.
Призадумавшись, сидят, на Смоленск-город глядят:
Овладели славным городом неприятельски полки,

[1] *...Повыше было Смоленска... пониже было села Красного...* — по-видимому, имеется в виду г. Красный, под которым в ноябре 1812 г. французы потерпели тяжёлое поражение. Указание места стоянки вполне условно, поскольку Красный находится к западу от Смоленска.

Егеря лейб-гвардии полков: Семёновского, Преображенского и Измайловского 1770-х — 1786 гг. *Литография*. XIX в.

Уж досталось всё святое неприятельским рукам.
«Как бы, братцы, нам приняться,
Смоленск-город свободить,
Смоленск-город свободить,
Неприятеля побить?»
Вдруг послышалась тревога
У палатки командирской,
Все солдаты встрепенулися,
Ружья взявши, в ряды становилися.
Как и вышел пред войско Волконский-князь[1],

[1] *Пётр Михайлович Волко́нский* (1776—1852) — генерал-фельдмаршал, светлейший князь, участвовал в боях при Березине.

Волконский-князь, командир этих солдат,
Уж и взговорит солдатам Волконский-князь:
«Ох вы храбрые солдаты, государю верные,
Государю верные, командиру послушные!
Мы пойдём-ко к неприятелю гостить,
К неприятелю гостить,
Смоленск-город свободить!»
Как пошли-то солдатушки Смоленск-город свобождать,
Смоленск-город свобождать, французов выгонять.
Ко Смоленску приступили[1], они ружья зарядили,
Они ружья зарядили, в неприятеля палили,
Много били, истребили, остальных-то полонили,
Полонивши их, топили во Берёзоньке-реке[2],
Потопивши, отдыхали на зелёном на лугу,
На зелёныем лугу песни пели во кругу.

Вопросы и задания

По приведённым ниже вопросам проанализируйте любую из прочитанных вами исторических песен.

1. К какому периоду относится песня?

2. Какова основная тема песни? Какие события послужили для неё основой?

3. Кто лирический персонаж песни? Насколько подробно переданы его характер, портрет, поведение?

4. Какие образно-выразительные средства, свойственные фольклору, присутствуют в тексте песни?

5. Имеются ли в тексте песни повторы? Какие слова (словосочетания) повторяются и для какой цели?

6. Имеются ли характерные признаки жанра исторической песни (например, песня-плач, солдатская)? В чём они проявляются?

7. Какова основная идея песни? Приведите из текста строки, слова, словосочетания, в которых идея выражена наиболее ярко, точно.

---

[1] *Ко Смоленску приступили...* — русские войска вступили в Смоленск в начале ноября 1812 г. без боёв, преследуя отступающего противника.

[2] *...Топили во Берёзоньке-реке...* — при переправе через Березину в ноябре 1812 г. французы понесли огромные потери.

Из древнерусской литературы

Судьба и слава Родины всегда были главными темами литературы Древней Руси, поэтому одним из важнейших нравственных качеств человека считалась любовь к Отечеству и готовность бескорыстно служить ему. Святость человека в понимании древних авторов напрямую влияла на его жизнь, помыслы и деяния. А святости человек мог достигнуть только благодаря подлинной вере в Бога.

Важнейшими историческими фигурами, совершившими святые деяния во благо Руси, были князь Александр Невский и служитель Господний преподобный[1] Сергий Радонежский. Оба этих человека за свои помыслы и поступки канонизированы[2] Православной церковью.

Александр Невский и Сергий Радонежский являются символами радения за Отечество, воинской доблести и духовной высоты. Образы Невского и Радонежского запечатлены в русском искусстве — в живописи и кино.

В годы Великой Отечественной войны был учреждён орден Александра Невского. Троице-Сергиева лавра и сегодня является духовным центром всей православной России, ведь святость неподвластна времени.

---

[1] *Преподо́бный* — человек, который удалился от мирской жизни в обществе и угодил Богу, пребывая в посте и молитве, живя в уединении или монастыре.

[2] *Канониза́ция* — официальное церковное признание человека святым.

Ангел Троицы Рублёва.
Гравюра В.А. Фаворского. 1945 г.

Для вас, любознательные

Икона — неотъемлемая часть православной традиции, это не только важнейший вид церковного искусства, но и зримое выражение православной веры. Икона в переводе с греческого означает *образ*, это изображение Бога и святых.

В Древней Руси иконопись считалась священным делом, к которому художник готовился: старался не грешить, молился, постился. Как и в древнерусской литературе, в иконописи не было принято указывать авторство, ведь рукой художника водит Бог, а потому имя иконописца сохранять неуместно. Иконописец должен был следовать установленным правилам — *канонам*, которые определяли сюжет, композицию иконы; а также обращаться к специальным руководствам — «подлинникам», в которых содержались наставления, как писать иконы.

В иконе все детали, цвета имеют символическое значение. Золото означает вечность, белый цвет — святыню, голубой —

чистоту, зелёный — жизнь, красный — жертвенность, синий — тайну, чёрный — пустоту или грех, преступление. Пейзаж на иконе схематичен; время условно (нередко изображаются события разного времени). Одна из главных особенностей православной иконы — нарушение линейной перспективы (несоблюдение пропорций человеческого тела, независимость величины фигуры от её удалённости). Иконописцы сознательно (а не от неумения) отступали от правдоподобия, выбирали иной принцип изобразительности. Он получил название *обратной перспективы*. В чём её смысл? Величины в иконах носят не пространственный, а ценностный характер, зависят от степени достоинства изображаемого: демоны всегда меньше ангелов, Христос — выше учеников. В изображениях святых может не быть портретного сходства. Ведь икона — средство общения с небесным миром, а потому нарушение земных законов, привычной логики и соответствий служит утверждению высшей истины, прославлению духовной красоты. Икона свидетельствует о победе духа над плотью и зовёт к молитве.

■ Вспомните, какую икону вы видели на цветной вклейке учебника в 7 классе. Познакомьтесь с одной из древнейших русских икон — иконой первых русских святых — благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба (см. цветную вклейку). Какие особенности древнерусской иконописи отразились в этой иконе? Найдите и прочитайте «Сказание о Борисе и Глебе».

СЛОВО О СВЯТОМ СЕРГИИ

С давних времён столбовая дорога паломников из Кремля в Троице-Сергиев монастырь пролегала по Ильинке сквозь ворота не существующей ныне Китайгородской стены. Здесь впритык к ней раньше стояла белокаменная часовенка Сергия Радонежского, которую в пору начавшегося погрома святынь[1] и заодно с другими покрупнее смахнули на свалку лихолетья. Меж тем сюда до революции нескончаемо, с утра и до темна, притекала торговая, мастеровая, служилая и прочая Москва по-

[1] *...Начавшегося погрома святынь...* — Речь идёт об уничтожении большевиками в 20–30-х гг. XX в. церковных памятников.

Свято-Троицкая Сергиева лавра. *Современная фотография*

молиться преподобному, а в начале учебного года родители приходили со своими ребятами, чтобы он, всепочитаемый покровитель учёности, благословил их приобщиться к знанию. <...>

Отчётливо помню, как покойная мать привела нас с младшим братиком отстоять обычаем положенный молебен и затем приветливый старичок с крестом поверх епитрахили[1] произнёс над нами простое и ничем не смываемое из памяти напутствие о верности Богу, народу, Отечеству. Также по гроб жизни не забуду скорбный эпизод, когда в трудных 20-х годах, приехавшего в лавру на поклон хранившейся там рублёвской Троице[2], тогдашний завмузеем несчастный Олсуфьев молча повёл меня в смежный, с двумя-тремя ступеньками ниже, придел показать лежавшие на лиловато-выцветшем атласе нагие кости, и, содрогнувшись, я без подсказки понял — чьи. То были на публичное обозрение выставленные земные

---

[1] *Епитрахи́ль* — часть облачения священника, расшитый узорами передник.

[2] *Рублёвская Троица* — одна из лучших иконописных работ Рублёва. Рублёв Андрей (ок. 1360 – ок. 1430) — русский живописец, крупнейший мастер московской школы живописи. Произведения Рублёва отличают глубокая человечность и возвышенная одухотворённость образов, идеи согласия и гармонии, совершенство художественной формы.

останки легендарного первоигумена, вдохновившего Русь на освободительную, от затяжного ордынского ига, Куликовскую победу. Она-то и придала светлому имени его навеки парольное звучание нашего национального единства, согласия и, значит, надежды.

Все мы, нынешнее его духовное потомство, благоговейно склоняем голову сегодня, в шестисотый год со дня кончины великого старца.

Л.М. Леонов[1]

Вопросы и задания

1. Составьте цитатный план рассказа о Сергии Радонежском по материалам статьи писателя Л.М. Леонова.

2. Назовите средства художественной выразительности, которые использует Леонов.

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РЕЧИ

Слово «выразительность» связано с такими словами, как «выразительный», «выражать», «выражение».

Что же обозначает термин «выразительность речи»? Он обозначает способность художественного произведения оказывать на читателя эмоциональное, эстетическое воздействие через яркие образы людей, поэтические картины природы и т.п.

Выразительность речи может достигаться разными средствами: фонетическими, морфологическими, словообразовательными, лексическими, синтаксическими. Во многих случаях эти средства выступают комплексно.

Чтобы сделать изображение персонажа, характера, явления, предмета более ярким, чтобы показать авторское отношение к описываемому, чтобы вызвать у читателя эмоциональный отклик, сформировать у него определённую оценку того, что изображено, автор использует специальные средства, которые обобщённо можно назвать художественными приёмами.

К средствам художественной выразительности относятся тропы и фигуры.

---

[1] Краткие сведения об упоминаемых писателях содержатся в Словаре имён в конце второй части учебника.

Тропы — употребление слов в переносном значении.

Фигуры — различные обороты речи, придающие ей образность и выразительность.

ЕПИФАНИЙ ПРЕМУДРЫЙ

ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО (*ИЗБРАННЫЕ ГЛАВЫ*)

...У раба Божьего Кирилла, о котором шла речь, было три сына: первый Стефан, второй — этот Варфоломей, третий Пётр; их воспитал он со всякими наставлениями в благочестии и чистоте. Стефан и Пётр быстро изучили грамоту, Варфоломей же не быстро учился читать, но как-то медленно и не прилежно. Учитель с большим старанием учил Варфоломея, но отрок не слушал его и не мог научиться, не похож он был на товарищей, учащихся с ним. За это часто бранили его родители, учитель же ещё строже наказывал, а товарищи укоряли. Отрок втайне часто со слезами молился Богу, говоря: «Господи! Дай мне выучить грамоту эту, научи ты меня и вразуми меня».

О ТОМ, КАК ОТ БОГА БЫЛО ДАНО ЕМУ УРАЗУМЕТЬ ГРАМОТУ, А НЕ ОТ ЛЮДЕЙ

Поэтому сильно печалились родители его; а тщетности усилий своих весьма огорчался учитель. Все печалились, не ведая высшего предначертания Божественного промысла, не зная, что хочет Бог сотворить с этим отроком, что не оставит Господь преподобного своего. Так по усмотрению Бога нужно было, чтобы от Бога книжное учение он получил, а не от людей; что и сбылось. Скажем же и о том, как, благодаря Божественному откровению, научился он грамоте.

Однажды отец послал его искать лошадей. Так всё было по предначертанию всемудрого Бога, как Первая Книга Царств говорит о Сауле, который послан был отцом своим Кисом искать осла; Саул пошёл и увидел святого пророка Самуила, которым

Радонеж. Спасо-Преображенская церковь 1840 г.
В городок Радонеж семья отрока Варфоломея
переселилась около 1330 г.

был помазан на царство, и важнее обычных дел дело нашёл. Так и блаженный отрок важнее дел обычных дело нашёл; когда он послан был отцом своим Кириллом искать скот, он увидел некоего черноризца, старца святого, удивительного и неизвестного, саном пресвитера[1], благообразного и подобного ангелу, на поле под дубом стоящего и прилежно со слезами молящегося. Отрок же, увидев его, сначала смиренно поклонился ему, затем приблизился и стал около него, ожидая, когда тот кончит молитву.

И когда кончил молиться старец и посмотрел на отрока, увидел он духовным взором, что будет отрок сосудом избранным святого духа. Он обратился к Варфоломею, подозвал его к себе, и благословил его, и поцеловал его во имя Христа, и спросил его: «Что ищешь и чего хочешь, чадо?» Отрок же сказал: «Душа моя желает более всего знать грамоту, для чего я отдан был учиться. Ныне скорбит душа моя, так как учусь я грамоте, но не могу её одолеть. Ты, святой отче, помолись за меня Богу, чтобы смог я научиться грамоте».

Старец же, подняв руки и очи к небу и вздохнув перед Богом, помолился прилежно и после молитвы сказал: «Аминь». И, взяв из мошны[2] своей как некое сокровище, он подал ему

[1] *Пресви́тер* — священник.

[2] *Мошна́* — небольшой мешочек, который носили на поясе.

тремя пальцами нечто похожее на анафору[1], с виду маленький кусок белого хлеба пшеничного, кусок святой просфоры, и сказал ему: «Отвори уста свои, чадо, и открой их. Возьми это и съешь, — это тебе даётся знамение благодати Божьей и понимания Святого Писания. Хотя и малым кажется то, что я даю, но велика сладость вкушения этого». Отрок же открыл уста и съел то, что ему было дано; и была сладость во рту его, как от мёда сладкого. И сказал он: «Не об этом ли сказано: „Как сладки гортани моей слова твои! Лучше мёда устам моим"; и душа моя возлюбила это». И ответил ему старец: «Если будешь верить, и больше этого увидишь. А о грамоте, чадо, не скорби: да будет известно тебе, что с сего дня дарует тебе Господь хорошее знание грамоты, знание большее, чем у братьев твоих и чем у сверстников твоих». И поучил его на пользу души.

Отрок же поклонился старцу, и, как земля плодовитая и плодоносная, семена принявшая в сердце своё, стоял он, радуясь душой и сердцем, что встретил такого святого старца. Старец хотел пойти своей дорогой; отрок же упал на землю лицом перед ногами старца и со слезами его молил, чтобы поселился старец в доме родителей его, говоря так: «Родители мои очень любят таких, как ты, отче». Старец же, удивившись вере его, поспешил войти в дом родителей его.

Они же, увидев старца, вышли ему навстречу и поклонились ему. Благословил их старец; они же собирали еду, чтобы накормить его. Но старец не сразу пищи отведал, но сначала вошёл в молитвенный храм, то есть в часовню, взяв с собой освящённого в утробе отрока. И начал он Часы[2] петь, а отроку велел псалом читать. Отрок же сказал: «Я не умею этого, отче». Старец же ответил: «Сказал я тебе, что с сего дня дарует тебе Господь знание грамоты. Произноси Слово Божье без сомнения». И случилось тогда нечто удивительное: отрок, получив благословение от старца, начал петь псалмы очень хорошо и стройно; и с того часа он хорошо знал грамоту. И сбылось пророчество премудрого пророка Иеремии, говорящего: «Так говорит Господь: „Вот я

---

[1] *Ана́фора* — здесь: одна из частей Богородичной просфоры́ (богослужебного хлеба), которая раздробляется и раздаётся верующим после трапезы.

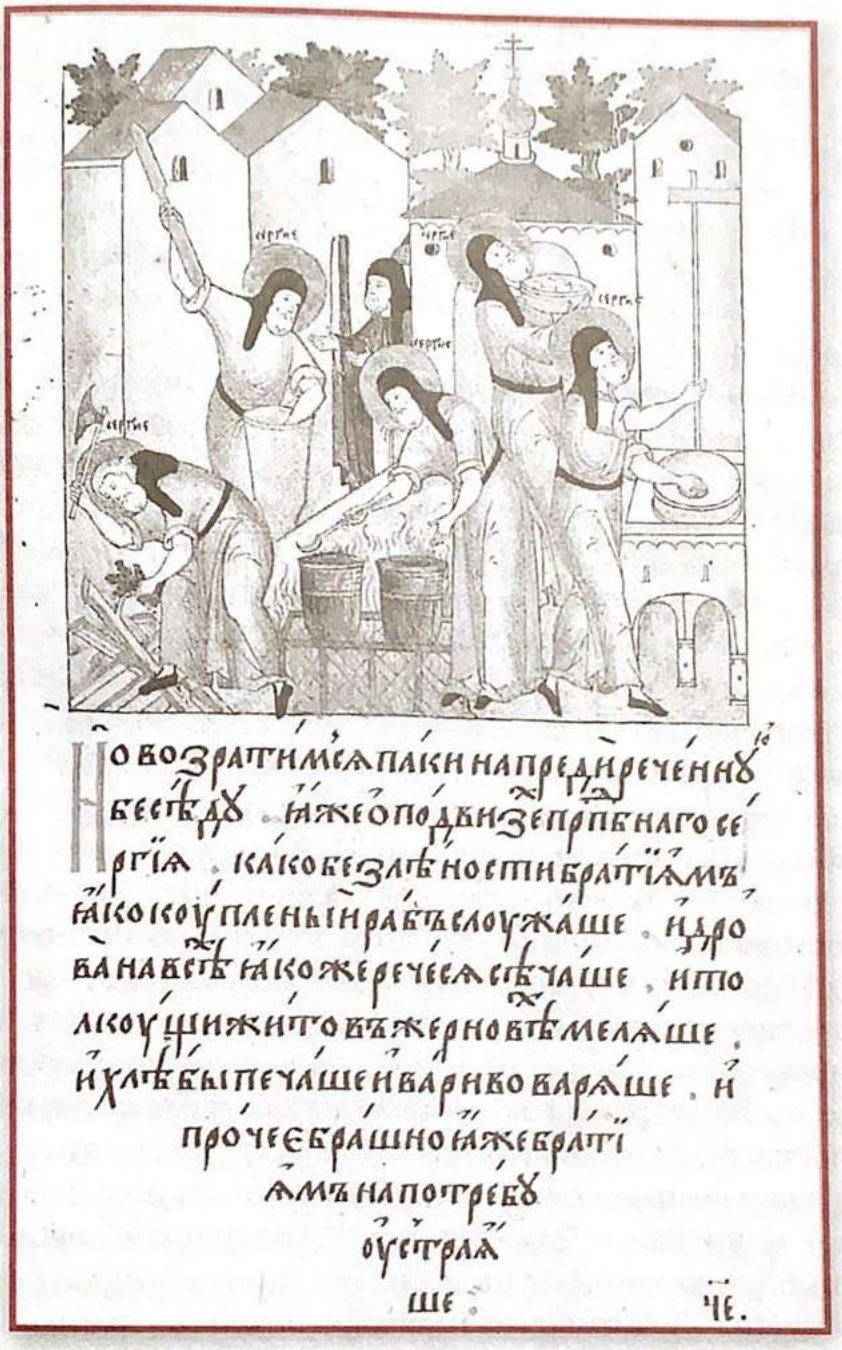
[2] *Часы* — здесь: церковная служба, которая совершается трижды в день: утром, днём и вечером.

дал слова мои в уста твои"». Родители же отрока и братья его, увидев это и услышав, удивились неожиданному его разуму и мудрости и прославили Бога, давшего ему такую благодать.

Когда они со старцем вышли из часовни, те поставили перед ним пищу. Старец отведал пищи, благословил родителей и хотел уйти. Родители же умоляли старца, спрашивая его и говоря: «Отче, господин! Подожди ещё, чтобы мы могли расспросить тебя, и ты бы успокоил и утешил скудоумие наше и печаль нашу. Вот смиренный отрок наш, которого ты благословляешь и хвалишь, которому предсказываешь ты многие блага. Но он удивляет нас, и печаль о нём весьма огорчает нас, потому что случилось с ним нечто страшное, удивительное и непонятное — вот что: когда он был в утробе матери, незадолго до рождения его, когда мать была в церкви, трижды прокричал он в утробе, при народе, в то время, когда святую пели литургию. Нигде в другом месте такое не слыхано, не видано; и мы этого боимся, не понимая, чем кончится это или что случится в будущем?»

Старец же святой, уразумев и поняв духом будущее, сказал им: «О блаженная чета! О прекрасные супруги, ставшие родителями такого ребёнка! Зачем вы устрашились страхом там, где нет страха. Напротив, радуйтесь и веселитесь, что смогли такого ребёнка родить, которого Бог избрал до рождения его, которого Бог отметил ещё в утробе материнской. Вот последнее слово я скажу и потом умолкну: будет вам знамением истинности моих слов то, что после моего ухода вы увидите — отрок хорошо знает всю грамоту и все святые книги понимает. А вот второе моё знамение вам и предсказание — будет отрок славен перед Богом и людьми из-за своей добродетельной жизни». И, сказав это, старец ушёл, промолвив им такие непонятные слова: «Сын ваш будет обителью святой Троицы и многих приведёт вслед за собой к пониманию Божественных заповедей». Так сказав, старец ушёл от них. Родители же провожали его до ворот; он же внезапно стал невидимым.

Они же, недоумевая, решили, что это ангел послан был даровать отроку знание грамоты. Отец и мать, приняв от старца благословение и слова его сохранив в сердцах своих, возвратились в дом свой. После ухода этого старца отрок внезапно всю грамоту постиг, изменился странным образом: какую книгу ни раскроет, хорошо её читает и понимает её. Достоин был даров ду-

Труды преподобного Сергия и братии монастыря.
«Житие преподобного Сергия Радонежского». *Страница из списка XVI в.*

ховных добрый сей отрок, который от самых пелёнок Бога познал, и Бога возлюбил, и Богом спасён был. Он жил, во всём повинуясь своим родителям: старался повеления их исполнять и ни в чём не ослушаться их, как и Святое Писание говорит: «Чти отца своего и мать и будешь долголетен на земле».

О ПОБЕДЕ НАД МАМАЕМ И О МОНАСТЫРЕ НА ДУБЕНКЕ

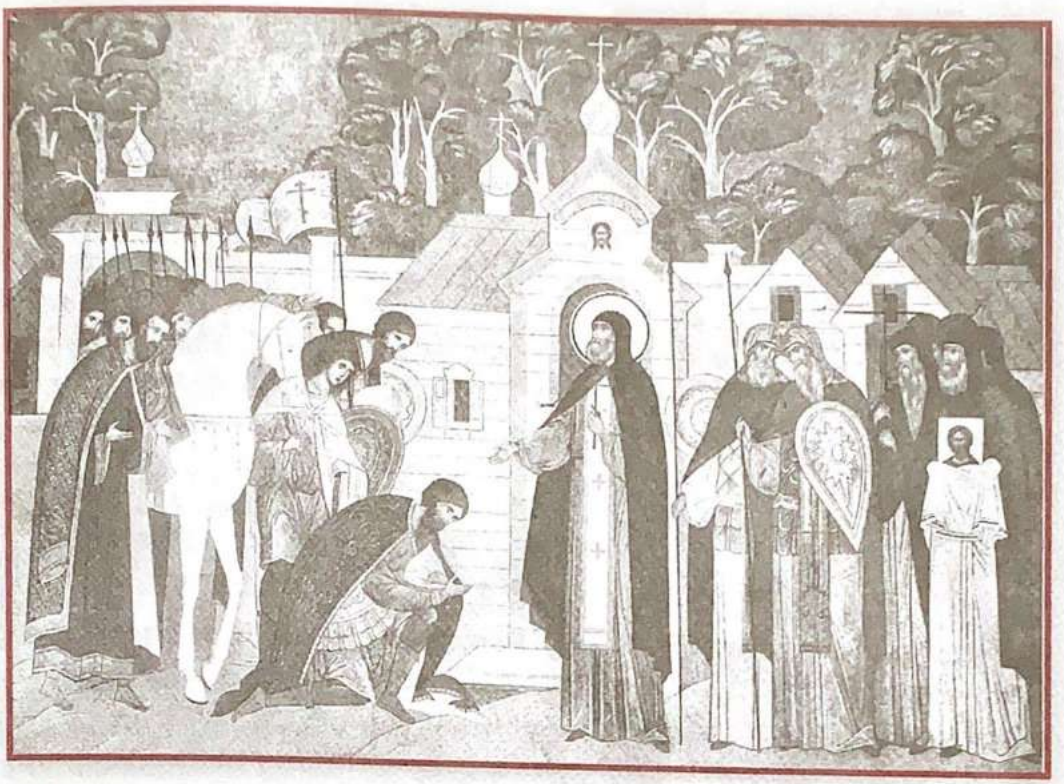
Известно стало, что Божиим попущением за грехи наши ордынский князь Мамай собрал силу великую, всю орду безбожных татар, и идёт на Русскую землю; и были все люди страхом великим охвачены. Князем же великим, скипетр[1] Русской земли державшим, был тогда православный и непобедимый великий Дмитрий. Он пришёл к святому Сергию, потому что великую веру имел в старца, и спросил его, прикажет ли святой ему против безбожных выступить: ведь он знал, что Сергий — муж добродетельный и даром пророческим обладает. Святой же, когда услышал об этом от великого князя, благословил его, молитвой вооружил и сказал: «Следует тебе, господин, заботиться о порученном тебе Богом славном христианском стаде[2]. Иди против безбожных, и, если Бог поможет тебе, ты победишь и невредимым в своё отечество с великой честью вернёшься». Великий же князь ответил: «Если мне Бог поможет, отче, поставлю монастырь в честь Пречистой Богоматери». И, сказав это и получив благословение, ушёл из монастыря, и быстро отправился в путь.

Собрав всех воинов своих, выступил он против безбожных татар; увидев же войско татарское весьма многочисленное, они остановились в сомнении, страхом многие из них охвачены были, размышляя, что же делать. И вот внезапно в это время появился гонец с посланием от святого, гласящим: «Без всякого сомнения, господин, смело вступай в бой со свирепостью их, нисколько не устрашаясь, — обязательно поможет тебе Бог». Тогда князь великий Дмитрий и всё войско его, от этого послания великой решимости исполнившись, пошли против поганых, и промолвил князь: «Боже великий, сотворивший небо и землю! Помощником мне будь в битве с противниками святого Твоего имени». Так началось сражение, и многие пали, но помог Бог великому победоносному Дмитрию, и побеждены были поганые татары, и полному разгрому подверглись: ведь видели окаянные против себя посланный Богом гнев и Божье негодованье, и все обратились в бегство. Крестоносная хоругвь долго

---

[1] *Ски́петр* — жезл с драгоценными камнями и резьбой — знак царской власти.

[2] *Стадо* — здесь: сообщество единомышленников, единоверцев.

Преподобный Сергий благословляет князя Дмитрия Донского на битву. *Современная фреска во вратах Свято-Троицкой Сергиевой лавры*

гнала врагов, множество бесчисленное их убивая; и одни раненые убежали, других же живыми в плен захватили. И было чудесное зрелище и удивительная победа; те, кто прежде блистал оружием, тогда все были окровавлены кровью иноплеменников, и все трофеи победные носили. И тут сбылось пророческое слово: «Один преследовал тысячу, а двое — тьму[1]».

Святой же, как было сказано, пророческим обладал даром, знал обо всём, словно находился поблизости. Он видел издалека, с расстояния во много дней ходьбы, на молитве с братией к Богу обращаясь о даровании победы над погаными. Когда немного времени прошло, так что окончательно побеждены были безбожные, всё предсказал братьям святой: победу и храбрость великого князя Дмитрия Ивановича, славную победу одержавшего над погаными, и из русского войска убитых по имени назвал Сергий, и службу за них всемилостивому Богу совершил.

---

[1] *Тьма* — 1) в Древней Руси — десять тысяч; 2) великое, бесчисленное множество.

Храм во имя преподобного Сергия Радонежского на Куликовом поле. *Архитектор А.В. Щусев.* 1917 г. *Современная фотография*

Достохвальный же и победоносный великий князь Дмитрий, славную победу над враждебными варварами одержав, возвращается всецело в радости большой в своё отечество. И незамедлительно он пришёл к старцу святому Сергию, благодарность принеся ему за добрый совет, и всесильного Бога славил, и за молитвы благодарил старца и братию, в веселье сердца о случившемся всё рассказывал, — как показал Господь милость свою к нему; и вклад большой в монастырь дал. Тогда напоминает о своём желании великий князь старцу и то, что он обещал, хочет быстро в жизнь воплотить — в честь Пречистой Богоматери монастырь построить на месте, подходящем для этого. Старец Сергий пошёл и, поискав, нашёл место подходящее на реке, называемой Дубенка; и с соизволения великого князя на том месте святой Сергий церковь поставил Успения Владычицы нашей Богородицы, в честь Пречистой Богоматери. В скором времени, благодаря помощи необходимой великого князя, возник монастырь чудесный, всем необходимым наполненный. Поручил святой игуменство ученику своему по имени Савва, мужу очень добродетельному; он устроил общежительство на удивление хорошо, как подобает для славы Божьей. И многочисленное братство собралось, а необходимое они достаточно по милости Пречистой Богородицы и до сих пор имеют. Об этом всё.

О ПОСЕЩЕНИИ БОГОМАТЕРЬЮ СВЯТОГО

Однажды блаженный отец молился, по своему обычаю, перед образом Матери Господа нашего Иисуса Христа и, часто обращая взор к иконе, говорил: «Пречистая Матерь Христа моего, покровительница и заступница, верная помощница рода человеческого! Будь нам, недостойным, защитницей, постоянно моли Сына Своего и Бога нашего, чтобы не оставил святого места этого, которое создано для похвалы и чести святого Имени вовеки. На Твою, Мать любимого мною Христа, защиту и молитвы мы надеемся, ибо великую смелость имеют рабы Твои перед Богом, который для всех — упокоение и пристанище спасения». Так он молился и пел благодарственный канон Пречистой Богоматери, то есть акафист, а когда он завершил канон и сел немного отдохнуть, сказал ученику своему, по имени Михей: «Чадо! Будь бдительным и бодрствуй, потому что видение чудесное и ужасное будет нам в сей час». И пока он это говорил, вдруг глас раздался: «Се Пречистая грядет!» Святой, услышав, быстро вышел из кельи в пруст, то есть в сени. И вот свет ослепительный, сильнее солнца сияющий, ярко озарил святого; и видит он Пречистую Богородицу с двумя апостолами, Петром и Иоанном, в несказанной светлости блистающую. И когда увидел её святой, он упал ниц, не в силах вынести нестерпимый этот свет.

Пречистая же своими руками прикоснулась к святому, говоря: «Не ужасайся, избранник мой! Ведь я пришла посетить тебя. Услышана молитва твоя о учениках твоих, о которых ты молишься, и об обители твоей, — и не скорби больше: ибо отныне всего здесь будет в изобилии, и не только при жизни твоей, но после твоего к Господу ухода не покину я обители твоей, всё нужное подавая в изобилии, и снабжая всем, и защищая». Сказав это, стала она невидима. Святой же в смятении ума страхом и трепетом великим объят был. Когда он понемногу в себя пришёл, увидел Сергий ученика своего лежащим от страха, словно мёртвого, и поднял его. Тот же бросился к ногам старца, говоря: «Скажи мне, отче, Господа ради, что это было за чудесное видение? Ведь дух мой едва не разлучился с телом из-за блистающего видения». Святой же радовался душой, так что лицо его светилось от радости той, но ничего не мог ответить, только вот что: «Потерпи, чадо, потому что и во мне дух мой трепещет от чудесного видения».

Явление Божией Матери преподобному Сергию.
Икона у раки со святыми мощами преподобного.
Свято-Троицкая Сергиева лавра

Они стояли и дивились про себя; наконец святой сказал ученику своему: «Чадо, призови ко мне Исаака и Симона». Когда они пришли, рассказал Сергий всё по порядку, как он видел Пречистую Богородицу с апостолами и какие она дала святому чудесные обещания. Когда ученики услышали это, охватила их радость несказанная; все вместе отпели молебен Богоматери и прославили Бога. Оставался святой всю ночь без сна, думая о несказанном видении.

О КОНЧИНЕ СВЯТОГО

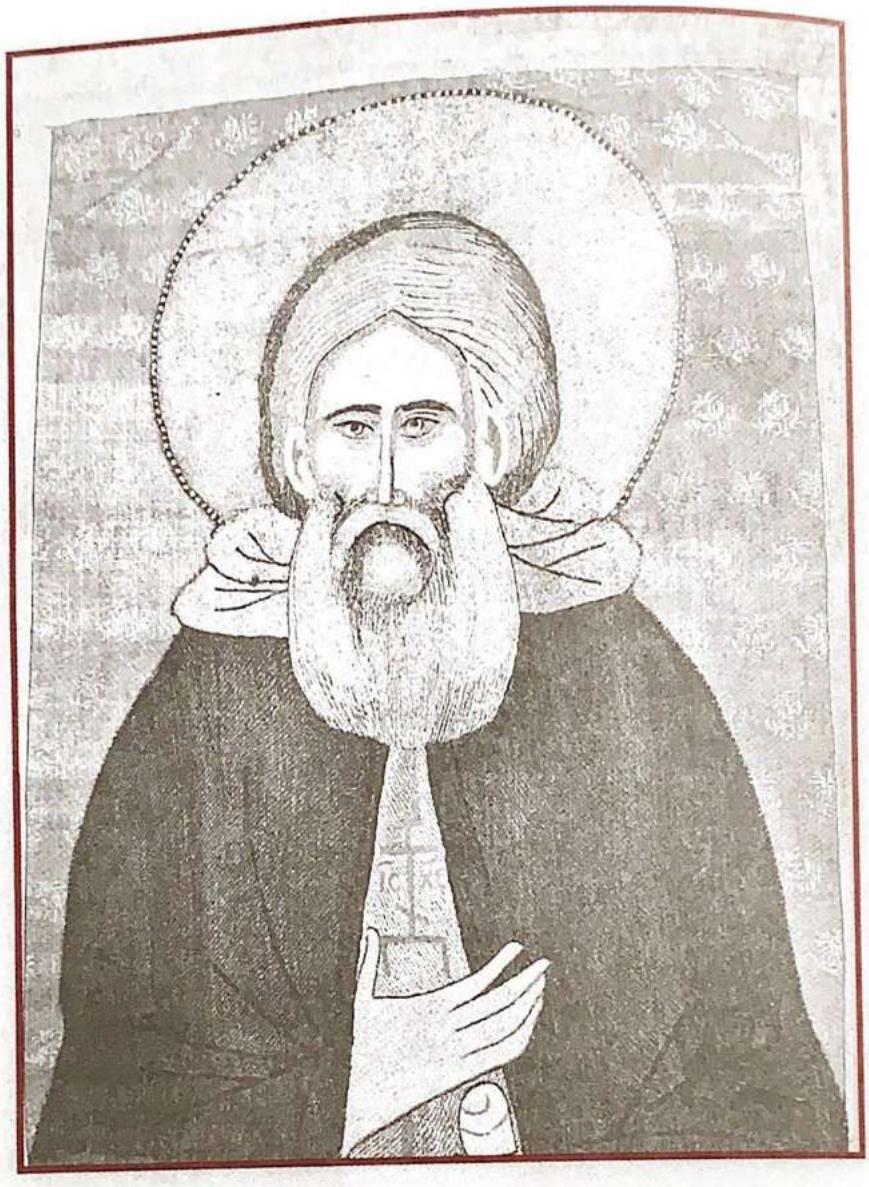
Жил святой долгие годы в совершенном воздержании, труде, и непередаваемые, несказанные чудесные дела совершил, и старости глубокой достиг, никогда от Божественного пения или

службы не уклоняясь. И чем больше старел он, тем больше укреплялся и возвышался, в усердии Божественных подвигов мужественно и с любовью упражняясь, и никак его старость не побеждала. Но ноги его костенели день ото дня, как будто по ступеням приближались к Богу. Предвидел он за шесть месяцев свою кончину и, призвав братию, вручил игуменство своему самому любимому ученику, в добродетелях совершенному и во всём без исключения следующему своему учителю, и хотя возрастом он был молод, — ум его был весьма сединами убелён; впоследствии он чудесами прославился, о которых следующая повесть расскажет, — по имени Никон. Сергий повелел ему пасти стадо Христово внимательно и праведно, ибо ответ ему придётся держать не за себя, но за многих. И с тех пор Сергий, этот великий подвижник в вере благочестивейший, недремлющий хранитель, непересыхающий источник, славный именем, безмолвствовать начал.

И в сентябре месяце недугом телесным был поражён и, видя, что он уже к Богу отходит, чтобы природе отдать долг, дух же любимому Иисусу предать, он призывает священное братство и новособранное стадо. И беседу повёл подобающую, и полезным вещам учил, неуклонно в православии оставаться веля, и завещал единомыслие друг с другом хранить, иметь чистоту душевную и телесную и любовь нелицемерную, от злых и скверных похотей остерегаться, пищу и напитки вкушать трезвенные, а особенно смирением украшать себя, страннолюбия[1] не забывать, от противоречия уклоняться и ни во что ставить честь и славу жизни этой, но вместо этого от Бога воздаяния ожидать, небесных вечных благ наслаждения. И другому многому Сергий поучал, говоря: «Поскольку Бог зовёт меня, я ухожу от вас, а вас передаю всемогущему Господу и его Пречистой Богоматери, чтобы она была для вас прибежищем и стеной от сетей вражеских и козней их». И перед самой смертью, когда должна была душа его с телом разлучиться, он тела и крови Владыки причастился, а ученики руками своими его немощные члены поддерживали. Он простёр к небу руки и, молитву совершив, чистую свою и священную душу с молитвой Господу предал, в год 6900 (1392) месяца сентября в 25-й день; жил же преподобный семьдесят восемь лет.

---

[1] *Страннолю́бие* — гостеприимное отношение к странствующим.

Преподобный Сергий Радонежский.
Фрагмент покрова со святых мощей. 1420-е гг.

Распространилось тогда благоухание великое и неизречённое от тела святого. А братия вся собралась и в плаче и рыдании сокрушалась; и в гроб честное и трудолюбивое тело положили честно, они псалмами и надгробным пением его провожали. Ученики проливали слёз ручьи, кормчего лишившись, с учителем разъединённые; с отцом разлуки не вынося, плакали они и, если бы могли, умерли бы тогда с ним. Лицо же святого было светлым, как снег, показывая этим душевную его чистоту и от Бога воздаяние за труды его. Похоронили честное его тело в

обители, которая им была создана. Сколько после смерти и после кончины Сергия чудесных дел произошло и происходит: расслабленных членов укрепление, от лукавых духов людям освобождение, слепых прозрение, горбатых выпрямление — только от приближения к его раке[1]. Хотя и не хотел святой, как и при жизни, после смерти славы, но крепкая сила Божья его прославила. После кончины перед ним летели ангелы к небесам, двери открывая ему райские и в вожделенное блаженство вводя, в покой праведных, в свет ангельский; и увидел святой то, о чём мечтал, и Всесвятой Троицы озарение получил, как подобает постнику, иноков украшению.

Таково было житие отца, таковые дарования, таковые чудес его проявления, — причём не только при жизни, но и после смерти, — о которых нельзя написать, потому что чудеса его до сих пор все видят.

Покажи мне в древности прославившихся, сравним с ним тех, кто известен добродетельной жизнью и мудростью, и увидим, что поистине святой ничем не хуже был тех ветхозаветных божественных мужей, как великий Моисей[2] и после него Иисус, он вожделен был и пастырем людям многим, и поистине незлобивость Иакова[3] имел и страннолюбие Авраама[4], законодатель новый, и наследник Небесного Царства, и истинный правитель стада своего. Разумен был Великий Савва, общежительства создатель, но не обладал ли Сергий, как он, добрым разумом, так что многие монастыри общежительные создал? Не обладал ли и он чудотворным дарованием, как до него прославившиеся, так что весьма Бог его прославил и сделал знаменитым по всей земле? Мы восхваляем не того, кто в похвале нуждается, но того, кто за нас молится, кто во всём предавшему себя на мучения Христу подражал. Но не будем удлинять рассказ. Ведь кто сможет по достоинству святого прославить?

---

[1] *Ра́ка* — гробница с мощами святого угодника. Фрагмент покрова со святых мощей преподобного Сергия Радонежского вы можете увидеть на с. 42.

[2] *Моисе́й* — пророк, предводитель израильских племён, спасший их из египетского рабства.

[3] *Ива́ков* — третий из высших библейских патриархов, внук Авраама.

[4] *Авраа́м* — согласно Библии, первый из патриархов, родоначальник евреев.

Собор в честь Святой Троицы Свято-Троицкой Сергиевой лавры, где покоятся мощи преподобного Сергия Радонежского.
Современная фотография

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА «ЖИТИЯ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО»

«Житие Сергия Радонежского» было написано Епифанием Премудрым в 1417—1418 годах. Сергий Радонежский играл значительную роль в политической и церковной жизни Руси второй половины XIV века и сумел своими благочестивыми делами сыскать себе высочайший нравственный авторитет. Мудрый и добродетельный Сергий принимал активное участие в разрешении политических проблем Отечества. В частности, он всецело поддерживал объединительные усилия Москвы для возвеличивания и укрепления Русского государства. Особое значение имело благословение Дмитрия Донского накануне Куликовской битвы.

Признавая Сергия «угодником Божьим», Епифаний Премудрый тем самым возвеличивал личность и политические взгляды Сергия Радонежского, которые в тот период междоусобных распрей на Руси разделялись далеко не всеми.

Основой «Жития...» являются чудесные события, происходившие в жизни Сергия с самого раннего детства, а если вчитаться, то и до рождения младенца, который, находясь ещё в утробе матери, издал троекратный глас во время богослужения в церкви.

Епифаний Премудрый стремился, по мнению крупного исследователя литературы Древней Руси Н.К. Гудзия, к «возможно большей фактичности и документальности изложения», но в тексте «Жития...» есть и лиризм, и человеческая теплота, и яркие, неожиданные для литературы подобного рода в Средние века образно-выразительные средства. Постижение художественных достоинств текста позволяет нам испытать чувство гордости за литературу Древней Руси, убедиться в таланте древнерусских авторов.

1. Каким вы представляете себе автора «Жития Сергия Радонежского»? Почему Епифаний был назван Премудрым?

2. Объясните, почему Епифаний Премудрый решил написать «Житие Сергия Радонежского».

3. «Житие Сергия Радонежского», как и вообще жития в литературе Древней Руси, проповедует добро, милосердие, сострадание. Продолжите начатый ряд, выписывая из данных в учебнике глав слова и словосочетания, по смыслу связанные с темой любви, добра: *добродетельный...*

4. В употреблении эпитетов Епифаний Премудрый очень сдержан. Чаще других он использует эпитет «великий». К кому и к чему он относится?

«Житие Сергия Радонежского» — это повесть о выборе человеком пути. «Путь» — слово многозначное: это полоса земли, служащая для езды и ходьбы, дорога; это место для прохода, проезда; это путешествие, поездка, передвижение; путь — это направление, маршрут; наконец, это польза, прок, толк. Так определил значение слова «путь» В.И. Даль.

5*[1]. Сформулируйте тезис о том, в чём вы видите различие для человека пути географического и духовного. О каком пути — духовном или географическом — идёт речь в отрывках *а*, *б*, *в*?

а) «И ты, младенец, наречёшься пророком Всевышнего, ибо предыдешь пред лицом Господа — приготовить пути Ему, дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их, по благоутробному ми-

[1] Здесь и далее знаком * отмечены задания повышенной сложности.

лосердию Бога нашего, которым посетил нас Восток свыше, просветишь сидящих во тьме и тени смертной направить ноги наши на путь мира» (Евангелие от Луки);

б) «Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его, и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе: ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его. Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью и пошёл в Египет» (Евангелие от Матфея);

в) «Затем утром на следующий день призывал он к себе провинившихся; но и здесь не сразу запрещал им беседы, и с яростью не обличал их, и не наказывал их, но издалека, тихо и кротко, как будто притчи рассказывая, говорил с ними, желая узнать их прилежание и усердие к Богу. И если был брат покорным, и смиренным, и горячим в вере и в любви к Богу, то вскоре, поняв свою вину, со смирением он падал и склонялся перед Сергием, умоляя простить его. Если же был брат непокорным, с сердцем, исполненным помрачением бесовским, и стоял, думая, что не о нём говорит святой, чистым себя почитая, пока преподобный терпеливо обличал его, как сказано: „Пусть накажет меня праведник и милостью своею пусть обличит меня", — то на такого непокорного брата игумен епитимию накладывал, потому что не понял своей вины и не осознал своих грехов; и так провинившегося, на путь исправления наставив, он отпускал» («Житие Сергия Радонежского»).

6. Какими эпитетами характеризуется победа на Куликовом поле?

7. Выпишите слова и словосочетания, в которых проявляется отношение автора к врагам Руси.

8. В каком значении во фразе «крестоносная хоругвь долго гнала врагов, множество бесчисленное их убивая» употреблено слово «хоругвь»[1]?

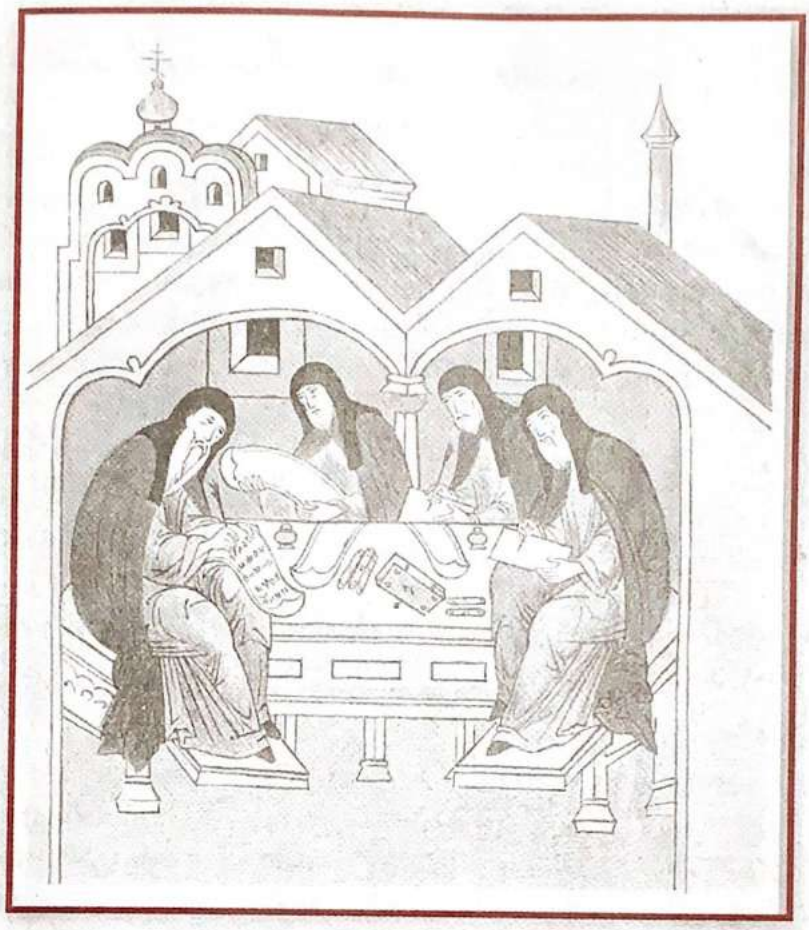
9. Расскажите подробно, как в «Житии...» передана скорбь по поводу кончины святого Сергия Радонежского.

10. Вы уже обращали внимание на то, что житие обычно заканчивается описанием чуда. Какие чудеса происходили после смерти святого Сергия?

Епифаний Премудрый достаточно редко прибегает в «Житии...» к иносказанию, другим особым средствам выразительности художественной речи: автору нужно подчеркнуть прежде всего свою объективность. Однако имеющиеся средства художествен-

---

[1] *Хору́гвь* — 1) войсковое знамя; 2) принадлежность церковных шествий — укреплённое на длинном древке большое полотнище с изображением святых.

Епифаний Премудрый (на миниатюре слева) с учениками пишет житие преподобного Сергия Радонежского.
Миниатюра из Лицевого жития преподобного. Список XVI в.

ной выразительности свидетельствуют о высоком мастерстве автора «Жития...», его умении владеть литературным словом.

11. Прочитайте данный фрагмент и на его основании подтвердите сформулированный тезис. Приведите другие примеры художественной речи из «Жития Сергия Радонежского».

«И было чудесное зрелище и удивительная победа; те, кто прежде блистал оружием, тогда все были окровавлены кровью иноплеменников, и все трофеи победные носили. И тут сбылось пророческое слово: „Один преследовал тысячу, а двое — тьму"».

12*. Вспомните, что такое древнерусская миниатюра. Рассмотрите миниатюру из Лицевого жития преподобного Сергия Радонежского (цветная вклейка). Из скольких частей состоит миниатюра? Какие эпизоды из жизни святого она иллюстрирует? Подумайте, есть ли общие черты у древнерусской миниатюры и иконы.

■ Прочитайте фрагмент из книги Б.К. Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский». Сопоставьте этот фрагмент с соответствующей главой «Жития...», написанного Епифанием Премудрым. Что объединяет эти тексты и в чём своеобразие каждого произведения? (Свои наблюдения вы можете представить в виде таблицы.)

Как вы думаете, для чего писатель XX века обращается к образу Сергия Радонежского и его жизнеописанию?

Рассмотрите репродукцию картины М.В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею» (цветная вклейка). Как вы думаете, почему именно этот эпизод из жизни святого выбрал художник?

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

...Особенный оттенок, отличающий его, лежит на ребёнке с самого раннего детства.

Семи лет Варфоломея отдали учиться грамоте, в церковную школу, вместе с братом Стефаном. Стефан учился хорошо. Варфоломею же наука не давалась. Как и позже Сергий, маленький Варфоломей очень упорен и старается, но нет успеха. Он огорчён. Учитель иногда его наказывает. Товарищи смеются, и родители усовещивают. Варфоломей плачет одиноко, но вперёд не двигается.

И вот деревенская картинка, так близка и так понятна через шестьсот лет! Забрели куда-то жеребята и пропали. Отец послал Варфоломея их разыскивать. Наверно, мальчик уж не раз бродил так, по полям, в лесу, быть может, у прибрежья озера ростовского и кликал их, похлопывал бичом, волочил недоуздки[1]. При всей любви Варфоломея к одиночеству, природе и при всей его мечтательности он, конечно, добросовестнейше исполнял всякое дело — этою чертой отмечена вся его жизнь.

Теперь он — очень удручённый неудачами — нашёл не то, чего искал. Под дубом встретил «старца-черноризца, саном пресвитера». Очевидно, старец его понял.

— Что тебе надо, мальчик?

Варфоломей сквозь слёзы рассказал об огорчениях своих и просил молиться, чтобы Бог помог ему одолеть грамоту.

[1] *Недоу́здок* — уздечка для содержания лошади на привязи.

Видение отроку Варфоломею.
Художник М.В. Нестеров. 1889—1890 гг.

И под тем же дубом стал старец на молитву. Рядом с ним Варфоломей — через плечо недоуздки. Окончив, незнакомец вынул из-за пазухи ковчежец[1], взял частицу просфоры, благословил ею Варфоломея и велел съесть.

— Это даётся тебе в знак благодати и для разумения Священного Писания. Отныне овладеешь грамотою лучше братьев и товарищей.

О чём они беседовали дальше, мы не знаем. Но Варфоломей пригласил старца домой. Родители приняли его хорошо, как и обычно странников. Старец позвал мальчика в моленную и велел читать псалмы. Ребёнок отговаривался неумением. Но посетитель сам дал книгу, повторивши приказание.

Тогда Варфоломей начал читать, и все были поражены, как он читает хорошо.

А гостя накормили, за обедом рассказали и о знамениях над сыном. Старец снова подтвердил, что теперь Варфоломей хорошо станет понимать Священное Писание и одолеет чтение. Затем прибавил: «Отрок будет некогда обителью Пресвятой Троицы; он многих приведёт за собой к уразумению Божественных заповедей».

С этого времени Варфоломей двинулся, читал уже любую книгу без запинки, и Епифаний утверждает — даже обогнал товарищей.

1924

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

О светло светлая и красно украшенная земля Русская!

Многими красотами ты нас дивишь: дивишь озёрами многими, реками и источниками месточтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полянами чу́дными, зверьми различными и птицами бесчисленными, городами великими, сёлами чу́дными, садами монастырскими, храмами церковными и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими! Всего ты исполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!

---

[1] *Ковче́жец* — небольшой ларец для хранения религиозных реликвий.

Отсюда до угор, до ляхов и чехов; от чехов до ятвягов, от ятвягов до литвы и до немцев; от немцев до корелы; от корелы до Устюга, где обитают тойминцы поганые, и за Дышучим морем[1]; от моря до болгар; от болгар до буртас; от буртас до черемис; от черемис до мордвы — всё то покорил Бог народу христианскому, все страны — великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю Киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы детей своих пугали в колыбели, а литва из болота на свет не показывалась, а угры каменные города крепили железными воротами, чтобы на них великий Володимир не наехал. А немцы радовались, далеко будучи за синим морем; буртасы, черемисы, вяда и мордва бортничали[2] на князя великого Володимира, и сам Мануил Царегорский, страх имея, дары великие посылал к нему, чтоб великий князь Владимир Царя города у него не взял. А теперь беда приключилась христианам, от великого Ярослава и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя Владимирского.

Перевод И.П. Ерёмина

Вопросы и задания

1. Какой предстаёт Русь в описании автора до «погибели», беды, пришедшей на её земли?

2*. Выпишите названия всех народов, которые упоминаются в «Слове...». Воспользуйтесь справочной литературой. Запишите краткие сведения о каждом народе.

3. Что более всего, по мнению автора «Слова...», свидетельствует о силе и величии Владимира Мономаха?

4*. Как вы думаете, о какой беде, «приключившейся христианам», идёт речь, если помнить, что «Слово...» представляет начало неизвестной нам поэмы XIII века?

5. Известный русский критик, писатель и историк Н.А. Полевой ещё свыше ста лет тому назад определил «Слово...» как «явную поэму, только в прозе». Какими художественно-поэтическими средствами пользовался автор? Чем образный мир «Слова...» отличается от образного мира произведений фольклора?

6. Выучите наизусть фрагмент «Слова...».

---

[1] *Дышу́чее море* — Белое море и Ледовитый океан.

[2] *Бо́ртничать* — здесь: 1) платить дань мёдом; 2) заниматься пчеловодством.

ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО
(*В СОКРАЩЕНИИ*)

О Господе нашем Иисусе Христе, сыне Божьем, я, ничтожный, грешный и неразумный, начинаю описывать жизнь князя Александра Ярославича, внука Всеволода. Слышал я о нём от отцов своих и сам был свидетелем деяний его, а потому рад был поведать о его праведной и славной жизни, — но, как сказал Приточник[1]: «В лукавую душу не входит премудрость», ибо «становится она на высоких местах, стоит посреди дорог, сидит у ворот мужей сильных». Хотя и прост я умом, но молитвой святой госпожи Богородицы и помощью святого князя Александра начну так.

Родился князь Александр по Божьей воле от отца — благочестивого, кроткого и милостивого великого князя Ярослава, от матери — благочестивой Феодосии, — как сказал Исайя-пророк: «Говорит Господь: „Я ставлю князей, я возвожу их на престол"». И воистину так: не княжил бы он без повеленья Божия. Рост его был выше других людей, голос его — как труба в народе, лицо его — как у Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царём в Египте, сила же его была частью силы Самсона. И дал ему Бог премудрость Соломонову, а храбрость царя римского Веспасиана, который пленил всю Иудейскую землю; некогда, во время осады города Атапаты[2], вышедшие из города жители победили полк его, и остался Веспасиан один, и прогнал войско их к городским воротам, и насмеялся над дружиной своей, и укорил её, говоря: «Оставили вы меня одного». Так и князь Александр, — везде побеждая, был непобедим. И вот пришёл некто знатный от западной страны[3], от тех, что зовут себя «слугами

---

[1] *Прито́чник* — имеется в виду царь Израильско-Иудейского государства Соломон (ум. ок. 928 г. до н. э.). Он продолжил строительство храма в Иерусалиме, которое началось при его отце, Давиде.

[2] *...Во время осады города Атапаты...* — речь идёт об эпизоде Иудейской войны (66—73 гг.) — об осаде города Иотапаты римским полководцем, а позднее императором Веспасианом.

[3] *И вот пришёл некто знатный от западной страны...* — имеется в виду магистр ордена рыцарей-крестоносцев Андрей фон Фельвен.

Святой благоверный великий князь Александр Невский.
Миниатюра «Титулярника». 1672 г.

Божьими»[1], желая повидать дивную силу его, как в древности царица Южская приходила к Соломону, желая наслушаться премудрости его. Так и этот, по имени Андреяш, повидав князя Александра, возвратился к своим и сказал: «Прошёл я много стран и городов, но не видал нигде такого ни во царях царя, ни во князьях князя».

И слышал это король от страны полуночной[2] о таком мужестве князя Александра Ярославича и подумал: «Пойду завоюю землю Александрову». И собрал он войско большое, заполнил многие корабли полками своими и пошёл в силе великой, зло-

[1] *Слуги Божьи* — так называли себя рыцари-крестоносцы.

[2] *И слышал это король от страны полуночной...* — имеется в виду шведский король Эрих (Эрик, Эриксон), по прозванию Лепсе (Картавый).

пыхая духом ратным. И когда дошёл до реки Невы, шатаясь от безумия, послал он послов к князю Александру в Новгород Великий и сказал, гордясь: «Уже я здесь, хочу попленить землю твою, — если можешь, обороняйся».

Князь же Александр, когда услышал слова эти, распалился сердцем, вошёл в церковь Святой Софии, пал на колено пред алтарём и стал молиться со слезами Богу: «Боже прехвальный и праведный, Боже крепкий и великий, Боже вечный, сотворивший небо и землю, поставивший пределы народам и приказавший им жить, не преступая чужой земли!» И вспомнил песнь псаломскую и сказал: «Суди, Господи, и рассуди распрю мою с обидящими меня, побори борющихся со мною; возьми оружие и щит и восстань на помощь мне». И, окончив молитву, встал и поклонился архиепископу, архиепископ же Спиридон благословил его и отпустил. Он же пошёл из церкви, утирая слёзы. И начал он крепить дружину свою и сказал: «Не в силе Бог, но в правде. Помянем песнопевца Давида: „Эти — оружием, иные — конями, мы же именем Господа Бога нашего хвалимся; поверженные, они пали, мы же восстали и стоим прямо"». И, сказав это, пошёл на врагов с небольшой дружиной, не дожидаясь, когда соберётся вся его сила, уповая на Святую Троицу.

...И встретился он с врагами в воскресенье... И крепко верил он в помощь святых мучеников Бориса и Глеба. Был там некий муж, старейшина земли Ижорской[1], по имени Пелгуй; ему был поручен дозор утренний морской. Был он крещён и жил среди рода своего, остававшегося в язычестве; при крещении дано было ему имя Филипп. И жил он богоугодно, в среду и пятницу соблюдая пост. И сподобил его Бог увидеть видение необычайное. Какое — кратко расскажем.

Увидел он вражеское войско, идущее против князя Александра, и решил рассказать князю о станах их и укреплениях. Всю ночь не спал он, стоял на берегу моря и следил за путями. Когда стало светать, услышал он шум страшный на море и увидел судно, плывущее по морю, а посреди судна — Бориса и Глеба в одеждах червлёных[2], державших руки на плече друг у друга. А гребцы сидели, словно мглою одеты. И сказал Борис: «Брат

---

[1] *Земля Ижорская* — область по берегам Невы и побережью Финского залива.

[2] *Червлёный* — багряный, тёмно-красный.

Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему, князю Александру». Видя это видение и слыша беседу эту святых мучеников, стоял Пелгуй в трепете, пока не скрылось судно от глаз их.

Когда вскоре пришёл князь Александр, Пелгуй с радостью встретил его и ему одному поведал о видении. Князь же ему сказал: «Никому не рассказывай об этом». И решил он напасть на врагов в шестом часу дня. И была крепкая сеча с римлянами[1]; побил он бесчисленное множество врагов и самого короля[2] ранил в лицо острым своим копьём.

Здесь же в полку Александровом явились шесть мужей храбрых и сильных, которые бились вместе с ним крепко. Один — Гаврило, по прозвищу Алексич; увидев короля, которого тащили под руки, напал он на судно, въехал по доске до самого корабля, и побежали все от него, затем оборотились и с доски, по которой всходили на корабль, сбросили его с конём в море; он же с помощью Божьей выбрался из моря невредим и снова напал на них и бился крепко с самим воеводою среди полков их. Другой же — новгородец, по имени Збыслав Якунович; этот не раз нападал на врагов, не имея страха в сердце своём и сражаясь одним топорком, и многие пали от его топорка; дивился князь Александр Ярославич силе его и храбрости. Третий — Яков, родом полочанин[3], был он ловчим у князя; этот напал на полк вражеский с мечом и мужественно бился, и похвалил его за это князь. Четвёртый же — новгородец, по имени Миша; был он пеш и с дружиною своею потопил три корабля римлян. Пятый — из младшей дружины князя, именем Савва; этот наехал на большой шатёр королевский златоверхий и подрубил столп шатёрный; полки же Александровы очень радовались, когда увидели, как развалился этот шатёр. Шестой же — из слуг князя, по имени Ратмир; пешего окружили его враги, и от многих ран пал он и скончался. Обо всём этом слышал я от господина моего князя Александра и от других, кто в сече той участвовал...

Князь Александр возвратился с победою, хваля и славя Творца. На второй же год после этой победы князя Александра опять

---

[1] *Римляне* — здесь: католики.

[2] *...Побил он... и самого короля...* — речь идёт о Ярле Биргере, главнокомандующем шведскими войсками.

[3] *Полоча́нин* — житель города Полоцка.

Александр Невский. *Гравюра В.А. Фаворского из серии «Великие русские полководцы»*. 1946 г.

пришли те же[1] из западной страны и построили город в земле Александровой[2]. Великий князь Александр немедля пошёл на них, город срыл до основания, одних избил, других с собою привёл, а иных помиловал и отпустил, ибо милостив был без меры.

После победы Александра, когда победил он короля, на третий год зимой пошёл он на землю Немецкую с большим вой-

---

[1] *...После этой победы князя Александра опять пришли те же...* — речь идёт о рыцарях-крестоносцах.

[2] *...Построили город в земле Александровой* — имеется в виду Копорье, недалеко от Финского залива.

ском — да не хвалятся они: «Посрамим народ славянский». Ведь уже взяли они город Псков и тиунов[1] своих там понасажали. Псков освободил от пленения, а землю их повоевал и пожёг, много, без числа, взял пленных, а других порубил. Собрались тогда немцы и, похваляясь, сказали: «Пойдём победим князя Александра, поймаем его руками».

Когда стали они приближаться, стражи Александра проведали это. Князь Александр собрал войско и пошёл навстречу врагам. И встретились они на Чудском озере — многое множество. Отец же его Ярослав послал ему в помощь брата его меньшего, князя Андрея, с большой дружиной. Много было и у князя Александра храбрых мужей, как в древности у царя Давида; крепкие и сильные, как у Давида-царя, мужи Александровы преисполнились духа ратного: сердца их были как сердца львов, и сказали они: «О княже наш славный, дорогой, время настало нам головы свои сложить за тебя». Князь же Александр, воздев руки к небу, сказал: «Суди, Господи, и рассуди распрю мою, от народа велеречивого избави меня, помоги мне, Господи, как помог ты в старые годы Моисею на Амалика[2] и прадеду моему Ярославу на окаянного Святополка». Была тогда суббота. Когда взошло солнце, полки сошлись[3]. И затрещали копья, и звон мечей раздался, и была сеча столь злая, что лёд на озере задвигался: льда не было видать, весь покрылся он кровью, и это слышал я от очевидца: «Видели мы на небе полк Божий, пришедший на помощь князю Александру». И победил Александр врагов помощью Божьей, и обратились они в бегство. Так гнали и рубили врагов полки Александровы, словно неслись они по воздуху и некуда было тем бежать...

И прославлено было имя Александра во всех странах — до моря Понтийского[4] и до гор Араратских, по обе стороны моря Варяжского[5] и до Рима.

---

[1] *Тиу́ны* — судьи; здесь: некоторые бояре — сторонники немцев во Пскове.

[2] *Ама́лик* — вождь амаликян, древнего племени, занимавшего территорию между Палестиной и Египтом, враждовавшего с иудеями.

[3] *Когда взошло солнце, полки сошлись* — битва на Чудском озере (Ледовое побоище) произошла 5 апреля 1242 г.

[4] *Понти́йское море* — Чёрное море.

[5] *Варя́жское море* — Балтийское море.

Ледовое побоище — битва на Чудском озере.
«Житие Александра Невского».
Страница Лицевого летописного свода. Вторая половина XVI в.

...В это же время объявился в стране восточной некий царь[1] сильный, и покорил ему Бог многие народы от востока до запада. Прослышав про Александра, славного и храброго, послал тот царь к нему послов и приказал сказать: «Алек-

[1] *...В стране восточной некий царь...* — имеется в виду хан Батый.

сандр, разве не знаешь, что Бог покорил мне многие народы! Ты ли один не хочешь покориться силе моей? Если хочешь уберечь землю свою, немедля приходи ко мне и увидишь славу царства моего». Князь же Александр после смерти отца своего пришёл во Владимир с большим войском, и был грозен приезд его. Прошла весть об этом до устья Волги, и стали моавитянки[1] пугать детей своих: «Александр едет!» Посоветовался князь с дружиной, благословил его епископ Кирилл, и поехал он к тому царю. Посмотрел на него царь Батый, подивился и сказал вельможам своим: «Правду мне говорили, нет князя подобного ему в отечестве его». И отпустил его с великой честью...

Благословил Бог дни великого князя Александра Ярославича, ибо любил он иереев и монахов, митрополита же почитал, как самого Творца. Было тогда насилие великое от поганых язычников: сгоняли они христиан, приказывая ходить с ними в походы. Великий же князь Александр пошёл к царю[2], чтобы отмолить людей от беды, а брата своего меньшого Ярослава и своего сына Дмитрия послал с новгородцами в западные страны и все полки отпустил с ними. Пошёл же Ярослав с племянником своим и большим войском, и взял город Юрьев Немецкий[3], и вернулся назад с множеством пленников и с великою честью. Князь же Александр, возвращаясь от иноплеменников, остановился в Новгороде Нижнем и пробыл здесь несколько дней, а когда дошёл до Городка — разболелся.

О горе тебе, бедный человек! Как можешь описать ты кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как не разорвётся сердце от горькой печали! Отца человек может забыть, а доброго господина забыть не может: хотел бы живым вместе с ним в гроб лечь. Великий же князь Александр, ревнуя по Господе крепко, оставил царство земное и, желая добра небесного, принял ангельский образ[4], а потом сподобил его Бог воспринять и высший чин — схиму. И так с миром

---

[1] *Моавитя́не* — здесь: монголо-татары, враждебные Руси.

[2] *...Александр пошёл к царю...* — речь идёт о поездке Александра Невского в Золотую Орду в 1262 г.

[3] *Юрьев (Дерпт)* — теперь город Тарту, Эстония.

[4] *...Принял ангельский образ...* — совершил обряд пострижения в монахи.

Святой благоверный великий князь Александр Невский.
Покров на раку со святыми мощами. 1670—1680-е гг.

предал Господу дух свой, скончался месяца ноября в 14-й день, на память святого апостола Филиппа[1].

Сказал тогда митрополит Кирилл людям: «Дети мои, разумейте, — закатилось солнце земли Суздальской». Игумены же, и священники, и дьяконы, черноризцы, богатые и нищие, весь

[1] *...На память святого апостола Филиппа...* — 14 ноября 1263 г.

народ тогда громко воскричали: «Уже погибаем!» Святое же тело его понесли ко Владимиру. Митрополит со всем чином церковным, князья, и бояре, и весь народ от мала до велика встретили тело в Боголюбове со свечами, кадилами. Народ теснился, желая приступить ко гробу его. Был плач великий, и крик, и стон такой, какого ещё никогда не было, — от крика и стона этого земля дрогнула. Случилось тогда дивное чудо, достойное памяти. По окончании службы над телом князя подошли ко гробу Кирилл-митрополит и его эконом Севастьян и хотели разогнуть руку князя, чтобы вложить в неё прощальную грамоту. Князь же, как живой, сам протянул руку и принял грамоту из руки митрополита. Страх и ужас напали тогда на всех. И положили честное тело его в церкви Рождества Богородицы месяца ноября в 23-й день, на память святого епископа Амфилохия, со псалмами и песнопениями, славя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

1263—1280

В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ «ЖИТИЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО»

Жития относятся к агиографической литературе.

Агиография (от *гр.* hagios — *святой*) — вид церковной литературы — жизнеописания святых (жития святых).

Князь Александр был канонизирован, и, как большинству святых, ему посвящено агиографическое сочинение. Однако оно необычно: это одно из первых произведений литературы Древней Руси, повествующее о военных подвигах великого полководца.

«Житие Александра Невского» начинается со слов, в которых его автор называет себя «ничтожным, грешным и неразумным». Этому не следует удивляться: такова была традиция в литературе Древней Руси. Автор осознавал себя несовершенным орудием Божественной воли и словно бы дистанцировался от своего героя, в честь и славу которого он писал его жизнеописание. Вместе с тем создатель «Жития...» был лично знаком с князем Александром.

1. Найдите в тексте и прочитайте слова, подтверждающие данный тезис.

2. По каким деталям можно судить о том, что автор «Жития...» был образованным и глубоко верующим человеком?

Изображению врагов Руси автор не уделяет слишком много внимания и для их характеристик не использует богатых образных средств. Их описание кратко, но весьма точно и исторически, и художественно.

3. Составьте словарь слов и словосочетаний, в которых даётся характеристика враждебных для Руси сил. Откуда, по утверждению создателя «Жития...», исходила угроза для Отечества?

Центральной фигурой «Жития...» является князь Александр. Он показан и как христианин, и как князь, и как полководец.

4. Составьте цитатный план к теме «Личность Александра Невского в „Житии..."».

5. Какие изобразительные средства присутствуют в описании сражений со шведами и немцами? Назовите их.

В «Житии...» есть вставной эпизод — рассказ Пелгуя о видении. Имеются и другие сцены, свидетельствующие о том, что Творец способствует победам князя Александра.

6. Подробно перескажите эти эпизоды. Почему Спаситель, святые Борис и Глеб помогают великому князю Александру?

7. В повествовании довольно чётко проводится мысль о том, что победы князя Александра были следствием героизма его дружинников, часто простых русских людей. Разверните этот тезис, подтверждая его примерами из текста.

Описание чуда — традиция в агиографической литературе. Чудо, как правило, происходит при большом стечении людей.

8. О каком чуде повествуется в «Житии Александра Невского»?

9. Какими словами передана скорбь людей по поводу смерти Александра Невского?

Исследовательский проект

Сопоставьте «Житие Александра Невского» и «Житие Сергия Радонежского». Определите общность и различие этих двух текстов.

ТЕМЫ ДЛЯ РЕФЕРАТОВ, СООБЩЕНИЙ, СОЧИНЕНИЙ

1. Образ святого Сергия и картина жизни Руси в «Житии Сергия Радонежского».
2. Отношение к памяти Александра Невского в истории России.
3. Образ Александра Невского в русской литературе и кинематографе.

Вопросы и задания

1. К какому историческому времени относятся произведения литературы Древней Руси?
2. Назовите основные жанры древнерусской литературы и определите своеобразие каждого из них.
3. Какие события и какие люди были в центре изображения произведений древнерусской литературы?
4*. Как вы думаете, сохранились ли традиции древнерусской литературы в литературе современной? Если сохранились, то какие и в чём они проявляются? Приведите примеры.

Живое слово

Расскажите о значительном событии, явлении, человеке в стиле одного из жанров древнерусской литературы — жития или сказания.

После уроков

Найдите материал и подготовьте выставку «Русская иконопись XIII—XVII веков». Во время проведения выставки может прозвучать сообщение «Гениальный русский иконописец Андрей Рублёв» и отдельно — «„Троица" Андрея Рублёва». Посмотрите и обсудите фильм А. Тарковского «Андрей Рублёв».
Если у вас есть возможность, посетите Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва (на территории Московского Спасо-Андроникова монастыря); сайт музея: www.rublev-museum.ru.

Из русской литературы XVIII века

XVIII век оказался переломным и для отечественной литературы, и для культуры в целом: именно с него фактически начинается история русского искусства Нового времени. Отечественный классицизм формировался в драматичных исторических обстоятельствах. Страну потрясали послепетровские дворцовые перевороты вплоть до восшествия на престол Екатерины II. Императрица сама «баловалась» сочинительством, покровительствовала искусствам. Но бунт Емельяна Пугачёва грозил ужесточить отношение власти к литературе, к журнальным вольностям, к «лёгким» мыслям писателей; не случайно после знакомства с книгой А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» императрица гневно заявила: «Бунтовщик хуже Пугачёва». Так, в сотрудничестве и в противостоянии с властью развивалась русская литература XVIII столетия, подготавливая золотой век отечественной культуры. И произошёл этот взлёт благодаря творчеству М.В. Ломоносова и А.Д. Кантемира, А.П. Сумарокова и В.К. Тредиаковского, А.Н. Радищева и Д.И. Фонвизина. Особое место в истории отечественной словесности принадлежит крупнейшим писателям XVIII века — Г.Р. Державину и Н.М. Карамзину.

Державин, особенно начинающий, находился ещё во власти традиций классицизма, но их влияние с каждым годом ощущалось в его поэзии всё слабее. С именем Карамзина связано рождение русского сентиментализма, ставшего предвестником расцвета всего русского искусства.

ГАВРИИЛ РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН 1743—1816

Место рождения Г.Р. Державина до сих пор точно не установлено. Известно, что он происходил из мелкопоместных дворян и одно время нёс караульную службу как простой солдат. Оказавшись допущенным в высший свет, куда люди его происхождения попадали крайне редко, утверждал, что происходит якобы от знатного предка — татарского мурзы[1] Багрима.

В автобиографической заметке уже на склоне лет Г.Р. Державин отмечал: «Бывший статс-секретарь при императрице Екатерине Второй, сенатор и Коммерц-коллегии президент, потом при императоре Павле член Верховного совета и государственный казначей, а при императоре Александре министр юстиции, действительный тайный советник и разных орденов кавалер...» Однако в этой заметке он умалчивает о том, что был губернатором и участником подавления восстания Пугачёва, что его часто посылали для проверки злоумышленной деятельности высоких вельможных[2] чиновников в различные уголки России, причём проверял он скрупулёзно, за что вызывал недовольство не только проверяемых, но и императрицы. Находясь достаточно близко ко двору, он не нажил себе, как другие, никакого богатства, зато заслужил честное имя и право разговаривать с царствующими особами исключительно по-державински: с высочайшим уважением и одновременно с крайней независимостью.

Особенно он боготворил Екатерину II. В оде «Фелица» Державин создал портрет такой императрицы, какой могла бы гордиться Россия. Екатерине это льстило, но она, вероятно, не ставила целью достижение совершенства, считая себя и без того

[1] *Мурза́* — титул феодальной знати в татарских государствах в XV в.

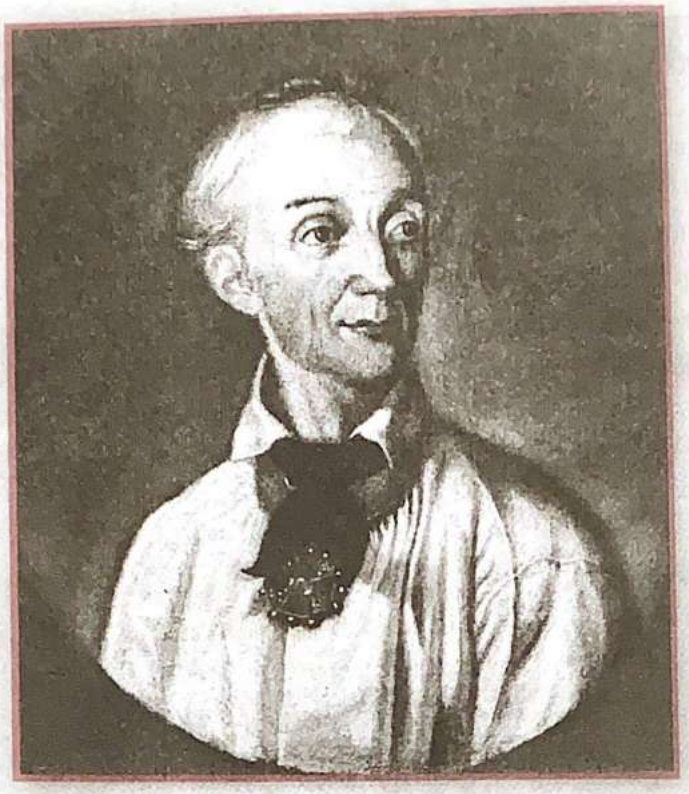
[2] *Вельмо́жа* — знатный и богатый сановник.

совершенством. Вот как через сто лет после смерти Державина напишет об этом исследователь его жизни поэт Владислав Ходасевич:

«...Пел он Екатерину лучшею, нежели она была: всё надеялся, что оригинал захочет походить на портрет. <...> Он шёл на это ради любви, ради живущего в его душе идеала, наконец — ради гордости и упрямства, чтобы не показать себя побеждённым, а веру свою — смешной. Но от него требовали лжи полной, грубой, придворной: чтоб он неизменно видел одно — и всё-таки пел другое. Чтоб он пел богиню, не сводя глаз с императрицы, которая изо дня в день нарочно, упорно показывает ему, что она не богиня и быть богиней не хочет — разве только в его стихах.

Императрица Екатерина II — законодательница.
Скульптор Ф.И. Шубин. Конец XVIII в.

А.В. Суворов. *Неизвестный художник.*
Около 1812 г. с более раннего оригинала

Не получая отставки добром, он постепенно пришёл к тому, что не прочь её добыть, разгневав Екатерину...

Суворов — самый почитаемый Державиным военный деятель России. В стихотворениях поэта образ полководца прочно слит с воинами-россами (стихотворение „На взятие Измаила"), он независим и горд (стихотворение „На пребывание Суворова в Таврическом дворце"), он „храбрый богатырь" (стихотворение „Снигирь"), о нём эпитафия „На смерть Суворова". Но, пожалуй, наиболее яркие, возвышенные слова находит Державин для воссоздания образа Суворова в стихотворении „На победы в Италии":

„...Воспитанный в огнях, во льдах,
Вождь бурь полночного народа,
Девятый вал в морских волнах,
Звезда, прошедша мира тропы,
Который след огня черты,
Меч Павлов, щит царей Европы,
Князь славы!" — Се, Суворов, ты!

24 октября 1794 года Суворов взял Варшаву. Державин по этому случаю написал четверостишие, которое затем развернул в оду, гиперболическую до крайности. <...> Екатерина просмотрела рукопись, ничего не поняла, но, полагая, что всё обстоит как должно и клонится к её славе, велела оду отпечатать, чтобы затем продавать в пользу каких-то вдов. Когда её приближённые объяснили, что стихи Державина — чистое „якобинство[1]", все отпечатанные 3000 экземпляров были „заперты в кабинет", так что и автор не получил ни одного. Екатерина была недовольна. Державин знал обстоятельства дела и мог без труда оправдаться, но оправдываться не стал: досада Екатерины, пусть даже неосновательная, входила в его расчёты».

Державин постоянно пытался бороться с казнокрадством, взяточничеством. Совсем ещё молодой, Державин писал казанскому губернатору Бранту 4 июня 1774 года: «...надлежит искоренить взятки. Говорить о искоренении заразы сей потому я за должное себе поставлю, что разлияние оной наиболее всего, по моим мыслям, способствует злу, терзающему наше отечество».

Будучи назначенным президентом Коммерц-коллегии, Державин так проводил коллегию, что вскоре обнаружил злоупотребления. Екатерина таких не любила и велела передать Державину, чтобы он отныне лишь числился в должности, «ни во что не вмешиваясь»...

То, что не позволялось чиновнику, находило место в творчестве. Рождались стихи, которые не добавляли Державину любви среди льстивых, не о России, а только о себе пекущихся царедворцев.

«Во время многочисленных служебных скитаний, — пишет историк литературы Д.Д. Благой, — Державин имел возможность соприкоснуться с самыми различными областями народной жизни, с самыми разнообразными классами, сословиями и отдельными представителями общества — от рядовых солдат до величайших полководцев своего времени — Румянцева, Суворова, от столичных и провинциальных чиновников всех рангов и степеней до уральских горнорабочих, до закабалённой олонецкой крестьянской бедноты, от Екатерины до Пугачёва. Этот богатейший насыщеннейший жизненный опыт Державина

[1] *Якоби́нство* — здесь: вольнодумство.

Г.Р. Державин. *Художник В.Л. Боровиковский.* 1794—1795 гг.

дал ему возможность с большой широтой охвата отразить в поэтическом творчестве всю свою современность».

Державин был убеждённым сторонником монархии. Но монархии просвещённой, поддерживающей образование и заботящейся о государственной пользе и благе. Поэт думал, что с помощью стихов сможет положительно влиять на монархов. Он говорил им правду, думая, что она будет услышана, и казался многим странным. Но без таких «странных» поэтов и государевых служителей наша история и литература значительно бы обеднели.

Вопросы и задания

1. Расскажите о государственной службе Г.Р. Державина. Почему она не могла быть для него успешной?

2. Какой вы представляете личность Державина?

3. В чём, с вашей точки зрения, были сильные стороны убеждений и характера Державина? В каких жизненных ситуациях они проявлялись наиболее ярко?

4. Какое отношение к Державину сложилось лично у вас?

Возвращаясь к теме

Вспомните стихотворение Г.Р. Державина, прочитанное вами в 7 классе. Как в этом произведении отразилась гражданская позиция поэта?

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов твёрже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полёт его не сокрушит.

Так! — весь я не умру, но часть моя большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастёт моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Чёрных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льёт Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчётных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы[1] возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринуждённою рукой неторопливой
Чело твоё зарёй бессмертия венчай.

1795

[1] *Фели́ца* — имя «Фелица» впервые употребила Екатерина II в «Сказке о царевиче Хлоре», написанной ею для своего внука Александра в 1781 г. Слово «Фелица» образовано от латинского слова «felicitas» — «счастье». Державин в 1783 г. написал оду «Фелица» в честь Екатерины Великой.

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Впервые стихотворение «Памятник» было опубликовано в 1795 году под названием «К Музе. Подражание Горацию».

Используя основную мысль и отчасти форму оды Горация «К Мельпомене», переведённой до него М.В. Ломоносовым, Державин создал самостоятельное произведение, которое в известной степени отзовётся в стихотворении А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Н.Г. Чернышевский впоследствии скажет о Державине: «В своей поэзии что ценил он? Служение на пользу общую...» Гораций, выставляя свои права на бессмертие, говорит: «Я считаю себя достойным славы за то, что хорошо писал стихи», Державин заменяет это другим: «Я считаю себя достойным славы за то, что говорил правду народу и царям».

Державинский «Памятник» состоит из пяти строф. В каждой строфе поэт излагает определённый тезис о своеобразии или значимости своего памятника — поэтического наследия.

1. Определите основной мотив каждой строфы. Запишите ключевые слова, из которых складывается данный мотив.
2. В чём Державин видит основную ценность своего творчества?
3. Как вы понимаете слова Державина о «забавном русском слоге»? Есть ли в его «Памятнике» примеры этого «слога»?

Исследовательский проект

Сопоставьте стихотворения М.В. Ломоносова («Я знак бессмертия себе воздвигнул...») и Г.Р. Державина («Памятник»).

Самостоятельная работа

Познакомьтесь с одой Державина «Вельможа». Как в ней проявилось новаторство Державина? С помощью каких художественных средств создаётся сатирический образ вельможи?

Ода — торжественное, патетическое стихотворное произведение, прославляющее, как правило, крупного государственного деятеля или историческое событие.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ **КАРАМЗИН** **1766—1826**

Николай Михайлович Карамзин родился 1 (12) декабря 1766 года под Симбирском[1] в семье небогатого дворянина. После домашнего обучения воспитывался в частных пансионах[2] Симбирска и Москвы. Плодотворно занимался переводами. Именно с их помощью Карамзин стремился проповедовать в России идеи западноевропейского просветительства[3]. Вскоре он стал успешно заниматься и созданием оригинальных литературных произведений.

Карамзин был тесно связан с наиболее передовыми для своего времени явлениями русской культуры и литературы, прежде всего с деятельностью просветительского центра издателя, журналиста Николая Ивановича Новико́ва. Серьёзной литературной школой было для Карамзина действенное участие в качестве сотрудника, а затем и редактора в журнале «Детское чтение для сердца и разума» (1785—1789). Позже Карамзин создал журналы «Московский журнал» и «Вестник Европы».

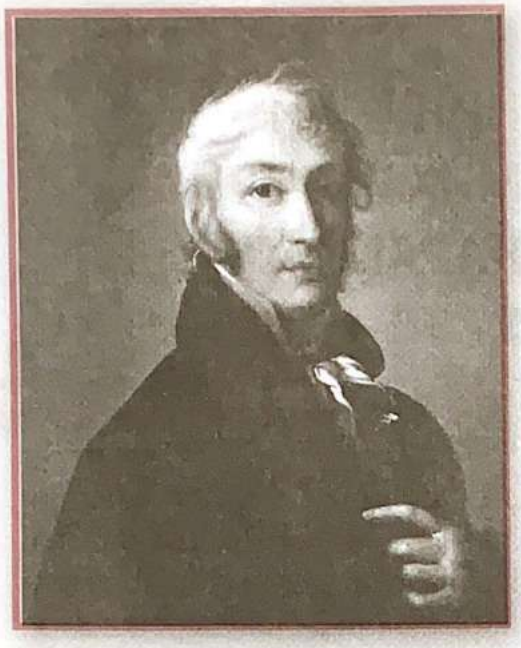
Важным для литературной судьбы Карамзина стало путешествие по странам Западной Европы в 1789—1790 годах. Впечатления от этого посещения отразились в «Письмах русского путешественника». Они стали первым в России опытом обобщения

---

[1] В 1924 г. Симбирск был переименован в Ульяновск.

[2] *Пансио́н* — в дореволюционной России и в Западной Европе — закрытое учебное заведение с общежитием.

[3] *Просвети́тельство* — идейное движение прогрессивной части западноевропейского общества XVII—XVIII вв. В России — движение русской передовой общественной мысли XVIII—XIX вв. В основе движения — идея устранения недостатков общества путём распространения научных знаний.

Н.М. Карамзин. *Художник Д.Б. Дамон-Ортолани.* 1805 г. (слева).

Н.И. Новиков. *Художник Д.Г. Левицкий.* 1797 г.

исторического развития Европы — для критического усвоения его в России. Карамзин был очевидцем французской революции в Париже; изучил начала немецкой философии в Германии, где встречался с Кантом[1], видел наступление промышленной эры в Англии, познакомился в Швейцарии с тогдашними учениями о назначении человека и сделал для России свои выводы. Именно в это время рождается идея создания «Московского журнала» и формулируется позиция будущего издания. Издатель «Московского журнала» был проникнут гуманистическими представлениями о достоинствах человеческой личности; с особым вниманием он относился к «сердцеведению», познанию «внутреннего человека». Карамзин пришёл к выводу, что важнейшим критерием искусства слова является «чувствительность». «Чувствительный» автор, по Карамзину, способен глубоко проникать во «внутреннего человека» и своим изображением страстей «трогать сердце». «Чувствительность» вела к сопереживанию, к «священному союзу всемирного дружества» «всех братьев сочеловеков».

---

[1] *Кант Иммануи́л* (1724—1804) — крупнейший представитель немецкой классической философии эпохи Просвещения.

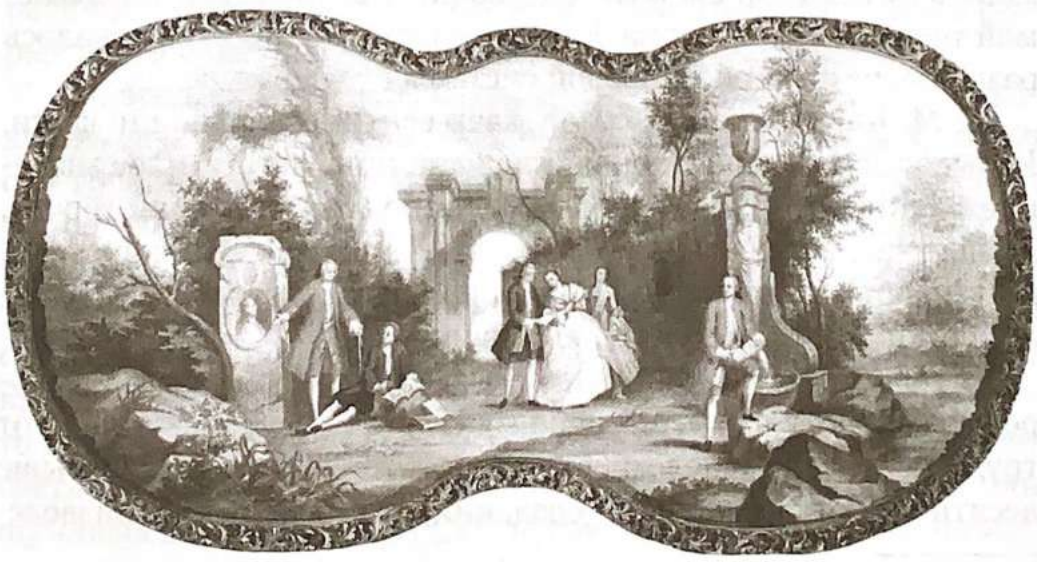
В «Московском журнале» были напечатаны «Письма русского путешественника», «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь» и другие произведения Карамзина.

В «Вестнике Европы» им были опубликованы «Марфа-посадница», «Рыцарь нашего времени», статьи на общественно-политические темы.

По признанию многих, Н.М. Карамзин стал одним из основателей нового течения в отечественной словесности — сентиментализма. Сентиментализм пришёл в Россию из западноевропейской литературы.

Сентиментализм (*фр.* — sentimentalisme; *англ.* — sentimental) — течение в литературе и искусстве второй половины XVIII века, выдвигающее на первый план чувства человека, а не разум. Писатели-сентименталисты (среди них — Л. Стерн, Ж.Ж. Руссо, И.В. Гёте, И.И. Дмитриев, Н.М. Карамзин), в противовес рационализму представителей классицизма, обращались к эмоциональному началу, основное внимание уделяли внутреннему миру простого человека. Излюбленными жанрами сентименталистов стали элегия, послание, эпистолярный роман, путевые заметки, дневники, в которых преобладают исповедальные мотивы.

Причиной возникновения нового явления в искусстве было стремление поставить в центр внимания жизнь и судьбу человека, мир его чувств и переживаний.

Прогулка. *Художник Б.В. Суходольский.* 1754 г.

В произведениях сентиментализма просветительская направленность проявляется во всём: в противопоставлении деревни городу, низших сословий — высшим, «естественного состояния» — цивилизации. Сентименталисты представляли природу как источник силы, справедливости, духовного и физического здоровья. Отсюда — и идеализация крестьян, которые были связаны с природой, с землёй, что и помогало им даже в крепостной зависимости сохранить физические силы и душевную красоту. Высшее же сословие, по мнению сентименталистов, живя в городе, вдали от природы, утратило и то и другое.

Драматическое, порой трагическое в произведениях сентименталистов возникает там, где в мир «естественных», а значит, и разумных, гуманных отношений вторгаются враждебные силы: помещичий произвол, гонения бездушных «законников». Положительные герои в произведениях сентименталистов — носители природной чувствительности, отрицательные — полностью или частично её утратили. Вследствие этого идеальные герои сентиментальной литературы не просто обладают повышенной чувствительностью, но и направляют её в добрую, полезную для окружающих сторону. Они щедры, сострадательны, способны на благородные, самоотверженные поступки. Порочные же герои изображались как люди равнодушные, легкомысленные, сухие, порой даже жестокие.

Сентименталисты, в том числе Карамзин, решительно отказались от жёсткой системы (иерархии[1]) жанров, предписываемой теорией классицизма. Именно с сентиментализма началось разрушение строгой жанровой системы в литературе.

Н.М. Карамзин разработал жанр сентиментальной повести. Роль рассказчика в ней он передал автору. Существенное значение начинают приобретать авторские характеристики героев, лирические рассуждения, пейзажные и портретные зарисовки. Малый объём, в сравнении с романом, делает сюжет повести более чётким, компактным и динамичным.

В 1803 году Карамзин получил звание историографа и вскоре начал работу над «Историей государства Российского». Этот труд стал главным делом его жизни, которому он отдал свыше десяти лет, отказавшись от создания оригинальных произведе-

[1] *Иера́рхия* — порядок подчинения низшего высшему; порядок соответствий (в искусстве).

ний, предпочтя светские рауты и писательскую славу уединению в кабинете и архивах, поиску и осмыслению документов. Он стал первым, кто создал систематическую многотомную историю Отечества. Первые восемь томов вышли в 1818 году. Последний, двенадцатый, том был посвящён истории Смутного времени и опубликован в 1829 году.

Этот труд Карамзина является предметом исследования другой дисциплины — истории, но он важен (и не только как исторический источник) для всей русской культуры.

«История...» Карамзина значима для нас и потому, что под её влиянием происходила эволюция взглядов Пушкина, для которого Карамзин был более чем «знаменитым стариком» уходящей литературной эпохи.

Умер Н.М. Карамзин 22 мая (3 июня) 1826 года в Петербурге.

БЕДНАЯ ЛИЗА

Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели — куда глаза глядят — по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты.

Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Си...нова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного *амфитеатра*: великолепная картина, особливо когда светит на неё солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных златых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зелёные цветущие луга, а за ними, по жёлтым пескам, течёт светлая река, волнуемая лёгкими вёслами рыбачьих лодок или шумящая под рулём грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом.

На другой стороне реки видна дубовая роща, подле которой пасутся многочисленные стада; там молодые пастухи, сидя под тению дерев, поют простые, унылые песни и сокращают тем летние дни, столь для них единообразные. Подалее, в густой зелени древних вязов, блистает златоглавый Данилов монастырь; ещё далее, почти на краю горизонта, синеются Воробьёвы горы. На левой же стороне видны обширные, хлебом покрытые поля, лесочки, три или четыре деревеньки и вдали село Коломенское с высоким дворцом своим.

Часто прихожу на сие место и почти всегда встречаю там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осени горевать вместе с природою. Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря[1], между гробов, заросших высокою травою, и в тёмных переходах келий... Там, опершись на развалинах гробных камней, внимаю глухому стону времён, бездною минувшего поглощённых, — стону, от которого сердце моё содрогается и трепещет. Иногда вхожу в келии и представляю себе тех, которые в них жили, — печальные картины! Здесь вижу седого старца, преклонившего колена перед распятием и молящегося о скором разрешении земных оков своих, ибо все удовольствия исчезли для него в жизни, все чувства его умерли, кроме чувства болезни и слабости. Там юный монах — с бледным лицом, с томным взором — смотрит в поле сквозь решётку окна, видит весёлых птичек, свободно плавающих в море воздуха, видит — и проливает горькие слёзы из глаз своих. Он томится, вянет, сохнет — и унылый звон колокола возвещает мне безвременную смерть его. Иногда на вратах храма рассматриваю изображение чудес, в сём монастыре случившихся, там рыбы падают с неба для насыщения жителей монастыря, осаждённого многочисленными врагами; тут образ Богоматери обращает неприятелей в бегство. Всё сие обновляет в моей памяти историю нашего отечества — печальную историю тех времён, когда свирепые татары и литовцы огнём и мечом опустошали окрестности российской столицы и когда несчастная Москва, как беззащитная вдовица, от одного Бога ожидала помощи в лютых своих бедствиях.

---

[1] *...В стенах опустевшего монастыря...* — во время чумной эпидемии 1771 г. Симонов монастырь был превращён в лазарет. После этого он ряд лет бездействовал и был восстановлен как монастырь в 1795 г., т.е. через три года после завершения повести «Бедная Лиза».

Симонов монастырь в Москве. *Литография Л.П.А. Бишбуа.* 1840-е гг.

Но всего чаще привлекает меня к стенам Си...нова монастыря воспоминание о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы. Ах! люблю те предметы, которые трогают моё сердце и заставляют меня проливать слёзы нежной скорби!

Саженях в семидесяти от монастырской стены, подле берёзовой рощицы, среди зелёного луга, стоит пустая хижина, без дверей, без окончин, без полу; кровля давно сгнила и обвалилась. В этой хижине лет за тридцать перед сим жила прекрасная, любезная Лиза с старушкою, матерью своею.

Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вёл всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обедняли. Ленивая рука наёмника худо обрабатывала поле, и хлеб перестал хорошо родиться. Они принуждены были отдать свою землю внаём, и за весьма небольшие деньги. К тому же бедная вдова, почти беспрестанно проливая слёзы о смерти мужа своего — ибо и крестьянки любить умеют! — день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать. Одна Лиза, которая осталась после отца

пятнадцати лет, — одна Лиза, не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь — ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цветы, а летом брала ягоды — и продавала их в Москве. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала её к слабо бьющемуся сердцу, называла Божескою милостию, кормилицею, отрадою старости своей и молила Бога, чтобы он наградил её за всё то, что она делает для матери.

«Бог дал мне руки, чтобы работать, — говорила Лиза, — ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребёнком; теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слёзы наши не оживят батюшки».

Но часто нежная Лиза не могла удержать собственных слёз своих — ах! она помнила, что у неё был отец и что его не стало, но для успокоения матери старалась таить печаль сердца своего и казаться покойною и весёлою. «На том свете, любезная Лиза, — отвечала горестная старушка, — на том свете перестану я плакать. Там, сказывают, будут все веселы; я, верно, весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть — что с тобою без меня будет? На кого тебя покинуть? Нет, дай Бог прежде пристроить тебя к месту! Может быть, скоро сыщется добрый человек. Тогда, благословя вас, милых детей моих, перекрещусь и спокойно лягу в сырую землю».

Прошло два года после смерти отца Лизина. Луга покрылись цветами, и Лиза пришла в Москву с ландышами. Молодой, хорошо одетый человек, приятного вида, встретился ей на улице. Она показала ему цветы — и закраснелась. «Ты продаёшь их, девушка?» — спросил он с улыбкою. «Продаю», — отвечала она. «А что тебе надобно?» — «Пять копеек». — «Это слишком дёшево. Вот тебе рубль». Лиза удивилась, осмелилась взглянуть на молодого человека, — ещё более закраснелась и, потупив глаза в землю, сказала ему, что она не возьмёт рубля. «Для чего же?» — «Мне не надобно лишнего». — «Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной девушки, стоят рубля. Когда же ты не берёшь его, вот тебе пять копеек. Я хотел бы всегда покупать у тебя цветы; хотел бы, чтобы ты рвала их только для меня». Лиза отдала цветы, взяла пять копеек, поклонилась и хотела идти, но незнакомец остановил её за руку. «Куда

же ты пойдёшь, девушка?» — «Домой». — «А где дом твой?» Лиза сказала, где она живёт, сказала и пошла. Молодой человек не хотел удерживать её, может быть, для того, что мимоходящие начали останавливаться и, смотря на них, коварно усмехались.

Лиза, пришедши домой, рассказала матери, что с нею случилось. «Ты хорошо сделала, что не взяла рубля. Может быть, это был какой-нибудь дурной человек...» — «Ах нет, матушка! Я этого не думаю. У него такое доброе лицо, такой голос...» — «Однако ж, Лиза, лучше кормиться трудами своими и ничего не брать даром. Ты ещё не знаешь, друг мой, как злые люди могут обидеть бедную девушку! У меня всегда сердце бывает не на своём месте, когда ты ходишь в город; я всегда ставлю свечу перед образом и молю Господа Бога, чтобы он сохранил тебя от всякой беды и напасти». У Лизы навернулись на глазах слёзы; она поцеловала мать свою.

На другой день нарвала Лиза самых лучших ландышей и опять пошла с ними в город. Глаза её тихонько чего-то искали.

Многие хотели у неё купить цветы, но она отвечала, что они непродажные, и смотрела то в ту, то в другую сторону. Наступил вечер, надлежало возвратиться домой, и цветы были брошены в Москву-реку. «Никто не владей вами!» — сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть в сердце своём.

На другой день ввечеру сидела она под окном, пряла и тихим голосом пела жалобные песни, но вдруг вскочила и закричала: «Ах!..» Молодой незнакомец стоял под окном.

«Что с тобой сделалось?» — спросила испугавшаяся мать, которая подле неё сидела. «Ничего, матушка, — отвечала Лиза робким голосом, — я только его увидела». — «Кого?» — «Того господина, который купил у меня цветы». Старуха выглянула в окно.

Молодой человек поклонился ей так учтиво, с таким приятным видом, что она не могла подумать об нём ничего, кроме хорошего. «Здравствуй, добрая старушка! — сказал он. — Я очень устал; нет ли у тебя свежего молока?» Услужливая Лиза, не дождавшись ответа от матери своей — может быть, для того, что она его знала наперёд, — побежала на погреб — принесла чистую кринку, покрытую чистым деревянным кружком, — схватила стакан, вымыла, вытерла его белым полотенцем, налила и подала в окно, но сама смотрела в землю. Незнакомец выпил — и нектар из рук Гебы не мог бы показаться ему вкуснее. Всякий

догадается, что он после того благодарил Лизу, и благодарил не столько словами, сколько взорами.

Между тем добродушная старушка успела рассказать ему о своём горе и утешении — о смерти мужа и о милых свойствах дочери своей, об её трудолюбии и нежности и проч. и проч. Он слушал её со вниманием, но глаза его были — нужно ли сказывать где? И Лиза, робкая Лиза посматривала изредка на молодого человека; но не так скоро молния блестит и в облаке исчезает, как быстро голубые глаза её обращались к земле, встречаясь с его взором. «Мне хотелось бы, — сказал он матери, — чтобы дочь твоя никому, кроме меня, не продавала своей работы. Таким образом, ей незачем будет часто ходить в город, и ты не принуждена будешь с нею расставаться. Я сам по временам могу заходить к вам». Тут в глазах Лизиных блеснула радость, которую она тщетно сокрыть хотела; щёки её пылали, как заря в ясный летний вечер; она смотрела на левый рукав свой и щипала его правою рукою. Старушка с охотою приняла сие предложение, не подозревая в нём никакого худого намерения, и уверяла незнакомца, что полотно, вытканное Лизой, и чулки, вывязанные Лизой, бывают отменно хороши и носятся долее всяких других.

Становилось темно, и молодой человек хотел уже идти. «Да как же нам называть тебя, добрый, ласковый барин?» — спросила старуха. «Меня зовут Эрастом», — отвечал он. «Эрастом, — сказала тихонько Лиза, — Эрастом!» Она раз пять повторила сие имя, как будто бы стараясь затвердить его. Эраст простился с ними до свидания и пошёл. Лиза провожала его глазами, а мать сидела в задумчивости и, взяв за руку дочь свою, сказала ей: «Ах, Лиза! Как он хорош и добр! Если бы жених твой был таков!» Всё Лизино сердце затрепетало. «Матушка! Матушка! Как этому статься? Он барин, а между крестьянами...» — Лиза не договорила речи своей.

Теперь читатель должен знать, что сей молодой человек, сей Эраст был довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным. Он вёл рассеянную жизнь, думал только о своём удовольствии, искал его в светских забавах, но часто не находил: скучал и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрече сделала впечатление в его сердце. Он читывал романы, идиллии,

имел довольно живое воображение и часто переселялся мысленно в те времена (бывшие или не бывшие), в которые, если верить стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались, как горлицы, отдыхали под розами и миртами[1] и в счастливой праздности все дни свои провождали. Ему казалось, что он нашёл в Лизе то, чего сердце его давно искало. «Натура призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям», — думал он и решился — по крайней мере на время — оставить большой свет.

Обратимся к Лизе. Наступила ночь — мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткого сна, но на сей раз желание её не исполнилось: Лиза спала очень худо. Новый гость души её, образ Эрастов, столь живо ей представлялся, что она почти всякую минуту просыпалась, просыпалась и вздыхала. Ещё до восхождения солнечного Лиза встала, сошла на берег Москвы-реки, села на траве и, подгорюнившись, смотрела на белые туманы, которые волновались в воздухе и, подымаясь вверх, оставляли блестящие капли на зелёном покрове натуры. Везде царствовала тишина. Но скоро восходящее светило дня пробудило всё творение: рощи, кусточки оживились, птички вспорхнули и запели, цветы подняли свои головки, чтобы напиться животворными лучами света. Но Лиза всё ещё сидела подгорюнившись. Ах, Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось? До сего времени, просыпаясь вместе с птичками, ты вместе с ними веселилась утром, и чистая, радостная душа светилась в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу. Между тем молодой пастух по берегу реки гнал стадо, играя на свирели. Лиза устремила на него взор свой и думала: «Если бы тот, кто занимает теперь мысли мои, рождён был простым крестьянином, пастухом и если бы он теперь мимо меня гнал стадо своё: ах! я поклонилась бы ему с улыбкою и сказала бы приветливо: „Здравствуй, любезный пастушок! Куда гонишь ты стадо своё? И здесь растёт зелёная трава для овец твоих, и здесь алеют цветы, из которых можно сплести венок для шляпы твоей". Он взглянул бы на меня с видом ласковым — взял бы, может быть, руку мою... Мечта!» Пастух, играя на свирели, прошёл мимо и с пёстрым стадом своим скрылся за ближним холмом.

---

[1] *Мирт* — род южных вечнозелёных растений.

Вдруг Лиза услышала шум вёсел — взглянула на реку и увидела лодку, а в лодке — Эраста.

Все жилки в ней забились, и, конечно, не от страха. Она встала, хотела идти, но не могла. Эраст выскочил на берег, подошёл к Лизе и — мечта её отчасти исполнилась: ибо он *взглянул на неё с видом ласковым, взял её за руку.* А Лиза, Лиза стояла с потупленным взором, с огненными щеками, с трепещущим сердцем — не могла отнять у него руки, не могла отворотиться, когда он приблизился к ней с розовыми губами своими... Ах! Он поцеловал её, поцеловал с таким жаром, что вся вселенная показалась ей в огне горящею! «Милая Лиза! — сказал Эраст. — Милая Лиза! Я люблю тебя!», и сии слова отозвались во глубине души её, как небесная, восхитительная музыка; она едва смела верить ушам своим и...

Но я бросаю кисть. Скажу только, что в сию минуту восторга исчезла Лизина робость — Эраст узнал, что он любим, любим страстно новым, чистым, открытым сердцем.

Они сидели на траве, и так, что между ими оставалось не много места, — смотрели друг другу в глаза, говорили друг другу: «Люби меня!», и два часа показались им мигом. Наконец Лиза вспомнила, что мать её может об ней беспокоиться. Надлежало расстаться. «Ах, Эраст! — сказала она. — Всегда ли ты будешь любить меня?» — «Всегда, милая Лиза, всегда!» — отвечал он. «И ты можешь мне дать в этом клятву?» — «Могу, любезная Лиза, могу!» — «Нет! Мне не надо клятвы. Я верю тебе, Эраст, верю. Ужели ты обманешь бедную Лизу? Ведь этому нельзя быть?» — «Нельзя, нельзя, милая Лиза!» — «Как я счастлива, и как обрадуется матушка, когда узнает, что ты меня любишь!» — «Ах нет, Лиза! Ей не надобно ничего сказывать». — «Для чего же?» — «Старые люди бывают подозрительны. Она вообразит себе что-нибудь худое». — «Нельзя статься». — «Однако ж прошу тебя не говорить ей об этом ни слова». — «Хорошо: надобно тебя послушаться, хотя мне и не хотелось бы ничего таить от неё».

Они простились, поцеловались в последний раз и обещались всякий день ввечеру видеться или на берегу реки, или в берёзовой роще, или где-нибудь близ Лизиной хижины, только верно, непременно видеться. Лиза пошла, но глаза её сто раз обращались на Эраста, который всё ещё стоял на берегу и смотрел вслед за нею.

Молодая крестьянка и красавец.
Художник Н.Г. Чернецов. Начало XIX в.

Лиза возвратилась в хижину свою совсем не в таком расположении, в каком из неё вышла. На лице и во всех её движениях обнаруживалась сердечная радость. «Он меня любит!» — думала она и восхищалась сею мыслию. «Ах, матушка! — сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась. — Ах, матушка! Какое прекрасное утро! Как всё весело в поле! Никогда жаворонки так хорошо не певали, никогда солнце так светло не сияло, никогда цветы так приятно не пахли!» Старушка, подпираясь клюкою, вышла на луг, чтобы насладиться утром, которое Лиза такими прелестными красками описывала. Оно в самом деле показалось ей отменно приятным; любезная дочь весельем своим развеселяла для неё всю натуру. «Ах, Лиза! — говорила она. —

Как всё хорошо у Господа Бога! Шестой десяток доживаю на свете, а всё ещё не могу наглядеться на дела Господни, не могу наглядеться на чистое небо, похожее на высокий шатёр, и на землю, которая всякий год новою травою и новыми цветами покрывается. Надобно, чтобы Царь Небесный очень любил человека, когда он так хорошо убрал для него здешний свет. Ах, Лиза! Кто бы захотел умереть, если бы иногда не было нам горя?.. Видно, так надобно. Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слёзы не капали». А Лиза думала: «Ах! Я скорее забуду душу свою, нежели милого моего друга!»

После сего Эраст и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякий вечер виделись (тогда, как Лизина мать ложилась спать) или на берегу реки, или в берёзовой роще, но всего чаще под тению столетних дубов (саженях в осьмидесяти от хижины) — дубов, осеняющих глубокий чистый пруд, ещё в древние времена ископанный. Там часто тихая луна, сквозь зелёные ветви, посребряла лучами своими светлые Лизины волосы, которыми играли зефиры[1] и рука милого друга; часто лучи сии освещали в глазах нежной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрастовым поцелуем. Они обнимались — но целомудренная, стыдливая Цинтия[2] не скрывалась от них за облако: чисты и непорочны были их объятия. «Когда ты, — говорила Лиза Эрасту, — когда ты скажешь мне: „Люблю тебя, друг мой!", когда прижмёшь меня к своему сердцу и взглянешь на меня умильными своими глазами, ах! тогда бывает мне так хорошо, так хорошо, что я себя забываю, забываю всё, кроме Эраста. Чудно! Чудно, мой друг, что я, не знав тебя, могла жить спокойно и весело! Теперь мне это непонятно, теперь думаю, что без тебя жизнь не жизнь, а грусть и скука. Без глаз твоих тёмен светлый месяц; без твоего голоса скучен соловей поющий; без твоего дыхания ветерок мне неприятен». Эраст восхищался своей пастушкой — так называл Лизу — и, видя, сколь она любит его, казался сам себе любезнее. Все блестящие забавы большого света представлялись ему ничтожными в сравнении с теми удовольствиями, которыми *страстная* дружба невинной души питала сердце его. С отвращением помышлял он о презрительном сладострастии, которым прежде упивались его чувства. «Я буду жить с Лизою,

---

[1] *Зефи́р* — в древнегреческой мифологии — бог западного ветра.

[2] *Ци́нтия* — одно из имён древнегреческой богини Артемиды.

как брат с сестрою, — думал он, — не употреблю во зло любви её и буду всегда счастлив!» Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты своё сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих?

Лиза требовала, чтобы Эраст часто посещал мать её. «Я люблю её, — говорила она,— и хочу ей добра, а мне кажется, что видеть тебя есть великое благополучие для всякого». Старушка в самом деле всегда радовалась, когда его видела. Она любила говорить с ним о покойном муже и рассказывать ему о днях своей молодости, о том, как она в первый раз встретилась с милым своим Иваном, как он полюбил её и в какой любви, в каком согласии жил с нею. «Ах! Мы никогда не могли друг на друга наглядеться — до самого того часа, как лютая смерть подкосила ноги его. Он умер на руках моих!» Эраст слушал её с непритворным удовольствием. Он покупал у неё Лизину работу и хотел всегда платить в десять раз дороже назначаемой ею цены, но старушка никогда не брала лишнего.

Таким образом прошло несколько недель. Однажды ввечеру Эраст долго ждал своей Лизы. Наконец пришла она, но так невесела, что он испугался; глаза её от слёз покраснели. «Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось?» — «Ах, Эраст! Я плакала!» — «О чём? Что такое?» — «Я должна сказать тебе всё. За меня сватается жених, сын богатого крестьянина из соседней деревни; матушка хочет, чтобы я за него вышла». — «И ты соглашаешься?» — «Жестокий! Можешь ли об этом спрашивать? Да, мне жаль матушки; она плачет и говорит, что я не хочу её спокойствия, что она будет мучиться при смерти, если не выдаст меня при себе замуж. Ах! Матушка не знает, что у меня есть такой милый друг!» Эраст целовал Лизу, говорил, что её счастие дороже ему всего на свете, что по смерти матери её он возьмёт её к себе и будет жить с нею неразлучно, в деревне и в дремучих лесах, как в раю. «Однако ж тебе нельзя быть моим мужем!» — сказала Лиза с тихим вздохом. «Почему же?» — «Я крестьянка». — «Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнее всего душа, чувствительная невинная душа, — и Лиза будет всегда ближайшая к моему сердцу».

Она бросилась в его объятия — и в сей час надлежало погибнуть непорочности! Эраст чувствовал необыкновенное волнение в крови своей — никогда Лиза не казалась ему столь пре-

лестною, никогда ласки её не трогали его так сильно, никогда её поцелуи не были столь пламенны, она ничего не знала, ничего не подозревала, ничего не боялась — мрак вечера питал желания — ни одной звёздочки не сияло на небе, никакой луч не мог осветить заблуждения. Эраст чувствует в себе трепет — Лиза также, не зная отчего, не зная, что с нею делается... Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где твоя невинность?

Заблуждение прошло в одну минуту. Лиза не понимала чувств своих, удивлялась и спрашивала. Эраст молчал — искал слов и не находил их. «Ах, я боюсь, — говорила Лиза, — боюсь того, что случилось с нами! Мне казалось, что я умираю, что душа моя... Нет, не умею сказать этого!.. Ты молчишь, Эраст? Вздыхаешь?.. Боже мой! Что такое?» Между тем блеснула молния и грянул гром. Лиза вся задрожала. «Эраст, Эраст! — сказала она. — Мне страшно! Я боюсь, чтобы гром не убил меня, как преступницу!» Грозно шумела буря, дождь лился из чёрных облаков — казалось, что натура сетовала о потерянной Лизиной невинности. Эраст старался успокоить Лизу и проводил её до хижины. Слёзы катились из глаз её, когда она прощалась с ним. «Ах, Эраст! Уверь меня, что мы будем по-прежнему счастливы!» — «Будем, Лиза, будем!» — отвечал он. «Дай Бог! Мне нельзя не верить словам твоим: ведь я люблю тебя! Только в сердце моём... Но полно! Прости! Завтра, завтра увидимся».

Свидания их продолжались; но как всё переменилось! Эраст не мог уже доволен быть одними невинными ласками своей Лизы, одними её любви исполненными взорами, одним прикосновением руки, одним поцелуем, одними чистыми объятиями. Он желал больше, больше и, наконец, ничего желать не мог, — а кто знает сердце своё, кто размышлял о свойстве нежнейших его удовольствий, тот, конечно, согласится со мною, что исполнение всех желаний есть самое опасное искушение любви. Лиза не была уже для Эраста сим ангелом непорочности, который прежде воспалял его воображение и восхищал душу. Платоническая любовь уступила место таким чувствам, которыми он не мог гордиться и которые были для него уже не новы. Что принадлежит до Лизы, то она, совершенно ему отдавшись, им только жила и дышала, во всём, как агнец, повиновалась его воле и в удовольствии его полагала своё счастие. Она видела в нём перемену и часто говорила ему: «Прежде бывал ты веселее, прежде

бывали мы покойнее и счастливее, и прежде я не так боялась потерять любовь твою!» Иногда, прощаясь с ней, он говорил ей: «Завтра, Лиза, не могу с тобою видеться: мне встретилось важное дело», — и всякий раз при сих словах Лиза вздыхала.

Наконец пять дней сряду она не видела его и была в величайшем беспокойстве; в шестой пришёл он с печальным лицом и сказал: «Любезная Лиза! Мне должно на несколько времени с тобою проститься. Ты знаешь, что у нас война, я в службе, полк мой идёт в поход». Лиза побледнела и едва не упала в обморок.

Эраст ласкал её, говорил, что он всегда будет любить милую Лизу и надеется по возвращении своём уже никогда с нею не расставаться. Долго она молчала, потом залилась горькими слезами, схватила руку его и, взглянув на него со всею нежностью любви, спросила: «Тебе нельзя остаться?» — «Могу, — отвечал он, — но только с величайшим бесславием, с величайшим пятном для моей чести. Все будут презирать меня; все будут гнушаться мною, как трусом, как недостойным сыном отечества». — «Ах, когда так, — сказала Лиза, — то поезжай, поезжай, куда Бог велит! Но тебя могут убить». — «Смерть за отечество не страшна, любезная Лиза». — «Я умру, как скоро тебя не будет на свете». — «Но зачем это думать? Я надеюсь остаться жив, надеюсь возвратиться к тебе, моему другу». — «Дай Бог! Дай Бог! Всякий день, всякий час буду о том молиться. Ах, для чего не умею ни читать, ни писать! Ты бы уведомлял меня обо всём, что с тобою случается, а я писала бы к тебе — о слезах своих!» — «Нет, береги себя, Лиза, береги для друга твоего. Я не хочу, чтобы ты без меня плакала». — «Жестокий человек! Ты думаешь лишить меня и этой отрады! Нет! Расставшись с тобою, разве тогда перестану плакать, когда высохнет сердце моё». — «Думай о приятной минуте, в которую опять мы увидимся». — «Буду, буду думать о ней! Ах, если бы она пришла скорее! Любезный, милый Эраст! Помни, помни свою бедную Лизу, которая любит тебя более, нежели самоё себя!»

Но я не могу описать всего, что они при сём случае говорили. На другой день надлежало быть последнему свиданию.

Эраст хотел проститься и с Лизиною матерью, которая не могла от слёз удержаться, слыша, что ласковый, *пригожий барин* её должен уехать на войну. Он принудил её взять у него несколько денег, сказав: «Я не хочу, чтобы Лиза в моё отсутствие

продавала работу свою, которая, по уговору, принадлежит мне». Старушка осыпала его благословениями. «Дай Господи, — говорила она, — чтобы ты к нам благополучно возвратился и чтобы я тебя ещё раз увидела в здешней жизни! Авось-либо моя Лиза к тому времени найдёт себе жениха по мыслям. Как бы я благодарила Бога, если б ты приехал к нашей свадьбе! Когда же у Лизы будут дети, знай, барин, что ты должен крестить их! Ах! Мне бы очень хотелось дожить до этого!» Лиза стояла подле матери и не смела взглянуть на неё. Читатель легко может вообразить себе, что она чувствовала в сию минуту.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эраст, обняв её в последний раз, в последний раз прижав к своему сердцу, сказал: «Прости, Лиза!..» Какая трогательная картина! Утренняя заря, как алое море, разливалась по восточному небу. Эраст стоял под ветвями высокого дуба, держа в объятиях свою бедную, томную, горестную подругу, которая, прощаясь с ним, прощалась с душою своею. Вся натура[1] пребывала в молчании.

Лиза рыдала, Эраст плакал, оставил её, она упала, стала на колени, подняла руки к небу и смотрела на Эраста, который удалялся — далее — далее — и, наконец, скрылся — воссияло солнце, и Лиза, оставленная, бедная, лишилась чувств и памяти.

Она пришла в себя — и свет показался ей уныл и печален. Все приятности натуры сокрылись для неё вместе с любезным её сердцу. «Ах! — думала она. — Для чего я осталась в этой пустыне? Что удерживает меня лететь вслед за милым Эрастом? Война не страшна для меня; страшно там, где нет моего друга. С ним жить, с ним умереть хочу или смертию своею спасти его драгоценную жизнь. Постой, постой, любезный! Я лечу к тебе!» Уже хотела она бежать за Эрастом, но мысль: «У меня есть мать!» — остановила её. Лиза вздохнула и, преклонив голову, тихими шагами пошла к своей хижине. С сего часа дни её были днями тоски, горести, которую надлежало скрывать от нежной матери: тем более страдало сердце её! Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединяясь в густоту леса, могла свободно проливать слёзы и стенать о разлуке с милым. Часто печальная горлица соединяла жалобный голос свой с её стенанием. Но иногда — хотя весьма редко — златой луч надежды, луч утешения освещал мрак её скорби. «Когда он возвратится ко мне, как я

---

[1] *Натура* — здесь: природа.

буду счастлива! Как всё переменится!» От сей мысли прояснялся взор её, розы на щеках освежались, и Лиза улыбалась, как майское утро после бурной ночи. Таким образом прошло около двух месяцев.

В один день Лиза должна была идти в Москву за тем, чтобы купить розовой воды, которою мать её лечила глаза свои. На одной из больших улиц встретилась ей великолепная карета, и в сей карете увидела она Эраста. «Ах!» — закричала Лиза и бросилась к нему, но карета проехала мимо и поворотила на двор. Эраст вышел и хотел уже идти на крыльцо огромного дома, как вдруг почувствовал себя в Лизиных объятиях. Он побледнел — потом, не отвечая ни слова на её восклицания, взял её за руку, привёл в свой кабинет, запер дверь и сказал ей: «Лиза! Обстоятельства переменились; я помолвил жениться; ты должна оставить меня в покое и для собственного своего спокойствия забыть меня. Я любил тебя и теперь люблю, то есть желаю тебе всякого добра. Вот сто рублей — возьми их, — он положил ей деньги в карман, — позволь мне поцеловать тебя в последний раз, иди домой». Прежде, нежели Лиза могла опомниться, вывел её из кабинета и сказал слуге: «Проводи эту девушку со двора».

Сердце моё обливается кровью в сию минуту. Я забываю человека в Эрасте, готов проклинать его, но язык мой не движется — смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ах! Для чего пишу не роман, а печальную быль?

Итак, Эраст обманул Лизу, сказав ей, что он едет в армию? Нет, он в самом деле был в армии, но, вместо того чтобы сражаться с неприятелем, играл в карты и проиграл почти всё своё имение. Скоро заключили мир, и Эраст возвратился в Москву, отягчённый долгами. Ему оставался один способ поправить свои обстоятельства — жениться на пожилой богатой вдове, которая давно была влюблена в него. Он решился на то и переехал жить к ней в дом, посвятив искренний вздох Лизе своей. Но всё сие может ли оправдать его?

Лиза очутилась на улице, и в таком положении, которого никакое перо описать не может. «Он, он выгнал меня? Он любит другую? Я погибла!» — вот её мысли, её чувства! Жестокий обморок прервал их на время. Одна добрая женщина, которая шла по улице, остановилась над Лизою, лежавшею на земле,

и старалась привести её в память. Несчастная открыла глаза, встала с помощью сей доброй женщины, благодарила её и пошла, сама не зная куда. «Мне нельзя жить, — думала Лиза, — нельзя!.. О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бедную!.. Нет! Небо не падает; земля не колеблется! Горе мне!» Она вышла из города и вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда, под тению древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями её восторгов. Сие воспоминание потрясло её душу; страшнейшее сердечное мучение изобразилось на лице её. Но через несколько минут погрузилась она в некоторую задумчивость, осмотрелась вокруг себя, увидела дочь своего соседа (пятнадцатилетнюю девушку), идущую по дороге, — кликнула её, вынула из кармана десять империалов[1] и, подавая ей, сказала: «Любезная Анюта, любезная подружка! Отнеси эти деньги к матушке — они не краденые, — скажи ей, что Лиза против неё виновата, что я таила от неё любовь свою к одному жестокому человеку — к Э... На что знать его имя? Скажи, что он изменил мне, попроси, чтобы она меня простила, — Бог будет её помощником, поцелуй у неё руку так, как я теперь твою целую, скажи, что бедная Лиза велела поцеловать её, — скажи, что я...» Тут она бросилась в воду. Анюта закричала, заплакала, но не могла спасти её, побежала в деревню — собрались люди и вытащили Лизу, но она была уже мёртвая.

Таким образом скончала жизнь свою прекрасная душою и телом. Когда мы там, в новой жизни, увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза!

Её погребли близ пруда, под мрачным дубом, и поставили деревянный крест на её могиле. Тут часто сижу в задумчивости, опершись на вместилище Лизина праха; в глазах моих струится пруд; надо мною шумят листья.

Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь её от ужаса охладела — глаза навек закрылись. Хижина опустела. В ней воет ветер, и суеверные поселяне, слыша по ночам сей шум, говорят: «Там стонет мертвец; там стонет бедная Лиза!»

---

[1] *Империа́л* — русская золотая монета в 10 рублей, после 1897 г. — 15 рублей.

Эраст был до конца жизни своей несчастлив. Узнав о судьбе Лизиной, он не мог утешиться и почитал себя убийцею. Я познакомился с ним за год до его смерти. Он сам рассказал мне сию историю и привёл меня к Лизиной могиле. Теперь, может быть, они уже примирились!

1792

Вопросы и задания

1. По деталям, имеющимся в повести, воссоздайте психологический портрет героини.

2. Что в образе Лизы вызывает у вас симпатию, уважение, сочувствие?

3. Есть ли в характере девушки, её поведении, манере общения то, что кажется вам уже навсегда ушедшим, ненужным современному человеку? Объясните свою точку зрения.

4. Какие качества характера Эраста привлекли Лизу?

5. Было ли чувство Эраста к Лизе искренним? Обоснуйте свой ответ.

6. Какова, на ваш взгляд, основная причина трагического финала повести?

7. Найдите в тексте повести слова, наиболее полно характеризующие основных персонажей — Лизу и Эраста.

8. Приведите примеры, подтверждающие принадлежность повести «Бедная Лиза» к литературе сентиментализма.

ПОРАЗМЫШЛЯЕМ О ПРОЧИТАННОМ[1]

Важнейшим и центральным произведением русского сентиментализма стала повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» (1792). Она резко отличалась от произведений предшествующей литературы тем, что писатель искал и находил своих героев в крестьянской среде, не испорченной цивилизацией, сохранившей патриархальные[2] устои и представления о человеческих ценностях. Повесть привлекла внимание современников своей гуманистической идеей: «и крестьянки любить умеют». Главная героиня — Лиза — воплощает в себе представления писателя

[1] При характеристике повести «Бедная Лиза» использованы материалы литературоведов Н.Д. Кочетковой и П.А. Орлова.

[2] *Патриархáльный* — верный старине, традиционный.

о человеке, слитом с миром природы, труда, «естественном человеке», как говорили в эпоху Карамзина. Лизу отличают доброта, искренность, способность нежно и преданно любить. Её жизнь тесно связана с природой, которую героиня тонко чувствует и понимает, в отличие от самодовольных обитателей столиц. Чувство Лизы бескорыстно и неизменно. Ни положение Эраста, ни его богатство не имеют для неё никакого значения. Она «в удовольствии его полагала своё счастье».

Карамзину очень важно, чтобы читатели поверили в реальность существования, невыдуманность его героини. Именно потому он довольно точно указывает место и время действия: окрестности Москвы, близ Симонова монастыря, «лет за тридцать перед сим». Автор подчёркивает, что «пишет не роман, а печальную быль». Многие современники писателя не сомневались в подлинности событий и совершали паломничество к «Лизиному пруду».

Добру (его носителем является Лиза) в повести противопоставлено зло — это Эраст, «цивилизованный» герой. Эраст испорчен цивилизацией, он порочен. В повести Эрасту сопутствует прозаический лейтмотив — деньги, которые в сентиментальной литературе вызывают к себе настороженное отношение; их появление часто указывает на скрытые недобрые цели героя.

При знакомстве с Лизой Эраст стремится поразить её воображение щедростью — предлагает за букетик ландышей вместо обычных пяти копеек рубль. Лиза решительно отказывается. Мать горячо одобряет поступок дочери. Позже Эраст несколько раз будет предлагать деньги Лизе и её матери. При последней встрече он попытается откупиться от Лизы десятью империалами. Эта сцена возмутительна. Поступок молодого человека выглядит как надругательство над бескорыстной самоотверженной любовью: на одной чаше весов — вся жизнь, на другой — десять империалов. Сто лет спустя Л.Н. Толстой повторит эту ситуацию в романе «Воскресение».

Современные критики справедливо указывали, что в «Бедной Лизе» русская публика «впервые столкнулась с горькой правдой жизни».

Почти непременным условием сентиментальной повести было наличие в ней отца или матери героя, причём обязательно овдовевших. Этой деталью достигался двойной эффект. Утрата

одного из родителей накладывала на героиню печать трогательного сиротства и вместе с тем давала возможность изобразить её дочерние чувства и семейные добродетели — качества, которые высоко ценились в сентиментальной литературе.

Карамзинская Лиза рано лишилась отца и стала единственной опорой престарелой вдовы. Это обстоятельство ещё более усугубляет вину Эраста, легкомыслие которого приводит к гибели не только Лизы, но и её матери.

Однако образ Эраста сложен, во всяком случае, он значительно сложнее образа героини. Эраст не злодей, но человек «с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным». Он способен совершить жестокий поступок, но, совершив его, раскаивается в течение всей жизни.

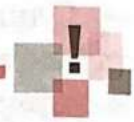
Как и при создании образа Лизы, Карамзин стремится подчеркнуть реальность образа Эраста. Писатель указывает, что историю Лизы он узнал от самого Эраста, и вся повесть в этом случае превращается как бы в исповедь героя.

Однако на протяжении повести постоянно ощущается присутствие самого автора. Он иногда оценивает происходящее. Рассказывая, как Эраст покидает Лизу, Карамзин добавляет от себя: «Сердце моё обливается кровью в сию минуту. Я забываю человека в Эрасте, готов проклинать его, но язык мой не движется — смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему». Рассказчик — это чувствительный, просвещённый человек: он любит бродить «по лугам и рощам», наслаждаться приятными видами, размышлять об истории Отечества, разглядывать развалины монастыря. Он сожалеет о судьбе Лизы, и вместе с тем он способен понять и простить заблуждения Эраста.

Роль лирических отступлений необыкновенно важна и велика в повести. Они занимают едва ли не больше места, чем собственно изложение событий. Сюжет «Бедной Лизы» незамысловат, прост. Но за этой внешней простотой кроется «философская сложность». Карамзин ставит перед читателями важнейшую проблему. Социальный конфликт произведения (Лиза — крестьянка, Эраст — барин) оказывается одновременно конфликтом между воображением и реальностью. Эраст искренне мечтает о возвышенной, идиллической любви, хочет забыть о сословных предрассудках, пренебречь ими. Более трезво смотрит на жизнь Лиза. Она понимает, что Эрасту «нельзя быть

её мужем». Реальные события обнаруживают всю призрачность мечтаний Эраста. Мечта сталкивается с действительностью, что ведёт к печальной развязке. Два мира — идеальный и реальный — противопоставлены в сознании Карамзина. В поисках гармонии писатель обращается к отдалённой эпохе: временна́я дистанция как бы призвана снять трагическое противоречие между вымыслом и реальностью.

Для вас, любознательные

Первое опубликованное стихотворение А.С. Пушкина — «К другу стихотворцу» — было напечатано в «Вестнике Европы» в 1814 году в июльской книжке за № 13 и подписано псевдонимом Александр Н.К.Ш.П. (согласные буквы фамилии Пушкин, написанные в обратном порядке). Здесь же печатались произведения крупнейших авторов того времени: Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, П.А. Вяземского и других. Журнал этот был основан и редактировался до 1804 года Н.М. Карамзиным. Естественно, что Карамзин внимательно следил за появлением каждого нового имени на страницах небезразличного ему издания; в своём журнале он печатал стихи юного Пушкина.

Личность Пушкина привлекла внимание Карамзина, и он, будучи в Царском Селе, изъявил желание встретиться с поэтом-лицеистом. Посещение Лицея и отзыв Карамзина о Пушкине стали событием в лицейской истории. Преподаватели Лицея, и прежде всего профессор русской изящной словесности Николай Фёдорович Кошанский, не очень одобряли публикации Пушкина в журналах, считая их преждевременными. После оценки Карамзина ситуация изменилась.

Пушкина благосклонно принимали в доме Карамзиных в Царском Селе. Ю.М. Лотман отмечал: «Пушкин мог чувствовать себя взрослым у Карамзина — вдохнуть воздух семьи, домашнего уюта, того, чего сам он никогда не знал у себя дома. В неожиданном и трогательном чувстве влюблённости, которое Пушкин испытал к Екатерине Андреевне Карамзиной, женщине на девятнадцать лет старше его (более чем вдвое!), вероятно, значительное место занимала потребность именно в материн-

Рисунки А.С. Пушкина:
автопортрет (1817—1820);
портрет Н.М. Карамзина (1818)

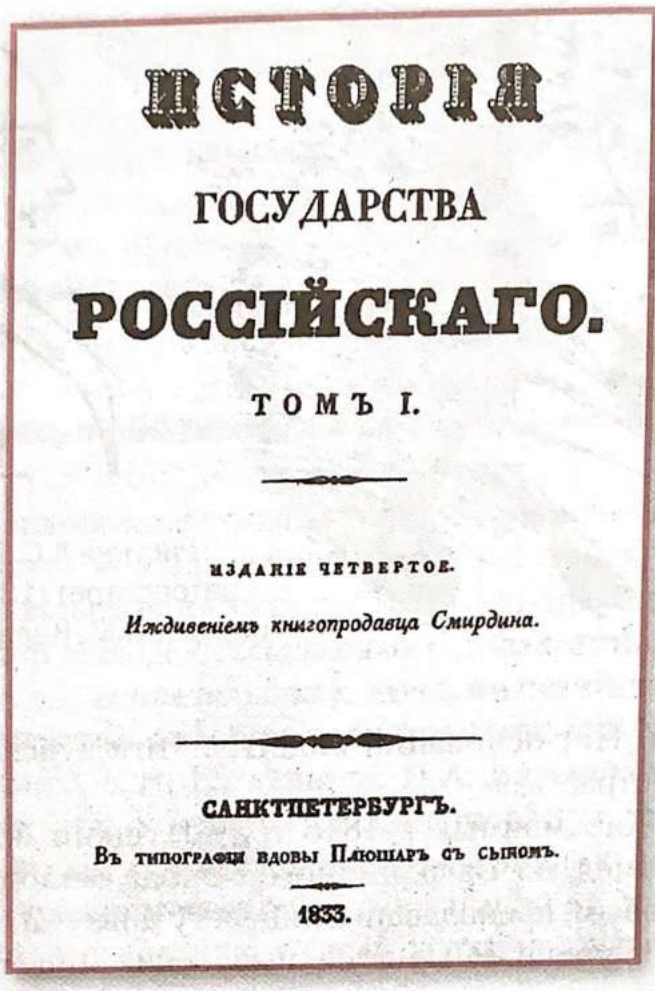
ской любви. Нет оснований видеть в этом чувстве глубокую и утаённую страсть...»

В доме Карамзиных в 1816 году Пушкин познакомился с вернувшимся из Заграничного похода молодым гусаром П.Я. Чаадаевым, преподавшим лицеисту иные, по сравнению со «стариками», уроки. И Пушкин, выпускник Лицея, вчера ободрённый Карамзиным, принимаемый в его доме, вторит некоторым его критикам: «Итак, вы рабство предпочитаете свободе».

Карамзин между тем занят совершенно другим — завершает «Историю государства Российского».

В 1824—1825 годах в Михайловском Пушкин написал воспоминания, которые впоследствии сжёг. Однако листы с характеристикой «Истории...» Карамзина оторвал от других, обречённых огню. Это казалось для Пушкина важным и не подлежало уничтожению. В своих мемуарах он писал:

«Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов „Русской истории" Карамзина вышли в свет. Я прочёл их в моей постеле с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (так как и быть надлежало) наделало много шуму и произвело сильное впечатление, 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА

РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ I.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Иждивеніемъ книгопродавца Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи вдовы Плюшаръ съ сыномъ.

1833.

Н.М. Карамзин «История государства Российского». Том 1.
Титульный лист

была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом. Несколько времени ни о чём не говорили. Когда, по моём выздоровлении[1], я снова явился в свет, толки были во всей силе. Признаюсь, они были в состоянии отучить всякого от охоты к славе. Ничего не могу вообразить глупей светских суждений, которые удалось мне слышать насчёт духа и слова „Истории" Карамзина. Одна дама, впрочем весьма почтенная[2], при мне открыв вторую часть,

[1] *Когда, по моём выздоровлении...* — в январе — феврале 1818 г. Пушкин болел «гнилой горячкой» (скорее всего — тифом).

[2] *Одна дама, впрочем весьма почтенная...* — Е.И. Голицына, одна из тех, кто был адресатом лирики Пушкина. Ей, в частности, посвящено стихотворение «Краёв чужих неопытный любитель...».

прочла вслух: „Владимир усыновил Святополка, однако не любил его..." Однако!.. Зачем не но! Однако! Как это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? Однако! В журналах его не критиковали. Каченовский[1] бросился на одно предисловие.

У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина — зато никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в учёный кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. Ноты „Русской истории"[2] свидетельствуют обширную учёность Карамзина, приобретённую им уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению. Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения. Они забывали, что Карамзин печатал „Историю" свою в России; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности. Он рассказывал со всею уверенностью историка, он везде ссылался на источники — чего же более требовать было от него? Повторяю, что „История государства Российского" есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека».

В статье «О народном воспитании» в 1826 году Пушкин писал:

«Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину... Россия слишком мало известна русским; сверх её истории, её статистика, её законодательство требуют особенных кафедр. Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения

---

[1] *Каченóвский Михаил Трофимович* (1775—1842) — русский историк, критик, академик Петербургской академии наук. В журнале «Вестник Европы» критиковал предисловие к «Истории...» и его французский перевод.

[2] *Ноты «Русской истории»* — примечания к тексту «Истории...» Карамзина.

Н.М. Карамзин. *Художник В.А. Тропинин.* 1818 г.

государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве».

А.С. Пушкину удалось получить разрешение на печатание в своём журнале «Современник» отрывка из «Записки о древней и новой России» Карамзина (1811). В этом произведении Карамзин критиковал тогдашние порядки России с точки зрения возможностей развития её истории. Он подал «Записку...» императору, но цензура[1] разрешила напечатать её полностью толь-

[1] *Цензу́ра* — контроль официальных властей за содержанием, выпуском в свет и распространением печатной продукции, содержанием и исполнением пьес и кинофотопроизведений.

ко перед самым концом Российской империи, в 1900 году. В советское время она снова оказалась невостребованной, и её удалось опубликовать вновь лишь перед самым распадом СССР, в 1988 году.

Карамзин высказал своей «Запиской...» типичный для русской литературы взгляд на события древней и новой истории. Он судил о текущей и минувшей жизни высшим судом, «независимым писательским взглядом».

Рассмотрите портреты Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина (цветная вклейка). Репродукции помогут вам представить «диалог» двух современников — двух великих русских писателей.

ТЕМЫ ДЛЯ РЕФЕРАТОВ, СООБЩЕНИЙ, СОЧИНЕНИЙ

1. Образ главной героини повести Н.М. Карамзина.

2. Только ли из пороков состоит Эраст? Тогда почему чистая сердцем Лиза полюбила такого человека?

3. Картины природы и их роль в повести Н.М. Карамзина.

4. Признаки сентиментализма в повестях «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь».

5. Русская сентиментальная повесть («Бедная Лиза») и европейская новелла второй половины XVIII века.

6. «Подвиг честного человека...»: Н.М. Карамзин — историк.

Из русской литературы XIX века

XIX век начинался стремительно и ярко. В великосветских салонах обсуждали Наполеона, которым многие восхищались и с которым Россия готовилась воевать. Политика стала модной темой.

Спорили о политике и литераторы. Писатели вели жаркие дискуссии в литературных кружках и обществах — в Обществе любителей российской словесности, «Арзамасе», «Зелёной лампе» — так назывались некоторые из них. Возникали новые литературные журналы и альманахи. Но самое главное — рождался русский читатель: формировалось общественное мнение, воспитывался художественный вкус и способность самостоятельного суждения.

Интерес к истории был небывалый: читающая Россия ждала завершения огромного многотомного труда Н.М. Карамзина. Его «История государства Российского» не потеряла своего значения и сейчас.

Власть озаботилась необходимостью воспитания чиновников высшего уровня — в Царском Селе под Петербургом открылся Лицей. Его будут называть пушкинским: Пушкин был лицеистом первого набора. Вместе с ним известными всей России станут поэт Дельвиг, поэт и декабрист Кюхельбекер, декабрист Пущин, видный дипломат Горчаков... Пока же у всех них в Лицее будут прозвища, узкие ученические «кельи», лучшие в России педагоги и удивительная, редчайшая, всё возвышающая дружба.

Началась Отечественная война 1812 года. Юные лицеисты с завистью провожали уходящие в сражения полки — там шли их старшие современники. Героизм русских солдат и небывалый подъём народного духа помогли России выстоять в этой войне, завершившейся взятием Парижа. Многие русские люди, впервые покинув пределы своего Отечества и пройдя пол-Европы, имели возможность своими глазами наблюдать политические и социальные условия жизни в других странах. Невольное сопоставление с Россией приводило их к мысли о необходимости преобразований. Так, Пётр Чаадаев, вернувшись из Заграничного похода, взбудоражит всех своими «Философическими письмами» и призывом к решительной борьбе с крепостничеством: страна победителей ещё не изжила его, а побеждённая Европа его уже не знала. Чувство горечи за свой великий народ призовёт в тайные общества молодых дворян, в большинстве своём офицеров, которые первыми бросят вызов власти 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге.

Одним из признаков свободной страны является свободное искусство. Пушкин начал борьбу за право писателя на внутреннюю свободу. Очень скоро поймут, что новая русская литература начинается с Пушкина, что Пушкин — «начало всех начал» в её великой судьбе, навсегда связанной с историей Отечества. XIX столетие во всём мире будут именовать не иначе как золотым веком русской литературы.

История, героическая и трагическая одновременно, ближайшая и отдалённая — движение Степана Разина, бунт Емельяна Пугачёва, времена Ивана Грозного — привлекала писателей не менее, чем события сиюминутные.

И всё-таки литература в эти годы, как никогда внимавшая истории и постигавшая её законы и перипетии, «служанкой» истории не стала. В истории искали ответы на проблемные вопросы современности. Прошлое было поводом говорить о настоящем, в дружеском послании и элегии, повести и романе, драме и трагедии, говорить образно, ярко, убедительно.

Литература стремительно развивалась. Ещё не ушёл в прошлое классицизм с его нормативной системой и канонами, как рядом с ним появились неожиданные произведения, ломающие эти каноны. Появилось новое течение — сентиментализм, затем романтизм — яркое, как вспышка молнии, литературное направле-

ние. Вслед за ним — реализм, ставший в XIX веке главным художественным направлением в России. Литературный авторитет перестал зависеть от возраста. Василий Жуковский, один из основателей русского романтизма, имел мужество назвать себя побеждённым учителем вчерашнего лицеиста Александра Пушкина.

Столкновение и взаимообогащение различных идей, направлений, стилей, литературных жанров стали характерной чертой XIX века. Так рождалось подлинное искусство.

ПОЭТЫ ПУШКИНСКОГО КРУГА. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И СОВРЕМЕННИКИ

Первая половина XIX века была отмечена расцветом поэзии. И.А. Крылов, В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, А.А. Бестужев, К.Ф. Рылеев, Ф.Н. Глинка, Д.В. Давыдов, Е.А. Баратынский, П.А. Вяземский, Н.М. Языков, А.А. Дельвиг, А.В. Кольцов, Д.В. Веневитинов, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет — вот далеко не полный список выдающихся русских поэтов, творчество которых составило славу не только русской, но и мировой культуры.

Литературная жизнь в столицах — Москве и Петербурге — была необыкновенно оживлённой. Помимо чисто литературных вопросов здесь обсуждались и политические, и социальные проблемы. То, о чём ещё несколько лет назад вслух говорить было опасно: любая публично высказанная мысль, не совпадающая с позицией правительства, каралась, — ныне стало возможным.

Россия заняла своё достойное место в кругу просвещённых европейских стран. Важнейшую роль в росте общественного сознания сыграло участие России в войнах против Наполеона, и прежде всего победа в Отечественной войне 1812 года. Многие литераторы принимали в ней самое деятельное участие, среди них: В.А. Жуковский, поэт-партизан Д.В. Давыдов, писательница, первая в русской армии женщина-офицер Н.А. Дурова, будущие декабристы Ф.Н. Глинка, А.А. Бестужев, К.Ф. Рылеев, В.Ф. Раевский.

Они были в стане победителей, переживали общее для всех чувство подъёма, национальной гордости и в то же время с болью и горечью осознавали, что народ, защитивший и отстоявший страну от наполеоновского нашествия, народ-герой, народ-победитель живёт хуже, чем люди в побеждённой стране. Крепостное право не было отменено, после боёв и побед рус-

ский мужик снова возвращался в неволю, в унизительное положение холопа. Тема победы и рабства возникает в творчестве многих поэтов первой трети XIX века.

А в это время уже входили в литературу новые таланты, которым не довелось быть на полях сражений, но которые также мечтали о подвигах и славе. Вильгельм Кюхельбекер, Антон Дельвиг и конечно же Александр Пушкин уже осознавали своё предназначение, уже «горели желаньем» поэтическим словом отзываться на «Отчизны призыванье».

«Старшие» были взыскательны, требовательны, но благосклонны. Они заметили молодых, они радовались этой юной талантливой поросли, спешили дать им дорогу в жизнь.

Через много лет после лицейского экзамена Пушкин благодарно вспоминал: «Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил...» На самом деле «заметили и благословили» их и другие великие русские литераторы, среди которых Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский. Лицеист Пушкин был тепло принят и поддержан в доме Карамзиных; в журнале «Вестник Европы» печатались стихи начинающего поэта. Благодаря В.А. Жуковскому Пушкин был принят в литературное общество «Арзамас». Жуковский был рядом с ним на протяжении почти всей его жизни. Он неоднократно заступался за Пушкина перед царём и находился у постели смертельно раненного поэта в его последней квартире в Петербурге, на набережной реки Мойки, в доме 12.

Значительную роль в судьбе Ф.И. Тютчева и М.Ю. Лермонтова сыграл поэт, переводчик, издатель, педагог Семён Егорович Раич. В пансионе при Московском университете Раич руководил первыми поэтическими опытами Михаила Лермонтова. Вместе с ним юный Тютчев посещал лекции в Московском университете; под руководством учителя он выполнил свой перевод «Послания Горация к Меценату» и был принят в Общество любителей российской словесности. В своём альманахе «Северная лира» в 1827 году рядом со стихами известных поэтов Раич опубликовал стихи молодого Тютчева.

Заслугой литераторов старшего поколения было не только создание выдающихся произведений. Их талант проявился и в том, что они сумели найти, по достоинству оценить и поддержать других — молодых и талантливых. Это был великий дар блистательных «стариков» начинающегося века.

Декабризм как общественное движение появился задолго до 1825 года.

В начале века, ещё до войны 1812 года, стали возникать организации, участники которых обсуждали не только литературные события, но и политические вопросы: Общество любителей российской словесности, «Зелёная лампа», «Арзамас».

После «Трутня» и «Живописца» — журналов Н.И. Новикова, где издатель позволял себе публично спорить с императрицей Екатериной II, появились журналы и альманахи, в которых со всё нарастающей силой звучали свободолюбивые идеи. Таким был альманах «Полярная звезда», издававшийся А.А. Бестужевым и К.Ф. Рылеевым в 1823—1825 годах — в период наиболее активной подготовки к восстанию.

Произведения, прямо призывающие к свержению самодержавия, рассказывающие о бедственном и угнетённом положении людей, распространялись тайно. Это были агитационные песни А.А. Бестужева и К.Ф. Рылеева. Сатирическая песня-пародия в это время — явление распространённое.

Обложка альманаха «Полярная звезда» 1824 г.

Идея свержения крепостничества захватывала умы молодых русских офицеров, становилась основной целью и смыслом жизни многих из них.

РОМАНТИЗМ

Романтизм (от *фр.* romantisme — романтическое) — направление в литературе и искусстве конца XVIII — первой половины XIX века, боровшееся с канонами классицизма, утверждавшее национальное и индивидуальное своеобразие, изображавшее идеальные чувства и героев, стремящихся к свободе.

Романтизм как литературное направление возник в Западной Европе, был господствующим движением среди молодых авторов, охваченных идеями освобождения, борьбой с европейской реакцией. Новое направление нашло отражение в свободолюбивом творчестве английского поэта Джорджа Гордона Байрона и польского поэта Адама Мицкевича, в художественных полотнах Эжена Делакруа и Карла Брюллова. Жанрами романтизма в литературе стали преимущественно баллада и романтическая поэма, сказка и новелла. Подражание античным и европейским писателям (классицизм) уступило стремлению ориентироваться на лучшие образцы национального творчества, в том числе и народного. Именно романтики открыли художественную ценность фольклора, стали первыми его собирателями. Обращение к прошлому, к отечественной истории стало для многих романтиков одним из способов национального самоопределения и самопознания. В это время формировалось представление о народности как способности автора воссоздать облик и выразить дух нации.

Романтический герой, как правило, действовал в необычных обстоятельствах — среди пышной, яркой природы. Необыкновенно сильны, удивительны его чувства и поступки. Это человек исключительный, противостоящий толпе. Он одинок, отчуждён от людей, которые не понимают его, далеки от него. Романтические чувства в нём сильны и трагичны. Он свободолюбив, но идеал вольности не приводит романтиков к проповеди своеволия и произвола.

Любовь в произведениях романтизма не бывает взаимной, дружба — надёжной. Стремление обрести «родственную душу», как правило, обречено на неудачу. Счастье и покой невозможны. Остаются страдания и героическая смерть — но не смирение.

У окна в лунную ночь.
Художник Ф.П. Толстой. 1822 г.

Герой не только бунтует против социальных явлений, часто он становится преступником, нарушая Божьи заповеди. Не случайно традиционным персонажем в произведениях романтизма является демон, дьявольская сила. Появление сверхъестественных действующих лиц свидетельствует о такой особенности романтического сознания, как *двоемирие*: мир обыденный и мир воображаемый противопоставлены в произведениях эпохи романтизма. Мечта преобладает над действительностью, а художник стремится выйти из непосредственной реальности в реальность желаемого или запредельного. Романтический идеал находится в вечном противоречии с преходящей «вещественной» действительностью.

Одно из художественных достижений романтизма — открытие ценности и неисчерпаемой сложности человеческой личности. Человек осознаётся романтиками в трагическом противоречии — как «гордый властелин судьбы» и как безвольная игрушка в руках неведомых ему сил.

Для вас, любознательные

В начале XX века интерес к романтизму проявился с особой силой. О признаках искусства романтизма спорили и писали; традиции романтизма проявлялись в произведениях новейшей литературы. В 1919 году, выступая с речью перед актёрами Большого драматического театра в Петрограде, А.А. Блок говорил о романтизме: «Подлинный романтизм вовсе не есть только литературное течение. Он стремился стать и стал на мгновение новой формой чувствования, новым способом переживания жизни. Литературное новаторство есть лишь следствие глубокого перелома, совершившегося в душе, которая помолодела, взглянула на мир по-новому, потряслась связью с ним, прониклась трепетом, тревогой, тайным жаром, чувством неизведанной дали, захлестнулась восторгом от близости к Душе Мира.

<...> Из этого непосредственно следует то, что подлинный романтизм не был совершенно отрешён от жизни; он был, наоборот, преисполнен жадным стремлением к жизни, которая открылась ему в свете нового и глубокого чувства...»

«...Романтизм пока есть жадное стремление жить удесятерённой жизнью; стремление создать такую жизнь. <...> Романтизм и есть культура, которая находится в непрерывной борьбе со стихией; в этой неустанной борьбе он твердит своему врагу: „Я ненавижу тебя, потому что слишком люблю тебя. Я борюсь с тобой, потому что тоскую о тебе, как ты тоскуешь обо мне, и хочу спасти тебя, и ты, возлюбленная, будешь моей"».

Вопросы и задания

1. Дайте определение романтизма.

2*. В чём особенность романтизма в сравнении с классицизмом и сентиментализмом?

3. Как вы думаете, почему слова «романтизм», «романтический» могут относиться не только к литературным явлениям, но и к нашей повседневной жизни? Кого мы в обиходе называем романтиком и как это значение связано с эстетическим направлением?

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ **ЖУКОВСКИЙ** **1783—1852**

Василий Андреевич Жуковский родился 29 января (9 февраля) 1783 года в селе Мишенском Белёвского уезда Тульской губернии в семье богатого помещика Афанасия Ивановича Бунина. Матерью его была пленная турчанка Сальха. В России её нарекли Елизаветой Дементьевной. Незаконный сын А.И. Бунина получил отчество и фамилию от своего крёстного отца, мелкопоместного дворянина Андрея Жуковского.

Болезненное одиночество Василий Жуковский испытал уже в самом раннем детстве. В дневнике 1805 года он записал: «Как прошла моя молодость?.. Не имея своего семейства, в котором бы я что-нибудь значил, я видел вокруг себя людей, мне коротко знакомых, потому что я был перед ними выращен, но не видал родных, мне принадлежащих по праву; я привыкал отделять себя ото всех, потому что никто не принимал во мне особливого участия и потому что всякое участие казалось мне милостию. Я не был оставлен, брошен, имел угол, но не был любим никем, не чувствовал ничьей любви; следовательно, не мог платить любовью на любовь, не мог быть благодарным по чувству, а был только благодарным по должности...»

Эти впечатления и переживания потом отзовутся в творчестве Жуковского. Но здесь важно отметить другое: боль и горечь не озлобили его, не сделали чёрствым и бездушным. Не получив в детстве тепла и ласки, он с особой радостью в будущем отдавал другим заботу и теплоту. Он умел быть настоящим другом, «по чувству», а не «по должности».

Учился Жуковский в Университетском благородном пансионе, где в основе литературного воспитания лежал классицизм. В пансионе он писал оды в духе классицизма; читал французских

и немецких теоретиков этого литературного направления. Оды юного поэта были подражательны — ориентированы на стиль и образы Ломоносова и Державина. Они дышат пафосом патриотизма, воспевают мир, человечность, добро, справедливость.

В начале века Жуковский активно занимается переводами произведений французского писателя-классициста Флориана, басен Лафонтена, французских эпиграмм с их лёгким разговорным стилем, яркими образами, юмором. Переводы способствовали выработке чувства родного языка, оттачивали авторскую поэтическую манеру.

Поэт Жуковский формировался под влиянием не только классицизма, но и только возникшего в России литературного течения — сентиментализма, представленного произведениями Н.М. Карамзина и И.И. Дмитриева. Их влияние легко угадывается в первом дошедшем до нас стихотворении поэта «Майское утро». Ему присущи все признаки сентиментализма: созерцательность, чуткость в передаче душевного состояния, поэтизация природы, мысли о том, что жизнь есть «бездна слёз и страданий» и что счастье — в смерти.

Жуковский переводит одно из ярких произведений английского сентиментализма — элегию Томаса Грея «Сельское кладбище», которую по совету Карамзина затем перерабатывает. Вид сельского кладбища, его простые и безвестные могилы вызывают у лирического персонажа чувство грусти, мысли о равенстве перед лицом смерти всех: богатых и бедных, именитых и безвестных. Этот перевод Жуковский впоследствии считал подлинным началом своей поэтической деятельности.

Наряду с этим в элегию входит и другой — социальный — мотив. Он связан с осуждением французской революции, Кромвеля, у которого руки обагрены «кровью граждан». Не принимая идей революции, поэт вместе с тем осуждает социальное неравенство. С перевода «Сельского кладбища» начинается серьёзная, значительная работа Жуковского-переводчика, занявшая в его поэтическом наследии огромное место. Среди переведённых им авторов были Шиллер, Гёте, Байрон, Саути, Скотт, древнегреческие, древнеперсидские, древнеиндийские поэты. Жуковский впитывал культурные традиции переводимых авторов, не оставался равнодушным к темам и мотивам, образному строю их произведений. «Мой ум, как огниво, которым

надо ударить об кремень, чтобы из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества; у меня почти всё или чужое, или по поводу чужого — и всё, однако, моё», — писал он Н.В. Гоголю.

Переводчик — всегда соавтор. Переводы Жуковского никогда не были только «копиями» произведений других авторов. Это скорее свободные пересказы, в которых от переводимых поэтов остаются основные темы и мотивы; это вольные переводы. «Переводчик в прозе есть раб, переводчик в стихах — соперник», — утверждал поэт.

В.А. Жуковский был одним из первых русских писателей, принадлежавших к новому направлению — романтизму.

В произведениях Жуковского герой и любит, и страдает по-особому — сильно, ярко, необыкновенно. Он одинок, не понят людьми. Необыкновенна и природа вокруг него — она пышная, почти нереальная, одухотворённая. Сюжет часто фантастичен, даже сказочен. Всё это — яркие проявления романтизма. В его произведениях необычный герой действует в необычных обстоятельствах. Однако в нём нет духа бунтарства — герою Жуковского присущи размышления, мечтательность, созерцательность.

В августе 1812 года Жуковский вступил офицером в московское ополчение. С ним он принимал участие в Бородинском сражении, хотя на передовой не был: как и все ополченцы, находился в резерве. Бородино многое значило для поэта. Здесь проявился героический дух армии, патриотизм народа.

В сентябре — начале октября 1812 года он создал патриотическое произведение — стихотворение «Певец во стане русских воинов».

В.А. Жуковский был человеком необыкновенно добрым и образованным. Эти качества оказались решающими при принятии его в 1817 году на службу в императорскую семью. В 1826 году он стал воспитателем наследника престола — будущего императора Александра II, стремясь утвердить в нём чувства достоинства и сострадания, гуманистические представления о жизни. Императрице Александре Фёдоровне, говоря об особых пристрастиях наследника престола к «воинствующим», он писал: «Должен ли он быть только военным, существовать только в ограниченном кругозоре генерала? Когда же будут у нас законодатели? Когда же мы будем смотреть с уважением

на то, что составляет истинные нужды народа, — законы, просвещение, нравы?» В противовес тем, кто призывал «видеть в народе только полк, а в своём отечестве казарму», Жуковский считал долгом государя служение своему Отечеству и своему народу.

Раздумья о жизни облекались в его творчестве в строки элегий, баллад, поэм. Литературный критик В.Г. Белинский говорил, что Жуковский «первый на Руси выговорил элегическим языком жалобы человека на жизнь». «Жуковский, — отмечал Белинский, — имеет великое историческое значение для русской поэзии вообще: одухотворив русскую поэзию романтическими элементами, он сделал её доступною для общества, дал ей возможность развития, и без Жуковского мы не имели бы Пушкина».

Умер В.А. Жуковский 12 (24) апреля 1852 года в Баден-Бадене (Германия). В августе его прах был перевезён в Петербург и предан земле на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

Вопросы и задания

1. Какие качества личности В.А. Жуковского кажутся вам наиболее значимыми и привлекательными?

2. Как вы поняли мысль о том, что почти каждый переводчик является соавтором? Чем отличается художественный перевод от дословного?

Возвращаясь к теме

Вспомните балладу В.А. Жуковского «Светлана», изученную вами в 6 классе. Какие особенности романтизма как литературного направления нашли отражение в этом произведении?

Для вас, любознательные

■ Прочитайте высказывания о Жуковском. Какие свойства его поэзии отмечены в каждом фрагменте?

«Жуковский был первым поэтом на Руси, которого поэзия вышла из жизни... До Жуковского на Руси никто и не подозревал, чтоб жизнь человека могла быть в тесной связи с его

В.А. Жуковский. *Рисунок А.А. Воейковой по оригиналу К.А. Зенфа.* 1820 г.

поэзиею и чтоб произведения поэта могли быть вместе и лучшею его биографиею... Жуковский, как поэт по преимуществу романтический, был на Руси первым певцом скорби. Его поэзия была куплена им ценою тяжких утрат и горьких страданий; он нашёл её не в иллюминациях, не в газетных реляциях[1], а на дне своего растерзанного сердца, во глубине своей груди, истомлённой тайными муками...»

В.Г. Белинский

В.А. Жуковский «был романтическим поэтом в самом истинном значении этого слова; он благоговейно поклонялся поэзии и вполне понимал её облагораживающую силу. Его перу принадле-

[1] *Реля́ция* (*фр.* relations) — донесение об отдельных происшествиях во время войны.

жит немного оригинальных произведений, и он замечателен главным образом как переводчик, воссоздавший чудными стихами поэмы Шиллера, Уланда, Гердера, Байрона, Томаса Мура и др., а равным образом — „Одиссею", индусскую поэму „Наль и Дамаянти" и песни западных славян. Красота этих переводов такова, что я сомневаюсь, существуют ли в других литературах, включая даже особенно богатую хорошими переводами немецкую, равно прекрасные воспроизведения иностранных поэтов. При этом Жуковский не был переводчиком-ремесленником: он брал из других поэтов лишь то, что находило отзвук в его собственной природе и что он сам хотел бы воспроизвести в поэтической форме. Печальные размышления о неведомом, порывы вдаль, страдания любви и скорбь разлуки — все эти ощущения, пережитые самим поэтом, являются отличительными чертами его поэзии и отражают его собственную душевную жизнь».

П.А. Кропоткин[1]

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв его, держит и греет старик.

— Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?
— Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул;
Он в тёмной короне, с густой бородой.
— О нет, то белеет туман над водой.

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Весёлого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

[1] *Кропо́ткин Пётр Алексеевич* (1842—1921) — русский революционер, географ, геолог, филолог.

— Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит.
— О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы.

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

— Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из тёмных ветвей.
— О нет, всё спокойно в ночной глубине:
То вётлы седые стоят в стороне.

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
— Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжко дышать.

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок подгоняет, ездок доскакал...
В руках его мёртвый младенец лежал.

1818

НЕВЫРАЗИМОЕ (ОТРЫВОК)

Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и лёгкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разновидное с единством согласила!
Но где, какая кисть её изобразила?
Едва-едва одну её черту
С усилием поймать удастся вдохновенью...
Но льзя ли в мёртвое живое передать?

Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас.
Не часто ли в величественный час
Вечернего земли преображенья —
Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена —
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полёте удержать,
Ненаречённому хотим названье дать —
И обессиленно безмолвствует искусство?
Что видимо очам — сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката —
Сии столь *яркие черты* —
Легко их ловит мысль крылата,
И есть *слова* для их *блестящей* красоты.
Но то, что слито с сей блестящей красотою, —
Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающего глас,
Сие к далёкому стремленье,
Сей миновавшего привет
(Как прилетевшее внезапно дуновенье
От луга родины, где был когда-то цвет,
Святая молодость, где жило упованье),
Сие шепнувшее душе воспоминанье
О милом радостном и скорбном старины,
Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие создателя в созданье —
Какой для них язык?.. Горé душа летит,
Всё необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.

1819

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА В.А. ЖУКОВСКОГО

«Лесной царь»

Стихотворение является переводом одноимённой баллады И.В. Гёте.

Баллада — лиро-эпический жанр; стихотворение, в основе которого, как правило, лежит какой-то необычайный случай, историческое или фантастическое событие.

Баллада — наиболее значительный и характерный для Жуковского жанр поэтического творчества. Жуковский познакомил читателей с миром народных преданий, поверий, легенд, обрядов европейского фольклора, до него недостаточно известных в России. Его перу принадлежит перевод баллад Шиллера, Гёте, Скотта и других английских и немецких авторов. «Этот род поэзии, — отмечал В.Г. Белинский, — им начат, создан и утверждён на Руси: современники юности Жуковского смотрели на него преимущественно как на автора баллад». Сам поэт отмечал, что он «родитель на Руси немецкого романтизма и поэтический дядька чертей и ведьм немецких и английских».

1. Напряжённость происходящего передаётся в балладе «Лесной царь» благодаря диалогу, как правило не свойственному лирической поэзии. Прочитайте балладу по ролям. Попытайтесь найти нужные оттенки для передачи характера каждого лирического персонажа.

2. Одним из признаков баллады является наличие основных сюжетных элементов: завязки, кульминации, развязки, придающих ей повествовательный характер. Найдите в тексте эти элементы. Что ещё в этой балладе отличает её от обычного лирического стихотворения?

3. Стихотворный перевод баллады относится к романтической поэзии. В ней необычный герой действует в необычных обстоятельствах. Чем необычны персонажи баллады и обстоятельства, в которых они действуют?

4. Сюжет баллады Гёте взят из народных песен. К какому жанру русского фольклора близок его стихотворный перевод?

В.А. Жуковский. *Портрет работы А.П. Елагиной по оригиналу Ф.Т. Гильдебрандта.* Начало 1840-х гг.

«Невыразимое»

Это стихотворение было особенно значимо для поэта. Оно носило программный характер: Жуковский высказал в нём своё представление о взаимоотношениях человека и мира, художника и природы. Это своеобразный гимн природе и её Творцу. Лирический герой — сам автор, который восхищён, покорён красотой мира. Он стремится понять и выразить его величие, внутреннюю силу и совершенство, но осознаёт: ещё не найдено таких слов. «Душа смятенная» может лишь в молчании наслаждаться; слова бессильны. Стихотворение относится к жанру философской лирики и создано в соответствии с канонами романтизма.

1. С помощью каких языковых средств создаётся особый пафос стихотворения? Найдите в тексте слова высокого, торжественного стиля.

Пафос — высокая идея художественного произведения, определяющая стиль и эмоциональную окрашенность текста.

2. Найдите риторические фигуры, употреблённые в тексте. Какова их роль в произведении?
3. Отдельные слова выделены Жуковским курсивом. На что поэт таким образом обращает внимание читателей? Почему эти явления особенно для него важны?
4. Найдите в тексте и прочитайте афористические словосочетания и выражения.
5. В каких строках выражается главная мысль стихотворения?
6*. Обоснуйте вывод о том, что стихотворение «Невыразимое» относится к философской лирике.

ТЕМЫ ДЛЯ РЕФЕРАТОВ, СООБЩЕНИЙ, СОЧИНЕНИЙ

1. В.А. Жуковский — один из ярких представителей русского романтизма.
2. Романтические элементы в литературной сказке.
3. Баллада — один из жанров романтической поэзии.
4. В.А. Жуковский и А.С. Пушкин.
5. «Жадное стремление жить удесятерённой жизнью...» (Романтические традиции в современной литературе. На примере одного из самостоятельно прочитанных произведений.)

КОНДРАТИЙ ФЁДОРОВИЧ **РЫЛЕЕВ** **1795—1826**

Кондратий Фёдорович Рылеев прожил короткую жизнь — чуть более тридцати лет, но она вместила в себя необыкновенно много яркого, значимого.

Его отец был армейским офицером, мелким землевладельцем. Мальчик, названный Кондратием, родился 18 (29) сентября 1795 года. Уже юношей участвовал в Отечественной войне 1812 года. В 1814 году закончил 1-й кадетский Петербургский корпус и стал артиллерийским прапорщиком[1]. Военная карьера не прельщала его, и в 1818 году Рылеев ушёл в отставку, после чего служил в Петербурге: с 1821 по 1824 год — заседателем уголовной палаты, а в 1824 году поступил в Российско-американскую торговую компанию.

Литератор и революционер-романтик, с 1821 года К.Ф. Рылеев — активный участник Вольного общества любителей российской словесности. В 1823 году он вступает в тайное Северное общество и вскоре становится одним из его руководителей.

В 1820 году Рылеев пишет сатиру «К временщику», которая сразу обратила на себя внимание, — она была направлена против генерала А.А. Аракчеева. Портрет «временщика» был точен и беспощаден до такой степени, что Аракчеев предпочёл себя не узнать:

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесённый в важный сан[2] пронырствами злодей!

---

[1] *Пра́порщик* — самый младший офицерский чин в царской армии.

[2] *Сан* — звание, связанное с почётным положением.

Ничто, по мнению поэта, не спасёт его от гнева и справедливого возмездия:

Как ни притворствуешь и как ты ни хитришь,
Но свойства злобные души не утаишь.
Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он, что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довёл до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...[1]
Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен разъяренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя,
Всё трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесёт потомство!

Стихотворение было политической угрозой власти, призывом к действию, к уничтожению временщика. Рылеев утверждал, что избавить Россию от жестокосердной власти может только новый Брут или Катон[2]. Поэт смело заявлял, что он будет счастлив «прославить на лире» нового героя-избавителя. Н. Бестужев писал о впечатлении, произведённом «Временщиком» на русскую публику: «Нельзя представить изумления, ужаса даже, можно сказать, оцепенения, каким поражены были жители столицы при сих неслыханных звуках правды и укоризны, при сей борьбе младенца с великаном... С этого стихотворения началось политическое поприще Рылеева».

Совершенно оригинальным по жанровым признакам был поэтический рылеевский цикл, им самим названный «Думами». В украинском фольклоре *думы* — песни исторического содержания. По замыслу Рылеева, их подобием должны были стать его собственные думы. Они создавались поэтом в 1821—1823 годах и печатались в различных изданиях (журналах, альманахах). В 1825 году «Думы» вышли отдельной книгой.

---

[1] *Селения лишил их прежней красоты...* — намёк на военные поселения, основанные Аракчеевым.

[2] *Брут Марк Юний* (85—42 до н.э.) — римский сенатор, известный как убийца Цезаря. *Катон Младший* (95—47 до н.э.) — римский государственный деятель, защитник республики.

Н. Огарёв отмечал, что в «Думах» Рылеева сочетались «исторический патриотизм с гражданскими понятиями своего времени». Это содержательная основа, главный принцип рылеевских дум. Поэт давал современникам поучительные примеры гражданских добродетелей их «предков». С одной стороны, героями его дум были древнерусские князья, Дмитрий Донской, Ермак, Степан Разин, Богдан Хмельницкий, Борис Годунов, Пётр I и его сподвижники... С другой стороны, такие персонажи, как властолюбивый князь Святополк, убивший своих братьев Бориса и Глеба, служили суровым предостережением. Образ царя Бориса Годунова, одного из наиболее противоречивых исторических персонажей, был дан во всей многообразной сложности; автор показал переплетение в одном человеке добра и зла. Думы учили читателя делать выбор в пользу добра. Некоторые из них написаны в форме лирического монолога исторического героя, другие — в форме авторского повествования о его славных делах. Одна из них — «Смерть Ермака» — стала известной народной песней «Ревела буря, дождь шумел...».

«Думы» имели явно нравоучительный, дидактический характер, и эта заданность вызывала замечания А.С. Пушкина, который был с Рылеевым в дружеских отношениях и внимательно следил за его творчеством. В 1825 году Пушкин писал о «Думах»: «Все они на один покрой. Составлены из общих мест... описание места действия, речь героя — и нравоучение». Пушкин к этому времени в литературе уже ушёл далеко вперёд, он избегал открытой нравоучительности и дидактизма.

14 декабря 1825 года К. Рылеев выступил в числе деятельных участников восстания, как и четверо других руководителей тайных обществ, и после его поражения был приговорён к смертной казни через повешение.

А. Герцен и Н. Огарёв, давшие своему лондонскому изданию название журнала К. Рылеева и А. Бестужева — «Полярная звезда», — тем самым подчеркнули: они верны идеям декабризма, продолжают их дело. Герцен и Огарёв стремились сохранить память о Рылееве не только как о революционере, но и как о поэте. В 1860 году в «Посвящении» к «Думам» Рылеева, которые печатались Вольной русской типографией в Лондоне, Н.П. Огарёв писал:

Рылеев был мне первым светом... <...>
Мы стих твой вырвем из забвенья
И в первый русский вольный день,
В виду младого поколенья,
Восстановим для поклоненья
Твою страдальческую тень.

ИВАН СУСАНИН

В исходе 1612 года юный Михаил Феодорович Романов, последняя отрасль Рюриковой династии, скрывался в Костромской области. В то время Москву занимали поляки: сии пришельцы хотели утвердить на российском престоле царевича Владислава, сына короля их Сигизмунда III. Один отряд проникнул в костромские пределы и искал захватить Михаила. Вблизи от его убежища враги схватили Ивана Сусанина, жителя села Домнина, и требовали, чтобы он тайно провёл их к жилищу будущего венценосца России. Как верный сын отечества, Сусанин захотел лучше погибнуть, нежели предательством спасти жизнь. Он повёл поляков в противную сторону и известил Михаила об опасности: бывшие с ним успели увезти его. Раздражённые поляки убили Сусанина. По восшествии на престол Михаила Феодоровича (в 1613) потомству Сусанина дана была жалованная грамота на участок земли при селе Домнине; её подтверждали и последующие государи.

«Куда ты ведёшь нас?.. не видно ни зги! —
Сусанину с сердцем вскричали враги. —
Мы вязнем и тонем в сугробинах снега;
Нам, знать, не добраться с тобой до ночлега.
Ты сбился, брат, верно, нарочно с пути;
Но тем Михаила тебе не спасти!

Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушует,
Но смерти от ляхов ваш царь не минует!..
Веди ж нас, — так будет тебе за труды;
Иль бойся: не долго у нас до беды!
Заставил всю ночь нас пробиться с метелью...
Но что там чернеет в долине за елью?»

«Деревня! — сарматам в ответ мужичок. —
Вот гумна, заборы, а вот и мосток.
За мною! в ворота! — избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрета.
Войдите — не бойтесь!» — «Ну, то-то, москаль!..
Какая же, братцы, чертовская даль!

Такой я проклятой не видывал ночи,
Слепились от снегу соколии очи...
Жупан мой — хоть выжми, нет нитки сухой! —
Вошед, проворчал так сармат молодой. —
Вина нам, хозяин! мы смокли, иззябли!
Скорей!.. не заставь нас приняться за сабли!»

Вот скатерть простая на стол постлана;
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша, и щи пред гостями,
И хлеб перед каждым большими ломтями.
В окончины ветер, бушуя, стучит;
Уныло и с треском лучина горит.

Давно уж за полночь!.. Сном крепким объяты,
Лежат беззаботно по лавкам сарматы.
Все в дымной избушке вкушают покой;
Один, настороже, Сусанин седой
Вполголоса молит в углу у иконы
Царю молодому святой обороны!..

Вдруг кто-то к воротам подъехал верхом.
Сусанин поднялся и в двери тайком...
«Ты ль это, родимый?.. А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь... а ветер ещё не затих;
Наводишь тоску лишь на сердце родных!»

«Приводит сам Бог тебя к этому дому,
Мой сын, поспешай же к царю молодому,
Скажи Михаилу, чтоб скрылся скорей,
Что гордые ляхи, по злобе своей,
Его потаённо убить замышляют
И новой бедою Москве угрожают!

Часовня, сооружённая в 1913 г. на средства местных крестьян в память 300-летия подвига Ивана Сусанина на месте, где в деревне Деревеньки стоял дом И.О. Сусанина. *Фотография*. 2013 г.

Скажи, что Сусанин спасает царя,
Любовью к отчизне и вере горя.
Скажи, что спасенье в одном лишь побеге
И что уж убийцы со мной на ночлеге».
«Но что ты затеял? подумай, родной!
Убьют тебя ляхи... Что будет со мной?

И с юной сестрою и с матерью хилой?»
«Творец защитит вас святой своей силой.
Не даст он погибнуть, родимые, вам:
Покров и помощник он всем сиротам.
Прощай же, о сын мой, нам дорого время;
И помни: я гибну за русское племя!»

Рыдая, на лошадь Сусанин младой
Вскочил и помчался свистящей стрелой.
Луна между тем совершила полкруга;
Свист ветра умолкнул, утихнула вьюга.
На небе восточном зарделась заря,
Проснулись сарматы — злодеи царя.

«Сусанин! — вскричали, — что молишься Богу?
Теперь уж не время — пора нам в дорогу!»
Оставив деревню шумящей толпой,
В лес тёмный вступают окольной тропой.
Сусанин ведёт их... Вот утро настало,
И солнце сквозь ветви в лесу засияло:

То скроется быстро, то ярко блеснёт,
То тускло засветит, то вновь пропадёт.
Стоят не шелохнясь и дуб и берёза,
Лишь снег под ногами скрипит от мороза,
Лишь временно ворон, вспорхнув, прошумит,
И дятел дуплистую иву долбит.

Друг за другом идут в молчаньи сарматы;
Всё дале и дале седой их вожатый.
Уж солнце высоко сияет с небес —
Всё глуше и диче становится лес!
И вдруг пропадает тропинка пред ними:
И сосны и ели, ветвями густыми

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стену из сучьев сплели.
Вотще настороже тревожное ухо:
Всё в том захолустье и мёртво и глухо...
«Куда ты завёл нас?» — лях старый вскричал.
«Туда, куда нужно! — Сусанин сказал. —

Убейте! замучьте! — моя здесь могила!
Но знайте и рвитесь: я спас Михаила!
Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит».

«Злодей! — закричали враги, закипев, —
Умрёшь под мечами!» — «Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро, и смело,
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»

Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь в Костроме, в стенах которого укрывались от поляков юный Михаил Фёдорович Романов и его мать инокиня Марфа. Отсюда 19 марта 1613 г. М.Ф. Романов отправился в Москву на царство. *Фотография.* 2013 г.

«Умри же! — сарматы герою вскричали,
И сабли над старцем, свистя, засверкали! —
Погибни, предатель! Конец твой настал!»
И твёрдый Сусанин весь в язвах упал!
Снег чистый чистейшая кровь обагрила:
Она для России спасла Михаила!
1822

Для вас, любознательные

Пушкин упоминает «Ивана Сусанина» в письме Рылееву как «первую думу, по коей начал я подозревать в тебе истинный талант». Произведение дало толчок развитию русской национальной оперы и было принято всеми слоями русского общества.

Учёный-лингвист Ф.И. Буслаев в «Моих воспоминаниях» писал: «...Скажу вам, что в стенах самой гимназии мы читали „Войнаровского" и „Думы" Рылеева и переписывали некоторые из них в тетради для своих рукописных собраний... Читая и переписывая „Думы" Рылеева, мы, гимназисты, вовсе и не воображали, что Рылеев государственный преступник, и знать не знали, что он был казнён. Напротив, он казался нам добрым патриотом, и я до сих пор помню начало его одной думы, которую мы все знали наизусть:

„Куда ты ведёшь нас?.. не видно ни зги!" —
Сусанину с гневом вскричали враги».

Вопросы и задания

1. Стихотворение К.Ф. Рылеева названо думой. Дайте определение жанра и найдите его признаки в этом произведении.

2*. Дума «Иван Сусанин» вдохновила М.И. Глинку на создание оперы, которая долгие годы шла на сценах советских театров именно под этим названием — «Иван Сусанин». Каково было первоначальное название оперы? Какие строки стихотворения соответствуют её названию?

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Для более глубокого проникновения в содержание и образный мир художественного произведения важно понимать все оттенки смыслов непонятных слов, иметь представление о событиях, отражённых в тексте, о действующих лицах и их прототипах. Знание этих фактов помогает лучше понять авторскую идею, полнее и точнее характеризовать литературное произведение.

Для того чтобы познакомиться со структурой историко-литературного комментария, следует взять в библиотеке том сочинений автора, в котором даны примечания и комментарии. Лучше всего обращаться к академическим изданиям — в них эти материалы представлены наиболее полно и точно. Есть необходимые комментарии и в книгах серии «Библиотека поэта». Например: *Рылеев К.Ф.* Полное собрание стихотворений. Л., 1971. (Библиотека поэта. Большая серия).

Историко-литературный комментарий вы можете составить и сами по определённой структурной схеме:

1. Коротко об авторе, дате создания текста.

2. Сведения об исторических персонажах произведения (построчно, начиная от названия).

3. Построчный и по возможности краткий комментарий к событиям, отражённым в произведении.

Следует помнить, что в историко-литературном комментарии нежелательны личные размышления и субъективные оценки комментатора, употребление образно-выразительных средств и другие способы «воздействия» на читателя. Комментарий должен быть строгим и предельно информативным.

Пример историко-литературного комментария:

К.Ф. Рылеев (1795—1826) — русский поэт, декабрист, участник восстания на Сенатской площади в Петербурге в 1825 году. Был повешен в числе других организаторов движения и руководителей восстания. Дума «Иван Сусанин» была написана в 1822 году, в период создания и укрепления тайных декабристских организаций, когда поэт систематически обращался к истории Отечества, судьбе его героических защитников.

Дума Рылеева посвящена событиям, связанным с попытками польского короля Сигизмунда III утвердить на российском престоле своего сына, царевича Владислава.

Сусанин Иван (? — 1613) — герой освободительной борьбы русского народа, по некоторым данным, житель села Домнина Костромского уезда. Зимой 1613 года, будучи взятым в проводники отрядом польской шляхты, завёл их в непроходимые лесные дебри, за что был замучен.

«...Но тем Михаила тебе не спасти!» — Поляки искали и хотели захватить в плен будущего российского государя Михаила Романова, скрывавшегося в то время в пределах Костромского уезда.

Ляхи — поляки.

Москаль — происходит от польского moskal — выходец из Москвы (Московии), русский (солдат). В XVIII—XIX веках жители Восточной Белоруссии и Украины так называли солдат армии Российской империи (в том числе и малороссов и белорусов). Изначально слово имело нейтральное значение и подчёркивало лишь географическую принадлежность. С тече-

нием времени слово «москаль» начало приобретать негативный оттенок на территориях Польши, Белоруссии, Литвы и Украины.

Сарматы — общее название кочевых скотоводческих ираноязычных племён, расселившихся в III веке до н. э. — IV веке н. э. в степях от Тобола на востоке до Дуная на западе (Сарматия). С середины XVI века в Польше начинают высказывать мысль о том, что польская шляхта происходит от сарматов. Сарматы считались прекрасными воинами, они создали тяжёлую конницу, их оружием были мечи и копья. В тексте думы слово *сарматы* употреблено в значении «воины».

Жупан — у украинцев и поляков: старинный полукафтан.

Лучина — тонкая длинная щепка для освещения крестьянской избы.

«Но знайте и рвитесь: я спас Михаила!» — Сусанин сумел известить Михаила об опасности, и свита успела увести его в безопасное место. По восшествии на престол Михаила Феодоровича в 1613 году потомству Сусанина дана была жалованная грамота на участок земли при селе Домнине; её подтверждали и последующие государи.

Вопросы и задания

1*. По данному образцу напишите историко-литературный комментарий к думе К.Ф. Рылеева «Смерть Ермака».

2. Какими образно-выразительными средствами пользуется Рылеев, рисуя фигуру Ермака? Что подчёркивается, особо оттеняется в его облике и характере?

3. Как вы думаете, каким образом думы Рылеева «Иван Сусанин» и «Смерть Ермака» помогали поэту достичь цели: «Возбуждать доблести сограждан подвигами предков»?

После уроков

Подготовьте материалы для историко-литературного альманаха[1] «Декабристы — поэты, публицисты, революционеры». Составьте альманах. Вы можете подготовить его в виде электронной презентации.

---

[1] *Альмана́х* — сборник произведений, объединённых по тематическому, жанровому или другому признаку.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ **ПУШКИН**
1799—1837

Многообразен мир поэзии А.С. Пушкина. Поэт находил темы для своих произведений в устном народном творчестве и отечественной истории, его вдохновляли образы и мотивы поэзии собратьев по перу и сюжеты из мировой литературы. Но, конечно же, прежде всего он брал материал из окружающей его жизни. Общение с людьми и миром природы давало Пушкину безграничный простор для полёта фантазии, раздумий, обобщений.

Его интересовало всё: «преданья старины глубокой» и события недавней истории. Вдохновенно писал поэт о природе и человеке. Пушкин умел заметить и передать мельчайшие оттенки в явлении, к которому обращался его поэтический взор.

Любовь, верность, дружба, честь, доброта, сострадание, свобода — таковы основные темы в творчестве Пушкина. Вспомните многообразие человеческих характеров: от добрых, готовых к самопожертвованию до жестоких и неправедных в его «Сказке о мёртвой царевне и о семи богатырях»; раздумья о судьбе, жизни и смерти в балладе «Песнь о вещем Олеге»; глубокий интерес к истории народа, неприятие несправедливости, утверждение любви, искренности, отваги, преданности в романе «Дубровский»; гордость за страну, сумевшую победить врага в жестокой схватке, ярко изображённой в «Полтаве». Вспомните чарующие образы природы в стихотворениях «Зимняя дорога», «Простите, верные дубравы...».

Совершенно особо в лирике поэта раскрывается тема дружбы и нравственного долга. В его стихах удивительным образом соединились общественно-политическое и личное звучание этой темы, что убедительно и ярко прозвучало в его послании

«К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...») и стихотворении «Во глубине сибирских руд...». Но при огромном разнообразии тем и мотивов творчества есть то, что объединяет все его произведения: в каждом из них он утверждал «чувства добрые».

Отзывы лицейских педагогов о личности Пушкина противоречивы. Профессор французской словесности Д.И. де Будри писал в ноябре — декабре 1811 года: «Он проницателен и даже умён. Крайне прилежен, и его приметные успехи столь же плод его рассудка, сколь и его счастливой памяти», а директор Лицея В.Ф. Малиновский отмечал совершенно иное: «Ветрен и легкомыслен, искусен во французском языке и рисовании, в арифметике ленится и отстаёт». Профессор русской словесности Н.Ф. Кошанский считал, что «Александр Пушкин больше имеет понятливости, нежели памяти, более имеет вкуса к изящному, нежели прилежности к основательному, почему малое затруднение может остановить его...». Это многообразие мнений свидетельствует о богатстве натуры Пушкина, до конца не разгаданной лицейскими наставниками.

В 1814 году А.С. Пушкин пишет на французском языке стихотворение «Mon portrait» («Мой портрет»), которое сам же и переводит на русский язык. Вот некоторые строфы из него:

Я молодой повеса,
Ещё на школьной скамье;
Не глуп, говорю без стеснения
И без жеманного кривлянья.

Я люблю толпу и её шум,
Одиночество ненавижу;
Мне претят ссоры и споры,
А отчасти и учение.

<...>

Сущий бес в проказах,
Сущая обезьяна лицом,
Много, слишком много ветрености —
Вот каков Пушкин.

Как видим, Пушкин был вполне самокритичен, рисуя свой портрет. И вместе с тем чуть позже он писал, заявляя о своём сокровенном:

Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю,
Исполню ли? Бог весть.

Пушкинское чувство юмора обращалось и на его лицейских друзей — поэт нередко подтрунивал над Вильгельмом Кюхельбекером, Кюхлей, который тоже писал стихи, впрочем, как и многие другие лицеисты, и был авторитетом для Пушкина по целому ряду вопросов в области литературы. Однако это не мешало Пушкину так высказываться о Кюхле в эпиграммах:

ЗАВЕЩАНИЕ КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Друзья, простите! Завещаю
Вам всё, чем рад и чем богат;
Обиды, песни — всё прощаю,
А мне пускай долги простят.
1816

* * *

За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно —
Так было мне, мои друзья,
И *кюхельбекерно* и тошно.
1819

В.К. Кюхельбекер.
Рисунок А.С. Пушкина.
1826 г.

Эпиграмма — один из видов сатирической поэзии, небольшое стихотворение, осмеивающее какое-либо лицо или общественное явление.

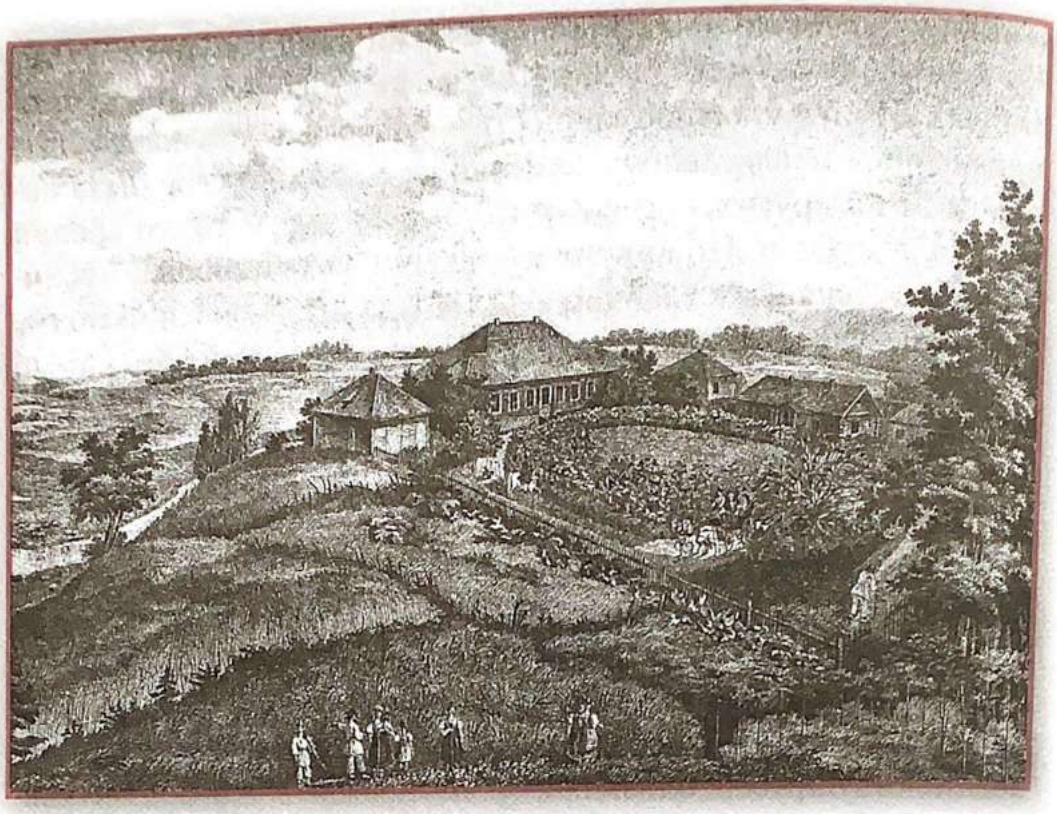
Точно подмечая некоторые детали, ни один из современных Пушкину мемуаристов не смог передать его характер в целом. Он был яркой и сложной личностью, которая не отвечает общепризнанным представлениям. Пушкин позволял себе быть непохожим на других, совершал необдуманные, с точки зрения многих, поступки. Но при этом большинство читающей публики позже сошлось в главном — в признании дарования поэта. «Его известность и литературная и личная, — писал его самый близкий лицейский друг Иван Пущин, — с каждым днём возрастала. Молодёжь твердила наизусть его стихи, повторяла остроты его...»

Стихи Пушкина будоражили общественное мнение: в них говорилось о тирании, о невыносимом положении русского крестьянина. Царь не мог простить поэту того, что он «наводнил Россию возмутительными стихами». Над Пушкиным сгустились тучи. Он был обречён на политическое преследование — решено было отправить его в сибирскую ссылку, но по ходатайству друзей, близких к трону, прежде всего В.А. Жуковского, Сибирь заменили отправкой на юг. Здесь Пушкин пробыл до конца лета 1824 года, после чего по предписанию властей был направлен в Псковскую губернию.

МИХАЙЛОВСКОЕ. ССЫЛКА. ТЕМА ЛИЦЕЙСКОЙ ДРУЖБЫ

В августе 1824 года Пушкин прибыл на место новой ссылки — в родовое имение Михайловское Псковской губернии. Пребывание здесь было для Пушкина тяжёлым, прежде всего потому, что надзор за поэтом должен был осуществлять родной отец. «Спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырём», — в отчаянии пишет Пушкин В.А. Жуковскому 31 октября 1824 года.

Жизненные силы поддерживались только творчеством. Но одиночество давило и угнетало Пушкина. Вновь и вновь он вспоминал беззаботную жизнь Лицея, лицейских товарищей, а они — опального поэта. День Лицея — 19 октября. Пушкин посвятил этому дню много пламенных строк — весёлых и груст-

Сельцо Михайловское Опочецкого уезда Псковской губернии. *Литография П.А. Александрова по рисунку И.С. Иванова.* 1837 г.

ных. В кругу друзей и в одиночестве он неизменно поднимал за них заздравный кубок.

В Михайловском Пушкин не ждал никого: посещать поэта было запрещено. Однако 11 января 1825 года Пушкина навестил его верный лицейский товарищ Иван Пущин.

Собираясь к поэту, Иван Пущин на балу у московского генерал-губернатора Голицына встретил А.И. Тургенева и спросил, нет ли у него каких-либо поручений к Пушкину. «Как! Вы хотите к нему ехать? Разве не знаете, что он под двойным надзором — и полицейским и духовным?» — изумился Тургенев. «Всё это я знаю, — ответил Пущин, — но знаю также, что нельзя не навестить друга после пятилетней разлуки в теперешнем его положении, особенно когда буду от него с небольшим в ста верстах. Если не пустят к нему, уеду назад». — «Не советовал бы; впрочем, делайте, как знаете», — прибавил Тургенев. От поездки предостерегал Пущина и дядя поэта Василий Львович, но со слезами на глазах просил расцеловать племянника.

И.И. Пущин писал в своих воспоминаниях об этой встрече: «Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим. Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндевевшей шубе и шапке.

Было около восьми часов утра. Не знаю, что делалось. Прибежавшая старуха застала нас в объятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом: один — почти голый, другой — весь забросанный снегом. Наконец пробила слеза (она и теперь, через тридцать три года, мешает писать в очках), мы очнулись. Совестно стало перед этою женщиной, впрочем, она всё поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это добрая его няня, столько раз им воспетая, — чуть не задушил её в объятиях».

Пущин говорил Пушкину, что имя его сделалось в России народным, что друзья и близкие помнят и любят его, искренне желая, чтобы скорее кончилось его изгнание.

Свои воспоминания об этой встрече в Михайловском И.И. Пущин заканчивал так: «Мы крепко обнялись в надежде, может быть, скоро свидеться в Москве. Шаткая эта надежда облегчила расставанье после так отрадно промелькнувшего дня. Ямщик уже запряг лошадей, колоколец брякал у крыльца, на часах ударило три. Мы ещё чокнулись стаканами, но грустно пилось: как будто чувствовалось, что последний раз вместе пьём, и пьём на вечную разлуку! Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сани. Пушкин ещё что-то говорил мне вслед; ничего не слыша, я глядел на него: он остановился на крыльце, со свечой в руке. Кони рванулись под гору».

Переживая минуты этой встречи, Пушкин набросал черновик посвящённого Пущину стихотворения:

...Забытый кров, шалаш опальный
Ты вдруг отрадой оживил,
На стороне глухой и дальной
Ты день изгнанья, день печальный
С печальным другом разделил.

Царское Село. Вид на Екатерининский дворец из-под арки.
Художник А.Е. Мартынов. 1821—1822 гг.

Скажи, куда девались годы,
Дни упований и свободы,
Скажи, что наши? что друзья?
Где ж эти липовые своды?
Где ж молодость? Где ты? Где я?

Судьба, судьба рукой железной
Разбила мирный наш Лицей...

Годы, проведённые в Михайловском, были чрезвычайно важны для писателя. Именно в это время он заново для себя открыл народную Россию, жизнь и судьбы странников, услышал рассказы монахов, обрёл новых преданных друзей, встретился с А.П. Керн, которой посвятил стихотворение «К***» («Я помню чудное мгновенье...»).

В Михайловском Пушкин очень много работал. Атмосфера способствовала сосредоточенности. Одиночество располагало к размышлениям. Здесь окончательно сложился задуманный ранее сборник «Стихотворения Александра Пушкина», здесь создана трагедия «Борис Годунов». В феврале 1825 года была издана первая глава романа «Евгений Онегин».

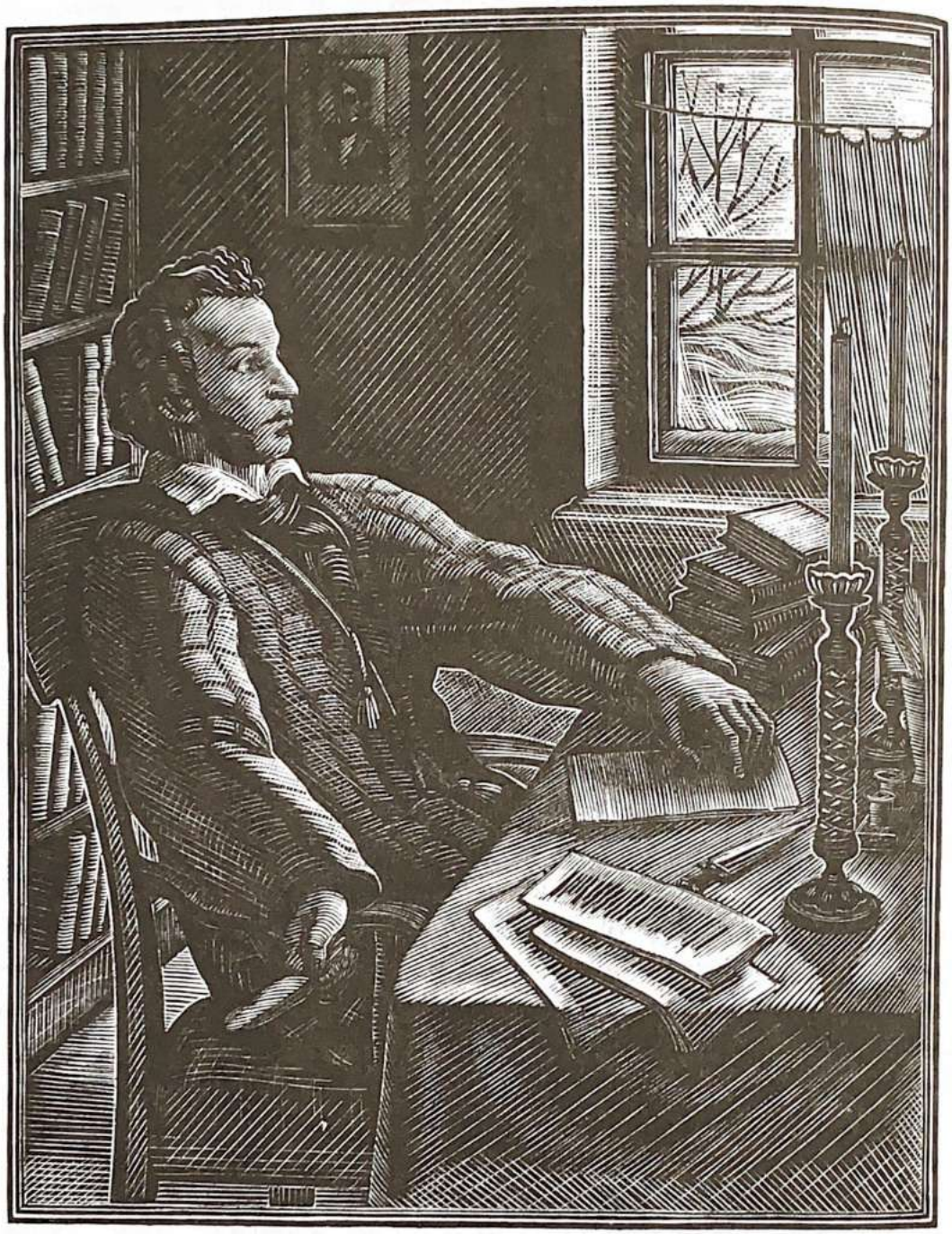

И.И. Пущин. *Художник Ф. Верне.* 1817 г. (слева).
А.А. Дельвиг. *Художник В.П. Лангер.* 1830 г.

Друзья понимали: Пушкин — первый поэт России. Дельвиг в письме от 28 сентября 1824 года именует его «великий Пушкин» и пишет: «Никто из писателей русских не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты». В.А. Жуковский заявляет: «Ты рождён быть великим поэтом. <...> По данному мне полномочию предлагаю тебе первое место на русском Парнасе».

Пушкину особенно хотелось видеть барона А.А. Дельвига, поэта, дарование которого он высоко чтил ещё со времён Лицея. «Дельвига с нетерпением ожидаю», «Дельвига жду», — писал он брату. Дельвиг неожиданно приехал в начале апреля 1825 года. Потекли воспоминания о былом, о Лицее, о друзьях юношеских лет. Они читали друг другу только что написанные строки. Пушкин познакомил Дельвига с первыми главами «Евгения Онегина», сценами из «Бориса Годунова».

Друзья думали о Пушкине, поддерживали его в письмах, в журнальных статьях. И поэт думал о друзьях постоянно. Лучшее подтверждение этому — новое стихотворение ко дню Лицея: «19 октября».

А.С. Пушкин в Михайловском.
Гравюра В.А. Фаворского. 1956 г.

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать весёлых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовёт;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждёт.

Я пью один, и на брегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Ещё кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлёк холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришёл? Кого меж вами нет?

Он не пришёл, кудрявый наш певец,
С огнём в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашёл привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лёд полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастие куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,

Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай просёлочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришёл, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво,
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнём волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слёз и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мёртвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока ещё мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто, дальный, сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;

Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придётся одному?

Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведёт,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провёл без горя и забот.

1825

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА А.С. ПУШКИНА

Мотивы одиночества и изгнания пронизывают стихотворение «19 октября». Начинается оно великолепной картиной осенней природы, гармонирующей с настроением поэта. Образ осени создаётся благодаря введённому Пушкиным очень ёмкому слову — «увянувшее» (поле). Перед взором читателя возникает опустевшее после крестьянских трудов поле, на котором уже видны следы морозного утра: подёрнутая заморозками и пожухшая трава в серебристом инее. Слово это придаёт не только строке, но и всему стихотворению грустный оттенок. И после этой строки идут соответствующим образом окрашенные слова поэта о самом себе. За счёт образов «пустынной кельи», вина, которое «осенней стужи друг», «горьких мук» усиливаются настроения грусти, одиночества.

Удивительна композиция стихотворения. Первая строфа — экспозиция, фон, создающий настроение для всего текста. Вторая строфа передаёт состояние самого поэта, и одновременно в ней раскрываются причины тоски и печали. Пушкин говорит об этом так: «со мною друга нет»; «вотще воображенье... товарищей зовёт»; «милого душа... не ждёт». Основная тональность стихотворения усиливается в третьей строфе, в которую врывается новый мотив — мотив мысленной встречи с друзьями-лицеистами

(«...на брегах Невы / Меня друзья сегодня именуют...»). Но чувство элегической грусти не исчезло. Более того, оно возрастает за счёт приёма градации: введения следующих друг за другом коротких вопросительных предложений, по сути являющихся риторическими вопросами о грустных событиях:

Но многие ль и там из вас пируют?
Ещё кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлёк холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришёл? Кого меж вами нет?

Ко всем лицеистам первого набора Пушкин обращается с взволнованным приветствием, в котором воспевает братский союз духовных единомышленников:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастие куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

В стихотворении есть строки, посвящённые наиболее близким Пушкину товарищам-лицеистам. Поэт говорит о рано скончавшемся Н.А. Корсакове («Он не пришёл, кудрявый наш певец»). Но мотив одиночества и смерти сменяется мажорными строками о смелом мореплавателе Ф.Ф. Матюшкине («Сидишь ли ты в кругу своих друзей»), радостными воспоминаниями о встрече в Михайловском с И.И. Пущиным («Ты усладил изгнанья день печальный»), о дружеской встрече на случайной дороге с известным уже дипломатом А.М. Горчаковым («Ты, Горчаков, счастливец с первых дней»), о приезде в Михайловское поэта А.А. Дельвига («Когда постиг меня судьбины гнев»). Заканчиваются воспоминания размышлением о В.К. Кюхельбекере, причём в этой строфе Пушкин не только передаёт отношение к поэзии Кюхельбекера, но и формулирует удивительное поэтическое понимание искусства в целом:

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво.

После этого тональность стихотворения стремительно меняется и из минорной переходит в мажорную с употреблением уже не риторических вопросов, а риторических восклицаний. Причина этого заключена в строках: «Предчувствую отрадное свиданье»; «Промчится год, и с вами снова я, / Исполнится завет моих мечтаний; / Промчится год, и я явлюся к вам!» И даже образ гонителя-царя уже передан не в гневном, а в уважительном тоне, ибо «Он взял Париж, он основал Лицей».

В финале стихотворения снова возникает мотив затворничества, но эмоционально он уже не гнетущ. Встреча с друзьями, даже мысленная, скрасила одиночество поэта.

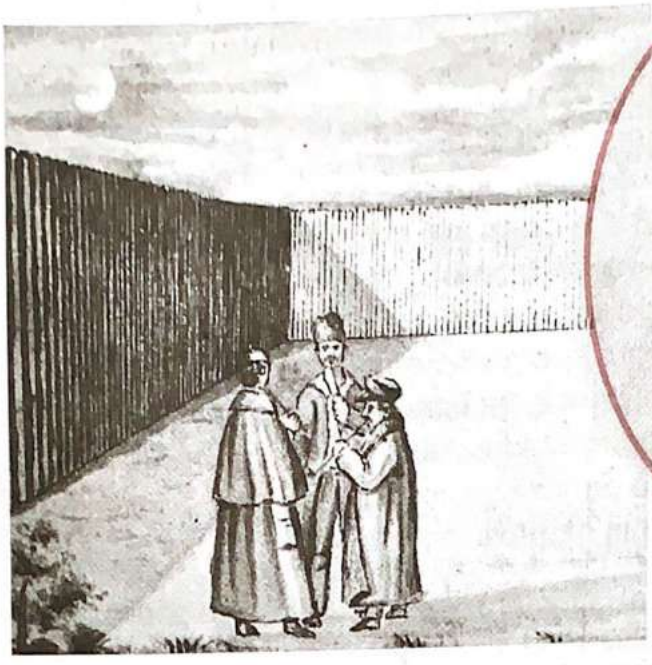
1. Внимательно перечитайте стихотворение «19 октября». Обозначьте основные мотивы каждой строфы.
2. Подберите синонимы к следующим словам и словосочетаниям: *вотще, докучный, пленительная привычка, затворник опальный.*
3. Подумайте, для чего поэту в экспозиции стихотворения понадобилось описание грустного осеннего пейзажа.
4. Назовите строки из стихотворения, которые стали крылатыми выражениями.
5. Какие строки стихотворения выражают его художественную идею?

Живое слово

Представьте себе Пушкина в момент работы над стихотворением. Попытайтесь воссоздать его портрет устно.

ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Декабристское восстание потерпело поражение. Николай I приговорил пятерых его руководителей: П.И. Пестеля, К.Ф. Рылеева, М.П. Бестужева-Рюмина, П.Г. Каховского, С.И. Муравьёва-Апостола — к повешению. Более ста декабристов были осуждены, большинство — сосланы в Сибирь на каторжные работы. Многих участников восстания Пушкин знал лично, некоторые из них

Группа декабристов во дворе тюрьмы в Чите лунной ночью. *Художник Н.П. Репин.* 1828—1830 гг.

Портрет А.Г. Муравьёвой. *Художник П.Ф. Соколов.* 1825—1826 гг.

были его друзьями. К каторге были приговорены два самых близких лицейских друга Пушкина — И.И. Пущин и В.К. Кюхельбекер.

В стихотворении «И.И. Пущину», написанном 13 декабря 1826 года, накануне годовщины восстания на Сенатской площади, Пушкин напомнил Пущину, как тот навестил его, ссыльного поэта, в Михайловском. Вместе с посланием к декабристам «Во глубине сибирских руд...» Пушкин хотел отправить это стихотворение с М.Н. Волконской, следующей на поселение в Сибирь, в ссылку к мужу-декабристу.

«В Москве, — вспоминала Мария Николаевна, — я остановилась у Зинаиды Волконской, моей невестки, которая приняла меня с такой нежностью и добротой, которых я никогда не забуду: она окружила меня заботами, вниманием, любовью и состраданием. Зная мою страсть к музыке, она пригласила всех итальянских певцов, которые были тогда в Москве, и несколько талантливых певиц... Я говорила им: „Ещё, ещё! Подумайте только, ведь я никогда больше не услышу музыки!" Пушкин, наш великий поэт, тоже был здесь... Во время добровольного изгнания

нас, жён сосланных в Сибирь, он был полон самого искреннего восхищения: он хотел передать мне своё „Послание к узникам" („Во глубине сибирских руд...") для вручения им, но я уехала в ту же ночь, и он передал его Александрине Муравьёвой».

В те дни, когда А.Г. Муравьёва прибыла на каторгу, Пущин находился ещё в крепости. Его привезли лишь через год, и 5 января 1828 года она подошла к окружавшему читинскую тюрьму частоколу, подозвала Пущина и через щель передала ему пушкинское послание: «Это вам от Александра Сергеевича!..»

И.И. ПУЩИНУ

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое Провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

1826

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА А.С. ПУШКИНА

Стихотворение «И.И. Пущину» написано в жанре послания, литературного письма. К этому жанру Пушкин неоднократно обращался и ранее («К Чаадаеву»).

Послание — жанр в поэзии и публицистике; произведение, написанное в форме письма или обращения к конкретному адресату.

Наибольшее распространение этот жанр получил в период расцвета романтизма. Характерными для послания были мотивы просьбы, пожелания.

В послании сопоставляются судьбы двух ссыльных друзей: А.С. Пушкина и И.И. Пущина. Эта особенность отражена

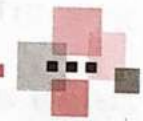
и в композиции. Первая строфа — воспоминание о посещении Пущиным опального поэта в Михайловском. Коротко, ёмко и точно переданы основные детали происходящего: «двор уединенный», «печальным снегом занесенный» огласил радостный перезвон колокольчика, знаменуя приезд друга.

Вторая строфа — мысленная встреча с другом. Пушкин выражает надежду, что строки стихотворения «даруют утешенье» и «озарят заточенье» Пущина воспоминаньями о лицейской (и не только лицейской) дружбе. Поэт дарит Пущину ту же радость, которой когда-то был одарён сам.

«Пушкин первым встретил меня в Сибири задушевным словом... Отрадно отозвался во мне голос Пушкина!» — читаем мы в позднейших «Записках...» Пущина...

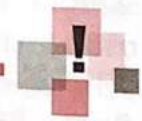
1. Выразительно прочитайте стихотворение «И.И. Пущину». Какое настроение в нём преобладает? С помощью каких интонационных средств это можно передать?
2. Назовите художественные средства и определите их роль в стихотворении.

Возвращаясь к теме

Какие ещё стихотворения А.С. Пушкина в жанре литературного послания вы знаете? Сопоставьте одно из них со стихотворением «И.И. Пущину».

Живое слово

1. Попробуйте в стихотворной или прозаической форме написать небольшой текст в жанре литературного послания.
2*. Найдите и прочитайте «Записки о Пушкине» И.И. Пущина. Каким он рисует лицейского друга? Подготовьте на эту тему небольшое сообщение.

Самостоятельная работа

Прочитайте и самостоятельно проанализируйте цикл А.С. Пушкина «Песни о Стеньке Разине». Сопоставьте это произведение с песней о Разине, приведённой в учебнике в разделе «Из устного народного творчества».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошёл, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Иллюстрация к стихотворению «Бесы».
Художник Г.Г. Никольский. 1960-е гг.

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

1830

Автопортрет А.С. Пушкина с бесом. 1829 г.

Вопросы и задания

1. Какое состояние природы передано в стихотворении «Бесы»?
2. Обратите внимание на употребление глаголов. Составьте словарь глаголов, имеющихся в стихотворении. Определите их лексическое значение. Какие глаголы преобладают: действия или состояния?
3. Проанализируйте образную структуру стихотворения.
4. Какие образы стихотворения сближают это произведение со стихотворениями Пушкина «Зимняя дорога» и «Зимний вечер»?
5. Найдите и прочитайте в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля определение слова «бес».
6. В чём смысл названия стихотворения и как он отражён в тексте?
7. Обратите внимание на композицию стихотворения. Какие строки повторяются в нём? Какой эффект этот повтор создаёт? Можно ли в этом стихотворении найти кульминацию?
8*. Сравните стихотворение «Бесы» с жанром баллады (для сопоставления можно взять балладу В.А. Жуковского «Лесной царь»). Есть ли общие черты? В чём различие?
9. К каким художественным средствам прибегает в «Бесах» А.С. Пушкин? Какова роль этих средств?
10. Охарактеризуйте рифму и определите размер стихотворения.

«КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА». ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОМАНА

«Чудом совершенства» назвал критик В.Г. Белинский «Капитанскую дочку» — роман о Пугачёвском бунте. Обращаясь к истории, Пушкин не только осмыслял минувшее и день нынешний, но и чувствовал личную сопричастность воссоздаваемым событиям.

Мысли об историческом труде, в центре которого будут Пугачёв и пугачёвщина, вызревали у Пушкина долго. Ещё в 1826 году он говорил М.Н. Волконской перед её отъездом в Сибирь к сосланному на каторгу мужу: «Я хочу написать сочинение о Пугачёве. Я отправлюсь на места, перееду через Урал, проеду дальше и приду просить у вас убежища в Нерчинских рудниках».

Замысел «Капитанской дочки», или, точнее, сюжет ещё не до конца сложившейся повести о дворянине-пугачёвце, родился в процессе работы Пушкина над «Дубровским». «Разбойничий» роман не позволял глубоко и точно осмыслить проблему крестьянского бунта и отношение к нему дворянства.

В 1831 году Николай I назначил Пушкина придворным историографом, дав возможность работать в архивах. Пушкин-историк понимал значение подлинных документов и внимательно их изучал. Помимо этого он хотел побывать на местах событий. В августе 1833 года он подаёт прошение «на увольнение в отпуск на четыре месяца в губернии Казанскую и Оренбургскую». Разрешение получено, и 5 сентября 1833 года Пушкин приезжает в Казань — первый пункт на его пути, где жива была память о Пугачёве.

Правда, ещё прежде, в Васильсурске, он записал со слов нищенки местное предание о Пугачёве, которое использовал в VII главе «Истории Пугачёва». Вблизи Чебоксар рассказали ему про двух барышень, спрятавшихся в копне сена, обнаруженных и казнённых пугачёвцами; под Казанью писатель осмотрел Арское поле — лагерь Пугачёва в нескольких верстах от города, потолковал с участниками событий. В бумагах Пушкина сохранился листок, который принято называть «казанские записи». В них, например, имеется свидетельство некоего Бабина, мальчиком бывшего под Казанью во времена Пугачёва: «Народ, пригнанный в лагерь Пугачёва, поставлен был на карачки перед

пушками, бабы и дети подняли вой. Им объявили прощение государево. Все закричали „ура!" — и кинулись к его ставке. Потом спрашивали: кто хочет в службу к государю Петру Фёдоровичу? Охотников нашлось множество». Другой казанский старожил, купец Крупеников, которого Пушкин расспрашивал полтора часа, рассказал, как довелось ему быть в плену у Пугачёва. «Народ, — записал Пушкин, — возвратясь из плена, нашёл всё вверх дном. Кто был богат, очутился нищим, кто был скуден, разбогател». Все эти заметки на листках и в дорожной записной книжке, равно как и «зарубки в памяти», пригодились при написании «Капитанской дочки».

В мемуарах сохранились некоторые дополнительные сведения об оренбургских днях и посещении Берды. Например, такой рассказ местной жительницы: «В каком году приезжал Пушкин, я не помню, знаю только, что день выдался тёплый и ясный. Двое каких-то господ, одетых в штатское платье, шли по улице... а у дома... сидела наша бердская казачка Бунтова. Я была тут же около старушки Бунтовой, которой было лет за шестьдесят и которая оставалась по дому нянчить детей. Штатские подошли к старушке, и, вероятно увидав, что она очень древняя, один из них, курчавый, спросил Бунтову, не знает ли она что-нибудь про Пугачёва. Старушка ответила, что всё знает и даже песню, что про него сложена. Господа попросили её спеть. Бунтова спела им одну песню». В старинном казачьем селении Бердская слобода, которую Пушкин назвал «мятежной», он был 19 сентября. Сохранился в записи и рассказ самой Бунтовой об этом событии: «А бабы как было меня напугали. Много их набежало, когда тот барин меня расспрашивал, и песни я ему пела про Пугача. Показал он патрет: красавица такая написана. „Вот, — говорит, — она станет твои песни петь". Только он со двора, бабы все так на меня и накинулись. Кто говорит, что его подослали, что меня в тюрьму засадят за мою болтовню; кто говорит: „Антихриста видела, когти-то у него какие. Да и в Писании сказано, что антихрист будет любить старух, заставлять их песни петь и деньгами станет дарить". Слегла я со страху, велела телегу заложить, везти меня в Оренбург к начальству. Там и говорю: „Смилуйтесь, защитите, коли я чего наплела на свою голову; захворала я с думы". Те смеются. „Не бойся, — говорят, — это ему сам государь позволил о Пугачёве везде расспрашивать"».

Емельян Пугачёв.
Образ бунтовщика на гравюре XVIII в. (справа) и в эскизе Н.В. Фаворского для гравюры-иллюстрации к VIII главе романа А.С. Пушкина. 1938 г.

В самом факте, что были «под Пугачёвым», люди ощущали некую вину. Недаром Бунтова, когда спросил её Пушкин: «Знала ли Пугачёва?» — ответила в испуге: «Знала, батюшка, бес попутал!» Боялись даже имя его произнести, а тут рассказывай заезжему барину! В конце IV главы «Истории Пугачёва» автор сам подчеркнул эту ситуацию: «Доныне престарелые свидетели тогдашнего смятения неохотно отвечают на вопросы любопытных». И всё же говорили, не чурались Пушкина. Значит, он умел завоёвывать доверие.

Из Оренбурга Пушкин съездил ещё за 300 вёрст «большой Уральской дорогой» в Уральск, где продолжал свои расспросы, порой с удивлением убеждаясь, что не только память о Пугачёве сохранилась, но не угасла и любовь к народному вождю. «В Уральске жива ещё старая казачка, носившая черевики его работы», — пишет Пушкин. На вопрос приезжего: «Каков был Пугачёв?» — она ответила: «Грех сказать... на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал».

Беседы с очевидцами, запись их рассказов помогли сделать Пушкину важнейший вывод: «Весь чёрный народ был за Пугачёва. Духовенство ему доброжелательствовало. <...> Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачёв и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны...»

Труд «История Пугачёва» и художественное произведение — роман «Капитанская дочка» — создавались практически одновременно, и многие материалы, не вошедшие в «Историю...», возникали на страницах романа.

В.И. Даль, сопровождавший Пушкина, рассказывал об осмотре «золотого дворца» Пугачёва. В главе XI «Капитанской дочки» читаем: «Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрёстка. <...> Я вошёл в избу, или во дворец, как называли её мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на верёвочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток, уставленный горшками, — всё было как в обыкновенной избе». Это живое впечатление отразилось в романе, равно как и многое другое, включая название крепости Белогорской, которое придумано не «просто так», а восходит к меловым горам, виденным Пушкиным на берегу Урала.

Вводил Пушкин в текст и отдельные эпизоды, сведения, имеющиеся в «Истории Пугачёва». Так, в главе III «Истории Пугачёва» Пушкин сообщал: «Пугачёв не был самовластен. Яицкие казаки, зачинщики бунта, управляли действиями прошлеца, не имевшего другого достоинства, кроме некоторых военных знаний и дерзости необыкновенной. Он ничего не предпринимал без их согласия; они же часто действовали без его ведома, а иногда и вопреки его воле. Они оказывали ему наружное почтение, при народе ходили за ним без шапок и били ему челом; но наедине обходились с ним, как с товарищем, и вместе пьянствовали, сидя при нём в шапках и в одних рубахах и распевая бурлацкие песни. Пугачёв скучал их опекою. Улица моя тесна, говорил он Денису Пьянову, пируя на свадьбе младшего его сына».

Этот материал переосмыслен в «Капитанской дочке» и дан в восприятии Гринёва в главе VIII: «За столом... Пугачёв и чело-

век десять казацких старшин сидели, в шапках и цветных рубашках, разгорячённые вином, с красными рожами и блистающими глазами... Все обходились между собою как товарищи, не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю... „Ну, братцы, — сказал Пугачёв, — затянем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! начинай!" Сосед мой затянул тонким голоском заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором: „Не шуми, мати зелёная дубровушка..."» и пр.

Из «Истории Пугачёва» в этой сцене «Капитанской дочки» не использован только заключительный эпизод: слова Пугачёва, сказанные на пиру Денису Пьянову: «Улица моя тесна». Но и они не исчезают в романе и появляются в разговоре Пугачёва с Гринёвым в XI главе: «„А ты полагаешь идти на Москву?" Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса: „Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры"».

Маша Миронова,
Пётр Гринёв.
Поиски образов
героев романа.
Художник Н.В. Фаворский.
1938 г.

Во время путешествия 1833 года была записана Пушкиным замечательная калмыцкая сказка об орле и вороне, замыкающая беседу Пугачёва с Гринёвым о походе на Москву, а по живым рассказам старухи Бунтовой восстановлены были красочные сцены присяги Пугачёву после взятия Белогорской крепости (глава VII), картина раздачи денег народу (глава IX) и другие историко-бытовые сцены романа.

Но самым существенным является то, что работа над «Историей Пугачёва» помогла Пушкину окончательно определить художественный замысел «Капитанской дочки».

ЖАНР И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИДЕЯ РОМАНА

Внешне «Капитанская дочка» похожа на «семейственные предания», высоко ценимые Пушкиным. Все события переданы через взгляд Гринёва, ведущего записи, и поучительны для его внука, то есть современника Пушкина, а значит, и для современного ему дворянства. Пушкин и многие исследователи его творчества называли «Капитанскую дочку» романом; сам поэт определял роман как «историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании».

Однако существует иная точка зрения, согласно которой «Капитанская дочка» — это лирическая повесть с яркой и сильной исторической основой.

Роман — крупный эпический прозаический жанр, повествование с разветвлённым сюжетом, раскрывающее историю становления характеров и судьбы нескольких (многих) действующих лиц.

Повесть — эпический прозаический жанр, по объёму меньший, чем роман, но больший, чем новелла или рассказ. Как правило, это история одной человеческой жизни, рассказанная от имени автора или самого героя.

Работая над «Историей Пугачёва» и «Капитанской дочкой», Пушкин отчётливо понял: союза дворянского сословия с крестьянством быть не может. Вместе с тем единственную силу, спо-

собную к государственному управлению в России, он видел в дворянстве. Это социальное противоречие с огромной художественной силой проявилось в романе. Один из исследователей творчества А.С. Пушкина — Ю.М. Лотман отмечал: «Вся художественная ткань „Капитанской дочки" отчётливо распадается на два идейно-стилистических пласта, подчинённых изображению миров — дворянского и крестьянского. Было бы недопустимым упрощением, препятствующим проникновению в подлинный замысел Пушкина, считать, что дворянский мир изображается... только сатирически, а крестьянский — только сочувственно, равно как и утверждать, что всё поэтическое в дворянском лагере принадлежит, по мнению Пушкина, не специфически дворянскому, а общенациональному началу».

Иллюстрации к роману А.С. Пушкина «Капитанская дочка» — *гравюры на дереве Н.В. Фаворского.* 1938 г.

БЕРЕГИ ЧЕСТЬ СМОЛОДУ.

Пословица

ГЛАВА I

СЕРЖАНТ ГВАРДИИ

— Был бы гвардии он завтра ж капитан.
— Того не надобно; пусть в армии послужит.
— Изрядно сказано! пускай его потужит...

.....

Да кто его отец?

Княжнин

Отец мой Андрей Петрович Гринёв в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17... году. С тех пор жил он в своей Симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сёстры умерли во младенчестве.

Матушка была ещё мною брюхата, как уже я был записан в Семёновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника. Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук. В то время воспитывались мы не по-нонешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравил-

ся Савельичу. «Слава Богу, — ворчал он про себя, — кажется, дитя умыт, причёсан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мусье, как будто и своих людей не стало!»

Бопре в отечестве своём был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour être outchitel[1], не очень понимая значение этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Главною его слабостию была страсть к прекрасному полу; нередко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам. К тому же не был он (по его выражению) и *врагом бутылки*, т.е. (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее. Но как вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке, причём учителя обыкновенно и обносили, то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке и даже стал предпочитать её винам своего отечества, как не в пример более полезную для желудка. Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан он был учить меня *по-французски, по-немецки и всем наукам*, но он предпочёл наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора я и не желал. Но вскоре судьба нас разлучила, и вот по какому случаю.

Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги, винясь в преступной слабости и с плачем жалуясь на мусье, обольстившего их неопытность. Матушка шутить этим не любила и пожаловалась батюшке. У него расправа была коротка. Он тотчас потребовал каналью француза. Доложили, что мусье давал мне свой урок. Батюшка пошёл в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я решился сделать из неё змей и, пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошёл в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражнения в географии, батюшка дёрнул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно и стал осы-

[1] Чтобы стать учителем (*фр.*).

пать укоризнами. Бопре в смятении хотел было привстать и не мог: несчастный француз был мёртво пьян. Семь бед, один ответ. Батюшка за ворот приподнял его с кровати, вытолкал из дверей и в тот же день прогнал его со двора, к неописанной радости Савельича. Тем и кончилось моё воспитание.

Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменилась.

Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный календарь, ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он её без особенного участия, и чтение это производило в нём всегда удивительное волнение желчи. Матушка, знавшая наизусть все его свычаи и обычаи, всегда старалась засунуть несчастную книгу как можно подалее, и таким образом Придворный календарь не попадался ему на глаза иногда по целым месяцам. Зато когда он случайно его находил, то, бывало, по целым часам не выпускал уж из своих рук. Итак, батюшка читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер!.. А давно ли мы...» Наконец батюшка швырнул календарь на диван и погрузился в задумчивость, не предвещавшую ничего доброго.

Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?»

— Да вот пошёл семнадцатый годок, — отвечала матушка. — Петруша родился в тот самый год, как окривела тётушка Настасья Герасимовна, и когда ещё...

«Добро, — прервал батюшка, — пора его в службу. Полно ему бегать по девичьим[1] да лазить на голубятни».

Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слёзы потекли по её лицу. Напротив того, трудно описать моё восхищение. Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого.

[1] *Дéвичья* — комната для девушек-служанок.

Батюшка не любил ни переменять свои намерения, ни откладывать их исполнение. День отъезду моему был назначен. Накануне батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику, и потребовал пера и бумаги.

— Не забудь, Андрей Петрович, — сказала матушка, — поклониться и от меня князю Б.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Петрушу своими милостями.

— Что за вздор! — отвечал батюшка нахмурясь. — К какой стати стану я писать к князю Б.?

— Да ведь ты сказал, что изволишь писать к начальнику Петруши.

— Ну, а там что?

— Да ведь начальник Петрушин — князь Б. Ведь Петруша записан в Семёновский полк.

— Записан! А мне какое дело, что он записан? Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге? мотать да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон. Записан в гвардии! Где его пашпорт? подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в её шкатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою. Батюшка прочёл его со вниманием, положил перед собою на стол и начал своё письмо.

Любопытство меня мучило: куда ж отправляют меня, если уж не в Петербург? Я не сводил глаз с пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконец он кончил, запечатал письмо в одном пакете с паспортом, снял очки и, подозвав меня, сказал: «Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты едешь в Оренбург служить под его начальством».

Итак, все мои блестящие надежды рушились! Вместо весёлой петербургской жизни ожидала меня скука в стороне глухой и отдалённой. Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, показалась мне тяжким несчастием. Но спорить было нечего! На другой день поутру подвезена была к крыльцу дорожная кибитка; уложили в неё чемодан, погребец с чайным прибором и узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: «Прощай, Пётр. Служи верно, кому присягнёшь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». Матушка в слезах наказывала мне беречь моё здоровье, а Савельичу смотреть за дитятей. Надели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу. Я сел в кибитку с Савельичем и отправился в дорогу, обливаясь слезами.

В ту же ночь приехал я в Симбирск, где должен был пробыть сутки для закупки нужных вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился в трактире. Савельич с утра отправился по лавкам. Соскуча глядеть из окна на грязный переулок, я пошёл бродить по всем комнатам. Вошед в биллиардную, увидел я высокого барина, лет тридцати пяти, с длинными чёрными усами, в халате, с кием в руке и с трубкой в зубах. Он играл с маркёром, который при выигрыше выпивал рюмку водки, а при проигрыше должен был лезть под биллиард на четверинках. Я стал смотреть на их игру. Чем долее она продолжалась, тем прогулки на четверинках становились чаще, пока наконец маркёр остался под биллиардом. Барин произнёс над ним несколько сильных выражений в виде надгробного слова и предложил мне сыграть

партию. Я отказался по неумению. Это показалось ему, по-видимому, странным. Он поглядел на меня как бы с сожалением; однако мы разговорились. Я узнал, что его зовут Иваном Ивановичем Зуриным, что он ротмистр гусарского полку и находится в Симбирске при приёме рекрут, а стоит в трактире. Зурин пригласил меня отобедать с ним вместе чем Бог послал, по-солдатски. Я с охотою согласился. Мы сели за стол. Зурин пил много и потчевал и меня, говоря, что надобно привыкать ко службе; он рассказывал мне армейские анекдоты, от которых я со смеху чуть не валялся, и мы встали из-за стола совершенными приятелями. Тут вызвался он выучить меня играть на биллиарде. «Это, — говорил он, — необходимо для нашего брата служивого. В походе, например, придёшь в местечко — чем прикажешь заняться? Ведь не всё же бить жидов. Поневоле пойдёшь в трактир и станешь играть на биллиарде; а для того надобно уметь играть!» Я совершенно был убеждён и с большим прилежанием принялся за учение. Зурин громко ободрял меня, дивился моим быстрым успехам и, после нескольких уроков, предложил мне играть в деньги, по одному грошу, не для выигрыша, а так, чтоб только не играть даром, что, по его словам, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зурин велел подать пуншу и уговорил меня попробовать, повторяя, что к службе надобно мне привыкать; а без пуншу что и служба! Я послушался его. Между тем игра наша продолжалась. Чем чаще прихлёбывал я от моего стакана, тем становился отважнее. Шары поминутно летали у меня через борт; я горячился, бранил маркёра, который считал Бог ведает как, час от часу умножал игру, словом — вёл себя как мальчишка, вырвавшийся на волю. Между тем время прошло незаметно. Зурин взглянул на часы, положил кий и объявил мне, что я проиграл сто рублей. Это меня немножко смутило. Деньги мои были у Савельича. Я стал извиняться. Зурин меня прервал: «Помилуй! Не изволь и беспокоиться. Я могу и подождать, а покамест поедем к Аринушке».

Что прикажете? День я кончил так же беспутно, как и начал. Мы отужинали у Аринушки. Зурин поминутно мне подливал, повторяя, что надобно к службе привыкать. Встав из-за стола, я чуть держался на ногах; в полночь Зурин отвёз меня в трактир.

Савельич встретил нас на крыльце. Он ахнул, увидя несомненные признаки моего усердия к службе. «Что это, сударь,

с тобою сделалось? — сказал он жалким голосом, — где ты это нагрузился? Ахти Господи! отроду такого греха не бывало!» — «Молчи, хрыч! — отвечал я ему, запинаясь, — ты, верно, пьян, пошёл спать... и уложи меня».

На другой день я проснулся с головною болью, смутно припоминая себе вчерашние происшествия. Размышления мои прерваны были Савельичем, вошедшим ко мне с чашкой чая. «Рано, Пётр Андреич, — сказал он мне, качая головою, — рано начинаешь гулять. И в кого ты пошёл? Кажется, ни батюшка, ни дедушка пьяницами не бывали; о матушке и говорить нечего: отроду, кроме квасу, в рот ничего не изволила брать. А кто всему виноват? проклятый мусье. То и дело, бывало, к Антипьевне забежит: „Мадам, же ву при, водкю". Вот тебе и же ву при! Нечего сказать: добру наставил, собачий сын. И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало и своих людей!»

Мне было стыдно. Я отвернулся и сказал ему: «Поди вон, Савельич; я чаю не хочу». Но Савельича мудрено было унять, когда, бывало, примется за проповедь. «Вот видишь ли, Пётр Андреич, каково подгуливать. И головке-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человек пьющий ни на что не годен... Выпей-ка огуречного рассолу с мёдом, а всего бы лучше опохмелиться полстаканчиком настойки. Не прикажешь ли?»

В это время мальчик вошёл и подал мне записку от И.И. Зурина. Я развернул её и прочёл следующие строки:

«Любезный Пётр Андреевич, пожалуйста, пришли мне с моим мальчиком сто рублей, которые ты мне вчера проиграл. Мне крайняя нужда в деньгах.

Готовый ко услугам
Иван Зурин».

Делать было нечего. Я взял на себя вид равнодушный и, обратясь к Савельичу, который был *и денег, и белья, и дел моих радитель*[1], приказал отдать мальчику сто рублей. «Как! зачем?» — спросил изумлённый Савельич. «Я их должен», — отвечал я со всевозможной холодностию. «Должен! — возразил Савельич, час от часу приведённый в большее изумление, — да когда же,

[1] Из стихотворения Д.И. Фонвизина «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке».

сударь, успел ты ему задолжать? Дело что-то не ладно. Воля твоя, сударь, а денег я не выдам».

Я подумал, что если в сию решительную минуту не переспорю упрямого старика, то уж в последствии времени трудно мне будет освободиться от его опеки, и, взглянув на него гордо, сказал: «Я твой господин, а ты мой слуга. Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне вздумалось. А тебе советую не умничать и делать то, что тебе приказывают».

Савельич так был поражён моими словами, что сплеснул руками и остолбенел. «Что же ты стоишь!» — закричал я сердито. Савельич заплакал. «Батюшка Пётр Андреич, — произнёс он дрожащим голосом, — не умори меня с печали. Свет ты мой! послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутил, что у нас и денег-то таких не водится. Сто рублей! Боже ты милостивый! Скажи, что тебе родители крепко-накрепко заказали не играть, окроме как в орехи...» — «Полно врать, — прервал я строго, — подавай сюда деньги, или я тебя взашей прогоню».

Савельич поглядел на меня с глубокой горестью и пошёл за моим долгом. Мне было жаль бедного старика; но я хотел вырваться на волю и доказать, что уж я не ребёнок. Деньги были доставлены Зурину. Савельич поспешил вывезти меня из проклятого трактира. Он явился с известием, что лошади готовы. С неспокойной совестию и с безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска, не простясь с моим учителем и не думая с ним уже когда-нибудь увидеться.

ГЛАВА II

ВОЖАТЫЙ

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашёл,
Что не добрый ли да меня конь завёз:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

Старинная песня

Дорожные размышления мои были не очень приятны. Проигрыш мой, по тогдашним ценам, был немаловажен. Я не мог не признаться в душе, что поведение моё в симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Всё это меня мучило. Старик угрюмо сидел на облучке, отворотясь от меня, и молчал, изредка только покрякивая. Я непременно хотел с ним помириться и не знал с чего начать. Наконец я сказал ему: «Ну, ну, Савельич! полно, помиримся, виноват; вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь вперёд вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся».

— Эх, батюшка Пётр Андреич! — отвечал он с глубоким вздохом. — Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашёл к куме, да засел в тюрьме. Беда, да и только! Как покажусь я на глаза господам? что скажут они, как узнают, что дитя пьёт и играет.

Чтоб утешить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. Он мало-помалу успокоился, хотя всё ещё изредка ворчал про себя, качая головою: «Сто рублей! легко ли дело!»

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересечённые холмами и оврагами. Всё покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или, точнее, по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и на-

конец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал: «Барин, не прикажешь ли воротиться?»

— Это зачем?

— Время ненадёжно: ветер слегка подымается, — вишь, как он сметает порошу.

— Что ж за беда!

— А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток.)

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

— А вон — вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдалённый холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран.

Я слыхал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно со мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силён; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции и велел ехать скорее.

Ямщик поскакал; но всё поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошёл мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение тёмное небо смешалось со снежным морем. Всё исчезло. «Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!»...

Я выглянул из кибитки: всё было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностию, что казался одушевлённым; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали. «Что же ты не едешь?» — спросил я ямщика с нетерпением. «Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка, — невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом». Я стал было его бранить. Савельич за него заступился: «И охота было не слушаться, — говорил он сердито, — воротился бы на постоялый двор, накушался бы чаю, почивал бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? Добро бы на свадьбу!» Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила или дороги, но ничего

не мог различить, кроме мутного кружения метели... Вдруг увидел я что-то чёрное. «Эй, ямщик! — закричал я, — смотри: что там такое чернеется?» Ямщик стал всматриваться. «А Бог знает, барин, — сказал он, садясь на своё место, — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек».

Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас и стал подвигаться нам навстречу. Через две минуты мы поравнялись с человеком.

— Гей, добрый человек! — закричал ему ямщик. — Скажи, не знаешь ли, где дорога?

— Дорога-то здесь; я стою на твёрдой полосе, — отвечал дорожный, — да что толку?

— Послушай, мужичок, — сказал я ему, — знаешь ли ты эту сторону? Возьмёшься ли ты довести меня до ночлега?

— Сторона мне знакомая, — отвечал дорожный, — слава Богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперёк. Да вишь какая погода: как раз собьёшься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдём дорогу по звёздам.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уж решился, предав себя Божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поезжай».

— А почему ехать мне вправо? — спросил ямщик с неудовольствием. — Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. — Ямщик казался мне прав. «В самом деле, — сказал я, — почему думаешь ты, что жило недалече?» — «А потому, что ветер оттоле потянул, — отвечал дорожный, — и я слышу, дымом пахнуло; знать, деревня близко». Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил циновку, закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды.

Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю

с ним странные обстоятельства моей жизни. Читатель извинит меня: ибо, вероятно, знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам.

Я находился в том состоянии чувств и души, когда существенность, уступая мечтаниям, сливается с ними в неясных видениях первосония. Мне казалось, буран ещё свирепствовал и мы ещё блуждали по снежной пустыне... Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасение, чтоб батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почёл бы его умышленным ослушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. «Тише, — говорит она мне, — отец болен, при смерти и желает с тобою проститься». Поражённый страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постеле; матушка приподымает полог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал; он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его». Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего, вижу, в постеле лежит мужик с чёрной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика?» — «Все равно, Петруша, — отвечала мне матушка, — это твой посажёный отец; поцелуй у него ручку, пусть он тебя благословит...» Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мёртвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под моё благословение...» Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич дёргал меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: приехали».

— Куда приехали? — спросил я, протирая глаза.

— На постоялый двор. Господь помог, наткнулись на забор. Выходи, сударь, скорее да обогрейся.

Я вышел из кибитки. Буран ещё продолжался, хотя с меньшею силою. Было так темно, что хоть глаз выколи. Хозяин

встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввёл меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала её. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяин, родом яицкий казак, казался мужик лет шестидесяти, ещё свежий и бодрый. Савельич внёс за мною погребец, потребовал огня, чтоб готовить чай, который никогда так не казался мне нужен. Хозяин пошёл хлопотать.

— Где же вожатый? — спросил я у Савельича.

«Здесь, ваше благородие», — отвечал мне голос сверху. Я взглянул на полати и увидел чёрную бороду и два сверкающие глаза. «Что, брат, прозяб?» — «Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да что греха таить? Заложил вечор у целовальника: мороз показался не велик». В эту минуту хозяин вошёл с кипящим самоваром; я предложил вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с полатей. Наружность его показалась мне замечательна: он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В чёрной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нём был оборванный армяк и татарские шаровары. Я поднёс ему чашку чаю; он отведал и поморщился. «Ваше благородие, сделайте мне такую милость, — прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питьё». Я с охотой исполнил его желание. Хозяин вынул из ставца штоф и стакан, подошёл к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхе, — сказал он, — опять ты в нашем краю! Отколе Бог принёс?» Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «В огород летал, конопли клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?»

— Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте.

«Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье!» При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полати.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска,

в то время только что усмирённого после бунта 1772 года. Савельич слушал с видом большого неудовольствия. Он посматривал с подозрением то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор, или, по-тамошнему, *умёт*, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолжении пути. Беспокойство Савельича очень меня забавляло. Между тем я расположился ночевать и лёг на лавку. Савельич решился убраться на печь; хозяин лёг на полу. Скоро вся изба захрапела, и я заснул как убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую умеренную плату, что даже Савельич с ним не заспорил и не стал торговаться по своему обыкновению, и вчерашние подозрения изгладились совершенно из головы его. Я позвал вожатого, благодарил за оказанную помочь и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахмурился. «Полтину на водку! — сказал он, — за что это? За то, что ты же изволил подвезти его к постоялому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лишних полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придётся голодать». Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении. Мне было досадно, однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня, если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения. «Хорошо, — сказал я хладнокровно, — если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп».

— Помилуй, батюшка Пётр Андреич! — сказал Савельич. — Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьёт, собака, в первом кабаке.

— Это, старинушка, уж не твоя печаль, — сказал мой бродяга, — пропью ли я или нет. Его благородие мне жалует шубу со своего плеча: его на то барская воля, а твоё холопье дело не спорить и слушаться.

— Бога ты не боишься, разбойник! — отвечал ему Савельич сердитым голосом. — Ты видишь, что дитя ещё не смыслит, а ты

и рад его обобрать, простоты его ради. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напялишь его на свои окаянные плечища.

— Прошу не умничать, — сказал я своему дядьке, — сейчас неси сюда тулуп.

— Господи Владыко! — простонал мой Савельич. — Заячий тулуп почти новёшенький! и добро бы кому, а то пьянице оголелому!

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле, тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился и надел его, распоров по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали. Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас Господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей». Он пошёл в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней вьюге, о своём вожатом и о заячьем тулупе.

Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу. Я увидел мужчину росту высокого, но уже сгорбленного старостию. Длинные волосы его были совсем белы. Старый полинялый мундир напоминал воина времён Анны Иоанновны, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор. Я подал ему письмо от батюшки. При имени его он взглянул на меня быстро: «Поже мой! — сказал он. — Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был ещё твоих лет, а теперь вот уш какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!» Он распечатал письмо и стал читать его вполголоса, делая свои замечания. «„Милостивый государь Андрей Карлович, надеюсь, что ваше превосходительство"... Это что за серемонии? Фуй, как ему не софестно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад?.. „ваше превосходительство не забыло"... гм... „и... когда... покойным фельдмаршалом Мин... походе... также и... Каролинку"... Эхе, брудер! так он ещё помнит стары наши проказ? „Теперь о деле... К вам моего повесу"... гм... „держать в ежовых рукавицах"... Что такое ешовы рукавиц? Это, должно быть, русска поговорк... Что такое „дершать в ешовых рукавицах"?» — повторил он, обращаясь ко мне.

— Это значит, — отвечал я ему с видом как можно более невинным, — обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах.

— Гм, понимаю... «и не давать ему воли»... нет, видно, ешовы рукавицы значит не то... «При сём... его паспорт»... Где ж он? А, вот... «отписать в Семёновский»... Хорошо, хорошо: всё будет сделано... «Позволишь без чинов обнять себя и... старым товарищем и другом» — а! наконец догадался... и прочая и прочая... Ну, батюшка, — сказал он, прочитав письмо и отложив в сторону мой паспорт, — всё будет сделано: ты будешь офицером переведён в *** полк, и чтоб тебе времени не терять, то завтра же поезжай в Белогорскую крепость, где ты будешь в команде капитана Миронова, доброго и честного человека. Там ты будешь на службе настоящей, научишься дисциплине. В Оренбурге делать тебе нечего; рассеяние вредно молодому человеку. А сегодня милости просим: отобедать у меня.

«Час от часу не легче! — подумал я про себя, — к чему послужило мне то, что ещё в утробе матери я был уже гвардии сержантом! Куда это меня завело? В *** полк и в глухую крепость на границу киргиз-кайсацких степей!..» Я отобедал у Андрея Карловича, втроём с его старым адъютантом. Строгая немецкая экономия царствовала за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за своею холостою трапезою был отчасти причиною поспешного удаления моего в гарнизон. На другой день я простился с генералом и отправился к месту моего назначения.

ГЛАВА III

КРЕПОСТЬ

Мы в фортеции живём,
Хлеб едим и воду пьём;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку:
Зарядим картечью пушку.
Солдатская песня

Старинные люди, мой батюшка.
Недоросль

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика[1]. Река ещё не замерзала, и её свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские степи. Я погрузился в размышления, большею частию печальные. Гарнизонная жизнь мало имела для меня привлекательности. Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и представлял его строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду. Между тем начало смеркаться. Мы ехали довольно скоро. «Далече ли до крепости?» — спросил я у своего ямщика. «Недалече, — отвечал он. — Вон уж видна». Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видал, кроме деревушки, окружённой бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирда сена, полузанесённые снегом; с другой — скривившаяся мельница, с лубочными крыльями, лениво опущенными. «Где же крепость?» — спросил я с удивлением. «Да вот она», — отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в неё въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частию покрыты соломою. Я велел ехать к коменданту, и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви.

Никто не встретил меня. Я пошёл в сени и отворил дверь в переднюю. Старый инвалид, сидя на столе, нашивал синюю заплату

---

[1] Старинное название реки Урал, изменённое после Пугачёвского восстания.

на локоть зелёного мундира. Я велел ему доложить обо мне. «Войди, батюшка, — отвечал инвалид, — наши дома». Я вошёл в чистенькую комнатку, убранную по-старинному. В углу стоял шкаф с посудой; на стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова, также выбор невесты и погребение кота. У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки, которые держал, распялив на руках, кривой старичок в офицерском мундире. «Что вам угодно, батюшка?» — спросила она, продолжая своё занятие. Я отвечал, что приехал на службу и явился по долгу своему к господину капитану, и с этим словом обратился было к кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мною речь. «Ивана Кузмича дома нет, — сказала она, — он пошёл в гости к отцу Герасиму; да всё равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула девку и велела ей позвать урядника. Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством. «Смею спросить, — сказал он, — вы в каком полку изволили служить?» Я удовлетворил его любопытству. «А смею спросить, — продолжал он, — зачем изволили вы перейти из гвардии в гарнизон?» Я отвечал, что такова была воля начальства. «Чаятельно, за неприличные гвардии офицеру поступки», — продолжал неутомимый вопрошатель. «Полно врать пустяки, — сказала ему капитанша, — ты видишь, молодой человек с дороги устал; ему не до тебя... (держи-ка руки прямее...). А ты, мой батюшка, — продолжала она, обращаясь ко мне, — не печалься, что тебя упекли в наше захолустье. Не ты первый, не ты последний. Стерпится, слюбится. Швабрин Алексей Иваныч вот уж пятый год как к нам переведён за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попутал; он, изволишь видеть, поехал за город с одним поручиком, да взяли с собою шпаги, да и ну друг в друга пырять; а Алексей Иваныч и заколол поручика, да ещё при двух свидетелях! Что прикажешь делать? На грех мастера нет».

В эту минуту вошёл урядник, молодой и статный казак. «Максимыч! — сказала ему капитанша. — Отведи господину офицеру квартиру, да почище». — «Слушаю, Василиса Егоровна, — отвечал урядник. — Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву?» — «Врёшь, Максимыч, — сказала капитанша, — у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что мы его начальники. Отведи господина офицера... как ваше имя и от-

чество, мой батюшка? Пётр Андреич?.. Отведи Петра Андреича к Семёну Кузову. Он, мошенник, лошадь свою пустил ко мне в огород. Ну, что, Максимыч, всё ли благополучно?»

— Всё, слава Богу, тихо, — отвечал казак, — только капрал Прохоров подрался в бане с Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

— Иван Игнатьич! — сказала капитанша кривому старичку. — Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи. Ну, Максимыч, ступай себе с Богом. Пётр Андреич, Максимыч отведёт вас на вашу квартиру.

Я откланялся. Урядник привёл меня в избу, стоявшую на высоком берегу реки, на самом краю крепости. Половина избы занята была семьёю Семёна Кузова, другую отвели мне. Она состояла из одной горницы, довольно опрятной, разделённой надвое перегородкой. Савельич стал в ней распоряжаться; я стал глядеть в узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло несколько избушек; по улице бродило несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем. И вот в какой стороне осуждён я был проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошёл от окошка и лёг спать без ужина, несмотря на увещания Савельича, который повторял с сокрушением: «Господи Владыко! ничего кушать не изволит! Что скажет барыня, коли дитя занеможет?»

На другой день поутру я только что стал одеваться, как дверь отворилась, и ко мне вошёл молодой офицер невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым, но чрезвычайно живым. «Извините меня, — сказал он мне по-французски, — что я без церемонии прихожу с вами познакомиться. Вчера узнал я о вашем приезде; желание увидеть наконец человеческое лицо так овладело мною, что я не вытерпел. Вы это поймёте, когда проживёте здесь ещё несколько времени». Я догадался, что это был офицер, выписанный из гвардии за поединок. Мы тотчас познакомились. Швабрин был очень не глуп. Разговор его был остёр и занимателен. Он с большой весёлостию описал мне семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смеялся от чистого сердца, как вошёл ко мне тот самый инвалид, который чинил мундир в передней коменданта, и от имени Василисы Егоровны позвал меня к ним обедать. Швабрин вызвался идти со мною вместе.

Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фрунт. Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого росту, в колпаке и в китайчатом халате. Увидя нас, он к нам подошёл, сказал мне несколько ласковых слов и стал опять командовать. Мы остановились было смотреть на учение; но он просил нас идти к Василисе Егоровне, обещаясь быть вслед за нами. «А здесь, — прибавил он, — нечего вам смотреть».

Василиса Егоровна приняла нас запросто и радушно и обошлась со мною как бы век была знакома. Инвалид и Палашка накрывали стол. «Что это мой Иван Кузмич сегодня так заучился! — сказала комендантша. — Палашка, позови барина обедать. Да где же Маша?» Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русыми волосами, гладко зачёсанными за уши, которые у ней так и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на неё с предубеждением: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна села в угол и стала шить. Между тем подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за ним Палашку. «Скажи барину: гости-де ждут, щи простынут; слава Богу, ученье не уйдёт; успеет накричаться». Капитан вскоре явился, сопровождаемый кривым старичком. «Что это, мой батюшка? — сказала ему жена. — Кушанье давным-давно подано, а тебя не дозовёшься». — «А слышь ты, Василиса Егоровна, — отвечал Иван Кузмич, — я был занят службой: солдатушек учил». — «И, полно! — возразила капитанша. — Только слава, что солдат учишь: ни им служба не даётся, ни ты в ней толку не ведаешь. Сидел бы дома да Богу молился; так было бы лучше. Дорогие гости, милости просим за стол».

Мы сели обедать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, где живут и каково их состояние? Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли! — сказала она, — ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка, да слава Богу, живём помаленьку. Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое? частый гребень, да веник, да алтын денег (прости Бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдётся добрый человек; а то сиди себе в девках вековечной невестою». Я взглянул на Марью Ивановну;

она вся покраснела, и даже слёзы капнули на её тарелку. Мне стало жаль её, и я спешил переменить разговор. «Я слышал, — сказал я довольно некстати, — что на вашу крепость собираются напасть башкирцы». — «От кого, батюшка, ты изволил это слышать?» — спросил Иван Кузмич. «Мне так сказывали в Оренбурге», — отвечал я. «Пустяки! — сказал комендант. — У нас давно ничего не слыхать. Башкирцы — народ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось на нас не сунутся; а насунутся, так я такую задам острастку, что лет на десять угомоню». — «И вам не страшно, — продолжал я, обращаясь к капитанше, — оставаться в крепости, подверженной таким опасностям?» — «Привычка, мой батюшка, — отвечала она. — Тому лет двадцать, как нас из полка перевели сюда, и, не приведи Господи, как я боялась проклятых этих нехристей! Как завижу, бывало, рысьи шапки да как заслышу их визг, веришь ли, отец мой, сердце так и замрёт! А теперь так привыкла, что и с места не тронусь, как придут нам сказать, что злодеи около крепости рыщут».

— Василиса Егоровна прехрабрая дама, — заметил важно Швабрин. — Иван Кузмич может это засвидетельствовать.

— Да, слышь ты, — сказал Иван Кузмич, — баба-то не робкого десятка.

— А Марья Ивановна? — спросил я, — так же ли смела, как и вы?

— Смела ли Маша? — отвечала её мать. — Нет, Маша трусиха. До сих пор не может слышать выстрела из ружья: так и затрепещется. А как тому два года Иван Кузмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она, моя голубушка, чуть со страха на тот свет не отправилась. С тех пор уж и не палим из проклятой пушки.

Мы встали из-за стола. Капитан с капитаншею отправились спать; а я пошёл к Швабрину, с которым и провёл целый вечер.

ГЛАВА IV
ПОЕДИНОК

— Ин изволь, и стань же в позитуру.
Посмотришь, проколю как я твою фигуру!
Княжнин

Прошло несколько недель, и жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня не только сносною, но даже и приятною. В доме коменданта был я принят как родной. Муж и жена были люди самые почтенные. Иван Кузмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его им управляла, что согласовалось с его беспечностию. Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я в ней нашёл благоразумную и чувствительную девушку. Незаметным образом я привязался к доброму семейству, даже к Ивану Игнатьичу, кривому гарнизонному поручику, о котором Швабрин выдумал, будто бы он был в непозволительной связи с Василисой Егоровной, что не имело и тени правдоподобия; но Швабрин о том не беспокоился.

Я был произведён в офицеры. Служба меня не отягощала. В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов. Комендант по собственной охоте учил иногда своих солдат; но ещё не мог добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая, хотя многие из них, дабы в том не ошибиться, перед каждым оборотом клали на себя знамение креста. У Швабрина было несколько французских книг. Я стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе. По утрам я читал, упражнялся в переводах, а иногда и в сочинении стихов. Обедал почти всегда у коменданта, где обыкновенно проводил остаток дня и куда вечерком иногда являлся отец Герасим с женою Акулиной Памфиловной, первою вестовщицею во всём околотке. С А.И. Швабриным, разумеется, виделся я каждый день: но час от часу беседа его становилась для меня менее

приятною. Всегдашние шутки его насчёт семьи коменданта мне очень не нравились, особенно колкие замечания о Марье Ивановне. Другого общества в крепости не было, но я другого и не желал.

Несмотря на предсказания, башкирцы не возмущались. Спокойствие царствовало вокруг нашей крепости. Но мир был прерван внезапным междуусобием.

Я уже сказывал, что я занимался литературою. Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, и Александр Петрович Сумароков, несколько лет после, очень их похвалял. Однажды удалось мне написать песенку, которой был я доволен. Известно, что сочинители иногда, под видом требования советов, ищут благосклонного слушателя. Итак, переписав мою песенку, я понёс её к Швабрину, который один во всей крепости мог оценить произведения стихотворца. После маленького предисловия вынул я из кармана свою тетрадку и прочёл ему следующие стишки:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И ах, Машу избегая,
Мышлю вольность получить!

Но глаза, что мя пленили,
Всеминутно предо мной;
Они дух во мне смутили,
Сокрушили мой покой.

Ты, узнав мои напасти,
Сжалься, Маша, надо мной,
Зря меня в сей лютой части,
И что я пленён тобой.

— Как ты это находишь? — спросил я Швабрина, ожидая похвалы, как дани, мне непременно следуемой. Но к великой моей досаде, Швабрин, обыкновенно снисходительный, решительно объявил, что песня моя нехороша.

— Почему так? — спросил я его, скрывая свою досаду.

— Потому, — отвечал он, — что такие стихи достойны учителя моего, Василья Кирилыча Тредьяковского, и очень напоминают мне его любовные куплетцы.

Тут он взял от меня тетрадку и начал немилосердно разбирать каждый стих и каждое слово, издеваясь надо мной самым колким образом. Я не вытерпел, вырвал из рук его мою тетрадку и сказал, что уж отроду не покажу ему своих сочинений. Швабрин посмеялся и над этой угрозою. «Посмотрим, — сказал он, — сдержишь ли ты своё слово: стихотворцам нужен слушатель, как Ивану Кузмичу графинчик водки перед обедом. А кто эта Маша, перед которой изъясняешься в нежной страсти и в любовной напасти? Уж не Марья ль Ивановна?»

— Не твоё дело, — отвечал я нахмурясь, — кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнения, ни твоих догадок.

— Ого! Самолюбивый стихотворец и скромный любовник! — продолжал Швабрин, час от часу более раздражая меня, — но послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то советую действовать не песенками.

— Что это, сударь, значит? Изволь объясниться.

— С охотою. Это значит, что ежели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серёг.

Кровь моя закипела.

— А почему ты об ней такого мнения? — спросил я, с трудом удерживая своё негодование.

— А потому, — отвечал он с адской усмешкою, — что знаю по опыту её нрав и обычай.

— Ты лжёшь, мерзавец! — вскричал я в бешенстве, — ты лжёшь самым бесстыдным образом.

Швабрин переменился в лице.

— Это тебе так не пройдёт, — сказал он, стиснув мне руку. — Вы мне дадите сатисфакцию[1].

— Изволь; когда хочешь! — отвечал я, обрадовавшись. В эту минуту я готов был растерзать его.

Я тотчас отправился к Ивану Игнатьичу и застал его с иголкою в руках: по препоручению комендантши он нанизывал грибы для сушенья на зиму. «А, Пётр Андреич! — сказал он, увидя меня, — добро пожаловать! Как это вас Бог принёс? по какому

---

[1] *Сатисфáкция* — удовлетворение за оскорбление.

делу, смею спросить?» Я в коротких словах объяснил ему, что я поссорился с Алексеем Иванычем, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моим секундантом. Иван Игнатьич выслушал меня со вниманием, вытараща на меня свой единственный глаз. «Вы изволите говорить, — сказал он мне, — что хотите Алексея Иваныча заколоть, и желаете, чтоб я при том был свидетелем? Так ли? смею спросить».

— Точно так.

— Помилуйте, Пётр Андреич! Что это вы затеяли! Вы с Алексеем Иванычем побранились? Велика беда! Брань на воротy не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, в другое, в третье — и разойдитесь; а мы вас уж помирим. А то: доброе ли дело заколоть своего ближнего, смею спросить? И добро б уж закололи вы его: Бог с ним, с Алексеем Иванычем; я и сам до него не охотник. Ну, а если он вас просверлит? На что это будет похоже? Кто будет в дураках, смею спросить?

Рассуждения благоразумного поручика не поколебали меня. Я остался при своём намерении. «Как вам угодно, — сказал Иван Игнатьич, — делайте, как разумеете. Да зачем же мне тут быть свидетелем? К какой стати? Люди дерутся, что за невидальщина, смею спросить? Слава Богу, ходил я под шведа и под турку: всего насмотрелся».

Я кое-как стал изъяснять ему должность секунданта, но Иван Игнатьич никак не мог меня понять. «Воля ваша, — сказал он. — Коли уж мне и вмешаться в это дело, так разве пойти к Ивану Кузмичу да донести ему по долгу службы, что в фортеции умышляется злодействие, противное казённому интересу: не благоугодно ли будет господину коменданту принять надлежащие меры...»

Я испугался и стал просить Ивана Игнатьича ничего не сказывать коменданту; насилу его уговорил; он дал мне слово, и я решился от него отступиться.

Вечер провёл я, по обыкновению своему, у коменданта. Я старался казаться весёлым и равнодушным, дабы не подать никакого подозрения и избегнуть докучных вопросов, но признаюсь, я не имел того хладнокровия, которым хвалятся почти всегда те, которые находились в моём положении. В этот вечер я расположен был к нежности и к умилению. Марья Ивановна

нравилась мне более обыкновенного. Мысль, что, может быть, вижу её в последний раз, придавала ей в моих глазах что-то трогательное. Швабрин явился тут же. Я отвёл его в сторону и уведомил его о своём разговоре с Иваном Игнатьичем. «Зачем нам секунданты, — сказал он мне сухо, — без них обойдёмся». Мы условились драться за скирдами, что находились подле крепости, и явиться туда на другой день в седьмом часу утра. Мы разговаривали, по-видимому, так дружелюбно, что Иван Игнатьич от радости проболтался. «Давно бы так, — сказал он мне с довольным видом, — худой мир лучше доброй ссоры, а и нечестен, так здоров».

— Что, что, Иван Игнатьич? — сказала комендантша, которая в углу гадала в карты, — я не вслушалась.

Иван Игнатьич, заметив во мне знаки неудовольствия и вспомня своё обещание, смутился и не знал, что отвечать. Швабрин подоспел к нему на помощь.

— Иван Игнатьич, — сказал он, — одобряет нашу мировую.

— А с кем это, мой батюшка, ты ссорился?

— Мы было поспорили довольно крупно с Петром Андреичем.

— За что так?

— За сущую безделицу: за песенку, Василиса Егоровна.

— Нашли за что ссориться! за песенку!.. да как же это случилось?

— Да вот как: Пётр Андреич сочинил недавно песню и сегодня запел её при мне, а я затянул мою любимую:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять в полночь.

Вышла разладица. Пётр Андреич было и рассердился; но потом рассудил, что всяк волен петь, что кому угодно. Тем и дело кончилось.

Бесстыдство Швабрина чуть меня не взбесило; но никто, кроме меня, не понял грубых его обиняков; по крайней мере, никто не обратил на них внимания. От песенок разговор обратился к стихотворцам, и комендант заметил, что все они люди беспутные и горькие пьяницы, и дружески советовал мне оставить стихотворство, как дело, службе противное и ни к чему доброму не доводящее.

Присутствие Швабрина было мне несносно. Я скоро простился с комендантом и с его семейством; пришед домой, осмотрел свою шпагу, попробовал её конец и лёг спать, приказав Савельичу разбудить меня в седьмом часу.

На другой день в назначенное время я стоял уже за скирдами, ожидая моего противника. Вскоре и он явился. «Нас могут застать, — сказал он мне, — надобно поспешить». Мы сняли мундиры, остались в одних камзолах и обнажили шпаги. В эту минуту из-за скирда вдруг появился Иван Игнатьич и человек пять инвалидов. Он потребовал нас к коменданту. Мы повиновались с досадою; солдаты нас окружили, и мы отправились в крепость вслед за Иваном Игнатьичем, который вёл нас в торжестве, шагая с удивительной важностию.

Мы вошли в комендантский дом. Иван Игнатьич отворил двери, провозгласив торжественно: «Привёл!» Нас встретила Василиса Егоровна. «Ах, мои батюшки! На что это похоже? как? что? в нашей крепости заводить смертоубийство! Иван Кузмич, сейчас их под арест! Пётр Андреич! Алексей Иваныч! подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги в чулан. Пётр Андреич! Этого я от тебя не ожидала. Как тебе не совестно? Добро Алексей Иваныч: он за душегубство и из гвардии выписан, он и в Господа Бога не верует; а ты-то что? туда же лезешь?»

Иван Кузмич вполне соглашался с своею супругою и приговаривал: «А слышь ты, Василиса Егоровна правду говорит. Поединки формально запрещены в воинском артикуле». Между тем Палашка взяла у нас наши шпаги и отнесла в чулан. Я не мог не засмеяться. Швабрин сохранил свою важность. «При всём моём уважении к вам, — сказал он ей хладнокровно, — не могу не заметить, что напрасно вы изволите беспокоиться, подвергая нас вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузмичу: это его дело». — «Ах! мой батюшка! — возразила комендантша, — да разве муж и жена не един дух и едина плоть? Иван Кузмич! Что ты зеваешь? Сейчас рассади их по разным углам на хлеб да на воду, чтоб у них дурь-то прошла; да пусть отец Герасим наложит на них эпитимию, чтоб молили у Бога прощения да каялись перед людьми».

Иван Кузмич не знал, на что решиться. Марья Ивановна была чрезвычайно бледна. Мало-помалу буря утихла; комендантша успокоилась и заставила нас друг друга поцеловать.

Палашка принесла нам наши шпаги. Мы вышли от коменданта по-видимому примирённые. Иван Игнатьич нас сопровождал. «Как вам не стыдно было, — сказал я ему сердито, — доносить на нас коменданту после того, как дали слово того не делать?» — «Как Бог свят, я Ивану Кузмичу того не говорил, — отвечал он, — Василиса Егоровна выведала всё от меня. Она всем и распорядилась без ведома коменданта. Впрочем, слава Богу, что всё так кончилось». С этим словом он повернул домой, а Швабрин и я остались наедине. «Наше дело этим кончиться не может», — сказал я ему. «Конечно, — отвечал Швабрин, — вы своею кровью будете отвечать мне за вашу дерзость; но за нами, вероятно, станут присматривать. Несколько дней нам должно будет притворяться. До свидания!» И мы расстались как ни в чём не бывало.

Возвратясь к коменданту, я, по обыкновению своему, подсел к Марье Ивановне. Ивана Кузмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйством. Мы разговаривали вполголоса. Марья Ивановна с нежностию выговаривала мне за беспокойство, причинённое всем моею ссорою с Швабриным. «Я так и обмерла, — сказала она, — когда сказали нам, что вы намерены биться на шпагах. Как мужчины странны! За одно слово, о котором через неделю, верно б, они позабыли, они готовы резаться и жертвовать не только жизнию, но и совестию, и благополучием тех, которые... Но я уверена, что не вы зачинщик ссоры. Верно, виноват Алексей Иваныч».

— А почему же вы так думаете, Марья Ивановна?

— Да так... он такой насмешник! Я не люблю Алексея Иваныча. Он очень мне противен; а странно: ни за что б я не хотела, чтоб и я ему так же не нравилась. Это меня беспокоило бы страх.

— А как вы думаете, Марья Ивановна? Нравитесь ли вы ему или нет?

Марья Ивановна заикнулась и покраснела.

— Мне кажется, — сказала она, — я думаю, что нравлюсь.

— Почему же вам так кажется?

— Потому что он за меня сватался.

— Сватался! Он за вас сватался? Когда же?

— В прошлом году. Месяца два до вашего приезда.

— И вы не пошли?

— Как изволите видеть. Алексей Иваныч, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как поду-

маю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!

Слова Марьи Ивановны открыли мне глаза и объяснили мне многое. Я понял упорное злоречие, которым Швабрин её преследовал. Вероятно, замечал он нашу взаимную склонность и старался отвлечь нас друг от друга. Слова, подавшие повод к нашей ссоре, показались мне ещё более гнусными, когда, вместо грубой и непристойной насмешки, увидел я в них обдуманную клевету. Желание наказать дерзкого злоязычника сделалось во мне ещё сильнее, и я с нетерпением стал ожидать удобного случая.

Я дожидался недолго. На другой день, когда сидел я за элегией и грыз перо в ожидании рифмы, Швабрин постучался под моим окошком. Я оставил перо, взял шпагу и к нему вышел. «Зачем откладывать? — сказал мне Швабрин, — за нами не смотрят. Сойдём к реке. Там никто нам не помешает». Мы отправились молча. Спустясь по крутой тропинке, мы остановились у самой реки и обнажили шпаги. Швабрин был искуснее меня, но я сильнее и смелее, и monsieur Бопре, бывший некогда солдатом, дал мне несколько уроков в фехтовании, которыми я и воспользовался. Швабрин не ожидал найти во мне столь опасного противника. Долго мы не могли сделать друг другу никакого вреда; наконец, приметя, что Швабрин ослабевает, я стал с живостию на него наступать и загнал его почти в самую реку. Вдруг услышал я своё имя, громко произнесённое. Я оглянулся и увидел Савельича, сбегающего ко мне по нагорной тропинке... В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже правого плеча; я упал и лишился чувств.

ГЛАВА V

ЛЮБОВЬ

Ах ты, девка, девка красная!
Не ходи, девка, молода замуж;
Ты спроси, девка, отца, матери,
Отца, матери, роду-племени;
Накопи, девка, ума-разума,
Ума-разума, приданова.

Песня народная

Буде лучше меня найдёшь, позабудешь,
Если хуже меня найдёшь, воспомянешь.

То же

Очнувшись, я несколько времени не мог опомниться и не понимал, что со мною сделалось. Я лежал на кровати, в незнакомой горнице, и чувствовал большую слабость. Передо мною стоял Савельич со свечкою в руках. Кто-то развивал перевязи, которыми грудь и плечо были стянуты. Мало-помалу мысли мои прояснились. Я вспомнил свой поединок и догадался, что был ранен. В эту минуту скрипнула дверь. «Что? Каков?» — произнёс пошепту голос, от которого я затрепетал. «Всё в одном положении, — отвечал Савельич со вздохом, — всё без памяти, вот уже пятые сутки». Я хотел оборотиться, но не мог. «Где я? кто здесь?» — сказал я с усилием. Марья Ивановна подошла к моей кровати и наклонилась ко мне. «Что? как вы себя чувствуете?» — сказала она. «Слава Богу, — отвечал я слабым голосом. — Это вы, Марья Ивановна? скажите мне...» Я не в силах был продолжать и замолчал. Савельич ахнул. Радость изобразилась на его лице. «Опомнился! опомнился, — повторял он. — Слава тебе, Владыко! Ну, батюшка Пётр Андреич! напугал ты меня! легко ли? пятые сутки!..» Марья Ивановна перервала его речь. «Не говори с ним много, Савельич, — сказала она. — Он ещё слаб». Она вышла и тихонько притворила дверь. Мысли мои волновались. Итак, я был в доме коменданта, Марья Ивановна входила ко мне, я хотел сделать Савельичу некоторые вопросы, но старик замотал головою и заткнул себе уши. Я с досадою закрыл глаза и вскоре забылся сном.

Проснувшись, подозвал я Савельича и вместо его увидел перед собою Марью Ивановну; ангельский голос её меня приветствовал. Не могу выразить сладостного чувства, овладевшего мною в эту минуту. Я схватил её руку и прильнул к ней, обливая слезами умиления. Маша не отрывала её... и вдруг её губки коснулись моей щеки, и я почувствовал их жаркий и свежий поцелуй. Огонь пробежал по мне. «Милая, добрая Марья Ивановна, — сказал я ей, — будь моею женою, согласись на моё счастие». Она опомнилась. «Ради Бога, успокойтесь, — сказала она, отняв у меня свою руку. — Вы ещё в опасности: рана может открыться. Поберегите себя хоть для меня». С этим словом она ушла, оставя меня в упоении восторга. Счастие воскресило меня. Она будет моя! она меня любит! Эта мысль наполняла всё моё существование.

С той поры мне час от часу становилось лучше. Меня лечил полковой цирюльник, ибо в крепости другого лекаря не было, и, слава Богу, не умничал. Молодость и природа ускорили моё выздоровление. Всё семейство коменданта за мною ухаживало. Марья Ивановна от меня не отходила. Разумеется, при первом удобном случае я принялся за прерванное объяснение, и Марья Ивановна выслушала меня терпеливее. Она безо всякого жеманства призналась мне в сердечной склонности и сказала, что её родители, конечно, рады будут её счастию. «Но подумай хорошенько, — прибавила она, — со стороны твоих родных не будет ли препятствия?»

Я задумался. В нежности матушкиной я не сомневался; но, зная нрав и образ мыслей отца, я чувствовал, что любовь моя не слишком его тронет и что он будет на неё смотреть как на блажь молодого человека. Я чистосердечно признался в том Марье Ивановне и решился, однако, писать к батюшке как можно красноречивее, прося родительского благословения. Я показал письмо Марье Ивановне, которая нашла его столь убедительным и трогательным, что не сомневалась в успехе его и предалась чувствам нежного своего сердца со всею доверчивостью молодости и любви.

Со Швабриным я помирился в первые дни моего выздоровления. Иван Кузмич, выговаривая мне за поединок, сказал мне:

«Эх, Пётр Андреич! надлежало бы мне посадить тебя под арест, да ты уж и без того наказан. А Алексей Иваныч у меня

таки сидит в хлебном магазине под караулом, и шпага его под замком у Василисы Егоровны. Пускай он себе надумается да раскается». Я слишком был счастлив, чтоб хранить в сердце чувство неприязненное. Я стал просить за Швабрина, и добрый комендант, с согласия своей супруги, решился его освободить. Швабрин пришёл ко мне; он изъявил глубокое сожаление о том, что случилось между нами; признался, что был кругом виноват, и просил меня забыть о прошедшем. Будучи от природы не злопамятен, я искренно простил ему и нашу ссору и рану, мною от него полученную. В клевете его видел я досаду оскорблённого самолюбия и отвергнутой любви и великодушно извинял своего несчастного соперника.

Вскоре я выздоровел и мог перебраться на мою квартиру. С нетерпением ожидал я ответа на посланное письмо, не смея надеяться и стараясь заглушить печальные предчувствия. С Василисой Егоровной и с её мужем я ещё не объяснялся; но предложение моё не должно было их удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не старались скрывать от них свои чувства, и мы заранее были уж уверены в их согласии.

Наконец однажды утром Савельич вошёл ко мне, держа в руках письмо. Я схватил его с трепетом. Адрес был написан ру-

кою батюшки. Это приуготовило меня к чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мне матушка, а он в конце приписывал несколько строк. Долго не распечатывал я пакета и перечитывал торжественную надпись: «Сыну моему Петру Андреевичу Гринёву, в Оренбургскую губернию, в Белогорскую крепость». Я старался по почерку угадать расположение духа, в котором писано было письмо; наконец решился его распечатать и с первых строк увидел, что всё дело пошло к чёрту. Содержание письма было следующее:

«Сын мой Пётр! Письмо твоё, в котором просишь ты нас о родительском нашем благословении и согласии на брак с Марьей Ивановной дочерью Мироновой, мы получили 15-го сего месяца, и не только ни моего благословения, ни моего согласия дать я тебе не намерен, но ещё и собираюсь до тебя добраться да за проказы твои проучить тебя путём, как мальчишку, несмотря на твой офицерский чин: ибо ты доказал, что шпагу носить ещё недостоин, которая пожалована тебе на защиту отечества, а не для дуелей с такими же сорванцами, каков ты сам. Немедленно буду писать к Андрею Карловичу, прося его перевести тебя из Белогорской крепости куда-нибудь подальше, где бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнав о твоём поединке и о том, что ты ранен, с горести занемогла и теперь лежит. Что из тебя будет? Молю Бога, чтоб ты исправился, хоть и не смею надеяться на его великую милость.

Отец твой А.Г.»

Чтение сего письма возбудило во мне разные чувствования. Жестокие выражения, на которые батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебрежение, с каким он упоминал о Марье Ивановне, казалось мне столь же непристойным, как и несправедливым. Мысль о переведении моём из Белогорской крепости меня ужасала, но всего более огорчило меня известие о болезни матери. Я негодовал на Савельича, не сомневаясь, что поединок мой стал известен родителям через него. Шагая взад и вперёд по тесной моей комнате, я остановился перед ним и сказал, взглянув на него грозно: «Видно, тебе не довольно, что я, благодаря тебя, ранен и целый месяц был на краю гроба: ты и мать мою хочешь уморить». Савельич был поражён как громом.

«Помилуй, сударь, — сказал он, чуть не зарыдав, — что это изволишь говорить? Я причина, что ты был ранен! Бог видит, бежал я заслонить тебя своею грудью от шпаги Алексея Иваныча! Старость проклятая помешала. Да что ж я сделал матушке-то твоей?» — «Что ты сделал? — отвечал я. — Кто просил тебя писать на меня доносы? разве ты приставлен ко мне в шпионы?» — «Я? писал на тебя доносы? — отвечал Савельич со слезами. — Господи Царю Небесный! Так изволь-ка прочитать, что пишет ко мне барин: увидишь, как я доносил на тебя». Тут он вынул из кармана письмо, и я прочёл следующее:

«Стыдно тебе, старый пёс, что ты, невзирая на мои строгие приказания, мне не донёс о сыне моём Петре Андреевиче и что посторонние принуждены уведомлять меня о его проказах. Так ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, старого пса, пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство к молодому человеку. С получением сего приказываю тебе немедленно отписать ко мне, каково теперь его здоровье, о котором пишут мне, что поправилось; да в какое именно место он ранен и хорошо ли его залечили».

Очевидно было, что Савельич передо мною был прав и что я напрасно оскорбил его упрёком и подозрением. Я просил у него прощения; но старик был неутешен. «Вот до чего я дожил, — повторял он, — вот каких милостей дослужился от своих господ! Я и старый пёс, и свинопас, да я ж и причина твоей раны? Нет, батюшка Пётр Андреич! Не я, проклятый мусье всему виноват: он научил тебя тыкаться железными вертелами да притопывать, как будто тыканием да топанием убережёшься от злого человека! Нужно было нанимать мусье да тратить лишние деньги!»

Но кто же брал на себя труд уведомить отца моего о моём поведении? Генерал? Но он, казалось, обо мне не слишком заботился; а Иван Кузмич не почёл за нужное рапортовать о моём поединке. Я терялся в догадках. Подозрения мои остановились на Швабрине. Он один имел выгоду в доносе, коего следствием могло быть удаление моё из крепости и разрыв с комендантским семейством. Я пошёл объявить обо всём Марье Ивановне. Она встретила меня на крыльце. «Что это с вами сделалось? — сказала она, увидев меня. — Как вы бледны!» — «Всё конче-

но!» — отвечал я и отдал ей батюшкино письмо. Она побледнела в свою очередь. Прочитав, она возвратила мне письмо дрожащею рукою и сказала дрожащим голосом: «Видно, мне не судьба... Родные ваши не хотят меня в свою семью. Буди во всём воля Господня! Бог лучше нашего знает, что нам надобно. Делать нечего, Пётр Андреич; будьте хоть вы счастливы...» — «Этому не бывать! — вскричал я, схватив её за руку, — ты меня любишь; и я готов на всё. Пойдём, кинемся в ноги к твоим родителям; они люди простые, не жестокосердые гордецы... Они нас благословят; мы обвенчаемся... а там, со временем, я уверен, мы умолим отца моего; матушка будет за нас; он меня простит...» — «Нет, Пётр Андреич, — отвечала Маша, — я не выйду за тебя без благословения твоих родителей. Без их благословения не будет тебе счастия. Покоримся воле Божией. Коли найдёшь себе суженую, коли полюбишь другую — Бог с тобою, Пётр Андреич; а я за вас обоих...» Тут она заплакала и ушла от меня; я хотел было войти за нею в комнату, но чувствовал, что был не в состоянии владеть самим собою, и воротился домой.

Я сидел погружённый в глубокую задумчивость, как вдруг Савельич прервал мои размышления. «Вот, сударь, — сказал он, подавая мне исписанный лист бумаги, — посмотри, доносчик ли я на своего барина и стараюсь ли я помутить сына с отцом». Я взял из рук его бумагу: это ответ Савельича на полученное им письмо. Вот он от слова до слова:

«Государь Андрей Петрович,

отец наш милостивый!

Милостивое писание ваше я получил, в котором изволишь гневаться на меня, раба вашего, что-де стыдно мне не исполнять господских приказаний; а я не старый пес, а верный ваш слуга, господских приказаний слушаюсь и усердно вам всегда служил и дожил до седых волос. Я ж про рану Петра Андреича ничего к вам не писал, чтоб не испужать понапрасну, и, слышно, барыня, мать наша Авдотья Васильевна, и так с испугу слегла, и за её здоровье Бога буду молить. А Пётр Андреич ранен был под правое плечо, в грудь под самую косточку, в глубину на полтора вершка, и лежал он в доме у коменданта, куда принесли мы его с берега, и лечил его здешний цирюльник Степан Парамонов; и теперь Пётр Андреич, слава Богу, здоров, и про него, кроме хорошего, нечего и пи-

сать. Командиры, слышно, им довольны; а у Василисы Егоровны он как родной сын. А что с ним случилась такая оказия, то быль молодцу не укора: конь и о четырёх ногах, да спотыкается. А изволите вы писать, что сошлёте меня свиней пасти, и на то ваша боярская воля. За сим кланяюсь рабски.

Верный холоп[1] *ваш*
Архип Савельев».

Я не мог несколько раз не улыбнуться, читая грамоту доброго старика. Отвечать батюшке я был не в состоянии; а чтоб успокоить матушку, письмо Савельича мне показалось достаточным.

С той поры положение моё переменилось. Марья Ивановна почти со мною не говорила и всячески старалась избегать меня. Дом коменданта стал для меня постыл. Мало-помалу приучился я сидеть один у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мне пеняла; но, видя моё упрямство, оставила меня в покое. С Иваном Кузмичом виделся я только, когда того требовала служба. Со Швабриным встречался редко и неохотно, тем более что замечал в нём скрытую к себе неприязнь, что и утверждало меня в моих подозрениях. Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее. Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума, или удариться в распутство. Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение.

[1] *Холóп* — подневольный, зависимый человек.

ГЛАВА VI

ПУГАЧЁВЩИНА

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будем сказывати.
Песня

Прежде нежели приступлю к описанию странных происшествий, коим я был свидетель, я должен сказать несколько слов о положении, в котором находилась Оренбургская губерния в конце 1773 года.

Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признавших ещё недавно владычество российских государей. Их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданской жизни, легкомыслие и жестокость требовали со стороны правительства непрестанного надзора для удержания их в повиновении. Крепости выстроены были в местах, признанных удобными, и заселены по большей части казаками, давнишними обладателями яицких берегов. Но яицкие казаки, долженствовавшие охранять спокойствие и безопасность сего края, с некоторого времени были сами для правительства неспокойными и опасными подданными. В 1772 году произошло возмущение в их главном городке. Причиною тому были строгие меры, предпринятые генерал-майором Траубенбергом, дабы привести войско к должному повиновению. Следствием было варварское убиение Траубенберга, своевольная перемена в управлении и наконец усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями.

Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость. Всё было уже тихо или казалось таковым; начальство слишком легко поверило мнимому раскаянию лукавых мятежников, которые злобствовали втайне и выжидали удобного случая для возобновления беспорядков.

Обращаюсь к своему рассказу.

Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на тучи, бегущие мимо луны. Пришли меня звать от имени коменданта. Я тотчас отправился. У коменданта нашёл я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкого урядника. В комнате

не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендант со мною поздоровался с видом озабоченным. Он запер двери, всех усадил, кроме урядника, который стоял у дверей, вынул из кармана бумагу и сказал нам: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишет генерал». Тут он надел очки и прочёл следующее:

«Господину коменданту Белогорской крепости
капитану Миронову.

По секрету.

Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник Емельян Пугачёв, учиня непростительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, произвёл возмущение в яицких селениях и уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства. Того ради, с получением сего, имеете вы, господин капитан, немедленно принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея и самозванца, а буде можно, и к совершенному уничтожению оного, если он обратится на крепость, вверенную вашему попечению».

— Принять надлежащие меры! — сказал комендант, снимая очки и складывая бумагу. — Слышь ты, легко сказать. Злодей-то, видно, силён; а у нас всего сто тридцать человек, не считая казаков, на которых плоха надежда, не в укор буди тебе сказано, Максимыч. (Урядник усмехнулся.) Однако делать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры; в случае нападения запирайте ворота да выводите солдат. Ты, Максимыч, смотри крепко за своими казаками. Пушку осмотреть да хорошенько вычистить. А пуще всего содержите всё это в тайне, чтоб в крепости никто не мог о том узнать преждевременно.

Раздав сии повеления, Иван Кузмич нас распустил. Я вышел вместе со Швабриным, рассуждая о том, что мы слышали. «Как ты думаешь, чем это кончится?» — спросил я его. «Бог знает, — отвечал он, — посмотрим. Важного покамест ещё ничего не вижу. Если же...» Тут он задумался и в рассеянии стал насвистывать французскую арию.

Несмотря на все наши предосторожности, весть о появлении Пугачёва разнеслась по крепости. Иван Кузмич, хоть и очень

уважал свою супругу, но ни за что на свете не открыл бы ей тайны, вверенной ему по службе. Получив письмо от генерала, он довольно искусным образом выпроводил Василису Егоровну, сказав ей, будто бы отец Герасим получил из Оренбурга какие-то чудные известия, которые содержит в великой тайне. Василиса Егоровна тотчас захотела отправиться в гости к попадье и, по совету Ивана Кузмича, взяла с собой и Машу, чтоб ей не было скучно одной.

Иван Кузмич, оставшись полным хозяином, тотчас послал за нами, а Палашку запер в чулан, чтоб она не могла нас подслушать.

Василиса Егоровна возвратилась домой, не успев ничего выведать от попадьи, и узнала, что во время её отсутствия было у Ивана Кузмича совещание и что Палашка была под замком. Она догадалась, что была обманута мужем, и приступила к нему с допросом. Но Иван Кузмич приготовился к нападению. Он нимало не смутился и бодро отвечал своей любопытной сожительнице: «А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить соломою; а как от того может произойти несчастие, то я и отдал строгий приказ впредь соломою бабам печей не топить, а топить хворостом и валежником». — «А для чего ж было тебе запирать Палашку? — спросила комендантша. — За что бедная девка просидела в чулане, пока мы не воротились?» Иван Кузмич не был приготовлен к такому вопросу; он запутался и пробормотал что-то очень нескладное. Василиса Егоровна увидела коварство своего мужа; но, зная, что ничего от него не добьётся, прекратила свои вопросы и завела речь о солёных огурцах, которые Акулина Памфиловна приготовляла совершенно особенным образом. Во всю ночь Василиса Егоровна не могла заснуть и никак не могла догадаться, что бы такое было в голове её мужа, о чём бы ей нельзя было знать.

На другой день, возвращаясь от обедни, она увидела Ивана Игнатьича, который вытаскивал из пушки тряпички, камушки, щепки, бабки и сор всякого рода, запиханный в неё ребятишками. «Что бы значили эти военные приготовления? — думала комендантша, — уж не ждут ли нападения от киргизцев? Но неужто Иван Кузмич стал бы от меня таить такие пустяки?» Она кликнула Ивана Игнатьича, с твёрдым намерением выведать от него тайну, которая мучила её дамское любопытство.

Василиса Егоровна сделала ему несколько замечаний касательно хозяйства, как судия, начинающий следствие вопросами посторонними, дабы сперва усыпить осторожность ответчика. Потом, помолчав несколько минут, она глубоко вздохнула и сказала, качая головою: «Господи Боже мой! Вишь, какие новости! Что из этого будет?»

— И, матушка! — отвечал Иван Игнатьич. — Бог милостив: солдат у нас довольно, пороху много, пушку я вычистил. Авось дадим отпор Пугачёву. Господь не выдаст, свинья не съест!

— А что за человек этот Пугачёв? — спросила комендантша.

Тут Иван Игнатьич заметил, что проговорился, и закусил язык. Но уже было поздно. Василиса Егоровна принудила его во всём признаться, дав ему слово не рассказывать о том никому.

Василиса Егоровна сдержала своё обещание и никому не сказала ни одного слова, кроме как попадье, и то потому только, что корова её ходила ещё в степи и могла быть захвачена злодеями.

Вскоре все заговорили о Пугачёве. Толки были различны. Комендант послал урядника с поручением разведать хорошенько обо всём по соседним селениям и крепостям. Урядник возвратился через два дня и объявил, что в степи вёрст за шестьдесят от крепости видел он множество огней и слышал от башкирцев, что идёт неведомая сила. Впрочем, не мог он сказать ничего положительного, потому что ехать далее побоялся.

В крепости между казаками заметно стало необыкновенное волнение; во всех улицах они толпились в кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизонного солдата. Посланы были к ним лазутчики. Юлай, крещёный калмык, сделал коменданту важное донесение. Показания урядника, по словам Юлая, были ложны: по возвращении своём лукавый казак объявил своим товарищам, что он был у бунтовщиков, представлялся самому их предводителю, который допустил его к своей руке и долго с ним разговаривал. Комендант немедленно посадил урядника под караул, а Юлая назначил на его место. Эта новость принята была казаками с явным неудовольствием. Они громко роптали, и Иван Игнатьич, исполнитель комендантского распоряжения, слышал своими ушами, как они говорили: «Вот ужо тебе будет, гарнизонная крыса!» Ко-

мендант думал в тот же день допросить своего арестанта; но урядник бежал из-под караула, вероятно, при помощи своих единомышленников.

Новое обстоятельство усилило беспокойство коменданта. Схвачен был башкирец с возмутительными листами. По сему случаю комендант думал опять собрать своих офицеров и для того хотел опять удалить Василису Егоровну под благовидным предлогом. Но как Иван Кузмич был человек самый прямодушный и правдивый, то и не нашёл другого способа, кроме как единожды уже им употреблённого.

«Слышь ты, Василиса Егоровна, — сказал он ей покашливая. — Отец Герасим получил, говорят, из города...» — «Полно врать, Иван Кузмич, — перервала комендантша, — ты, знать, хочешь собрать совещание да без меня толковать об Емельяне Пугачёве; да лих не проведёшь!» Иван Кузмич вытаращил глаза. «Ну, матушка, — сказал он, — коли ты уже всё знаешь, так, пожалуй, оставайся; мы дотолкуем и при тебе». — «То-то, батька мой, — отвечала она, — не тебе бы хитрить; посылай-ка за офицерами».

Мы собрались опять. Иван Кузмич в присутствии жены прочёл нам воззвание Пугачёва, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком. Разбойник объявлял о своём намерении немедленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал не супротивляться, угрожая казнию в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей.

— Каков мошенник! — воскликнула комендантша. — Что смеет ещё нам предлагать! Выйти к нему навстречу и положить к ногам его знамёна! Ах он собачий сын! Да разве не знает он, что мы уже сорок лет в службе и всего, слава Богу, насмотрелись? Неужто нашлись такие командиры, которые послушались разбойника?

— Кажется, не должно бы, — отвечал Иван Кузмич. — А слышно, злодей завладел уж многими крепостями.

— Видно, он в самом деле силён, — заметил Швабрин.

— А вот сейчас узнаем настоящую его силу, — сказал комендант. — Василиса Егоровна, дай мне ключ от анбара. Иван Игнатьич, приведи-ка башкирца да прикажи Юлаю принести сюда плетей.

— Постой, Иван Кузмич, — сказала комендантша, вставая с места. — Дай уведу Машу куда-нибудь из дому; а то услышит крик, перепугается. Да и я, правду сказать, не охотница до розыска. Счастливо оставаться.

Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ, уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия. Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, — мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо, если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невинности, то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности. Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалеющих об уничтожении варварского обычая. В наше же время никто не сомневался в необходимости пытки, ни судьи, ни подсудимые. Итак, приказание коменданта никого из нас не удивило и не встревожило. Иван Игнатьич отправился за башкирцем, который сидел в анбаре под ключом у комендантши, и через несколько минут невольника привели в переднюю. Комендант велел его к себе представить.

Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого росту, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали ещё огнём. «Эхе! — сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году. — Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослал?»

Старый башкирец молчал и глядел на коменданта с видом совершенного бессмыслия. «Что же ты молчишь? — продолжал Иван Кузмич, — али бельмес по-русски не разумеешь? Юлай, спроси-ка у него по-вашему, кто его подослал в нашу крепость?»

Юлай повторил на татарском языке вопрос Ивана Кузмича. Но башкирец глядел на него с тем же выражением и не отвечал ни слова.

— Якши[1], — сказал комендант, — ты у меня заговоришь. Ребята! сымите-ка с него дурацкий полосатый халат да выстрочите ему спину. Смотри ж, Юлай: хорошенько его!

Два инвалида стали башкирца раздевать. Лицо несчастного изобразило беспокойство. Он оглядывался на все стороны, как зверок, пойманный детьми. Когда ж один из инвалидов взял его руки и, положив их себе около шеи, поднял старика на свои плечи, а Юлай взял плеть и замахнулся, — тогда башкирец застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок.

Когда вспомню, что это случилось на моём веку и что ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия. Молодой человек, если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений.

Все были поражены. «Ну, — сказал комендант, — видно, нам от него толку не добиться. Юлай, отведи башкирца в анбар. А мы, господа, кой о чём ещё потолкуем».

Мы стали рассуждать о нашем положении, как вдруг Василиса Егоровна вошла в комнату, задыхаясь и с видом чрезвычайно встревоженным.

— Что это с тобою сделалось? — спросил изумлённый комендант.

— Батюшки, беда! — отвечала Василиса Егоровна. — Нижнеозёрная взята сегодня утром. Работник отца Герасима сейчас оттуда воротился. Он видел, как её брали. Комендант и все офицеры перевешаны. Все солдаты взяты в полон. Того и гляди, злодеи будут сюда.

Неожиданная весть сильно меня поразила. Комендант Нижнеозёрной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузмича. Нижнеозёрная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти. С часу на час должно было и нам ожидать нападения Пугачёва. Участь Марьи Ивановны живо представилась мне, и сердце у меня так и замерло.

---

[1] Хорошо (*тат.*).

— Послушайте, Иван Кузмич! — сказал я коменданту. — Долг наш защищать крепость до последнего нашего издыхания; об этом и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщин. Отправьте их в Оренбург, если дорога ещё свободна, или в отдалённую, более надёжную крепость, куда злодеи не успели бы достигнуть.

Иван Кузмич оборотился к жене и сказал ей:

— А слышь ты, матушка, и в самом деле, не отправить ли вас подале, пока не управимся мы с бунтовщиками?

— И, пустое! — сказала комендантша. — Где такая крепость, куда бы пули не залетали? Чем Белогорская ненадёжна? Слава Богу, двадцать второй год в ней проживаем. Видали и башкирцев и киргизцев: авось и от Пугачёва отсидимся!

— Ну, матушка, — возразил Иван Кузмич, — оставайся, пожалуй, коли ты на крепость нашу надеешься. Да с Машей-то что нам делать? Хорошо, коли отсидимся или дождёмся сикурса[1]; ну, а коли злодеи возьмут крепость?

— Ну, тогда... — Тут Василиса Егоровна заикнулась и замолчала с видом чрезвычайного волнения.

— Нет, Василиса Егоровна, — продолжал комендант, замечая, что слова его подействовали, может быть, в первый раз в его жизни. — Маше здесь оставаться негоже. Отправим её в Оренбург к её крёстной матери: там и войска и пушек довольно, и стена каменная. Да и тебе советовал бы с нею туда же отправиться; даром что ты старуха, а посмотри, что с тобою будет, коли возьмут фортецию приступом.

— Добро, — сказала комендантша, — так и быть, отправим Машу. А меня и во сне не проси: не поеду. Нечего мне под старость лет расставаться с тобою да искать одинокой могилы на чужой сторонке. Вместе жить, вместе и умирать.

— И то дело, — сказал комендант. — Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу в дорогу. Завтра чем свет её и отправим, да дадим ей и конвой, хоть людей лишних у нас и нет. Да где же Маша?

— У Акулины Памфиловны, — отвечала комендантша. — Ей сделалось дурно, как услышала о взятии Нижнеозёрной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи Владыко, до чего мы дожили!

---

[1] Помощи (от *фр.* secours).

Василиса Егоровна ушла хлопотать об отъезде дочери. Разговор у коменданта продолжался; но я уже в него не мешался и ничего не слушал. Марья Ивановна явилась к ужину бледная и заплаканная. Мы отужинали молча и встали из-за стола скорее обыкновенного; простясь со всем семейством, мы отправились по домам. Но я нарочно забыл свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовал, что застану Марью Ивановну одну. В самом деле, она встретила меня в дверях и вручила мне шпагу. «Прощайте, Пётр Андреич! — сказала она мне со слезами. — Меня посылают в Оренбург. Будьте живы и счастливы; может быть, Господь приведёт нас друг с другом увидеться; если же нет...» Тут она зарыдала. Я обнял её. «Прощай, ангел мой, — сказал я, — прощай, моя милая, моя желанная! Что бы со мною ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя молитва будет о тебе!» Маша рыдала, прильнув к моей груди. Я с жаром её поцеловал и поспешно вышел из комнаты.

ГЛАВА VII

ПРИСТУП

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,

Как ни слова себе доброго
И ни рангу себе высокого;
Только выслужила головушка
Два высокие столбика,
Перекладинку кленовую,
Ещё петельку шелковую.

Народная песня

В эту ночь я не спал и не раздевался. Я намерен был отправиться на заре к крепостным воротам, откуда Марья Ивановна должна была выехать, и там проститься с нею в последний раз. Я чувствовал в себе великую перемену: волнение души моей было мне гораздо менее тягостно, нежели то уныние, в котором ещё недавно был я погружён. С грустию разлуки сливались во мне и неясные, но сладостные надежды, и нетерпеливое ожидание опасностей, и чувства благородного честолюбия. Ночь прошла незаметно. Я хотел уже выйти из дому, как дверь моя отворилась и ко мне явился капрал с донесением, что наши казаки ночью выступили из крепости, взяв насильно с собою Юлая, и что около крепости разъезжают неведомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успеет выехать, ужаснула меня; я поспешно дал капралу несколько наставлений и тотчас бросился к коменданту.

Уж рассветало. Я летел по улице, как услышал, что зовут меня. Я остановился. «Куда вы? — сказал Иван Игнатьич, догоняя меня. — Иван Кузмич на валу и послал меня за вами. Пугач пришёл». — «Уехала ли Марья Ивановна?» — спросил я с сердечным трепетом. «Не успела, — отвечал Иван Игнатьич, — дорога в Оренбург отрезана; крепость окружена. Плохо, Пётр Андреич!»

Мы пошли на вал, возвышение, образованное природой и укреплённое частоколом. Там уже толпились все жители крепос-

ти. Гарнизон стоял в ружьё. Пушку туда перетащили накануне. Комендант расхаживал перед своим малочисленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бодростию необыкновенной. По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами. Они, казалося, казаки, но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысьим шапкам и по колчанам. Комендант обошёл своё войско, говоря солдатам: «Ну, детушки, постоим сегодня за матушку государыню и докажем всему свету, что мы люди бравые и присяжные!» Солдаты громко изъявили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприятеля. Люди, разъезжающие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Комендант велел Ивану Игнатьичу навести пушку на их толпу и сам приставил фитиль. Ядро зажужжало и пролетело над ними, не сделав никакого вреда. Наездники, рассеясь, тотчас ускакали из виду, и степь опустела.

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отстать от неё. «Ну, что? — сказала комендантша. — Каково идёт баталья? Где же неприятель?» — «Неприятель недалече, — отвечал Иван Кузмич. — Бог даст, всё будет ладно. Что, Маша, страшно тебе?» — «Нет, папенька, — отвечала Марья Ивановна, — дома одной страшнее». Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомня, что накануне получил её из её рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце моё горело. Я воображал себя её рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин её доверенности, и с нетерпением стал ожидать решительной минуты.

В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооружённых копьями и сайдаками. Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане с обнажённой саблею в руке: это был сам Пугачёв. Он остановился; его окружили, и, как видно, по его повелению, четыре человека отделились и во весь опор подскакали под самую крепость. Мы в них узнали своих изменников. Один из них держал под шапкою лист бумаги; у другого на копьё воткнута была голова Юлая, которую, стряхнув, перекинул он к нам чрез частокол. Голова бедного калмыка упала к ногам коменданта. Изменники кричали: «Не стреляйте; выходите вон к государю. Государь здесь!»

«Вот я вас! — закричал Иван Кузмич. — Ребята! стреляй!» Солдаты наши дали залп. Казак, державший письмо, зашатался и свалился с лошади; другие поскакали назад. Я взглянул на Марью Ивановну. Поражённая видом окровавленной головы Юлая, оглушённая залпом, она казалась без памяти. Комендант подозвал капрала и велел ему взять лист из рук убитого казака. Капрал вышел в поле и возвратился, ведя под уздцы лошадь убитого. Он вручил коменданту письмо. Иван Кузмич прочёл его про себя и разорвал потом в клочки. Между тем мятежники, видимо, подготовлялись к действию. Вскоре пули начали свистать около наших ушей, и несколько стрел воткнулись около нас в землю и в частокол. «Василиса Егоровна! — сказал комендант. — Здесь не бабье дело; уведи Машу; видишь: девка ни жива ни мертва».

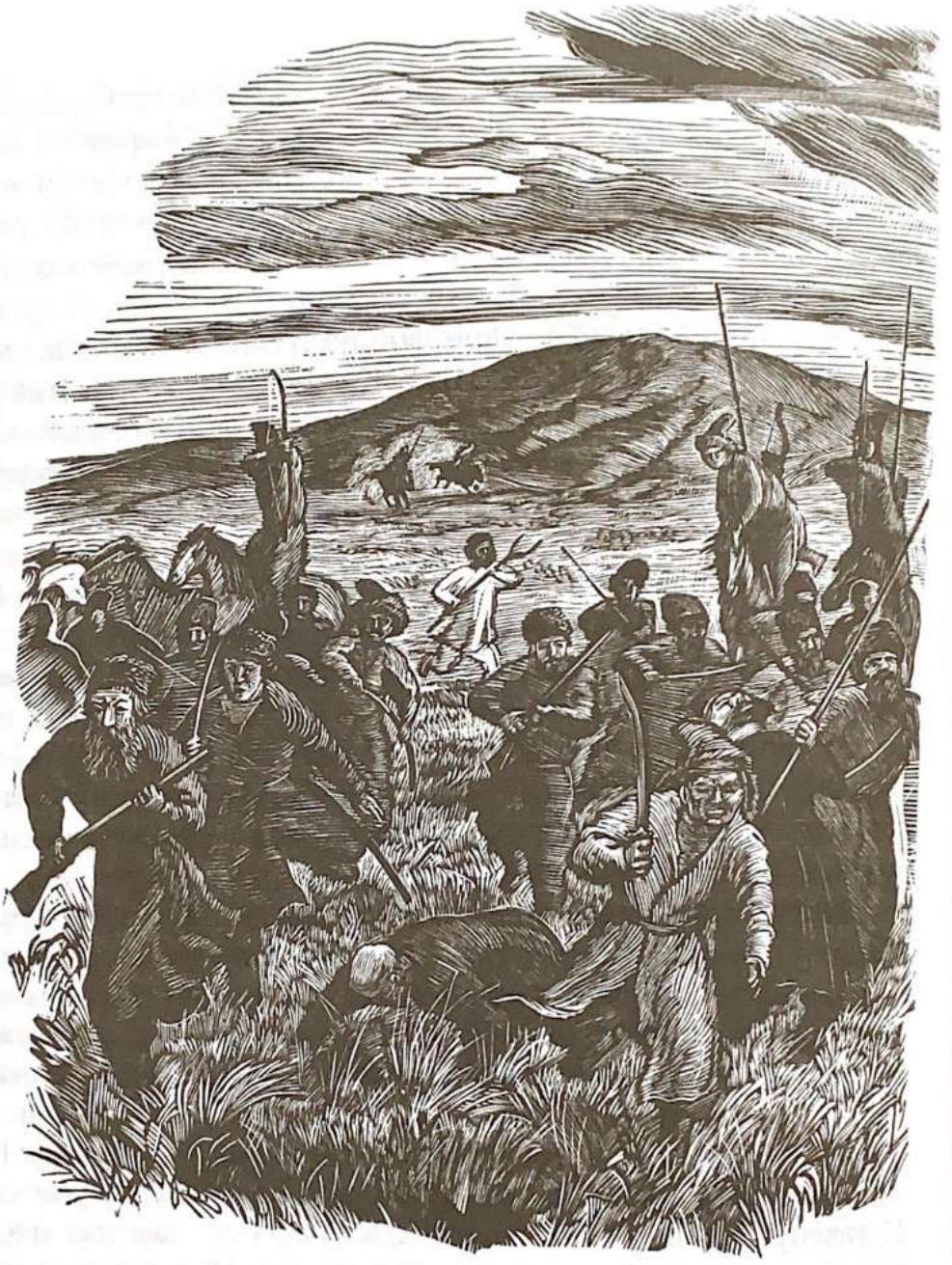
Василиса Егоровна, присмиревшая под пулями, взглянула на степь, на которой заметно было большое движение; потом оборотилась к мужу и сказала ему: «Иван Кузмич, в животе и смерти Бог волен: благослови Машу. Маша, подойди к отцу».

Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил её трижды; потом поднял и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: он тебя не оставит. Коли найдётся добрый человек, дай Бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же её поскорее». (Маша кинулась ему на шею и зарыдала.) «Поцелуемся ж и мы, — сказала, заплакав, комендантша. — Прощай, мой Иван Кузмич. Отпусти мне, коли в чём я тебе досадила!» — «Прощай, прощай, матушка! — сказал комендант, обняв свою старуху. — Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да если успеешь, надень на Машу сарафан». Комендантша с дочерью удалились. Я глядел вослед Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мне головой. Тут Иван Кузмич оборотился к нам, и всё внимание его устремилось на неприятеля. Мятежники съезжались около своего предводителя и вдруг начали слезать с лошадей. «Теперь стойте крепко, — сказал комендант, — будет приступ...» В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендант подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. Картечь хватила в самую середину толпы. Мятежники от-

хлынули в обе стороны и попятились. Предводитель их остался один впереди... Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал... Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобновились. «Ну, ребята, — сказал комендант, — теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята! вперёд, на вылазку, за мною!»

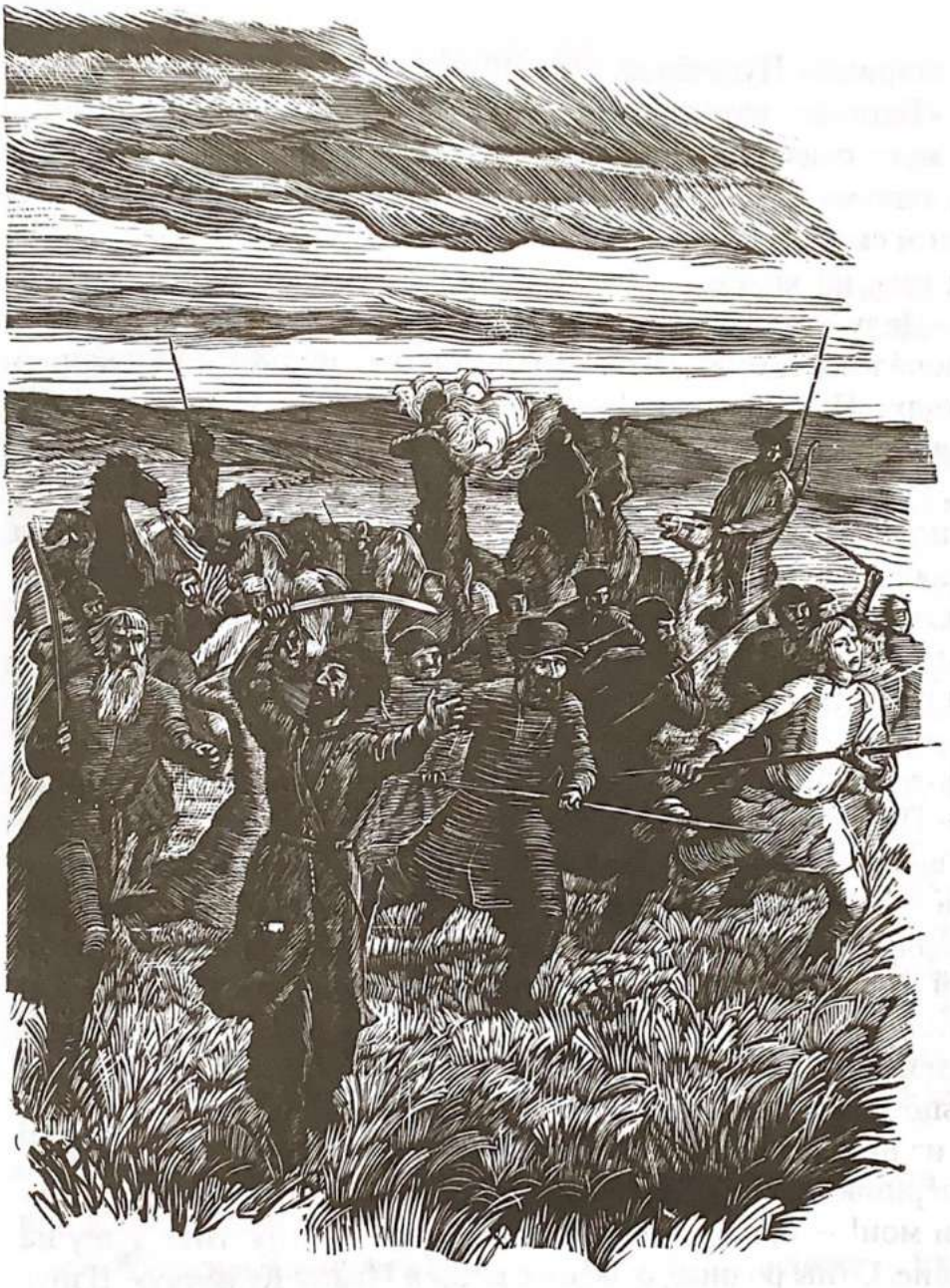
Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом; но обробелый гарнизон не тронулся. «Что ж вы, детушки, стоите? — закричал Иван Кузмич. — Умирать так умирать: дело служивое!» В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибли было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошёл в крепость. Комендант, раненный в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей. Я бросился было к нему на помощь: несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вот ужо вам будет, государевым ослушникам!» Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас погнали туда же.

Пугачёв сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нём был красный казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Казацкие старшины окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приближились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачёву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?» — спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузмича. Пугачёв грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твёрдым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!» Пугачёв мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На её перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке верёвку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузмича, вздёрнутого на воздух. Тогда привели к Пугачёву Ивана

Игнатьича. «Присягай, — сказал ему Пугачёв, — государю Петру Феодоровичу!» — «Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец!» Пугачёв махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачёва, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей. Тогда, к неописанному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошёл к Пугачёву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать

его!» — сказал Пугачёв, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. «Не бось, не бось», — повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные! погодите!..» Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачёва. «Отец родной! — говорил бедный дядька. — Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради вели повесить хоть

меня, старика!» Пугачёв дал знак, и меня тотчас развязали и оставили. «Батюшка наш тебя милует», — говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу, однако ж, чтоб я о нём и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачёв протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочёл бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Пётр Андреич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — Не упрямься! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачёв опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооружённый тупыми своими ножницами, резал у них косы. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачёва, который объявлял им прощение и принимал в свою шайку. Всё это продолжалось около трёх часов. Наконец Пугачёв встал с кресел и сошёл с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрёпанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в её душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, бельё и всю рухлядь. «Батюшки мои! — кричала бедная старушка. — Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! — закричала она в исступлении. — Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» — «Унять старую ведьму!» — сказал Пугачёв. Тут молодой казак ударил её саблею по голове, и она упала мёртвая на ступени крыльца. Пугачёв уехал; народ бросился за ним.

ГЛАВА VIII

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Незваный гость хуже татарина.
Пословица

Площадь опустела. Я всё стоял на одном месте и не мог привести в порядок мысли, смущённые столь ужасными впечатлениями.

Неизвестность о судьбе Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Где она? что с нею? успела ли спрятаться? надёжно ли её убежище?.. Полный тревожными мыслями, я вошёл в комендантский дом... Всё было пусто; стулья, столы, сундуки были переломаны; посуда перебита; всё растаскано. Я взбежал по маленькой лестнице, которая вела в светлицу, и в первый раз отроду вошёл в комнату Марьи Ивановны. Я увидел её постелю, перерытую разбойниками, шкап был разломан и ограблен; лампадка теплилась ещё перед опустелым кивотом[1]. Уцелело и зеркальце, висевшее в простенке... Где ж была хозяйка этой смиренной, девической кельи? Страшная мысль мелькнула в уме моём: я вообразил её в руках у разбойников... Сердце моё сжалось... Я горько, горько заплакал и громко произнёс имя моей любезной... В эту минуту послышался лёгкий шум, и из-за шкапа явилась Палаша, бледная и трепещущая.

— Ах, Пётр Андреич! — сказала она, сплеснув руками.— Какой денёк! какие страсти!..

— А Марья Ивановна? — спросил я нетерпеливо, — что Марья Ивановна?

— Барышня жива, — отвечала Палаша. — Она спрятана у Акулины Памфиловны.

— У попадьи! — вскричал я с ужасом. — Боже мой! да там Пугачёв!..

Я бросился вон из комнаты, мигом очутился на улице и опрометью побежал в дом священника, ничего не видя и не чувствуя. Там раздавались крики, хохот и песни... Пугачёв пировал

[1] *Кивóт* (киот) — подставка для иконы.

с своими товарищами. Палаша прибежала туда же за мною. Я подослал её вызвать тихонько Акулину Памфиловну. Через минуту попадья вышла ко мне в сени с пустым штофом в руках.

— Ради Бога! где Марья Ивановна? — спросил я с неизъяснимым волнением.

— Лежит, моя голубушка, у меня на кровати, там за перегородкою, — отвечала попадья. — Ну, Пётр Андреич, чуть было не стряслась беда, да, слава Богу, всё прошло благополучно: злодей только что уселся обедать, как она, моя бедняжка, очнётся да застонет!.. Я так и обмерла. Он услышал: «А кто это у тебя охает, старуха?» Я вору в пояс: «Племянница моя, государь; захворала, лежит, вот уж другая неделя». — «А молода твоя племянница?» — «Молода, государь». — «А покажи-ка мне, старуха, свою племянницу». У меня сердце так и ёкнуло, да нечего было делать. «Изволь, государь; только девка-то не сможет встать и прийти к твоей милости». — «Ничего, старуха, я и сам пойду погляжу». И ведь пошёл окаянный за перегородку; как ты думаешь! ведь отдёрнул занавес, взглянул ястребиными своими глазами! — и ничего... Бог вынес! А веришь ли, я и батька мой так уж и приготовились к мученической смерти. К счастию, она, моя голубушка, не узнала его. Господи Владыко, дождались мы праздника! Нечего сказать! бедный Иван Кузмич! кто бы подумал!.. А Василиса-то Егоровна? А Иван-то Игнатьич? Его-то за что?.. Как это вас пощадили? А каков Швабрин, Алексей Иваныч? Ведь остригся в кружок и теперь у нас тут же с ними пирует! Проворен, нечего сказать! А как сказала я про больную племянницу, так он, веришь ли, так взглянул на меня, как бы ножом насквозь; однако не выдал, спасибо ему и за то. — В эту минуту раздались пьяные крики гостей и голос отца Герасима. Гости требовали вина, хозяин кликал сожительницу. Попадья расхлопоталась. — Ступайте себе домой, Пётр Андреич, — сказала она, — теперь не до вас; у злодеев попойка идёт. Беда, попадётесь под пьяную руку. Прощайте, Пётр Андреич! Что будет, то будет; авось Бог не оставит!

Попадья ушла. Несколько успокоенный, я отправился к себе на квартиру. Проходя мимо площади, я увидел несколько башкирцев, которые теснились около виселицы и стаскивали сапоги с повешенных; с трудом удержал я порыв негодования, чувствуя бесполезность заступления. По крепости бегали разбой-

ники, грабя офицерские дома. Везде раздавались крики пьянствующих мятежников. Я пришёл домой. Савельич встретил меня у порога. «Слава Богу! — вскричал он, увидя меня. — Я было думал, что злодеи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Пётр Андреич! веришь ли? всё у нас разграбили, мошенники: платье, бельё, вещи, посуду — ничего не оставили. Да что уж! Слава Богу, что тебя живого отпустили! А узнал ли ты, сударь, атамана?»

— Нет, не узнал; а кто ж он такой?

— Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? Заячий тулупчик совсем новёшенький; а он, бестия, его так и распорол, напяливая на себя!

Я изумился. В самом деле сходство Пугачёва с моим вожатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачёв и он были одно и то же лицо, и понял тогда причину пощады, мне оказанной. Я не мог не подивиться странному сцеплению обстоятельств: детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоялым дворам, осаждал крепости и потрясал государством!

— Не изволишь ли покушать? — спросил Савельич, неизменный в своих привычках. — Дома ничего нет; пойду пошарю да что-нибудь тебе изготовлю.

Оставшись один, я погрузился в размышления. Что мне было делать? Оставаться в крепости, подвластной злодею, или следовать за его шайкою было неприлично офицеру. Долг требовал, чтобы я явился туда, где служба моя могла ещё быть полезна отечеству в настоящих затруднительных обстоятельствах... Но любовь сильно советовала мне оставаться при Марье Ивановне и быть ей защитником и покровителем. Хотя я и предвидел скорую и несомненную перемену в обстоятельствах, но всё же не мог не трепетать, воображая опасность её положения.

Размышления мои были прерваны приходом одного из казаков, который прибежал с объявлением, что-де «великий государь требует тебя к себе». — «Где же он?» — спросил я, готовясь повиноваться.

— В комендантском, — отвечал казак. — После обеда батюшка наш отправился в баню, а теперь отдыхает. Ну, ваше благородие, по всему видно, что персона знатная: за обедом скушать из-

волил двух жареных поросят, а парится так жарко, что и Тарас Курочкин не вытерпел, отдал веник Фомке Бикбаеву да насилу холодной водой откачался. Нечего сказать: все приёмы такие важные... А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орёл, величиною с пятак, а на другой персона его.

Я не почёл нужным оспоривать мнения казака и с ним вместе отправился в комендантский дом, заранее воображая себе свидание с Пугачёвым и стараясь предугадать, чем оно кончится. Читатель легко может себе представить, что я не был совершенно хладнокровен.

Начинало смеркаться, когда пришёл я к комендантскому дому. Виселица с своими жертвами страшно чернела. Тело бедной комендантши всё ещё валялось под крыльцом, у которого два казака стояли на карауле. Казак, приведший меня, отправился про меня доложить и, тотчас же воротившись, ввёл меня в ту комнату, где накануне так нежно прощался я с Марьей Ивановною.

Необыкновенная картина мне представилась: за столом, накрытым скатертью и установленным штофами и стаканами, Пугачёв и человек десять казацких старшин сидели, в шапках и цветных рубашках, разгорячённые вином, с красными рожами и блистающими глазами. Между ими не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобраных изменников. «А, ваше благородие! — сказал Пугачёв, увидя меня. — Добро пожаловать; честь и место, милости просим». Собеседники потеснились. Я молча сел на краю стола. Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина, до которого я не коснулся. С любопытством стал я рассматривать сборище. Пугачёв на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая чёрную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъявляли ничего свирепого. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеичем, а иногда величая его дядюшкою. Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю. Разговор шёл об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях. Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспоривал Пугачёва. И на сём-то странном военном совете решено было

идти к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бедственным успехом! Поход был объявлен к завтрашнему дню. «Ну, братцы, — сказал Пугачёв, — затянем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! начинай!» Сосед мой затянул тонким голоском заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором:

Не шуми, мати зелёная дубровушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати.
Что заутра мне, доброму молодцу, в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.
Ещё станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Ещё много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надёжа православный царь,
Всеё правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Ещё первый мой товарищ тёмная ночь,
А второй мой товарищ булатный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,

А четвёртый мой товарищ, то тугой лук,
Что рассыльщики мои, то калёны стрелы.
Что возговорит надёжа православный царь:
Исполать тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Середи поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной.

Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обречёнными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — всё потрясало меня каким-то пиитическим ужасом.

Гости выпили ещё по стакану, встали из-за стола и простились с Пугачёвым. Я хотел за ними последовать, но Пугачёв сказал мне: «Сиди; я хочу с тобою переговорить». Мы остались глаз на глаз.

Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачёв смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной весёлостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему.

— Что, ваше благородие? — сказал он мне. — Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебе верёвку на шею? Я чаю, небо с овчинку показалось... А покачался бы на перекладине, если б не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умёту, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный.) Ты крепко передо мною виноват, — продолжал он, — но я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принуждён я был скрываться от своих недругов. То ли ещё увидишь! Так ли ещё тебя пожалую, когда получу своё государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

— Чему ты усмехаешься? — спросил он меня нахмурясь. — Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо.

Я смутился: признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя погибели; и то, на что был я готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию. Я колебался. Пугачёв мрачно ждал моего ответа. Наконец (и ещё ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачёву: «Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смышлёный: ты сам увидел бы, что я лукавствую».

— Кто же я таков, по твоему разумению?

— Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачёв взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь, — сказал он, — чтоб я был государь Пётр Фёдорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья. Как ты думаешь?»

— Нет, — отвечал я с твёрдостию. — Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачёв задумался. «А коли отпущу, — сказал он, — так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?»

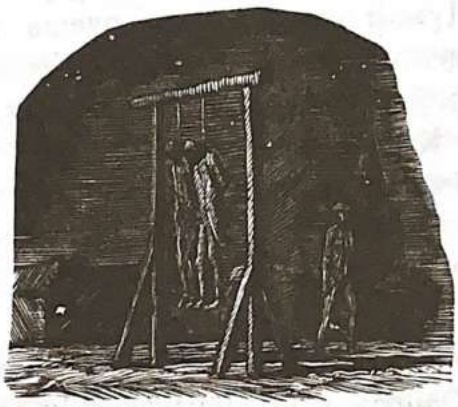
— Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — Бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачёва. «Так и быть, — сказал он, ударя меня по плечу. — Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрёма клонит».

Я оставил Пугачёва и вышел на улицу. Ночь была тихая и морозная. Месяц и звёзды ярко сияли, освещая площадь и висе-лицу. В крепости всё было спокойно и темно. Только в кабаке светился огонь и раздавались крики запоздалых гуляк. Я взгля-нул на дом священника. Ставни и ворота были заперты. Каза-лось, всё в нём было тихо.

Я пришёл к себе в квартиру и нашёл Савельича, горюющего по моём отсутствии. Весть о свободе моей обрадовала его неска-занно. «Слава тебе, Владыко! — сказал он перекрестившись. — Чем свет оставим крепость и пойдём куда глаза глядят. Я тебе кое-что заготовил; покушай-ка, батюшка, да и почивай себе до утра, как у Христа за пазушкой».

Я последовал его совету и, поужинав с большим аппетитом, заснул на голом полу, утомлённый душевно и физически.

ГЛАВА IX

РАЗЛУКА

Сладко было спознаваться
Мне, прекрасная, с тобой;
Грустно, грустно расставаться,
Грустно, будто бы с душой.
Херасков

Рано утром разбудил меня барабан. Я пошёл на сборное место. Там строились уже толпы пугачёвские около виселицы, где всё ещё висели вчерашние жертвы. Казаки стояли верхами, солдаты под ружьём. Знамёна развевались. Несколько пушек, между коих узнал я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Все жители находились тут же, ожидая самозванца. У крыльца комендантского дома казак держал под уздцы прекрасную белую лошадь киргизской породы. Я искал глазами тела комендантши. Оно было отнесено немного в сторону и прикрыто рогожею. Наконец Пугачёв вышел из сеней. Народ снял шапки. Пугачёв остановился на крыльце и со всеми поздоровался. Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями. Народ с криком бросился их подбирать, и дело не обошлось без увечья. Пугачёва окружили главные из его сообщников. Между ими стоял и Швабрин. Взоры наши встретились; в моём он мог прочесть презрение, и он отворотился с выражением искренней злобы и притворной насмешливости. Пугачёв, увидев меня в толпе, кивнул мне головою и подозвал к себе. «Слушай, — сказал он мне. — Ступай сей же час в Оренбург и объяви от меня губернатору и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе через неделю. Присоветуй им встретить меня с детской любовию и послушанием; не то не избежать им лютой казни. Счастливый путь, ваше благородие!» Потом обратился он к народу и сказал, указывая на Швабрина: «Вот вам, детушки, новый командир: слушайтесь его во всём, а он отвечает мне за вас и за крепость». С ужасом услышал я сии слова: Швабрин делался начальником крепости; Марья Ивановна оставалась в его власти! Боже, что с нею будет! Пугачёв сошёл с крыльца. Ему подвели лошадь. Он проворно вскочил в седло, не дождавшись казаков, которые хотели было подсадить его.

В это время из толпы народа, вижу, выступил мой Савельич, подходит к Пугачёву и подаёт ему лист бумаги. Я не мог приду-

мать, что из того выйдет. «Это что?» — спросил важно Пугачёв. «Прочитай, так изволишь увидеть», — отвечал Савельич. Пугачёв принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным. «Что ты так мудрёно пишешь? — сказал он наконец. — Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?»

Молодой малый в капральском мундире проворно подбежал к Пугачёву. «Читай вслух», — сказал самозванец, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чём дядька мой вздумал писать Пугачёву. Обер-секретарь громогласно стал по складам читать следующее:

— «Два халата, миткалевый и шёлковый полосатый, на шесть рублей».

— Это что значит? — сказал, нахмурясь, Пугачёв.

— Прикажи читать далее, — отвечал спокойно Савельич.

Обер-секретарь продолжал:

— «Мундир из тонкого зелёного сукна на семь рублей.

Штаны белые суконные на пять рублей.

Двенадцать рубах полотняных голландских с манжетами на десять рублей.

Погребец с чайною посудою на два рубля с полтиною...»

— Что за враньё? — прервал Пугачёв. — Какое мне дело до погребцов и до штанов с манжетами?

Савельич крякнул и стал объясняться:

— Это, батюшка, изволишь видеть, реестр барскому добру, раскраденному злодеями...

— Какими злодеями? — спросил грозно Пугачёв.

— Виноват: обмолвился, — отвечал Савельич. — Злодеи не злодеи, а твои ребята таки пошарили да порастаскали. Не гневись: конь и о четырёх ногах да спотыкается. Прикажи уж дочитать.

— Дочитывай, — сказал Пугачёв. Секретарь продолжал:

— «Одеяло ситцевое, другое тафтяное на хлопчатой бумаге — четыре рубля.

Шуба лисья, крытая алым ратином, 40 рублей.

Еще заячий тулупчик, пожалованный твоей милости на постоялом дворе, 15 рублей».

— Это что ещё! — вскричал Пугачёв, сверкнув огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бедного моего дядьку. Он хотел было пуститься опять в объяснения, но Пугачёв его прервал. «Как ты смел лезть ко мне с такими пустяками? — вскричал он,

выхватя бумагу из рук секретаря и бросив её в лицо Савельичу. — Глупый старик! Их обобрали: экая беда? Да ты должен, старый хрыч, вечно Бога молить за меня да за моих ребят за то, что ты и с барином-то своим не висите здесь вместе с моими ослушниками... Заячий тулуп! Я те дам заячий тулуп! Да знаешь ли ты, что я с тебя живого кожу велю содрать на тулупы?»

— Как изволишь, — отвечал Савельич, — а я человек подневольный и за барское добро должен отвечать.

Пугачёв был, видно, в припадке великодушия.

Он отворотился и отъехал, не сказав более ни слова. Швабрин и старшины последовали за ним. Шайка выступила из крепости в порядке. Народ пошёл провожать Пугачёва. Я остался на площади один с Савельичем. Дядька мой держал в руках свой реестр и рассматривал его с видом глубокого сожаления.

Видя моё доброе согласие с Пугачёвым, он думал употребить оное в пользу; но мудрое намерение ему не удалось. Я стал было его бранить за неуместное усердие и не мог удержаться от смеха. «Смейся, сударь, — отвечал Савельич, — смейся; а как придётся нам сызнова заводиться всем хозяйством, так посмотрим, смешно ли будет».

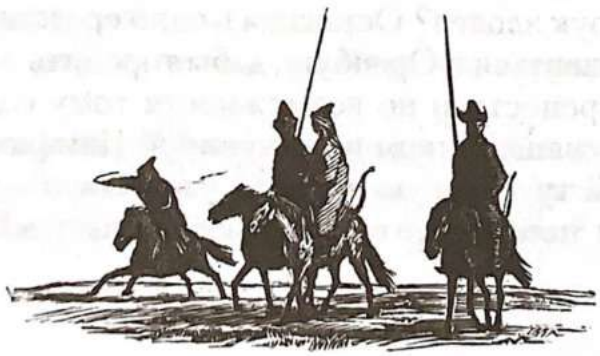
Я спешил в дом священника увидеться с Марьей Ивановной. Попадья встретила меня с печальным известием. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала без памяти и в бреду. Попадья ввела меня в её комнату. Я тихо подошёл к её кровати. Перемена в её лице поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоял я перед нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утешали. Мрачные мысли волновали меня. Состояние бедной, беззащитной сироты, оставленной посреди злобных мятежников, собственное моё бессилие устрашали меня. Швабрин, Швабрин пуще всего терзал моё воображение. Облечённый властию от самозванца, предводительствуя в крепости, где оставалась несчастная девушка — невинный предмет его ненависти, он мог решиться на всё. Что мне было делать? Как подать ей помощь? Как освободить из рук злодея? Оставалось одно средство: я решился тот же час отправиться в Оренбург, дабы торопить освобождение Белогорской крепости и по возможности тому содействовать. Я простился с священником и с Акулиной Памфиловной, с жаром поручая ей ту, которую почитал уже своею женою. Я взял руку бедной и поцеловал её, орошая слезами. «Прощайте, —

говорила мне попадья, провожая меня, — прощайте, Пётр Андреич. Авось увидимся в лучшее время. Не забывайте и пишите к нам почаще. Бедная Марья Ивановна, кроме вас, не имеет теперь ни утешения, ни покровителя».

Вышед на площадь, я остановился на минуту, взглянул на виселицу, поклонился ей, вышел из крепости и пошёл по Оренбургской дороге, сопровождаемый Савельичем, который от меня не отставал.

Я шёл, занятый своими размышлениями, как вдруг услышал за собою конский топот. Оглянулся; вижу: из крепости скачет казак, держа башкирскую лошадь в поводья и делая издали мне знаки. Я остановился и вскоре узнал нашего урядника. Он, подскакав, слез с своей лошади и сказал, отдавая мне поводья другой: «Ваше благородие! Отец наш вам жалует лошадь и шубу с своего плеча (к седлу привязан был овчинный тулуп). Да ещё, — примолвил, запинаясь, урядник, — жалует он вам... полтину денег... да я растерял её дорогою; простите великодушно». Савельич посмотрел на него косо и проворчал: «Растерял дорогою! А что же у тебя побрякивает за пазухой? Бессовестный!» — «Что у меня за пазухой-то побрякивает? — возразил урядник, нимало не смутясь. — Бог с тобою, старинушка! Это бренчит уздечка, а не полтина». — «Добро, — сказал я, прерывая спор. — Благодари от меня того, кто тебя прислал; а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратном пути и возьми себе на водку». — «Очень благодарен, ваше благородие, — отвечал он, поворачивая свою лошадь, — вечно за вас буду Бога молить». При сих словах он поскакал назад, держась одной рукою за пазуху, и через минуту скрылся из виду.

Я надел тулуп и сел верхом, посадив за собою Савельича. «Вот видишь ли, сударь, — сказал старик, — что я недаром подал мошеннику челобитье: вору-то стало совестно, хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулуп не стóят и половины того, что они, мошенники, у нас украли, и того, что ты ему сам изволил пожаловать; да всё же пригодится, а с лихой собаки хоть шерсти клок».

ГЛАВА X

ОСАДА ГОРОДА

Заняв луга и горы,
С вершины, как орёл, бросал на град он взоры.
За станом повелел соорудить раскат
И, в нём перуны скрыв, в нощи привесть под град.
Херасков

Приближаясь к Оренбургу, увидели мы толпу колодников с обритыми головами, с лицами, обезображенными щипцами палача. Они работали около укреплений, под надзором гарнизонных инвалидов. Иные вывозили в тележках сор, наполнявший ров; другие лопатками копали землю; на валу каменщики таскали кирпич и чинили городскую стену. У ворот часовые остановили нас и потребовали наших паспортов. Как скоро сержант услышал, что я еду из Белогорской крепости, то и повёл меня прямо в дом генерала.

Я застал его в саду. Он осматривал яблони, обнажённые дыханием осени, и с помощию старого садовника бережно их укутывал тёплой соломой. Лицо его изображало спокойствие, здоровье и добродушие. Он мне обрадовался и стал расспрашивать об ужасных происшествиях, коим я был свидетель. Я рассказал ему всё. Старик слушал меня со вниманием и между тем отрезывал сухие ветви. «Бедный Миронов! — сказал он, когда кончил я свою печальную повесть. — Жаль его: хороший был офицер. И мадам Миронова добрая была дама и какая мастерица грибы солить! А что Маша, капитанская дочка?» Я отвечал, что она осталась в крепости на руках у попадьи. «Ай, ай, ай! — заметил генерал. — Это плохо, очень плохо. На дисциплину разбойников никак нельзя положиться. Что будет с бедной девушкою?» Я отвечал, что до Белогорской крепости недалеко и что, вероятно, его превосходительство не замедлит выслать войско для освобождения бедных её жителей. Генерал покачал головою с видом недоверчивости. «Посмотрим, посмотрим, — сказал он. — Об этом мы ещё успеем потолковать. Прошу ко мне пожаловать на чашку чаю: сегодня у меня будет военный совет. Ты можешь нам дать верные сведения о бездельнике Пугачёве и об его войске. Теперь покамест поди отдохни».

Я пошёл на квартиру, мне отведённую, где Савельич уже хозяйничал, и с нетерпением стал ожидать назначенного времени.

Читатель легко себе представит, что я не преминул явиться на совет, долженствовавший иметь такое влияние на судьбу мою. В назначенный час я уже был у генерала.

Я застал у него одного из городских чиновников, помнится, директора таможни, толстого и румяного старичка в глазетовом кафтане. Он стал расспрашивать меня о судьбе Ивана Кузмича, которого называл кумом, и часто перерывал мою речь дополнительными вопросами и нравоучительными замечаниями, которые если и не обличали в нём человека сведущего в военном искусстве, то по крайней мере обнаруживали сметливость и природный ум. Между тем собрались и прочие приглашённые. Между ими, кроме самого генерала, не было ни одного военного человека. Когда все уселись и всем разнесли по чашке чаю, генерал изложил весьма ясно и пространно, в чём состояло дело. «Теперь, господа, — продолжал он, — надлежит решить, как нам действовать противу мятежников: наступательно или оборонительно? Каждый из оных способов имеет свою выгоду и невыгоду. Действие наступательное представляет более надежды на скорейшее истребление неприятеля; действие оборонительное более верно и безопасно... Итак, начнём собирать голоса по законному порядку, то есть начиная с младших по чину. Господин прапорщик! — продолжал он, обращаясь ко мне. — Извольте объяснить нам ваше мнение».

Я встал и, в коротких словах описав сперва Пугачёва и шайку его, сказал утвердительно, что самозванцу способа не было устоять противу правильного оружия.

Мнение моё было принято чиновниками с явною неблагосклонностию. Они видели в нём опрометчивость и дерзость молодого человека. Поднялся ропот, и я услышал явственно слово «молокосос», произнесённое кем-то вполголоса. Генерал обратился ко мне и сказал с улыбкою: «Господин прапорщик! Первые голоса на военных советах подаются обыкновенно в пользу движений наступательных; это законный порядок. Теперь станем продолжать собирание голосов. Господин коллежский советник! скажите нам ваше мнение!»

Старичок в глазетовом кафтане поспешно допил третью свою чашку, значительно разбавленную ромом, и отвечал генералу: «Я думаю, ваше превосходительство, что не должно действовать ни наступательно, ни оборонительно».

— Как же так, господин коллежский советник? — возразил изумлённый генерал. — Других способов тактика не представляет: движение оборонительное или наступательное...

— Ваше превосходительство, двигайтесь подкупательно.

— Э-хе-хе! мнение ваше весьма благоразумно. Движения подкупательные тактикою допускаются, и мы воспользуемся вашим советом. Можно будет обещать за голову бездельника... рублей семьдесят или даже сто... из секретной суммы...

— И тогда, — прервал таможенный директор, — будь я киргизский баран, а не коллежский советник, если эти воры не выдадут нам своего атамана, скованного по рукам и ногам.

— Мы ещё об этом подумаем и потолкуем, — отвечал генерал. — Однако надлежит во всяком случае предпринять и военные меры. Господа, подайте голоса ваши по законному порядку.

Все мнения оказались противными моему. Все чиновники говорили о ненадёжности войск, о неверности удачи, об осторожности и тому подобном. Все полагали, что благоразумнее оставаться под прикрытием пушек, за крепкой каменной стеною, нежели на открытом поле испытывать счастие оружия. Наконец генерал, выслушав все мнения, вытряхнул пепел из трубки и произнёс следующую речь:

— Государи мои! должен я вам объявить, что с моей стороны я совершенно с мнением господина прапорщика согласен: ибо мнение сие основано на всех правилах здравой тактики, которая всегда почти наступательные движения оборонительным предпочитает.

Тут он остановился и стал набивать свою трубку. Самолюбие моё торжествовало. Я гордо посмотрел на чиновников, которые между собою перешёптывались с видом неудовольствия и беспокойства.

— Но, государи мои, — продолжал он, выпустив, вместе с глубоким вздохом, густую струю табачного дыму, — я не смею взять на себя столь великую ответственность, когда дело идёт о безопасности вверенных мне провинций её императорским величеством, всемилостивейшей моею государыней. Итак, я соглашаюсь с большинством голосов, которое решило, что всего благоразумнее и безопаснее внутри города ожидать осады, а нападения неприятеля силой артиллерии и (буде окажется возможным) вылазками — отражать.

Чиновники, в свою очередь, насмешливо поглядели на меня. Совет разошёлся. Я не мог не сожалеть о слабости почтенного воина, который, наперекор собственному убеждению, решался следовать мнениям людей несведущих и неопытных.

Спустя несколько дней после сего знаменитого совета узнали мы, что Пугачёв, верный своему обещанию, приближился к Оренбургу. Я увидел войско мятежников с высоты городской стены. Мне показалось, что число их вдесятеро увеличилось со времени последнего приступа, коему был я свидетель. При них была и артиллерия, взятая Пугачёвым в малых крепостях, им уже покорённых. Вспомня решение совета, я предвидел долговременное заключение в стенах оренбургских и чуть не плакал от досады.

Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежит истории, а не семейственным запискам. Скажу вкратце, что сия осада по неосторожности местного начальства была гибельна для жителей, которые претерпели голод и всевозможные бедствия. Легко можно себе вообразить, что жизнь в Оренбурге была самая несносная. Все с унынием ожидали решения своей участи; все охали от дороговизны, которая в самом деле была ужасна. Жители привыкли к ядрам, залетавшим на их дворы; даже приступы Пугачёва уж не привлекали общего любопытства. Я умирал со скуки. Время шло. Писем из Белогорской крепости я не получал. Все дороги были отрезаны. Разлука с Марь-

ей Ивановной становилась мне нестерпима. Неизвестность о её судьбе меня мучила. Единственное развлечение моё состояло в наездничестве. По милости Пугачёва, я имел добрую лошадь, с которой делился скудной пищею и на которой ежедневно выезжал я за город перестреливаться с пугачёвскими наездниками. В этих перестрелках перевес был обыкновенно на стороне злодеев, сытых, пьяных и доброконных. Тощая городовая конница не могла их одолеть. Иногда выходила в поле и наша голодная пехота; но глубина снега мешала ей действовать удачно противу рассеянных наездников. Артиллерия тщетно гремела с высоты вала, а в поле вязла и не двигалась по причине изнурения лошадей. Таков был образ наших военных действий! И вот что оренбургские чиновники называли осторожностию и благоразумием!

Однажды, когда удалось нам как-то рассеять и прогнать довольно густую толпу, наехал я на казака, отставшего от своих товарищей; я готов был уже ударить его своею турецкою саблею, как вдруг он снял шапку и закричал: «Здравствуйте, Пётр Андреич! Как вас Бог милует?»

Я взглянул и узнал нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался. «Здравствуй, Максимыч, — сказал я ему. — Давно ли из Белогорской?»

— Недавно, батюшка Пётр Андреич; только вчера воротился. У меня есть к вам письмецо.

— Где ж оно? — вскричал я, весь так и вспыхнув.

— Со мною, — отвечал Максимыч, положив руку за пазуху. — Я обещался Палаше уж как-нибудь да вам доставить. — Тут он подал мне сложенную бумажку и тотчас ускакал. Я развернул её и с трепетом прочёл следующие строки:

«Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери: не имею на земле ни родни, ни покровителей. Прибегаю к вам, зная, что вы всегда желали мне добра и что вы всякому человеку готовы помочь. Молю Бога, чтоб это письмо как-нибудь до вас дошло! Максимыч обещал вам его доставить. Палаша слышала также от Максимыча, что вас он часто издали видит на вылазках и что вы совсем себя не бережёте и не думаете о тех, которые за вас со слезами Бога молят. Я долго была больна; а когда выздоровела, Алексей Иванович, который командует у нас на месте покойного батюшки, принудил отца Герасима выдать меня ему, застращав Пугачёвым. Я живу в нашем доме под караулом. Алексей

Иванович принуждает меня выйти за него замуж. Он говорит, что спас мне жизнь, потому что прикрыл обман Акулины Памфиловны, которая сказала злодеям, будто бы я её племянница. А мне легче было бы умереть, нежели сделаться женою такого человека, каков Алексей Иванович. Он обходится со мною очень жестоко и грозится, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезёт меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой. Я просила Алексея Ивановича дать мне подумать. Он согласился ждать ещё три дня; а коли через три дня за него не выду, так уж никакой пощады не будет. Батюшка Пётр Андреич! вы один у меня покровитель; заступитесь за меня, бедную. Упросите генерала и всех командиров прислать к нам поскорее сикурсу да приезжайте сами, если можете. Остаюсь вам покорная бедная сирота

Марья Миронова».

Прочитав это письмо, я чуть с ума не сошёл. Я пустился в город, без милосердия пришпоривая бедного моего коня. Дорогою придумывал я и то и другое для избавления бедной девушки и ничего не мог выдумать. Прискакав в город, я отправился прямо к генералу и опрометью к нему вбежал.

Генерал ходил взад и вперёд по комнате, куря свою пенковую трубку. Увидя меня, он остановился. Вероятно, вид мой поразил его; он заботливо осведомился о причине моего поспешного прихода.

— Ваше превосходительство, — сказал я ему, — прибегаю к вам, как к отцу родному; ради Бога, не откажите мне в моей просьбе: дело идёт о счастии всей моей жизни.

— Что такое, батюшка? — спросил изумлённый старик. — Что я могу для тебя сделать? Говори.

— Ваше превосходительство, прикажите взять мне роту солдат и полсотни казаков и пустите меня очистить Белогорскую крепость.

Генерал глядел на меня пристально, полагая, вероятно, что я с ума сошёл (в чём почти и не ошибался).

— Как это? Очистить Белогорскую крепость? — сказал он наконец.

— Ручаюсь вам за успех, — отвечал я с жаром. — Только отпустите меня.

— Нет, молодой человек, — сказал он, качая головою. — На таком великом расстоянии неприятелю легко будет отрезать вас от

коммуникации с главным стратегическим пунктом и получить над вами совершенную победу. Пресечённая коммуникация...

Я испугался, увидя его завлечённого в военные рассуждения, и спешил его прервать.

— Дочь капитана Миронова, — сказал я ему, — пишет ко мне письмо: она просит помощи; Швабрин принуждает её выйти за него замуж.

— Неужто? О, этот Швабрин превеликий Schelm[1], и если попадётся ко мне в руки, то я велю его судить в 24 часа, и мы расстреляем его на парапете крепости! Но покамест надобно взять терпение...

— Взять терпение! — вскричал я вне себя. — А он между тем женится на Марье Ивановне!..

— О! — возразил генерал. — Это ещё не беда: лучше ей быть покамест женою Швабрина: он теперь может оказать ей протекцию: а когда его расстреляем, тогда, Бог даст, сыщутся ей и женишки. Миленькие вдовушки в девках не сидят; то есть, хотел я сказать, что вдовушка скорее найдёт себе мужа, нежели девица.

— Скорее соглашусь умереть, — сказал я в бешенстве, — нежели уступить её Швабрину!

— Ба, ба, ба, ба! — сказал старик. — Теперь понимаю: ты, видно, в Марью Ивановну влюблён. О, дело другое! Бедный малый! Но всё же я никак не могу дать тебе роту солдат и полсотни казаков. Эта экспедиция была бы неблагоразумна; я не могу взять её на свою ответственность.

Я потупил голову; отчаяние мною овладело. Вдруг мысль мелькнула в голове моей: в чём оная состояла, читатель увидит из следующей главы, как говорят старинные романисты.

[1] Плут (*нем.*).

ГЛАВА XI

МЯТЕЖНАЯ СЛОБОДА

В ту пору лев был сыт, хоть сроду он свиреп.
«Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?» –
Спросил он ласково.

А. Сумароков

Я оставил генерала и поспешил на свою квартиру. Савельич встретил меня с обыкновенным своим увещанием. «Охота тебе, сударь, переведываться с пьяными разбойниками! Боярское ли это дело? Не ровён час: ни за что пропадёшь. И добро бы уж ходил ты на турку или на шведа, а то грех и сказать на кого».

Я прервал его речь вопросом: сколько у меня всего-навсе денег? «Будет с тебя, — отвечал он с довольным видом. — Мошенники как там ни шарили, а я всё-таки успел утаить». И с этим словом он вынул из кармана длинный вязаный кошелёк, полный серебра. «Ну, Савельич, — сказал я ему, — отдай же мне теперь половину; а остальное возьми себе. Я еду в Белогорскую крепость».

— Батюшка Пётр Андреич! — сказал добрый дядька дрожащим голосом. — Побойся Бога; как тебе пускаться в дорогу в нынешнее время, когда никуда проезду нет от разбойников! Пожалей ты хоть своих родителей, коли сам себя не жалеешь. Куда тебе ехать? Зачем? Погоди маленько: войска придут, переловят мошенников; тогда поезжай себе хоть на все четыре стороны.

Но намерение моё было твёрдо принято.

— Поздно рассуждать, — отвечал я старику, — я должен ехать, я не могу не ехать. Не тужи, Савельич: Бог милостив; авось увидимся! Смотри же, не совестись и не скупись. Покупай, что тебе будет нужно, хоть втридорога. Деньги эти я тебе дарю. Если через три дня я не ворочусь...

— Что ты это, сударь? — прервал меня Савельич. — Чтоб я тебя пустил одного! Да этого и во сне не проси. Коли ты уж решился ехать, то я хоть пешком да пойду за тобой, а тебя не покину. Чтоб я стал без тебя сидеть за каменной стеною! Да разве я с ума сошёл? Воля твоя, сударь, а я от тебя не отстану.

Я знал, что с Савельичем спорить было нечего, и позволил ему приготовляться в дорогу. Через полчаса я сел на своего доб-

рого коня, а Савельич — на тощую и хромую клячу, которую даром отдал ему один из городских жителей, не имея более средств кормить её. Мы приехали к городским воротам; караульные нас пропустили; мы выехали из Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шёл мимо Бердской слободы, пристанища пугачёвского. Прямая дорога занесена была снегом; но по всей степи видны были конские следы, ежедневно обновляемые. Я ехал крупной рысью. Савельич едва мог следовать за мною издали и кричал мне поминутно: «Потише, сударь, ради Бога потише. Проклятая клячонка моя не успевает за твоим долгоногим бесом. Куда спешишь? Добро бы на пир, а то под обух, того и гляди... Пётр Андреич... батюшка Пётр Андреич!.. Не погуби!.. Господи Владыко, пропадёт барское дитя!»

Вскоре засверкали бердские огни. Мы подъехали к оврагам, естественным укреплениям слободы. Савельич от меня не отставал, не прерывая жалобных своих молений. Я надеялся объехать слободу благополучно, как вдруг увидел в сумраке прямо перед собой человек пять мужиков, вооружённых дубинами: это был передовой караул пугачёвского пристанища. Нас окликали. Не зная пароля, я хотел молча проехать мимо их, но они меня тотчас окружили, и один из них схватил лошадь мою за узду. Я выхватил саблю и ударил мужика по голове; шапка спасла его, однако он зашатался и выпустил из рук узду. Прочие смутились и отбежали; я воспользовался этой минутою, пришпорил лошадь и поскакал.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня от всякой опасности, как вдруг, оглянувшись, увидел я, что Савельича со мною не было. Бедный старик на своей хромой лошади не мог ускакать от разбойников. Что было делать? Подождав его несколько минут и удостоверясь в том, что он задержан, я поворотил лошадь и отправился его выручать.

Подъезжая к оврагу, услышал я издали шум, крики и голос моего Савельича. Я поехал скорее и вскоре очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня несколько минут тому назад. Савельич находился между ими. Они стащили старика с его клячи и готовились вязать. Прибытие моё их обрадовало. Они с криком бросились на меня и мигом стащили с лошади. Один из них, по-видимому главный, объявил нам, что он сейчас поведёт нас к государю. «А наш батюшка, — прибавил

он, — волен приказать: сейчас ли вас повесить али дождаться свету Божия». Я не противился; Савельич последовал моему примеру, и караульные повели нас с торжеством.

Мы перебрались через овраг и вступили в слободу. Во всех избах горели огни. Шум и крики раздавались везде. На улице я встретил множество народу; но никто в темноте нас не заметил и не узнал во мне оренбургского офицера. Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрёстка. У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки. «Вот и дворец, — сказал один из мужиков, — сейчас об вас доложим». Он вошёл в избу. Я взглянул на Савельича; старик крестился, читая про себя молитву. Я дожидался долго: наконец мужик воротился и сказал мне: «Ступай: наш батюшка велел впустить офицера».

Я вошёл в избу, или во дворец, как называли её мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на верёвочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток, уставленный горшками, — всё было как в обыкновенной избе. Пугачёв сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия. Видно было, что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство и что они приготовились встретить меня с торжеством. Пугачёв узнал меня с первого взгляду. Поддельная важность его вдруг исчезла. «А, ваше благородие, — сказал он мне с живостию. — Как поживаешь? Зачем тебя Бог принёс?» Я отвечал, что ехал по своему делу и что люди его меня остановили. «А по какому делу?» — спросил он меня. Я не знал, что отвечать. Пугачёв, полагая, что я не хочу объясняться при свидетелях, обратился к своим товарищам и велел им выйти. Все послушались, кроме двух, которые не тронулись с места. «Говори смело при них, — сказал мне Пугачёв, — от них я ничего не таю». Я взглянул наискось на наперсников самозванца. Один из них, тщедушный и сгорбленный старичок с седою бородкою, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой через плечо по серому армяку. Но ввек не забуду его товарища. Он был высокого росту, дороден и широкоплеч, и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали

его рябому широкому лицу выражение неизъяснимое. Он был в красной рубахе, в киргизском халате и в казацких шароварах. Первый (как узнал я после) был беглый капрал Белобородов; второй — Афанасий Соколов (прозванный Хлопушей), ссыльный преступник, три раза бежавший из сибирских рудников. Несмотря на чувства, исключительно меня волновавшие, общество, в котором я так нечаянно очутился, сильно развлекало моё воображение. Но Пугачёв привёл меня в себя своим вопросом: «Говори: по какому же делу выехал ты из Оренбурга?»

Странная мысль пришла мне в голову: мне показалось, что провидение, вторично приведшее меня к Пугачёву, подавало мне случай привести в действо моё намерение. Я решился им воспользоваться и, не успев обдумать то, на что решался, отвечал на вопрос Пугачёва:

— Я ехал в Белогорскую крепость избавить сироту, которую там обижают.

Глаза у Пугачёва засверкали. «Кто из моих людей смеет обижать сироту? — закричал он. — Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдёт. Говори: кто виноватый?»

— Швабрин виноватый, — отвечал я. — Он держит в неволе ту девушку, которую ты видел, больную, у попадьи, и насильно хочет на ней жениться.

— Я проучу Швабрина, — сказал грозно Пугачёв. — Он узнает, каково у меня своевольничать и обижать народ. Я его повешу.

— Прикажи слово молвить, — сказал Хлопуша хриплым голосом. — Ты поторопился назначить Швабрина в коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать. Ты уж оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору.

— Нечего их ни жалеть, ни жаловать! — сказал старичок в голубой ленте. — Швабрина сказнить не беда; а не худо и господина офицера допросить порядком: зачем изволил пожаловать. Если он тебя государем не признаёт, так нечего у тебя и управы искать, а коли признаёт, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге с твоими супостатами[1]? Не прикажешь ли свести его в приказную да запалить там огоньку: мне сдаётся, что его милость подослан к нам от оренбургских командиров.

---

[1] *Супостáт* — противник, недруг.

Логика старого злодея показалась мне довольно убедительною. Мороз пробежал по всему моему телу при мысли, в чьих руках я находился. Пугачёв заметил моё смущение. «Ась, ваше благородие? — сказал он мне, подмигивая. — Фельдмаршал мой, кажется, говорит дело. Как ты думаешь?»

Насмешка Пугачёва возвратила мне бодрость. Я спокойно отвечал, что я нахожусь в его власти и что он волен поступать со мною, как ему будет угодно.

— Добро, — сказал Пугачёв. — Теперь скажи, в каком состоянии ваш город.

— Слава Богу, — отвечал я, — все благополучно.

— Благополучно? — повторил Пугачёв. — А народ мрёт с голоду!

Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что всё это пустые слухи и что в Оренбурге довольно всяких запасов.

— Ты видишь, — подхватил старичок, — что он тебя в глаза обманывает. Все беглецы согласно показывают, что в Оренбурге голод и мор, что там едят мертвечину, и то за честь; а его милость уверяет, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повесить, то уж на той же виселице повесь и этого молодца, чтоб никому не было завидно.

Слова проклятого старика, казалось, поколебали Пугачёва. К счастию, Хлопуша стал противоречить своему товарищу.

— Полно, Наумыч, — сказал он ему. — Тебе бы всё душить да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чём душа держится. Сам в могилу смотришь, а других губишь. Разве мало крови на твоей совести?

— Да ты что за угодник? — возразил Белобородов. — У тебя-то откуда жалость взялась?

— Конечно, — отвечал Хлопуша, — и я грешен, и эта рука (тут он сжал свой костлявый кулак и, засуча рукава, открыл косматую руку), и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутье да в тёмном лесу, не дома, сидя за печью; кистенём и обухом, а не бабьим наговором.

Старик отворотился и проворчал слова: «Рваные ноздри!»...

— Что ты там шепчешь, старый хрыч? — закричал Хлопуша. — Я тебе дам рваные ноздри; погоди, придёт и твоё время;

Бог даст, и ты щипцов понюхаешь... А покамест смотри, чтоб я тебе бородишки не вырвал!

— Господа енаралы! — провозгласил важно Пугачёв. — Полно вам ссориться. Не беда, если б и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладиной; беда, если наши кобели меж собою перегрызутся. Ну, помиритесь.

Хлопуша и Белобородов не сказали ни слова и мрачно смотрели друг на друга. Я увидел необходимость переменить разговор, который мог кончиться для меня очень невыгодным образом, и, обратясь к Пугачёву, сказал ему с весёлым видом: «Ах! я было и забыл благодарить тебя за лошадь и за тулуп. Без тебя я не добрался бы до города и замёрз бы на дороге».

Уловка моя удалась. Пугачёв развеселился. «Долг платежом красен, — сказал он, мигая и прищуриваясь. — Расскажи-ка мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазноба ли сердцу молодецкому? а?»

— Она невеста моя, — отвечал я Пугачёву, видя благоприятную перемену погоды и не находя нужды скрывать истину.

— Твоя невеста! — закричал Пугачёв. — Что ж ты прежде не сказал? Да мы тебя женим и на свадьбе твоей попируем! — Потом, обращаясь к Белобородову: — Слушай, фельдмаршал! Мы с его благородием старые приятели; сядем-ка да поужинаем; утро вечера мудренее. Завтра посмотрим, что с ним сделаем.

Я рад был отказаться от предлагаемой чести, но делать было нечего. Две молодые казачки, дочери хозяина избы, накрыли стол белой скатертью, принесли хлеба, ухи и несколько штофов с вином и пивом, и я вторично очутился за одною трапезою с Пугачёвым и с его страшными товарищами.

Оргия, коей я был невольным свидетелем, продолжалась до глубокой ночи. Наконец хмель начал одолевать собеседников. Пугачёв задремал, сидя на своём месте; товарищи его встали и дали мне знак оставить его. Я вышел вместе с ними. По распоряжению Хлопуши, караульный отвёл меня в приказную избу, где я нашёл и Савельича и где меня оставили с ним взаперти. Дядька был в таком изумлении при виде всего, что происходило, что не сделал мне никакого вопроса. Он улёгся в темноте и долго вздыхал и охал; наконец захрапел, а я предался размышлениям, которые во всю ночь ни на одну минуту не дали мне задремать.

Поутру пришли меня звать от имени Пугачёва. Я пошёл к нему. У ворот его стояла кибитка, запряжённая тройкою татарских лошадей. Народ толпился на улице. В сенях встретил я Пугачёва: он был одет по-дорожному, в шубе и в киргизской шапке. Вчерашние собеседники окружали его, приняв на себя вид подобострастия, который сильно противуречил всему, чему я был свидетелем накануне. Пугачёв весело со мною поздоровался и велел мне садиться с ним в кибитку.

Мы уселись. «В Белогорскую крепость!» — сказал Пугачёв широкоплечему татарину, стоя правящему тройкою. Сердце моё сильно забилось. Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела...

«Стой! стой!» — раздался голос, слишком мне знакомый, — и я увидел Савельича, бежавшего нам навстречу. Пугачёв велел остановиться. «Батюшка, Пётр Андреич! — кричал дядька. — Не покинь меня на старости лет посреди этих мошен...» — «А, старый хрыч! — сказал ему Пугачёв. — Опять Бог дал свидеться. Ну, садись на облучок».

— Спасибо, государь, спасибо, отец родной! — говорил Савельич, усаживаясь. — Дай Бог тебе сто лет здравствовать за то, что меня, старика, призрил и успокоил. Век за тебя буду Бога молить, а о заячьем тулупе и упоминать уж не стану.

Этот заячий тулуп мог наконец не на шутку рассердить Пугачёва. К счастию, самозванец или не расслыхал или пренебрёг неуместным намёком. Лошади поскакали; народ на улице останавливался и кланялся в пояс. Пугачёв кивал головою на обе стороны. Через минуту мы выехали из слободы и помчались по гладкой дороге.

Легко можно себе представить, что чувствовал я в эту минуту. Через несколько часов должен я был увидеться с той, которую почитал уже для меня потерянною. Я воображал себе минуту нашего соединения... Я думал также о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан. Я вспоминал об опрометчивой жестокости, о кровожадных привычках того, кто вызывался быть избавителем моей любезной! Пугачёв не знал, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабрин мог открыть ему всё; Пугачёв мог проведать истину и другим образом... Тогда что станется с Марьей

Ивановной? Холод пробегал по моему телу, и волоса становились дыбом...

Вдруг Пугачёв прервал мои размышления, обратясь ко мне с вопросом:

— О чём, ваше благородие, изволил задуматься?

— Как не задуматься, — отвечал я ему. — Я офицер и дворянин; вчера ещё дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастие всей моей жизни зависит от тебя.

— Что ж? — спросил Пугачёв. — Страшно тебе?

Я отвечал, что, быв однажды уже им помилован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

— И ты прав, ей-богу прав! — сказал самозванец. — Ты видел, что мои ребята смотрели на тебя косо; а старик и сегодня настаивал на том, что ты шпион и что надобно тебя пытать и повесить; но я не согласился, — прибавил он, понизив голос, чтоб Савельич и татарин не могли его услышать, — помня твой стакан вина и заячий тулуп. Ты видишь, что я не такой ещё кровопийца, как говорит обо мне ваша братья.

Я вспомнил взятие Белогорской крепости; но не почёл нужным его оспоривать и не отвечал ни слова.

— Что говорят обо мне в Оренбурге? — спросил Пугачёв, помолчав немного.

— Да говорят, что с тобою сладить трудновато; нечего сказать: дал ты себя знать.

Лицо самозванца изобразило довольное самолюбие. «Да, — сказал он с весёлым видом. — Я воюю хоть куда. Знают ли у вас в Оренбурге о сражении под Юзеевой? Сорок енаралов убито, четыре армии взято в полон. Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потягаться?»

Хвастливость разбойника показалась мне забавна.

— Сам как ты думаешь? — сказал я ему, — управился ли бы ты с Фридериком?

— С Фёдор Фёдоровичем? А как же нет? С вашими енаралами ведь я же управляюсь; а они его бивали. Доселе оружие моё было счастливо. Дай срок, то ли ещё будет, как пойду на Москву.

— А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса: «Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают.

Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою».

— То-то! — сказал я Пугачёву. — Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?

Пугачёв горько усмехнулся.

— Нет, — отвечал он, — поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою.

— А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!

— Слушай, — сказал Пугачёв с каким-то диким вдохновением. — Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орёл спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живёшь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсе только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьёшь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орёл подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орёл да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орёл клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон, чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст! — Какова калмыцкая сказка?

— Затейлива, — отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем — значит, по мне, клевать мертвечину.

Пугачёв посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погрузясь каждый в свои размышления. Татарин затянул унылую песню; Савельич, дремля, качался на облучке. Кибитка летела по гладкому зимнему пути... Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и с колокольней — и через четверть часа въехали мы в Белогорскую крепость.

ГЛАВА XII

СИРОТА

Как у нашей у яблоньки
Ни верхушки нет, ни отросточек;
Как у нашей у княгинюшки
Ни отца нету, ни матери.
Снарядить-то её некому,
Благословить-то её некому.
Свадебная песня

Кибитка подъехала к крыльцу комендантского дома. Народ узнал колокольчик Пугачёва и толпою бежал за нами. Швабрин встретил самозванца на крыльце. Он был одет казаком и отрастил себе бороду. Изменник помог Пугачёву вылезть из кибитки, в подлых выражениях изъявляя свою радость и усердие. Увидя меня, он смутился; но вскоре оправился, протянул мне руку, говоря: «И ты наш? Давно бы так!» Я отворотился от него и ничего не отвечал.

Сердце моё заныло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на стене висел ещё диплом покойного коменданта, как печальная эпитафия прошедшему времени. Пугачёв сел на том диване, на котором, бывало, дремал Иван Кузмич, усыплённый ворчанием своей супруги. Швабрин сам поднёс ему водки. Пугачёв выпил рюмку и сказал ему, указав на меня: «Попотчуй и его благородие». Швабрин подошёл ко мне с своим подносом; но я вторично от него отворотился. Он казался сам не свой. При обыкновенной своей сметливости он, конечно, догадался, что Пугачёв был им недоволен. Он трусил перед ним, а на меня поглядывал с недоверчивостью. Пугачёв осведомился о состоянии крепости, о слухах про неприятельские войска и тому подобном, и вдруг спросил его неожиданно: «Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом? Покажи-ка мне её».

Швабрин побледнел как мёртвый.

— Государь, — сказал он дрожащим голосом... — Государь, она не под караулом... она больна... она в светлице лежит.

— Веди ж меня к ней, — сказал самозванец, вставая с места. Отговориться было невозможно. Швабрин повёл Пугачёва в светлицу Марьи Ивановны. Я за ними последовал.

Швабрин остановился на лестнице.

— Государь! — сказал он. — Вы властны требовать от меня, что вам угодно; но не прикажите постороннему входить в спальню к жене моей.

Я затрепетал.

— Так ты женат! — сказал я Швабрину, готовяся его растерзать.

— Тише! — прервал меня Пугачёв. — Это моё дело. А ты, — продолжал он, обращаясь к Швабрину, — не умничай и не ломайся: жена ли она тебе или не жена, а я веду к ней кого хочу. Ваше благородие, ступай за мною.

У дверей светлицы Швабрин опять остановился и сказал прерывающимся голосом: «Государь, предупреждаю вас, что она в белой горячке и третий день как бредит без умолку».

— Отворяй! — сказал Пугачёв.

Швабрин стал искать у себя в карманах и сказал, что не взял с собою ключа. Пугачёв толкнул дверь ногою; замок отскочил; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянул и обмер. На полу в крестьянском оборванном платье сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрёпанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтём хлеба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало — не помню.

Пугачёв посмотрел на Швабрина и сказал с горькой усмешкою:

— Хорош у тебя лазарет!

Потом, подошед к Марье Ивановне:

— Скажи мне, голубушка, за что твой муж тебя наказывает? в чём ты перед ним провинилась?

— Мой муж! — повторила она. — Он мне не муж. Я никогда не буду его женою! Я лучше решилась умереть, и умру, если меня не избавят.

Пугачёв взглянул грозно на Швабрина.

— И ты смел меня обманывать! — сказал он ему. — Знаешь ли, бездельник, чего ты достоин?

Швабрин упал на колени... В эту минуту презрение заглушило во мне все чувства ненависти и гнева. С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака. Пугачёв смягчился.

— Милую тебя на сей раз, — сказал он Швабрину, — но знай, что при первой вине тебе припомнится и эта.

Потом обратился он к Марье Ивановне и сказал ей ласково:

— Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь.

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что перед нею убийца её родителей. Она закрыла лицо обеими руками и упала без чувств. Я кинулся к ней; но в эту минуту очень смело в комнату втёрлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачёв вышел из светлицы, и мы трое сошли в гостиную.

— Что, ваше благородие? — сказал, смеясь, Пугачёв. — Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду посажёным отцом, Швабрин дружкою; закутим, запьём — и ворота запрём!

Чего я опасался, то и случилось. Швабрин, услыша предложение Пугачёва, вышел из себя.

— Государь! — закричал он в исступлении. — Я виноват, я вам солгал; но и Гринёв вас обманывает. Эта девушка не племянница здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнён при взятии здешней крепости.

Пугачёв устремил на меня огненные свои глаза.

— Это что ещё? — спросил он меня с недоумением.

— Швабрин сказал тебе правду, — отвечал я с твёрдостию.

— Ты мне этого не сказал, — заметил Пугачёв, у коего лицо омрачилось.

— Сам ты рассуди, — отвечал я ему, — можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы её загрызли. Ничто её бы не спасло!

— И то правда, — сказал, смеясь, Пугачёв. — Мои пьяницы не пощадили бы бедную девушку. Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их.

— Слушай, — продолжал я, видя его доброе расположение. — Как тебя назвать, не знаю, да и знать не хочу... Но Бог видит, что жизнию моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедною сиротою, куда нам Бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем Бога молить о спасении грешной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачёва была тронута. «Ин быть по-твоему! — сказал он. — Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези её куда хочешь, и дай вам Бог любовь да совет!»

Тут он оборотился к Швабрину и велел выдать мне пропуск во все заставы и крепости, подвластные ему. Швабрин, совсем уничтоженный, стоял как остолбенелый. Пугачёв отправился осматривать крепость. Швабрин его сопровождал; а я остался под предлогом приготовлений к отъезду.

Я побежал в светлицу. Двери были заперты. Я постучался. «Кто там?» — спросила Палаша. Я назвался. Милый голосок Марьи Ивановны раздался из-за дверей. «Погодите, Пётр Андреич. Я переодеваюсь. Ступайте к Акулине Памфиловне: я сейчас туда же буду».

Я повиновался и пошёл в дом отца Герасима. И он и попадья выбежали ко мне навстречу. Савельич их уже предупредил. «Здравствуйте, Пётр Андреич, — говорила попадья. — Привёл Бог опять увидеться. Как поживаете? А мы-то про вас каждый день поминали. А Марья-то Ивановна всего натерпелась без вас, моя голубушка!.. Да скажите, мой отец, как это вы с Пугачёвым-то поладили? Как он это вас не укокошил? Добро, спасибо злодею и за то». — «Полно, старуха, — прервал отец Герасим. — Не всё то ври, что знаешь. Несть спасения во многом глаголании. Батюшка Пётр Андреич! войдите, милости просим. Давно, давно не видались».

Попадья стала угощать меня чем Бог послал. А между тем говорила без умолку. Она рассказала мне, каким образом Швабрин принудил их выдать ему Марью Ивановну; как Марья Ивановна плакала и не хотела с ними расстаться; как Марья Ивановна имела с нею всегдашние сношения через Палашку (девку бойкую, которая и урядника заставляет плясать по своей дудке); как она присоветовала Марье Ивановне написать ко мне письмо и прочее. Я, в свою очередь, рассказал ей вкратце свою историю. Поп и попадья крестились, услыша, что Пугачёву известен их обман. «С нами сила крестная! — говорила Акулина Памфиловна. — Промчи Бог тучу мимо. Ай да Алексей Иваныч; нечего сказать: хорош гусь!» В самую эту минуту дверь отворилась, и Марья Ивановна вошла с улыбкою на бледном лице. Она оставила своё крестьянское платье и одета была по-прежнему просто и мило.

Я схватил её руку и долго не мог вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали от полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что нам было не до них, и оставили нас. Мы остались одни. Всё было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна рассказала мне всё, что с нею ни случилось с самого взятия крепости; описала мне весь ужас её положения, все испытания, которым подвергал её гнусный Швабрин. Мы вспомнили и прежнее счастливое время... Оба мы плакали... Наконец я стал объяснять ей мои предположения. Оставаться ей в крепости, подвластной Пугачёву и управляемой Швабриным, было невозможно. Нельзя было думать и об Оренбурге, претерпевающем все бедствия осады. У ней не было на свете ни одного родного человека. Я предложил ей ехать в деревню к моим родителям. Она сначала колебалась: известное ей неблагорасположение отца моего её пугало. Я её успокоил. Я знал, что отец почтёт за счастие и вменит себе в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество. «Милая Марья Ивановна! — сказал я наконец. — Я почитаю тебя своею женою. Чудные обстоятельства соединили нас неразрывно: ничто на свете не может нас разлучить». Марья Ивановна выслушала меня просто, без притворной застенчивости, без затейливых отговорок. Она чувствовала, что судьба её соединена была с моею. Но она повторила, что не иначе будет моею женою, как с согласия моих родителей. Я ей и не противуречил. Мы поцеловались горячо, искренно — и таким образом всё было между нами решено.

Через час урядник принёс мне пропуск, подписанный каракульками Пугачёва, и позвал меня к нему от его имени. Я нашёл его готового пуститься в дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти его голову, пока ещё было время. Швабрин и народ, толпящийся около нас, помешали мне высказать всё, чем исполнено было моё сердце.

Мы расстались дружески. Пугачёв, увидя в толпе Акулину Памфиловну, погрозил пальцем и мигнул значительно; потом сел в кибитку, велел ехать в Берду, и когда лошади тронулись, то он ещё раз высунулся из кибитки и закричал мне: «Прощай,

ваше благородие! Авось увидимся когда-нибудь». Мы точно с ним увиделись, но в каких обстоятельствах!..

Пугачёв уехал. Я долго смотрел на белую степь, по которой неслась его тройка. Народ разошёлся. Швабрин скрылся. Я воротился в дом священника. Все было готово к нашему отъезду; я не хотел более медлить. Добро наше всё было уложено в старую комендантскую повозку. Ямщики мигом заложили лошадей. Марья Ивановна пошла проститься с могилами своих родителей, похороненных за церковью. Я хотел её проводить, но она просила меня оставить её одну. Через несколько минут она воротилась, обливаясь молча тихими слезами. Повозка была подана. Отец Герасим и жена его вышли на крыльцо. Мы сели в кибитку втроём: Марья Ивановна с Палашей и я. Савельич забрался на облучок. «Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! прощайте, Пётр Андреич, сокол наш ясный! — говорила добрая попадья. — Счастливый путь, и дай Бог вам обоим счастия!» Мы поехали. У окошка комендантского дома я увидел стоящего Швабрина. Лицо его изображало мрачную злобу. Я не хотел торжествовать над уничтоженным врагом и обратил глаза в другую сторону. Наконец мы выехали из крепостных ворот и навек оставили Белогорскую крепость.

ГЛАВА XIII

АРЕСТ

Не гневайтесь, сударь: по долгу моему
Я должен сей же час отправить вас в тюрьму.
— Извольте, я готов; но я в такой надежде,
Что дело объяснить дозволите мне прежде.

Княжнин

Соединённый так нечаянно с милой девушкою, о которой ещё утром я так мучительно беспокоился, я не верил самому себе и воображал, что всё со мною случившееся было пустое сновидение. Марья Ивановна глядела с задумчивостию то на меня, то на дорогу и, казалось, не успела ещё опомниться и прийти в себя. Мы молчали. Сердца наши слишком были утомлены. Неприметным образом часа через два очутились мы в ближней крепости, также подвластной Пугачёву. Здесь мы переменили лошадей. По скорости, с каковой их запрягали, по торопливой услужливости брадатого казака, поставленного Пугачёвым в комендантьі, я увидел, что, благодаря болтливости ямщика, нас привёзшего, меня принимали как придворного временщика.

Мы отправились далее. Стало смеркаться. Мы приближились к городку, где, по словам бородатого коменданта, находился сильный отряд, идущий на соединение к самозванцу. Мы были остановлены караульными. На вопрос: кто едет? — ямщик отвечал громогласно: «Государев кум со своею хозяюшкою». Вдруг толпа гусаров окружила нас с ужасною бранью. «Выходи, бесов кум! — сказал мне усатый вахмистр. — Вот ужо тебе будет баня, и с твоею хозяюшкою!»

Я вышел из кибитки и требовал, чтоб отвели меня к их начальнику. Увидя офицера, солдаты прекратили брань. Вахмистр повёл меня к майору. Савельич от меня не отставал, поговаривая про себя: «Вот тебе и государев кум! Из огня да в полымя... Господи Владыко! чем это всё кончится?» Кибитка шагом поехала за нами.

Через пять минут мы пришли к домику, ярко освещённому. Вахмистр оставил меня при карауле и пошёл обо мне доложить. Он тотчас же воротился, объявив мне, что его высокоблагоро-

дию некогда меня принять, а что он велел отвести меня в острог, а хозяюшку к себе привести.

— Что это значит? — закричал я в бешенстве. — Да разве он с ума сошёл?

— Не могу знать, ваше благородие, — отвечал вахмистр. — Только его высокоблагородие приказал ваше благородие отвести в острог, а её благородие приказано привести к его высокоблагородию, ваше благородие!

Я бросился на крыльцо. Караульные не думали меня удерживать, и я прямо вбежал в комнату, где человек шесть гусарских офицеров играли в банк. Майор метал. Каково было моё изумление, когда, взглянув на него, узнал я Ивана Ивановича Зурина, некогда обыгравшего меня в симбирском трактире!

— Возможно ли? — вскричал я. — Иван Иваныч! ты ли?

— Ба, ба, ба, Пётр Андреич! Какими судьбами? Откуда ты? Здоров, брат. Не хочешь ли поставить карточку?

— Благодарен. Прикажи-ка лучше отвести мне квартиру.

— Какую тебе квартиру? Оставайся у меня.

— Не могу: я не один.

— Ну, подавай сюда и товарища.

— Я не с товарищем; я... с дамою.

— С дамою! Где же ты её подцепил? Эге, брат! (При сих словах Зурин засвистел так выразительно, что все захохотали, а я совершенно смутился.)

— Ну, — продолжал Зурин, — так и быть. Будет тебе квартира. А жаль... Мы бы попировали по-старинному... Гей! малый! Да что ж сюда не ведут кумушку-то Пугачёва? или она упрямится? Сказать ей, чтоб она не боялась: барин-де прекрасный; ничем не обидит, да хорошенько её в шею.

— Что это ты? — сказал я Зурину. — Какая кумушка Пугачёва? Это дочь покойного капитана Миронова. Я вывез её из плена и теперь провожаю до деревни батюшкиной, где и оставлю её.

— Как! Так это о тебе мне сейчас докладывали? Помилуй! что ж это значит?

— После всё расскажу. А теперь, ради Бога, успокой бедную девушку, которую гусары твои перепугали.

Зурин тотчас распорядился. Он сам вышел на улицу извиняться перед Марьей Ивановной в невольном недоразумении и

приказал вахмистру отвести ей лучшую квартиру в городе. Я остался ночевать у него.

Мы отужинали, и, когда остались вдвоём, я рассказал ему свои похождения. Зурин слушал меня с большим вниманием. Когда я кончил, он покачал головою и сказал: «Всё это, брат, хорошо; одно нехорошо: зачем тебя чёрт несёт жениться? Я, честный офицер, не захочу тебя обманывать: поверь же ты мне, что женитьба — блажь. Ну, куда тебе возиться с женою да нянчиться с ребятишками? Эй, плюнь. Послушайся меня: развяжись ты с капитанскою дочкой. Дорога в Симбирск мною очищена и безопасна. Отправь её завтра ж одну к родителям твоим; а сам оставайся у меня в отряде. В Оренбург возвращаться тебе незачем. Попадёшься опять в руки бунтовщикам, так вряд ли от них ещё раз отделаешься. Таким образом любовная дурь пройдёт сама собою, и всё будет ладно».

Хотя я не совсем был с ним согласен, однако ж чувствовал, что долг чести требовал моего присутствия в войске императрицы. Я решился последовать совету Зурина: отправить Марью Ивановну в деревню и остаться в его отряде.

Савельич явился меня раздевать; я объявил ему, чтоб на другой же день готов он был ехать в дорогу с Марьей Ивановной. Он было заупрямился. «Что ты, сударь? Как же я тебя-то покину? Кто за тобою будет ходить? Что скажут родители твои?»

Зная упрямство дядьки моего, я вознамерился убедить его лаской и искренностию. «Друг ты мой, Архип Савельич! — сказал я ему. — Не откажи, будь мне благодетелем; в прислуге здесь я нуждаться не стану, а не буду спокоен, если Марья Ивановна поедет в дорогу без тебя. Служа ей, служишь ты и мне, потому что я твёрдо решился, как скоро обстоятельства дозволят, жениться на ней».

Тут Савельич сплеснул руками с видом изумления неописанного.

— Жениться! — повторил он. — Дитя хочет жениться! А что скажет батюшка, а матушка-то что подумает?

— Согласятся, верно согласятся, — отвечал я, — когда узнают Марью Ивановну. Я надеюсь и на тебя. Батюшка и матушка тебе верят: ты будешь за нас ходатаем, не так ли?

Старик был тронут. «Ох, батюшка ты мой Пётр Андреич, — отвечал он. — Хоть раненько задумал ты жениться, да зато Ма-

рья Ивановна такая добрая барышня, что грех и пропустить оказию. Ин быть по-твоему! Провожу её, ангела Божия, и рабски буду доносить твоим родителям, что такой невесте не надобно и приданого».

Я благодарил Савельича и лёг спать в одной комнате с Зуриным. Разгорячённый и взволнованный, я разболтался. Зурин сначала со мною разговаривал охотно; но мало-помалу слова его стали реже и бессвязнее; наконец, вместо ответа на какой-то запрос, он захрапел и присвистнул. Я замолчал и вскоре последовал его примеру.

На другой день утром пришёл я к Марье Ивановне. Я сообщил ей свои предположения. Она признала их благоразумие и тотчас со мною согласилась. Отряд Зурина должен был выступить из города в тот же день. Нечего было медлить. Я тут же расстался с Марьей Ивановной, поручив её Савельичу и дав ей письмо к моим родителям. Марья Ивановна заплакала. «Прощайте, Пётр Андреич! — сказала она тихим голосом. — Придётся ли нам увидаться или нет, Бог один это знает; но век не забуду вас; до могилы ты один останешься в моём сердце». Я ничего не мог отвечать. Люди нас окружали. Я не хотел при них предаваться чувствам, которые меня волновали. Наконец она уехала. Я возвратился к Зурину грустен и молчалив. Он хотел меня развеселить; я думал себя рассеять: мы провели день шумно и буйно и вечером выступили в поход.

Это было в конце февраля. Зима, затруднявшая военные распоряжения, проходила, и наши генералы готовились к дружному содействию. Пугачёв всё ещё стоял под Оренбургом. Между тем около его отряды соединялись и со всех сторон приближались к злодейскому гнезду. Бунтующие деревни, при виде наших войск, приходили в повиновение; шайки разбойников везде бежали от нас, и всё предвещало скорое и благополучное окончание.

Вскоре князь Голицын, под крепостию Татищевой, разбил Пугачёва, рассеял его толпы, освободил Оренбург и, казалось, нанёс бунту последний и решительный удар. Зурин был в то время отряжен противу шайки мятежных башкирцев, которые рассеялись прежде, нежели мы их увидали. Весна осадила нас в татарской деревушке. Речки разлились, и дороги стали непроходимы. Мы утешались в нашем бездействии мыслию о скором

прекращении скучной и мелочной войны с разбойниками и дикарями.

Но Пугачёв не был пойман. Он явился на сибирских заводах, собрал там новые шайки и опять начал злодействовать. Слух о его успехах снова распространился. Мы узнали о разорении сибирских крепостей. Вскоре весть о взятии Казани и о походе самозванца на Москву встревожила начальников войск, беспечно дремавших в надежде на бессилие презренного бунтовщика. Зурин получил повеление переправиться через Волгу.

Не стану описывать нашего похода и окончания войны. Скажу коротко, что бедствие доходило до крайности. Мы проходили через селения, разорённые бунтовщиками, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что успели они спасти. Правление было повсюду прекращено: помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно... Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!

Пугачёв бежал, преследуемый Иваном Ивановичем Михельсоном. Вскоре узнали мы о совершенном его разбитии. Наконец Зурин получил известие о поимке самозванца, а вместе с тем и повеление остановиться. Война была кончена. Наконец мне можно было ехать к моим родителям! Мысль их обнять, увидеть Марью Ивановну, от которой не имел я никакого известия, одушевляла меня восторгом. Я прыгал как ребёнок. Зурин смеялся и говорил, пожимая плечами: «Нет, тебе несдобровать! Женишься — ни за что пропадёшь!»

Но между тем странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодее, обрызганном кровию стольких невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневоле. «Емеля, Емеля! — думал я с досадою, — зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать». Что прикажете делать? Мысль о нём неразлучна была во мне с мыслию о пощаде, данной мне им в одну из ужасных минут его жизни, и об избавлении моей невесты из рук гнусного Швабрина.

Зурин дал мне отпуск. Через несколько дней должен я был опять очутиться посреди моего семейства, увидеть опять мою Марью Ивановну... Вдруг неожиданная гроза меня поразила.

В день, назначенный для выезда, в самую ту минуту, когда готовился я пуститься в дорогу, Зурин вошёл ко мне в избу, держа в руках бумагу, с видом чрезвычайно озабоченным. Что-то кольнуло меня в сердце. Я испугался, сам не зная чего. Он выслал моего денщика и объявил, что имеет до меня дело. «Что такое?» — спросил я с беспокойством. «Маленькая неприятность, — отвечал он, подавая мне бумагу. — Прочитай, что сейчас я получил». Я стал её читать: это был секретный приказ ко всем отдельным начальникам арестовать меня, где бы ни попался, и немедленно отправить под караулом в Казань в Следственную комиссию, учреждённую по делу Пугачёва.

Бумага чуть не выпала из моих рук. «Делать нечего! — сказал Зурин. — Долг мой повиноваться приказу. Вероятно, слух о твоих дружеских путешествиях с Пугачёвым как-нибудь да дошёл до правительства. Надеюсь, что дело не будет иметь никаких последствий и что ты оправдаешься перед комиссией. Не унывай и отправляйся». Совесть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отсрочить минуту сладкого свидания, может быть на несколько ещё месяцев, устрашала меня. Тележка была готова. Зурин дружески со мною простился. Меня посадили в тележку. Со мною сели два гусара с саблями наголо, и я поехал по большой дороге.

ГЛАВА XIV

СУД

Мирская молва —
Морская волна.
Пословица

Я был уверен, что виною всему было самовольное моё отсутствие из Оренбурга. Я легко мог оправдаться: наездничество не только никогда не было запрещено, но ещё всеми силами было ободряемо. Я мог быть обвинён в излишней запальчивости, а не в ослушании. Но приятельские сношения мои с Пугачёвым могли быть доказаны множеством свидетелей и должны были казаться по крайней мере весьма подозрительными. Во всю дорогу размышлял я о допросах, меня ожидающих, обдумывал свои ответы и решился перед судом объявить сущую правду, полагая сей способ оправдания самым простым, а вместе и самым надёжным.

Я приехал в Казань, опустошённую и погорелую. По улицам, наместо домов, лежали груды углей и торчали закоптелые стены без крыш и окон. Таков был след, оставленный Пугачёвым! Меня привезли в крепость, уцелевшую посереди сгоревшего города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Он велел кликнуть кузнеца. Надели мне на ноги цепь и заковали её наглухо. Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и тёмной конурке, с одними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решёткою.

Таковое начало не предвещало мне ничего доброго. Однако ж я не терял ни бодрости, ни надежды. Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, излиянной из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мною будет.

На другой день тюремный сторож меня разбудил с объявлением, что меня требуют в комиссию. Два солдата повели меня через двор в комендантский дом, остановились в передней и впустили одного во внутренние комнаты.

Я вошёл в залу довольно обширную. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека: пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении. У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклонясь над бумагою, готовый записывать мои показания. Начался допрос. Меня спросили о моём имени и звании. Генерал осведомился, не сын ли я Андрея Петровича Гринёва? И на ответ мой возразил сурово: «Жаль, что такой почтенный человек имеет такого недостойного сына!» Я спокойно отвечал, что, каковы бы ни были обвинения, тяготеющие на мне, я надеюсь их рассеять чистосердечным объяснением истины. Уверенность моя ему не понравилась. «Ты, брат, востёр, — сказал он мне нахмурясь, — но видали мы и не таких!»

Тогда молодой человек спросил меня: по какому случаю и в какое время вошёл я в службу к Пугачёву и по каким поручениям был я им употреблён?

Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачёву вступать и никаких поручений от него принять не мог.

— Каким же образом, — возразил мой допросчик, — дворянин и офицер один пощажён самозванцем, между тем как все его товарищи злодейски умерщвлены? Каким образом этот самый офицер и дворянин дружески пирует с бунтовщиками, принимает от главного злодея подарки, шубу, лошадь и полтину денег? Отчего произошла такая странная дружба и на чём она основана, если не на измене или по крайней мере на гнусном и преступном малодушии?

Я был глубоко оскорблён словами гвардейского офицера и с жаром начал своё оправдание. Я рассказал, как началось моё знакомство с Пугачёвым в степи, во время бурана; как при взятии Белогорской крепости он меня узнал и пощадил. Я сказал, что тулуп и лошадь, правда, не посовестился я принять от самозванца; но что Белогорскую крепость защищал я противу злодея до последней крайности. Наконец я сослался и на моего генерала, который мог засвидетельствовать моё усердие во время бедственной оренбургской осады.

Строгий старик взял со стола открытое письмо и стал читать его вслух:

— «На запрос вашего превосходительства касательно прапорщика Гринёва, якобы замешанного в нынешнем смятении и вошедшего в сношения с злодеем, службою недозволенные и долгу присяги противные, объяснить имею честь: оный прапорщик Гринёв находился на службе в Оренбурге от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года, в которое число он из города отлучился и с той поры уже в команду мою не являлся. А слышно от перебежчиков, что он был у Пугачёва в слободе и с ним вместе ездил в Белогорскую крепость, в коей прежде находился он на службе; что касается до его поведения, то я могу...» Тут он прервал своё чтение и сказал мне сурово: «Что ты теперь скажешь себе в оправдание?»

Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как и всё прочее. Но вдруг почувствовал непреодолимое отвращение. Мне пришло в голову, что если назову её, то комиссия потребует её к ответу; и мысль впутать имя её между гнусными изветами злодеев и её самую привести на очную с ними ставку — эта ужасная мысль так меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благосклонностию, были снова предубеждены противу меня при виде моего смущения. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доносителем. Генерал велел кликнуть *вчерашнего злодея*. Я с живостью обратился к дверям, ожидая появления своего обвинителя. Через несколько минут загремели цепи, двери отворились, и вошёл — Швабрин. Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно чёрные как смоль, совершенно поседели; длинная борода была всклокочена. Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом. По его словам, я отряжён был от Пугачёва в Оренбург шпионом: ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всём, что делалось в городе; что наконец явно передался самозванцу, разъезжал с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изменников, дабы занимать их места и пользоваться наградами, раздаваемыми от самозванца. Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем, оттого ли, что самолюбие его страдало при мысли о той, которая отвергла его

с презрением; оттого ли, что в сердце его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать, — как бы то ни было, имя дочери белогорского коменданта не было произнесено в присутствии комиссии. Я утвердился ещё более в моём намерении, и когда судьи спросили: чем могу опровергнуть показания Швабрина, я отвечал, что держусь первого своего объяснения и ничего другого в оправдание себе сказать не могу. Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взглянул на Швабрина, но не сказал ему ни слова. Он усмехнулся злобной усмешкою и, приподняв свои цепи, опередил меня и ускорил свои шаги. Меня опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали.

Я не был свидетелем всему, о чём остаётся мне уведомить читателя; но я так часто слыхал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал.

Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века. Они видели благодать Божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. Вскоре они к ней искренно привязались, потому что нельзя было её узнать и не полюбить. Моя любовь не казалась батюшке пустою блажью; а матушка только того и желала, чтоб её Петруша женился на милой капитанской дочке.

Слух о моём аресте поразил всё моё семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моём с Пугачёвым, что оно не только не беспокоило их, но ещё заставляло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте, коего цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядька не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачёва и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он и не слыхивал. Старики успокоились и с нетерпением стали ждать благоприятных вестей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо в высшей степени была одарена скромностию и осторожностию.

Прошло несколько недель... Вдруг батюшка получает из Петербурга письмо от нашего родственника князя Б**. Князь писал ему обо мне. После обыкновенного приступа, он объявлял

ему, что подозрения насчёт участия моего в замыслах бунтовщиков, к несчастию, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решилась помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, повелела только сослать в отдалённый край Сибири на вечное поселение.

Сей неожиданный удар едва не убил отца моего. Он лишился обыкновенной своей твёрдости, и горесть его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах. «Как! — повторял он, выходя из себя. — Сын мой участвовал в замыслах Пугачёва! Боже праведный, до чего я дожил! Государыня избавляет его от казни! От этого разве мне легче? Не казнь страшна; пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущёвым[1]. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, с беглыми холопьями!.. Стыд и срам нашему роду!..» Испуганная его отчаянием матушка не смела при нём плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о неверности молвы, о шаткости людского мнения. Отец мой был неутешен.

Марья Ивановна мучилась более всех. Будучи уверена, что я мог оправдаться, когда бы только захотел, она догадывалась об истине и почитала себя виновницею моего несчастия. Она скрывала от всех свои слёзы и страдания и между тем непрестанно думала о средствах, как бы меня спасти.

Однажды вечером батюшка сидел на диване, перевёртывая листы Придворного календаря; но мысли его были далеко, и чтение не производило над ним обыкновенного своего действия. Он насвистывал старинный марш. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слёзы изредка капали на её работу. Вдруг Марья Ивановна, тут же сидевшая за работой, объявила, что необходимость её заставляет ехать в Петербург и что она просит дать ей способ отправиться. Матушка очень огорчилась. «Зачем тебе в Петербург? — сказала она. — Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты нас покинуть?» Марья Ивановна отвечала, что вся

---

[1] А.П. Волынский и А.В. Хрущёв были казнены по обвинению в подготовке государственного переворота в 1740 г.

будущая судьба её зависит от этого путешествия, что она едет искать покровительства и помощи у сильных людей, как дочь человека, пострадавшего за свою верность.

Отец мой потупил голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступление сына, было ему тягостно и казалось колким упрёком. «Поезжай, матушка! — сказал он ей со вздохом. — Мы твоему счастию помехи сделать не хотим. Дай Бог тебе в женихи доброго человека, не ошельмованного изменника». Он встал и вышел из комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наедине с матушкою, отчасти объяснила ей свои предположения. Матушка со слезами обняла её и молила Бога о благополучном конце замышленного дела. Марью Ивановну снарядили, и через несколько дней она отправилась в дорогу с верной Палашей и с верным Савельичем, который, насильственно разлучённый со мною, утешался по крайней мере мыслию, что служит наречённой моей невесте.

Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию[1] и, узнав на почтовом дворе, что Двор находился в то время в Царском Селе, решилась тут остановиться. Ей отвели уголок за перегородкой. Жена смотрителя тотчас с нею договорилась, объявила, что она племянница придворного истопника, и посвятила её во все таинства придворной жизни. Она рассказала, в котором часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофей, прогуливалась; какие вельможи находились в то время при ней; что изволила она вчерашний день говорить у себя за столом, кого принимала вечером, — словом, разговор Анны Власьевны стоил нескольких страниц исторических записок и был бы драгоценен для потомства. Марья Ивановна слушала её со вниманием. Они пошли в сад. Анна Власьевна рассказала историю каждой аллеи и каждого мостика, и, нагулявшись, они возвратились на станцию очень довольные друг другом.

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник недавних побед графа Петра Александровича

[1] Почтовая станция близ Царского Села.

Румянцева. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: «Не бойтесь, она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на неё смотрела; а Марья Ивановна, с своей стороны бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть её с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо её, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и лёгкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая перервала молчание.

— Вы, верно, не здешние? — сказала она.

— Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.

— Вы приехали с вашими родными?

— Никак нет-с. Я приехала одна.

— Одна! Но вы так ещё молоды.

— У меня нет ни отца, ни матери.

— Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?

— Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.

— Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

— Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

— Позвольте спросить, кто вы таковы?

— Я дочь капитана Миронова.

— Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?

— Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня, — сказала она голосом ещё более ласковым, — если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при дворе; изъясните мне, в чём состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно её поблагодарила. Всё в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала её незнакомой своей покровительнице, которая стала читать её про себя.

Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным; но вдруг лицо её переменилось, — и Марья Ивановна, следовавшая глазами за всеми её движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному.

— Вы просите за Гринёва? — сказала дама с холодным видом. — Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй.

— Ах, неправда! — вскрикнула Марья Ивановна.

— Как неправда! — возразила дама, вся вспыхнув.

— Неправда, ей-богу, неправда! Я знаю всё, я всё вам расскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то разве потому только, что не хотел запутать меня. — Тут она с жаром рассказала всё, что уже известно моему читателю.

Дама выслушала её со вниманием. «Где вы остановились?» — спросила она потом; и, услыша, что у Анны Власьевны, примолвила с улыбкою: «А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрече. Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо».

С этим словом она встала и вошла в крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась к Анне Власьевне, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила её за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по её словам, для здоровья молодой девушки. Она принесла самовар и за чашкою чая только было принялась за бесконечные рассказы о дворе, как вдруг придворная карета остановилась у крыльца, и камер-лакей вошёл с объявлением, что государыня изволит к себе приглашать девицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти, Господи! — закричала она. — Государыня требует вас ко двору. Как же это она про вас узнала? Да как же вы, матушка, представитесь к императрице? Вы, я чай, и ступить по-придворному не умеете... Не проводить ли мне вас? Всё-таки я вас хоть в чём-нибудь да могу предостеречь. И как же вам ехать в дорожном платье? Не послать ли к повивальной бабушке за её жёлтым роброном?» Камер-лакей объявил, что государыне угодно было, чтоб Марья Ивановна ехала одна и в том, в чём её застанут. Делать было нечего: Марья Ивановна села в карету и поехала во дворец, сопровождаемая советами и благословениями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала решение нашей судьбы; сердце её сильно билось и замирало. Чрез несколько минут карета остановилась у дворца. Марья Ивановна с трепетом пошла по лестнице. Двери перед нею отворились настежь. Она прошла длинный ряд пустых, великолепных комнат; камер-лакей указывал дорогу. Наконец, подошед к запертым дверям, он объявил, что сейчас об ней доложит, и оставил её одну.

Мысль увидеть императрицу лицом к лицу так устрашала её, что она с трудом могла держаться на ногах. Через минуту двери отворились, и она вошла в уборную государыни.

Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали её и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня подозвала её и сказала с улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вам своё слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свёкру».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла её и поцеловала. Государыня разговорилась с нею. «Знаю, что вы не богаты, — ска-

зала она, — но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние».

Обласкав бедную сироту, государыня её отпустила. Марья Ивановна уехала в той же придворной карете. Анна Власьевна, нетерпеливо ожидавшая её возвращения, осыпала её вопросами, на которые Марья Ивановна отвечала кое-как. Анна Власьевна хотя и была недовольна её беспамятством, но приписала оное провинциальной застенчивости и извинила великодушно. В тот же день Марья Ивановна, не полюбопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню...

Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринёва. Из семейственных преданий известно, что он был освобождён от заключения в конце 1774 года по именному повелению; что он присутствовал при казни Пугачёва, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мёртвая и окровавленная, показана была народу. Вскоре потом Пётр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии. В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринёва доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать её особо, приискав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

Издатель.

19 окт. 1836

Вопросы и задания

К главе I

1. Подберите необходимые ключевые слова для характеристики Андрея Петровича Гринёва, Авдотьи Васильевны, Савельича, Бопре, Палашки.

2. Какие черты, свойственные дворянскому быту XVIII века, воссозданы в I главе романа? Каким образом можно сопоставить характер воспитания Петруши Гринёва и Митрофанушки из комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль»?

3. Каков, по вашему мнению, центральный эпизод I главы? В чём его основной смысл?

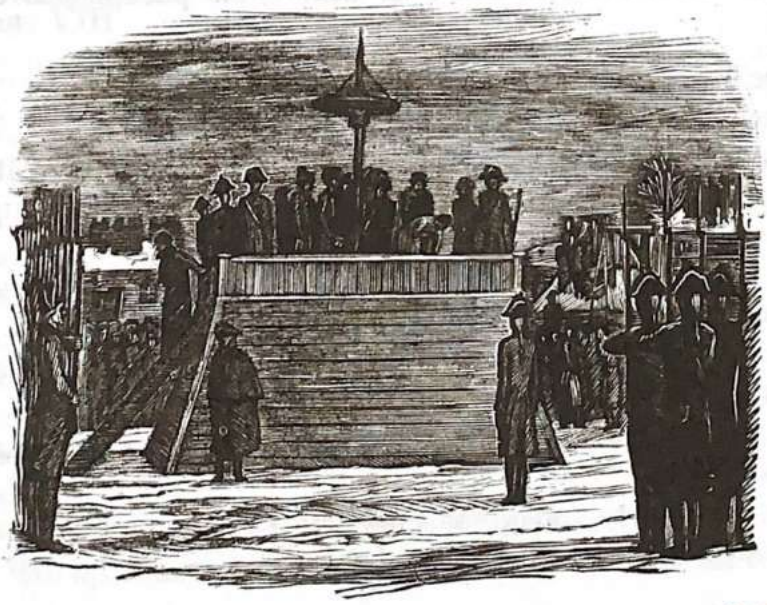
К главе II

1*. Гринёв мог встретиться с Пугачёвым при различных обстоятельствах. На страницах романа встреча происходит во время разразившегося бурана. В чём его символический смысл?

2. Раскройте символический смысл сна Петра Гринёва. Какова роль этого эпизода в общей композиции романа?

3. Зачитайте строчки, в которых даётся портрет «вожатого». Есть ли в пушкинском тексте выразительные средства, способствующие наибольшей яркости портрета? Какие это средства? Обратите на них внимание. Воссоздайте портрет устно.

4. Как характеризует Петра Гринёва решение подарить «вожатому» свой заячий тулуп? Почему Гринёв не послушал Савельича и настоял на своём решении?

5. Какое слово в репликах Савельича наиболее точно передаёт его отношение к происходящему?
6. Генерал-немец не понимает смысла слов из записки Андрея Петровича Гринёва «держать в ежовых рукавицах». Каково значение этого крылатого выражения?

К главе III
1. Каково первое впечатление Гринёва от Белогорской крепости? Что удивило и поразило юношу?
2. Каким предстаёт характер коменданта крепости из деталей его разговора с подчинёнными, женой, вновь прибывшим офицером?
3. Назовите художественные средства, с помощью которых воссозданы характеры капитана Миронова и его жены.
4. Назовите наиболее типичные слова и сочетания слов, характерные для речи капитана Миронова.
5. Каковы обычаи в доме Мироновых? Справедлива ли их характеристика, данная Швабриным?

К главе IV
1. «...Жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня не только сносною, но даже и приятною», — пишет в начале главы Пётр Гринёв. Почему изменилось настроение героя?
2. Расскажите о занятиях Гринёва в крепости.
3. Каков кульминационный эпизод главы? Составьте цитатный план для ответа на вопрос.
4. В чём причина поединка и кто его инициатор?
5. Какие человеческие качества Швабрина раскрываются в этой главе?

К главе V
1. Определите значение слова «цирюльник».
2. Назовите эпитеты, характеризующие чувства Маши Мироновой и Петра Гринёва. Какие ещё средства выразительности применяет Пушкин, рассказывая о любви героев?
3. Кто и из каких побуждений рассказал родителям Гринёва о его дуэли?
4. Как вы думаете, почему родители Гринёва отказали Петру Андреевичу в родительском благословении?
5. Как характеризует Машу её реакция на письмо родителей Петра Гринёва?
6. Какие качества характера Савельича проявились в его отношении к происходящим событиям?

К главе VI

1. Названия глав очень точно отражает их содержание. Какой основной смысл и какие оттенки заключены в названии главы VI — «Пугачёвщина»?

2. Насколько точна характеристика Пугачёва, данная в секретном предписании начальства?

3. Охарактеризуйте реакцию на надвигающиеся события со стороны различных персонажей, находящихся в Белогорской крепости. Составьте тезисный план ответа.

4. Какой эпизод главы произвёл на вас наибольшее впечатление? Почему?

К главе VII

1. Составьте сложный план главы «Приступ».

2. Как ведут себя капитан Гринёв, Миронов, Василиса Егоровна, Маша, отец Герасим, Швабрин накануне решающего события и в момент штурма крепости?

3. Подберите эпитеты, характеризующие поведение защитников крепости и пугачёвцев после взятия крепости.

4*. На первый взгляд Пушкин никак не комментирует переход Швабрина на сторону Пугачёва. Как вы думаете, в какой части романа заключена позиция писателя, какими словами она выражена? Размышляя по этому поводу, задумайтесь над ролью эпиграфа к роману.

5. Основными элементами фабулы в эпическом произведении являются завязка, кульминация, развязка. Чем является глава «Приступ»? Обоснуйте свой ответ.

К главе VIII

1. Прочитайте фрагмент: «Оставшись один, я погрузился в размышления. Что мне было делать? Оставаться в крепости, подвластной злодею, или следовать за его шайкою было неприлично офицеру. Долг требовал, чтоб я явился туда, где служба моя могла быть полезна отечеству в настоящих, затруднительных обстоятельствах... Но любовь сильно советовала мне оставаться при Марье Ивановне и быть ей защитником и покровителем. Хотя я и предвидел скорую и несомненную перемену в обстоятельствах, но всё же не мог не трепетать, воображая опасность её положения».

Как вы оцениваете решение героя и его анализ ситуации?

2. Каково ваше отношение к поведению Гринёва после захвата крепости?

3. Подробно перескажите эпизод «Гринёв у Пугачёва и пугачёвцев». Что произвело наиболее сильное впечатление на Гринёва?

К главе IX

1. Чем могло грозить Гринёву поручение Пугачёва?

2. Почему Гринёва испугало решение сделать Швабрина комендантом крепости?

3. Охарактеризуйте эпизод «Прошение Савельича». Какие чувства вызвал у вас его поступок? Запишите ключевые слова для ответа на вопрос.

К главе X

1. Готова ли крепость Оренбург к встрече с силами Пугачёва?

2. Какими представил Пушкин членов совета: генерала, чиновников?

3. «Все чиновники говорили о ненадёжности войск, о неверности удачи, об осторожности и тому подобном. Все полагали, что благоразумнее оставаться под прикрытием пушек за крепкой каменной стеною, нежели на открытом поле испытывать счастие оружия». Эти высказывания предваряет суждение Гринёва: «Все мнения оказались противными моему». Каково было мнение Гринёва? Почему?

4. На основании письма Маши Мироновой к Гринёву охарактеризуйте внутреннее состояние девушки. В текст своего рассказа вводите слова и обороты, передающие её чувства.

К главе XI

1. Как вы оцениваете решение Гринёва ехать в крепость ради спасения любимой девушки?

2. Гринёв вспоминает: «...общество, в котором я так нечаянно очутился, сильно развлекало моё воображение». Как вы думаете, почему? Зачитайте фрагменты из главы, в которой даны портреты сподвижников Пугачёва.

3. Как характеризует Пугачёва его отношение к известию о поступке Швабрина?

4. Перечитайте диалог Пугачёва и Гринёва, состоявшийся по дороге в Белогорскую крепость. Какие детали наиболее важны для понимания характера и поступков Пугачёва?

5. В чём смысл калмыцкой сказки? Какова её роль в романе?

К главе XII

1. Охарактеризуйте состояние и поведение Пугачёва, Швабрина и Гринёва в начале главы.

2. Какие качества личности Пугачёва проявляются в его решениях по отношению к Маше Мироновой, Швабрину и Гринёву?

3*. Желая спасти Машу, Гринёв обратился за помощью к своему начальнику по службе, но получил отказ. В роли спасителя Маши (как и Гринёва) выступает «мужицкий царь» Пугачёв. Как вы думаете, почему так происходит и что этим хотел сказать Пушкин?

К главе XIII

1. Можно ли считать решение Гринёва отправить в деревню Машу в сопровождении Савельича единственно верным? Обоснуйте своё мнение.

2. Отношение к событиям передано Пушкиным через восприятие Савельича. Почему это особенно важно для данной ситуации?

3. С каким чувством думает Гринёв о Пугачёве после поражения бунтовщика? В свой ответ вводите слова из текста главы.

4. Закономерен ли арест Гринёва? Вы ожидали такого развития сюжета? Обоснуйте свой взгляд на события.

К главе XIV

1. Гринёв «решился перед судом объявить сущую правду, полагая сей способ оправдания самым простым, а вместе и самым надёжным». Как вы относитесь к его решению?

2. Подробно передайте содержание сцены суда по заранее намеченному плану.

3. Кто явился причиной новой неприятности Гринёва? Можно ли назвать такой поворот событий неожиданным?

4. Дайте оценку показаниям Швабрина на суде. В чём вы видите причину такого его поведения?

5. Решение Маши Мироновой ехать в Петербург спасать любимого — это жест отчаяния, последняя надежда или что-то ещё? Дайте развёрнутый ответ.

6. Во время встречи с «дамой» Маша Миронова, рассказывая свою историю, отвечает на вопрос о цели своего предприятия: «Я приехала просить милости, а не правосудия». Как вы думаете, почему она так формулирует свою цель?

7. Почему «дама» так резко реагирует на упоминание имени Гринёва?

8. Как вы думаете, почему императрица помиловала Гринёва?

9. Описывая облик Екатерины II, Пушкин воспользовался портретом императрицы, выполненным В.Л. Боровиковским (см. цветную вклейку). Эта картина была широко известна. В 1827 году Н.И. Уткин сделал с неё гравюру. Пушкину было важно создать узнаваемый образ, поэтому он почти ничего не изменил в портрете Екатерины. И всё же незначительные изменения в её облик он внёс. Какие?

ОБРАЗНЫЙ МИР «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ»

Художественная идея романа сосредоточена в его эпиграфе — народной пословице «Береги честь смолоду». Главная мысль выражается через раскрытие основных образов романа — Гринёва и Швабрина, Пугачёва и капитана Миронова.

«Центральной фигурой произведения является Пугачёв. К нему сходятся все сюжетные линии повести. Любовная интрига „Капитанской дочки", отношения между Машей Мироновой и Гринёвым имеют существенное значение лишь потому, что сюжетно мотивируют кульминационный момент „странных" отношений Гринёва и Пугачёва: фактически самовольную (под покровом случайности) явку верного своему воинскому долгу дворянина, офицера правительственных войск, в стан Пугачёва за помощью», — пишет исследовательница романа Пушкина Е.Н. Купреянова.

Пугачёв Пушкина — талантливый предводитель стихийного движения, первый полнокровный народный характер в творчестве Пушкина и в русской литературе в целом. Не идеализируя своего героя, показывая его жёстким, а в отдельные минуты — страшным, Пушкин одновременно подчёркивает важнейшие его качества: целеустремлённость и силу воли, умение помнить и ценить добро, готовность в трудную минуту прийти на помощь и, что может показаться странным на первый взгляд, — справедливость. Характерны в этом плане его поступки по отношению к Швабрину, Гринёву, Маше Мироновой. Фигур, близко стоящих к этому характеру, в «Капитанской дочке» ни среди ближайших сподвижников Пугачёва, ни среди его противников нет. В какой-то мере Пугачёв в восприятии Пушкина — личность одинокая и трагическая: он осознаёт тщетность своего предприятия, понимает неизбежность своей гибели. Но отказаться от бунта не может. Понять мотивы его поведения, его отношение к происходящему помогает мораль калмыцкой сказки, которую он рассказывает Гринёву: «...чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст!»

Вполне ординарным, по сравнению с Пугачёвым, выглядит Пётр Андреевич Гринёв, но именно это восприятие вполне соответствует пушкинскому замыслу. Пугачёв — историческая личность, значимая и исключительная. Фигура Гринёва — вымышленная и обыкновенная.

Имя Гринёва (в черновой редакции он назывался Булаиным) выбрано не случайно. 10 января 1755 года было объявлено об окончании процесса над Пугачёвым и пугачёвцами. Имя подпоручика Гринёва значится в ряду тех, кто «находились под караулом, будучи сначала подозреваемы в сообщении с злодеями, но по следствию оказались невинны».

Гринёв — представитель обедневшей дворянской знати екатерининских времён, принадлежностью к которой Пушкин гордился и об «уничижении» общественного положения которой сожалел.

С первого взгляда некий «маменькин сынок», которого нельзя никуда отпускать без постоянного присмотра дядьки Савельича, этакий несмышлёныш и недоросль, Гринёв впоследствии предстаёт перед читателем человеком, способным на неординарные поступки (эпизод с тулупом, подаренным «вожатому»). Именно эта самостоятельность, а не только сам факт дарения заячьего тулупчика, как оказалось, выделяют Гринёва из многих. Он способен не просто искренне любить, но и идти до конца в борьбе за своё чувство, за честь и достоинство и своё, и любимой девушки. В этой борьбе он вновь проявит своё умение, никого не предавая, принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность. Его приход к Пугачёву не выглядит предательством в сравнении с поступками Швабрина и по отношению к присяге и долгу перед Отечеством.

Есть ещё и скрытая от первого взгляда черта характера Гринёва. Роман написан от его имени, его рукой. Это его записки для внука, и в них Пётр Андреевич Гринёв не выставляет себя лучше, чем он был на самом деле. Он правдив и порой беспощаден к самому себе: в оценках, в передаче поступков, в характеристике мыслей.

Волею судеб втянутыми в водоворот событий оказываются милые сердцу Пушкина старички: слуга Савельич, капитан Миронов и бесконечно преданная ему жена.

Безусловно, Савельич, к которому Гринёв относится с нежной любовью и теплотой, не мог быть иным. Слишком тёплые воспоминания оставили в сердце Пушкина его «мамки и няньки»: и Арина Родионовна, и дядька Никита Козлов, хранивший ему искреннюю преданность всю жизнь. Дядька умел совершать поступки, которые Пушкин ценил. Когда-то в Петербурге, сразу

после Лицея, когда барин настроил против себя государя своими «возмутительными» стихами, Никита Козлов в отсутствие Александра не пустил в квартиру жандармов с обыском: «Барина нет дома, а без него никак нельзя».

Обижаясь иногда на строгого Савельича, ворча на его брюзжание, «лишние» хлопоты, Гринёв, однако, платит дядьке своему искренней, почти сыновней любовью. Любовью за любовь.

Тепло относится Гринёв и к семье Мироновых. Материалы для сюжета романа, в частности о семействе коменданта крепости, Пушкин мог почерпнуть и из рассказов И.А. Крылова, детство которого прошло в Яицком городке и в Оренбурге. Образ капитана Ивана Кузмича Миронова, скромного и незаметного офицера захолустного гарнизона, но твёрдого и благоразумного начальника, возвышающегося до подлинного героизма в пору осады крепости, подсказан был, вероятно, воспоминаниями баснописца о его отце, капитане Андрее Крылове, офицере осаждённого пугачёвцами Яицкого городка.

С величайшим уважением выписан и характер капитанши Василисы Егоровны Мироновой. При первой встрече с Гринёвым она предстаёт старушкой «в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки» — этакий классический патриархальный образ. На самом деле Василиса Егоровна Миронова — фактический начальник крепости, ей, по доброте душевной, подчиняется в быту и капитан Миронов, и все служилые в гарнизоне. И в решительную минуту от этого не становится стыдно и горько.

Вот героическая и трагическая сцена, в которой раскрывается её настоящий характер: «Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрёпанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в её душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, бельё и всю рухлядь. „Батюшки мои! — кричала бедная старушка. — Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузмичу". Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. „Злодеи! — закричала она в исступлении. — Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! Не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!" „Унять старую ведьму!" — сказал Пугачёв. Тут молодой казак ударил её саблею по голове, и она упала мёртвая на ступени крыльца».

«Имя девицы Мироновой, — отмечал Пушкин в письме цензору П.А. Корсакову, — вымышленно. Роман мой основан на предании, некогда слышанном мною, будто бы один из офицеров, изменивших своему долгу и перешедших в шайки Пугачёвские, был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги. Роман, как изволите видеть, ушёл далеко от истины».

Маша Миронова — скромная, застенчивая, молчаливая девушка. Воспитанная в христианском духе, она уважает мать и отца, без жеманства и кокетства ведёт себя при гостях-офицерах, с достоинством и смирением переживает все происходящие события. Испытывая сердечную склонность к Гринёву, Маша не даёт своего согласия на брак без благословения его родителей. Чувствительная и кроткая Маша, при звуках выстрелов падающая в обморок, в трудный момент жизни, ради спасения любимого человека совершает решительный и смелый поступок. Маша — духовно-нравственная точка отсчёта в романе, названном в её честь. У императрицы она просит милости, а не правосудия. Это очень важная для Пушкина тема. В основе позиции писателя лежит утверждение человечности как высшего нравственного закона. Именно поэтому его главные герои не погибают: Машу спасает Пугачёв, который поступает так, как ему велят не политические соображения, а человеческое чувство. Помилование Гринёва — в руках императрицы, следующей не схематичному закону, а милосердию.

Пушкин не был идеологом крестьянской революции; он был далёк от того, чтобы «звать Русь к топору». Своим романом он предупреждает современников и потомков о том кровавом беспределе, который всегда наступает с бунтом, о его деспотичности и ненужности. Пушкин сам выведет эту точную формулу-предупреждение: «Не приведи Бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

ТЕМЫ ДЛЯ РЕФЕРАТОВ, СООБЩЕНИЙ, СОЧИНЕНИЙ

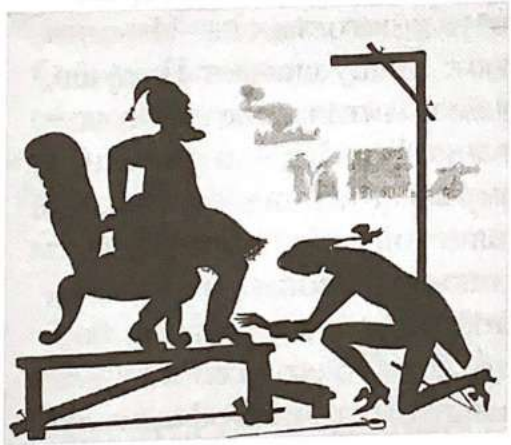
1. Пугачёвщина и Пугачёв на страницах «Капитанской дочки»: восстание или бунт?

2. Нравы и быт дворян XVIII века в изображении А.С. Пушкина.

3. Произведения устного народного творчества и их художественная роль в романе.

4. Савельич и Пётр Гринёв.

5. Для чего нужна в романе линия Гринёв — Швабрин?
6. Проблема чести, долга и нравственного выбора в романе «Капитанская дочка».
7. Пётр Гринёв и Емельян Пугачёв.
8. Любовь на страницах романа Пушкина.
9. Смысл названия романа.
10. Отношение Пушкина к изображаемым событиям и героям.
11. Образы-символы в романе А.С. Пушкина.
12. Роль эпиграфов в романе «Капитанская дочка».
13. Тема милости и справедливости в романе.
14. «Случай — мощное, мгновенное орудие Провидения» (А.С. Пушкин).
15. Крылатые выражения на страницах «Капитанской дочки».
16. Образно-выразительные средства в романе (на примере отдельного фрагмента или главы).
17. Дорогами Гринёва и Пугачёва (путешествие по страницам пушкинского романа и географическому атласу).
18. Образы и мотивы стихотворения «Бесы» и романа «Капитанская дочка» (глава «Вожатый»).

Суд Пугачёва.

Пугачёв и Швабрин (слева). *Силуэт И.С. Ефимова, Н.Я. Симонович-Ефимовой.* 1934—1936 гг.

Гринёв и Пугачёв. *Художник С.В. Герасимов.* 1950 г.

«Капитанской дочке» была суждена долгая жизнь в искусстве:

— В 1899 году к столетию со дня рождения А.С. Пушкина вышло трёхтомное собрание сочинений поэта. Среди иллюстраций наиболее интересным оказался цикл работ Сергея Васильевича Иванова к «Капитанской дочке».

— В 1904 году «Капитанскую дочку» иллюстрировал Александр Николаевич Бенуа.

— В 1938 году над иллюстрациями к роману А.С. Пушкина работал Никита Владимирович Фаворский.

Никита родился в 1915 году в семье художников Владимира Андреевича Фаворского и Марии Владимировны Дервиз, двоюродной племянницы выдающегося русского графика Валентина Александровича Серова. Владимир Андреевич сам много работал над оформлением произведений А.С. Пушкина, таких, как «Борис Годунов», «Маленькие трагедии». (Его гравюру «Пушкин в Михайловском» вы найдёте на с. 138.)

Никита учился рисовать у отца, потом поступил в Московский художественно-полиграфический институт, где его учителями были П.Я. Павлинов, М.С. Родионов, К.Н. Истомин. Оформление «Капитанской дочки» — его дипломная работа[1].

Никита Фаворский успел оформить ещё две книги (армянский народный эпос «Давид Сасунский» и «Сказки» Б. Шергина), которые вместе с «Капитанской дочкой» признаны выдающимися произведениями русской книжной иллюстрации.

В 1941 году Никита добровольцем пошёл в Московское ополчение и погиб, защищая Москву.

— В 1950—1951 годах «Капитанскую дочку» иллюстрировал Сергей Васильевич Герасимов.

— В 1974 году рисунки к повести Пушкина выполнил художник Дементий Алексеевич Шмаринов.

---

[1] В нашем учебнике впервые публикуются эти замечательные гравюры полностью вместе с текстом романа. Иллюстрация на с. 257 — встреча Маши Мироновой с императрицей — не была окончена: здесь воспроизведена фотография гравюрной доски. При создании образа Екатерины II Фаворский, как и Пушкин, обратился к картине В.Л. Боровиковского.

— Авторами опер «Капитанская дочка» являются композиторы Цезарь Антонович Кюи и Владимир Иванович Ребиков. В 1925 году композитор Николай Николаевич Черепнин написал музыку к балету «Капитанская дочка», а в 1957 году композитор Тихон Николаевич Хренников написал музыку к кинофильму «Капитанская дочка».

— В 1928 году режиссёром Ю.В. Таричем по сценарию В.Б. Шкловского был поставлен кинофильм «Капитанская дочка», в котором художественная идея Пушкина была извращена. Швабрин и Савельич показаны руководителями народного восстания, а Гринёв изображён карьеристом-крепостником.

После уроков

Проведите литературный вечер на тему «Адресаты лирики А.С. Пушкина».

Советуем прочитать

1. *Гессен А.* Жизнь поэта. М.: Детская литература, 1972.
2. Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками: в 2 т. М., 1987. Т. 1.
3. *Коровин В.И.* А.С. Пушкин в жизни и творчестве. М., 2013.
4. *Лотман Ю.М.* А.С. Пушкин. Биография писателя. Любое издание.
5. *Непомнящий В.* Пушкин. Русская картина мира. М., 1999.
6. Последний год жизни Пушкина. М., 1988.
7. А.С. Пушкин: школьный энциклопедический словарь. М., 1999.
8. *Тынянов Ю.Н.* Пушкин. Любое издание.
9. Сайт Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское»: www.pushkin.ellink.ru.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ **ЛЕРМОНТОВ** 1814—1841

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ И КАВКАЗ

В жизни, творчестве и судьбе М.Ю. Лермонтова Кавказ занимает совершенно особое место. «Юный поэт заплатил полную дань волшебной стране, поразившей лучшими, благодатнейшими впечатлениями его поэтическую душу. Кавказ был колыбелью его поэзии, так же как он был колыбелью поэзии Пушкина, и после Пушкина никто так поэтически не отблагодарил Кавказ за дивные впечатления его девственно величавой природы, как Лермонтов...» — отмечал В.Г. Белинский.

Многие русские писатели до Лермонтова обращались к изображению Кавказа. Образы Кавказа нередки в поэзии Г.Р. Державина. А.С. Пушкин впервые в русской поэзии раскрыл тему Кавказа не по чужим рассказам, как его предшественники, а по собственным впечатлениям. Пушкинский «Кавказский пленник» служил юному Лермонтову известным образцом. В своих ранних поэмах «Черкесы» и «Кавказский пленник» он сознательно подражает Пушкину. Лермонтов хорошо знал произведения о Кавказе А.А. Бестужева (Марлинского), А.И. Полежаева. Образ Кавказа сложился у него под влиянием вольнолюбивых мотивов русской поэзии 20-х годов XIX века.

Судьба связала Лермонтова с Кавказом с самого раннего детства. Здесь в одиннадцать лет он пережил первую влюблённость. Поэтическое восприятие дивной кавказской природы сливается с пробуждением любовной мечты: «О! Сия минута первого беспокойства страстей до могилы будет терзать мой ум».

Кавказский вид. *Неизвестный художник.* Первая половина XIX в.

«Природой дикой красоты» восхищался Лермонтов, любовался «цепью синих гор», узнавал характер народов Кавказа, которые в мирной жизни отличались «нравами тихой простоты». Синий цвет — цвет чистого неба, на фоне которого ещё более величественными кажутся горы Кавказа, — один из наиболее распространённых в лермонтовском описании кавказской природы. В 1832 году поэт создаёт пронзительное по искренности стихотворение в прозе, в котором сильны автобиографические мотивы.

* * *

Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство моё; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах Творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..

* * *

Часто во время зари я глядел на снега и далёкие льдины утёсов; они так сияли в лучах восходящего солнца, и, в розовый блеск одеваясь, они, между тем как внизу всё темно, возвещали прохожему утро. И розовый цвет их подобился цвету стыда: как будто девицы, когда вдруг увидят мужчину, купаясь, в таком уж смущенье, что белой одежды накинуть на грудь не успеют.

Как я любил твои бури, Кавказ! те пустынные громкие бури, которым пещеры как стражи ночей отвечают!.. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями нагнутое, иль виноградник, шумящий в ущелье, и путь неизвестный над пропастью, где, покрываясь пеной, бежит безымянная речка, и выстрел нежданный, и страх после выстрела: враг ли коварный, иль просто охотник... всё, всё в этом крае прекрасно. <...>

Лермонтов признавался в стихотворении «Кавказ» (1830): «Как сладкую песню отчизны моей, / Люблю я Кавказ». Кавказ напоминает поэту о рано умершей матери:

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Была ещё одна причина особого отношения поэта к Кавказу — он был для Лермонтова символом вольности: «Кавказ! Далёкая страна! / Жилище вольности простой!»

Горы Кавказа — не только олицетворение красоты и величия. Это ещё и символ воина-защитника. «Стражем востока» называет Лермонтов Казбек.

В 1837 году Лермонтов был сослан на Кавказ за стихи на смерть Пушкина. Заболев по дороге, он из Ставрополя поехал в Пятигорск и до осени лечился на Водах. Затем, командированный в отряд генерала А.А. Вельяминова, проехал всю Кавказскую линию, был в Тамани и в октябре отправился по Военно-Грузинской дороге в Грузию, где в Караагаче стоял его полк. Возможно, ещё прежде, прямо из Тифлиса, Лермонтов поехал в Азербайджан, а в декабре, переведённый в лейб-гвардии Грод-

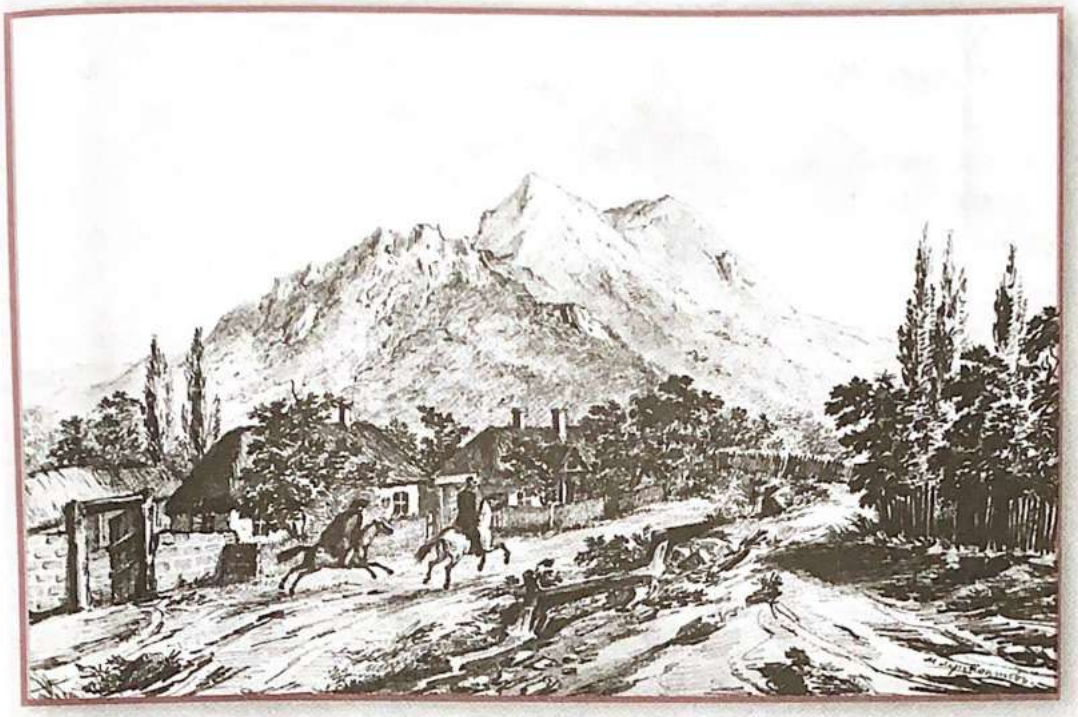

Вид Ставрополя. *Неизвестный художник.* 1836 г.

ненский гусарский полк, покинул Грузию. Во время второй ссылки в 1840 году Лермонтов принял участие в военных действиях в Чечне, снова побывал на Кавказских Минеральных Водах, на Тереке. Пребывание на Кавказе помогло поэту ближе познакомиться с жизнью его народов, полюбить природу этого края, узнать и оценить его фольклор.

Тема Кавказа заняла значительное место в творчестве Лермонтова. Помимо лирических стихотворений она отразилась в его поэмах «Измаил-Бей», «Мцыри», «Демон», романе «Герой нашего времени» и др.

Кавказские впечатления и пейзажи воплотились в живописном и графическом наследии Лермонтова, например в полотнах «Кавказский вид с Эльбруса» (1837—1838), «Воспоминание о Кавказе» (1838), литографии 1837 года «Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби» и др.

Гора Бештау близ Пятигорска. *Рисунок М.Ю. Лермонтова.* 1837 г.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА ЛЕРМОНТОВА

С Кавказом связана и военная служба Лермонтова. Она началась с того дня, когда он был зачислен в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров унтер-офицером лейб-гвардии Гусарского полка, — 14 ноября 1832 года. Он знал, что здесь его ожидали «маршировки, парадировки», всевозможные ограничения свободы, связанные с военной дисциплиной, но, приняв решение, он руководствовался долгом защитника Родины. Лермонтову было трудно расстаться с его «неблагодарным кумиром» — литературной карьерой, но путь был выбран. В октябре 1832 года он писал М.А. Лопухиной: «...если будет война, клянусь вам Богом, буду всегда впереди». В 1840 году поэт доказал, что это не пустые слова.

Было бы ошибочным считать, что Школа юнкеров ничего не дала Лермонтову: он стал образованным офицером, обладающим широким кругозором, знанием военной истории и основ военного искусства. Однако муштра и запрет на чтение художественной литературы сильно ему досаждали, и он мечтал о скорейшем выпуске в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка.

М.Ю. Лермонтов в сюртуке офицера Тенгинского пехотного полка. *Художник К.А. Горбунов.* 1841 г.

Произошло это 22 ноября 1834 года. Служба в полку состояла не только в обычных военных занятиях, учениях, парадах, но и в обязательном посещении придворных балов.

Относительная свобода жизненного уклада гусар способствовала развитию у Лермонтова привязанности к полку. В «Тамбовской казначейше» поэт писал: «...и скоро ль ментиков чер-

вонных / Приветный блеск увижу я...» (лейб-гусары носили алые доломаны[1] и ментики[2]). Службу он нёс исправно, но не терпел педантизма в мелочах службы и быта.

Период первой ссылки был важен для становления личности поэта-воина. На Кавказе он встретился с новыми людьми: это были скромные труженики войны и сосланные декабристы. Здесь Лермонтов ощутил сочувствие к себе со стороны начальства и отсутствие постоянной слежки III Отделения. В 1837 году поэт являлся наблюдателем, а в 1840 году прямым участником боевых действий против горцев. Отношение его к военным действиям противоречиво. С одной стороны, Лермонтов с глубоким уважением относился к свободолюбивым народам Кавказа, с другой, как Пушкин и декабристы, хорошо понимал, что у горцев нет надежды на завоевание полной независимости и единственный выход состоит в присоединении к России.

Месяцы, проведённые на Кавказе, сыграли большую роль в формировании мировоззрения поэта, его творческой самостоятельности. В это время усилилась его неудовлетворённость военной службой, созрело решение выйти в отставку и посвятить себя исключительно литературной деятельности. Благодаря хлопотам бабушки Е.А. Арсеньевой по представлению А.Х. Бенкендорфа 11 октября 1837 года Лермонтов был переведён в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк.

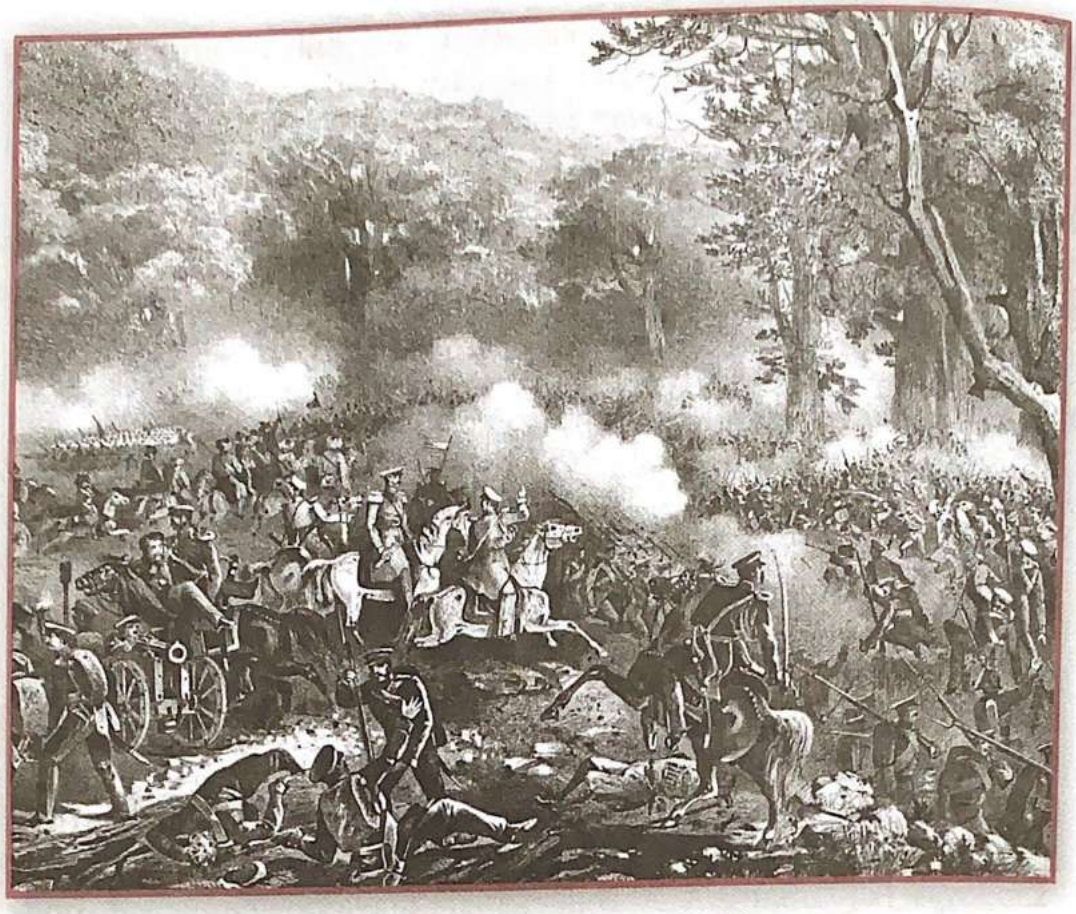
Командир полка Д.Г. Багратион-Имеретинский стремился сделать полк лучшим в России. Видимо, Лермонтов исправно нёс службу. Только этим можно объяснить то, что ему дважды давали 8-дневный отпуск для поездки в Петербург. В конце апреля 1838 года Лермонтов возвратился в столицу, а 14 мая прибыл в лейб-гвардии Гусарский полк, квартировавший в Царском Селе. Он не терял надежды на отставку, нёс опостылевшую после Кавказа плац-парадную службу, регулярно бывал на балах, но чаще — среди литераторов.

Столкновение и дуэль с сыном французского посла Э. Барантом привели к унизительной процедуре допросов и суда, суровому приговору: переводу в Тенгинский пехотный полк, который действовал на наиболее опасных участках противостояния с горцами.

---

[1] *Доломáн* — короткий гусарский мундир.

[2] *Мéнтик* — короткая куртка с мехом, надевается на доломан.

Дело под Валериком 11 июля 1840 года.
Литография. Середина XIX в. Фрагмент

Лермонтов выехал из Петербурга 5 или 6 мая, 10 июня был в Ставрополе и добился назначения в Чеченский отряд Галафеева на левый фланг Кавказской линии. Стеснительные условия службы в качестве командира взвода 12-й мушкетёрской роты Тенгинского пехотного полка, по-видимому, Лермонтова тяготили. Он предпочёл более свободную от повседневной опеки должность адъютанта[1] в отряде Галафеева. Офицеры штаба — адъютанты, как их тогда называли, — иногда прикреплялись заранее к какой-либо части боевого порядка, вели наблюдение за её действиями, доносили об этом, а порой и сами организовывали действия этих частей. Так было, в частности, с Лермонтовым в бою на реке Валерик. Он был назначен для наблюдения за штурмовой колонной и должен был действовать в её составе.

[1] *Адъюта́нт* — офицер, состоящий при военном начальнике для выполнения служебных поручений.

Лезгинка на террасах Тифлиса.
Литография по рисунку Г.Г. Гагарина. 1857 г.

Для выполнения такого поручения надо было обладать мужеством, хорошим кругозором, пониманием обстановки и решительностью. Служба таких адъютантов была сопряжена даже с большей опасностью, чем в строю. Лермонтов участвовал в боевых операциях, проявив себя инициативным офицером. Он выполнял свой долг «...с отличным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы», — писал очевидец событий. За этот бой поэт был представлен к ордену Владимира 4-й степени с бантом, но командир корпуса снизил представление до ордена Станислава 3-й степени, который Лермонтов также не получил.

В Чечне в бою 10 октября был ранен Р.И. Дорохов, командовавший сотней отборных конных бойцов. Лермонтов, приняв от него командование, проявил не только незаурядное дарование кавалерийского офицера, но и повседневную заботу о подчинён-

ных, с которыми делил опасности боя и тяготы походной жизни. Командующий конницей В.С. Голицын писал, что трудно было бы подобрать для этой сотни более подходящего командира. Лермонтов «...был всегда первый на коне и последний на отдыхе...». Голицын представил его к золотой сабле «За храбрость», что предполагало возвращение в гвардию. В боях на территории Чечни с 27 октября по 6 ноября Лермонтов отличился вновь и был представлен к двум наградам с переводом в гвардию.

В конце 1840-го Лермонтов прибыл в Тенгинский пехотный полк, а 14 января 1841 года отправился в отпуск в Петербург с надеждой на отставку. В столице он узнал, что его вычеркнули из Валерикского представления к наградам. После смерти поэта стало известно, что это сделал сам Николай I. Возвращаясь на Кавказ в 1841 году, поэт всё ещё собирался «...заслуживать себе на Кавказе отставку...». В последних письмах бабушке от 9—10 мая и 28 июня 1841 года опять задаётся вопрос: «выпустят ли» в отставку? Не выпустили.

По пути к месту назначения поэт остановился в Пятигорске и получил там разрешение задержаться для лечения. Результатом нелепой ссоры с Н. Мартыновым стала дуэль, и 15 июля 1841 года Лермонтов был убит.

По С.Н. Малкову

Вопросы и задания

1. В каких жизненных ситуациях Лермонтов посещал Кавказ?
2. Что значил Кавказ для Лермонтова-офицера, Лермонтова-человека, Лермонтова-поэта?
3. Какие факты из военной службы Лермонтова на Кавказе показались вам наиболее важными для понимания его личности?
4. Почему царь не допустил награждения Лермонтова за его безупречную и героическую службу?

Возвращаясь к теме

Какие произведения, связанные с темой Кавказа, вы читали ранее?

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПОЭМЫ «МЦЫРИ»

К 1831 году относится намерение Лермонтова писать «записки молодого монаха 17 лет. С детства он в монастыре; кроме священных, книг не читал. Страстная душа томится. Идеалы...».

Возвратившись из кавказской ссылки, Лермонтов обратился к прежнему замыслу. Но, в отличие от первых опытов, новый материал — кавказский — стал неотъемлемым, органи-

А.П. Ермолов. *Литография.* Середина XIX в.

ческим элементом создаваемой поэмы. Действие её развивается в Грузии. Герой — молодой горец, взятый в шестилетнем возрасте в плен русским генералом (по свидетельству родственников поэта, он подразумевал при этом генерала А.П. Ермолова).

На обложке чернового автографа рукою Лермонтова написано: «1839 года Августа 5». В следующем году поэма была напечатана в книге «Стихотворения М. Лермонтова».

В черновом автографе поэма носила название «Бэри». К этому названию Лермонтов сделал сноску: «Бэри, по-грузински: монах». Но герой поэмы не монах — его только готовят в монахи. Слову «послушник» в грузинском языке соответствует слово «мцыри». Под этим заглавием произведение и было напечатано в сборнике 1840 года.

В окончательной редакции поэма заключает в себе двадцать шесть глав. Кроме двух вступительных, они представляют собой исповедь главного героя.

В качестве эпиграфа Лермонтов выбрал библейское изречение, которое означает: «Вкушая, я вкусил мало мёду, и вот я умираю». Этот эпиграф подчёркивает вольнолюбие Мцыри.

В первой строфе Лермонтов описал древний мцхетский собор Светицховели, где находятся могилы последних грузинских царей — Ираклия II и Георгия XII, при котором состоялось присоединение Грузии к Русскому царству.

Сцена битвы с барсом подсказана Лермонтову распространённой в Грузии старинной народной песней о тигре и юноше. В главе 10-й имеется отголосок грузинской легенды о богатыре Амирани, поверженном с небес и провалившемся в подземную бездну.

В мае 1840 года Лермонтов читал отрывок из «Мцыри» — бой с барсом — на именинах у Гоголя в Москве. «И читал, говорят, прекрасно», — передавал С.Т. Аксаков со слов гостей, присутствовавших в тот день на именинном обеде.

По И.Л. Андроникову

Обложка поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри».
Иллюстрации к поэме — художник Ф.Д. Константинов.
1956—1957 гг.

МЦЫРИ

Вкушая, вкусих мало мёда, и се аз умираю.
1-я Книга Царств

1

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;

Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертию забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручён своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.
И Божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов,
За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребёнка пленного он вёз.
Тот занемог, не перенёс
Трудов далёкого пути;
Он был, казалось, лет шести,
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нём мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасён.

Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещён святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Тёмный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нём
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днём приметно вял.
И близок стал его конец;
Тогда пришёл к нему чернец[1]
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришёл, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела

[1] *Черне́ц* — монах.

Немного пользы вам узнать, —
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Её пред небом и землёй
Я ныне громко признаю
И о прощеньи не молю.

4

Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов «отец» и «мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имён, —
Напрасно: звук их был рождён
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слёз,
В душе я клятву произнёс:

Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билося живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл: ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, — я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежею толпой,
Как братья в пляске круговой.

Я видел груды тёмных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простёрты в воздухе давно
Объятья каменные их,
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтися никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курилися, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залётных птиц из дальних стран!
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...

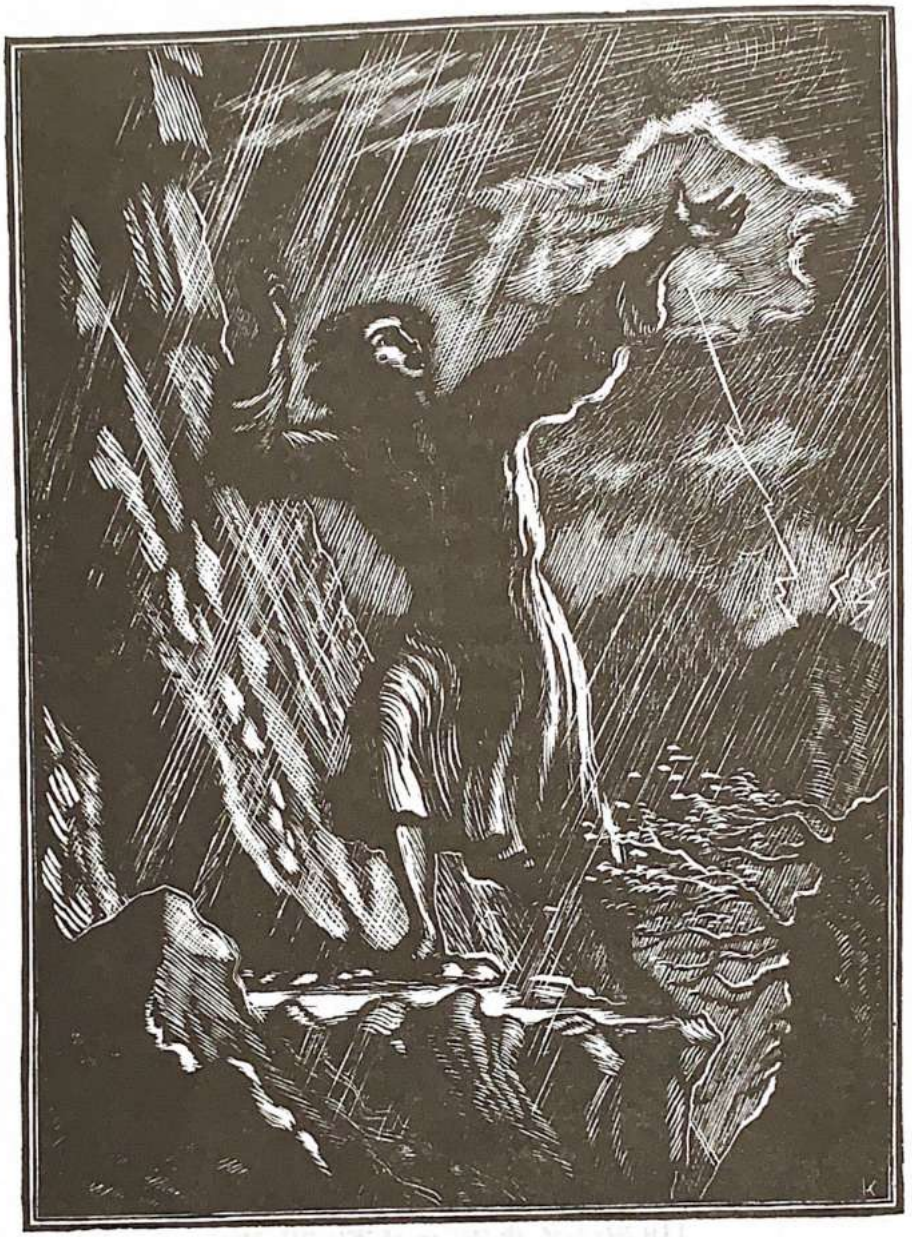
7

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;

И блеск оправленных ножон
Кинжалов длинных... и как сон
Всё это смутной чередой
Вдруг пробегало предо мной.
А мой отец? он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестёр...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток.
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождём
Волны касалися крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир ещё пышней.

8

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трёх блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,

Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

9

Бежал я долго — где, куда?
Не знаю! ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только! Много я часов
Бежал и, наконец, устав,
Прилёг между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж тёмным небом и землёй,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далёких гор;
Недвижим, молча я лежал,
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуёй блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

10

Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудою камней.
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок

Сырые шевельнул листы;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

11

Кругом меня цвёл Божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слёз,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серёг подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голосам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Всё, что я чувствовал тогда,
Те думы — им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно, опять.

В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полёт
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нём глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

12

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз — за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг — голос — лёгкий шум шагов.
Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал:
И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имён
Произносить был приучён.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настаёт,
Незримый дух её поёт.

13

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.

И беден был её наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры[1]
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь её; и зной
Дышал от уст её и щёк.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише, — но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь её полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилася опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, — мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

Трудами ночи изнурён,
Я лёг в тени. Отрадный сон

[1] *Чадра́* — лёгкое женское покрывало.

Сомкнул глаза невольно мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Как за добычею своей,
Объятья жадные раскрыв.
Мир тёмен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонёк
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну —
Пройти в родимую страну —
Имел в душе и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15

Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом:
Всё лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом чёрных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста...

Моя кружилась голова;
Я стал влезать на дерева;
Но даже на краю небес
Всё тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слёзы, слёзы потекли
В неё горючею росой...
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь тёмный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лёг,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нём
Шерсть отливалась серебром.

Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путём...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилёг,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертию грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надёжный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

18

Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Моё оружье... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,

Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рождён
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Ещё они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остаток сил,
Побрёл я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;

Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И всё зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на Божий свет,
При звучном ропоте дубрав
Блаженство вольности познав,
Унесть в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Ещё в сомненье погружён,
Я думал — это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине —
И тут всё ясно стало мне...
О! я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про лёгких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слёз, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь, в степи чужой,

Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдёт прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печально тронулась цветка,
И был он в сад перенесён,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч её обжёг
В тюрьме воспитанный цветок...

22

И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу:
Иссохший лист её венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнём
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир Божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжёлым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья

Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая жёлтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Бразда рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нём,
Тройным свивалася кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах.

23

И было всё на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать — передо мной
Всё закружилось с быстротой;
Хотел кричать — язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред.
Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лёд холодная струя,
Журча, вливалася мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть, —
Так было сладко, любо мне...

А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пёстрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуёй
Была покрыта золотой
Её спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор её зелёных глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Её сребристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.

Он говорил: «Дитя моё,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житьё
И холод и покой.

*

Я созову моих сестёр:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

*

Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

*

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою...»

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

Так я найдён и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовёт меж стен глухих
Вниманье скорбное ничьё
На имя тёмное моё.

25

Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожёг свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Даёт страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдёт себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и тёмных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенесть меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлёт,
Пришлёт с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отёр внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поёт
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

1840

М.Ю. Лермонтов.
Гравюра В.А. Фаворского.
Первый вариант портрета. 1931 г.

ПОРАЗМЫШЛЯЕМ О ПРОЧИТАННОМ

«Мцыри» — поэма с одним героем, бóльшая часть её представляет собой его страстную исповедь. Особенность характера Мцыри — органическое соединение строгой целеустремлённости, могучей силы, твёрдой воли с исключительной мягкостью, задушевностью, лиризмом, проявляющимся в его отношении к родимой стороне. Глубокая человечность — основа многостороннего характера Мцыри.

Сюжет и образы «Мцыри» конкретны, насколько это может быть в романтическом произведении, и символичны. Образ томящегося в неволе Мцыри реален и вместе с тем воплощает черты современного Лермонтову человека. Монастырь, ставший для Мцыри «тюрьмой» и «пленом», начинает осмысляться как символ всякого человеческого общества, в котором отсутствует свобода. В образе «родной стороны», неотступно преследовавшем Мцыри, воплощено символическое представление об идеале — о прекрасной, гармонической и пока ещё недоступной людям жизни.

В основе образа Мцыри — очень живое и убедительное сочетание силы и слабости. Это юноша гордый, дикий, с «могучим духом его отцов», бесстрашный и в то же время пугливый, хрупкий, болезненный, как «в тюрьме воспитанный цветок». Мцыри чужды эгоизм, любование собственным «я», жажда мести. Одиночество Мцыри вынужденное; мстить ему некому, так как он понимает, что никто в отдельности в его трагедии не виноват. Мцыри доступны поэзия жизни и природы. Он полон непреклонной воли и стремления найти свою потерянную родину. Эта близость Мцыри к патриархальному духу своих отцов, «детскость» ставят его в один ряд с популярными в романтической литературе образами «естественного человека», явившегося предшественником и отчасти прообразом человека из народа.

Трагически бесплодные результаты борьбы, которую ведёт Мцыри, и ожидающая его гибель не лишают поэму жизнеутверждающего героического смысла. Мцыри ни на минуту не отступает от своей путеводной идеи, борется, пока может бороться, и перед смертью продолжает думать о своей вольной родине. Пафос бытия и свободы пронизывает художественную ткань произведения и просветляет его трагический лиризм.

«Мцыри». Иллюстрация к поэме.
Художник В.Д. Константинов. 1956—1957 гг.

Образы природы введены в сюжет поэмы как действующие лица. Они наделены огромной силой внутренней жизни, праздничнo приподняты, углублены и расширены авторской мыслью. Такое смысловое значение имеет и стиховая система «Мцыри». Смежные мужские рифмы, в которых ещё М.В. Ломоносов находил «бодрость и силу», укрепляют энергичную и мужественную тональность произведения.

Художественная идея поэмы — в утверждении активного, деятельного отношения к жизни, полноты её, достигаемой в борьбе за свободу, в верности идеалу свободы даже в трагических условиях поражения.

По Д.Е. Максимову

Вопросы и задания

1. Расскажите о творческой истории поэмы «Мцыри».
2. Какой предстаёт в воображении Мцыри его родина и какие чувства она в нём пробуждает?
3*. Какова композиционная роль образа чернеца?
4. На что обращает внимание Мцыри в окружающей его природе?
5. Какие грани личности Мцыри раскрываются в его встрече с молодой грузинкой и бое с барсом? Чтобы более наглядно представить ситуацию и прийти к обоснованным выводам, в две колонки запишите ключевые слова (по каждому эпизоду отдельно).
6. Какими средствами художественной выразительности передано напряжение боя? Выпишите наиболее экспрессивно окрашенные слова и предложения.

Экспрессия — выразительность; сила проявления каких-либо чувств, переживаний и т.п.

7. Найдите и приведите примеры других форм выразительности поэтической речи: интонации в конце предложения, сравнений, эпитетов и прочих тропов, поэтического синтаксиса.
8. Важнейшим средством, с помощью которого раскрывается характер героя поэмы, является монолог. Определите значение этого термина.
9. Найдите и прочитайте строки поэмы, которые особенно ярко свидетельствуют о страстном, мятежном характере юного героя.
10*. Какое место в структуре произведения занимает «песня рыбки»? Охарактеризуйте её звукопись (в понятие «звукопись» входят ассонанс, аллитерация, звукоподражание).
11. Какие стороны жизни человека характеризуются М.Ю. Лермонтовым в его высказываниях:
— «Радости забываются, а печали никогда».
— «Грусть — жестокий властелин».
— «Совесть вернее памяти».
— «Уважение имеет границы, а любовь — никаких».
— «Любовь, как огонь, — без пищи гаснет».
— «Всё ясно ревности — а доказательств нет!»
— «Многие спокойные реки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря. Но это спокойствие часто признак великой, хотя скрытой силы: полнота и глубина чувств и мыслей не допускает бешеных порывов».

— «Порой обманчива бывает седина: так мхом покрытая бутылка вековая хранит струю кипучую вина».
— «Жизнь — вечность, смерть — лишь миг».
— «Боюсь не смерти я. О, нет! Боюсь исчезнуть совершенно».

12. Прочитайте определения понятий «тема» и «идея», данные в разное время различными авторами.

Тема — предложенье, положенье, задача, о коей рассуждается или которую разъясняют.

В.И. Даль

Тема — предмет повествования, изображения, исследования.

А.П. Евгеньева

Тема — то, что положено в основу, главная мысль литературного произведения, основная проблема, поставленная в нём писателем.

Г.Л. Абрамович

Тема — круг событий, образующих жизненную основу эпического или драматургического произведения и одновременно служащих для постановки философских, социальных и других... проблем.

В.И. Масловский

Идея — понятие о вещи; умопонятие, представленье, воображенье о предмете; умственное воображенье.

В.И. Даль

Идея — основная, главная мысль чего-либо.

А.П. Евгеньева

Идея художественная — обобщающая, эмоциональная, образная мысль, лежащая в основе содержания произведения искусства.

Г.Н. Поспелов

Сопоставьте эти определения темы и идеи художественного произведения. На основании этого попытайтесь дать оптимальную, на ваш взгляд, формулировку.

13. Определите тему и идею поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри». Найдите в поэме строки, в которых с наибольшей полнотой раскрывается её художественная идея.

14*. Какие произведения других видов искусства можно сопоставить с поэмой «Мцыри»?

15. Известны ли вам иллюстрации к поэме? Кто их автор?

Возвращаясь к теме

Какие факты биографии поэта нашли отражение в изученных вами ранее стихотворениях и поэме «Мцыри»?

Исследовательский проект

Сопоставьте поэму «Мцыри» с лирическими стихотворениями М.Ю. Лермонтова (например, такими, как «Парус», «Узник», «Пленный рыцарь» и др.).

ТЕМЫ ДЛЯ РЕФЕРАТОВ, СООБЩЕНИЙ, СОЧИНЕНИЙ

1. Лермонтов на Кавказе.

2. Роль вступления и эпиграфа в поэме «Мцыри».

3. «Мцыри» — поэма русского романтизма.

4. Чем близок мне герой поэмы М.Ю. Лермонтова?

5. Тема свободы в поэме «Мцыри».

После уроков

1. Выучите наизусть одну из глав поэмы. Подготовьтесь к выступлению на конкурсе чтецов.

2. Подготовьте и проведите вечер на тему «М.Ю. Лермонтов — художник».

Для вас, любознательные

Предлагаем вам один из сюжетов для дискуссии на тему «Искусство и действительность». Этот материал посвящён картине М.Ю. Лермонтова «Эльбрус на восходе солнца».

ОТ НАТУРЫ К ОБРАЗЦУ

«Да, строить полотно по эскизам — приём довольно обычный. Нас же интересует, как Лермонтов их использовал.

Взяв за основу реальность, он не только сконцентрировал её черты. Он отбросил всё, что не соответствовало образу. Степь — вот что такое вершина Большого Бермамыта. „Дорога в степь" — названы на военных картах 30-х годов XIX века пути, ведущие на плоскогорье. И, право, если бы не глубокие балки и не жуткие обрывы, которые завершают плато Скалистого хребта к югу, оно ничем бы не отличалось от равнин Пятигорья.

Но разве романтический Кавказ — это степь? И Лермонтов попросту „отрезает" её, показав самый край плато, его страшные утёсы. Одновременно художник добавляет желательное. При этом мы не можем упрекнуть его: такого не бывает! Он резонно возразит: бывает! — указав на реальную деталь пейзажа в окрестностях.

Но, пожалуй, особенно показательна метаморфоза Эльбруса. Поскольку основные элементы взяты с Бермамыта, мы вынуждены согласиться, что заснеженный гигант на полотне — дей-

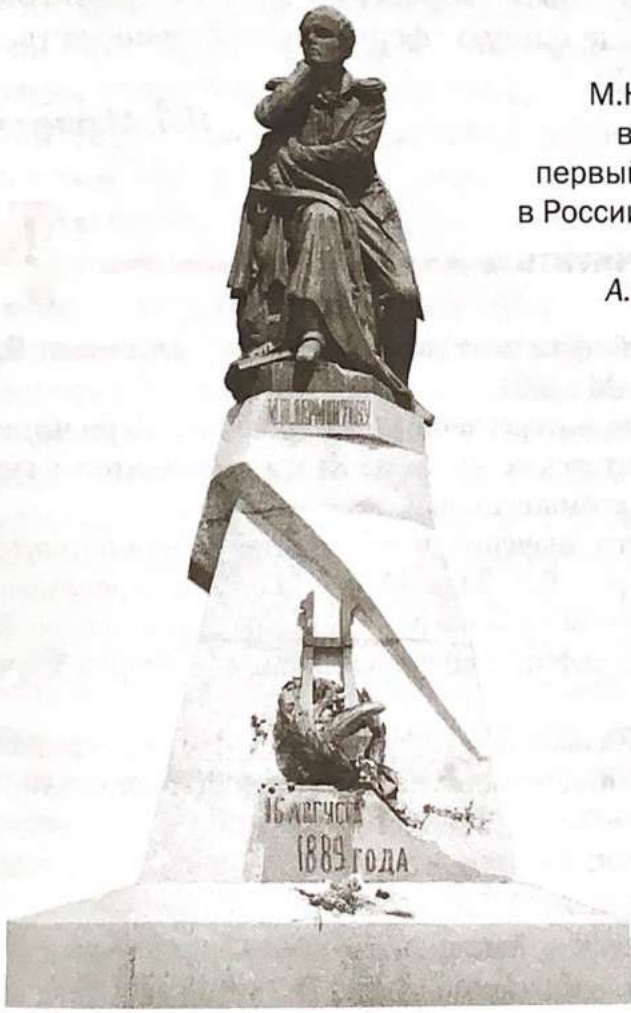
Эльбрус на восходе солнца.
Картина М.Ю. Лермонтова. 1837—1838 гг.

ствительно Эльбрус. Но подчеркнём — особый, лермонтовский, как и всё остальное.

Эльбрус — естественный ориентир в любой точке плоскогорья — меняет своё положение относительно ближних гор в зависимости от перемещения наблюдателя. Лихой наездник, который проносится из края в край многокилометрового плато, то спускаясь в котловины, то взбираясь на вершины, обнаруживает эту изменчивость в первую очередь.

Такова объективная предпосылка. Ну а цель художника?..

Чтобы изобразить реальный вид с Большого Бермамыта, требовался сильно вытянутый по горизонтали холст. Ровная линия плато; параллельно ей — столообразная вершина ближней горы и длинная цепь истовых пиков; над степью — пологие склоны далёкого Эльбруса, который отсюда кажется сравни-

Памятник
М.Ю. Лермонтову
в Пятигорске,
первый из поставленных
в России памятников поэту.
Скульптор
А.М. Опекушин.
1889 г.

тельно невысоким. (Так впоследствии и построил своё полотно известный художник Н.А. Ярошенко, сохранив пропорции натуры.) Не ставя перед собой задачу сравнивать эти две работы, отметим лишь основное: Лермонтова-художника явно не удовлетворяли реальные пропорции пейзажа. Легендарная Шат-гора должна быть гораздо выше всего остального в картине! Она должна быть гораздо круче! Она должна производить впечатление величия и оправдывать своим видом всеобщее поклонение...

И Лермонтов решительно перемещает гору, разворачивает и увеличивает её, уравновешивает свет и тень на склонах. При этом становятся проще контуры, отбрасываются ненужные детали. Происходит преобразование мира объективного в субъективный, реального прототипа в художественный тип.

Остаётся ли неизменным творческий метод Лермонтова-пейзажиста при переходе в иную сферу художественного творчества — в сферу слова?»

Я.Л. Махлевич

Советуем прочитать

1. Вышеприведённый фрагмент взят из книги: *Махлевич Я.Л.* «И Эльборус на юге». М., 1991.
В ней есть ещё немало интереснейших материалов о Лермонтове-художнике и о лермонтовских местах на Кавказе. Найдите эту книгу в библиотеке и ознакомьтесь с ней.

2. Не потеряла своего значения и знаменитая «Лермонтовская энциклопедия» (под ред. В.А. Мануйлова. М., 1981, переиздана в 1999 г.), где в алфавитном порядке расположены статьи о произведениях поэта, его биографии и современниках, об истории изучения его творчества.

3. О жизни поэта на Кавказе вам расскажет сайт Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова: www.domiklermontova.ru.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ **ГОГОЛЬ** **1809—1852**

Интерес к театру у Николая Васильевича Гоголя не был случайным. Его отец, Василий Афанасьевич, был страстным театралом, сам писал комедии на украинском языке, ставил их на домашней сцене и сам же исполнял в них главные роли. Приехав в Петербург, Гоголь в письмах просил мать присылать ему комедии отца: «Здесь так занимает всё малороссийское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну из них поставить на здешний театр». Близко знаком был Гоголь и с украинским народным театром, так называемым «вертепом».

Актёрское дарование рано проявилось у будущего писателя. Ещё в ученические годы он участвовал в спектаклях, которые игрались в Нежинской гимназии; по рассказам, у него особенно хорошо получилась роль Простаковой из фонвизинского «Недоросля». Гоголь на всю жизнь сохранил почти физическое осязание особого запаха кулис и память о нервической суете перед первым выходом на сцену; он прочувствовал и оценил значение партнёрства на сцене, вкусил радость от общения со зрителями и испытал сладостно-томящее состояние от их аплодисментов, равно как глухую боль и разочарование, когда публика что-то не принимала. Ещё не берясь за перо, он знал цену краткой и точной реплике и характерному монологу, где каждое слово сочно и выверенно — тогда в нём можно всякий раз находить всё новые и новые сценические оттенки и решения. Он оценил язык сцены — прямой, безо всяких посредников разговор с публикой. И понял: здесь ничего не объяснишь, если не донесёшь до зрителя себя, свою любовь к роли, своё понимание характера. Более чем через полвека после Гоголя гениальный режиссёр К.С. Станиславский скажет замечательную фразу, ставшую афоризмом: «Театр начи-

Нежин. Гимназия высших наук князя Безбородко, в которой учился Н.В. Гоголь.
Литография П.Ф. Бореля. 1830 г.

нается с вешалки». Гоголь знал: театр начинается с афиши, с театральной тумбы, зовущей зрителя в театральную кассу, в зрительный зал. Театр продолжается, хотя он ещё не начался, удобным расположением в кресле, чтением программки, трепетным ожиданием, когда вот-вот распахнётся занавес, пьеса и актёры захватят тебя полностью, и ты уже не будешь принадлежать себе. Ты окажешься весь там — на сцене, в другом мире, с другими, ещё несколько минут назад совсем незнакомыми тебе людьми. Но это только тогда, когда автор пьесы, её актёры, режиссёр, оркестр, костюмеры и декораторы работают слаженно, создавая гармоничное целое. Гоголь рано понял: в театре нет мелочей. Всякое пренебрежение мелочью, деталью способно привести к провалу.

Может быть, именно это знание театра, законов драматургии привело многие его произведения («Вечера на хуторе близ Диканьки», повести «Нос», «Коляска», «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Вий», «Тарас Бульба», «Женитьба», «Ревизор», «Мёртвые души») не только к читателю, но и к зрителю — сначала в театр, на сцену, а с появлением кинематографа — на экран.

Н.В. Гоголь — гимназист.
Неизвестный художник. 1820-е гг.

Возвращаясь к теме

1. Расскажите о детстве Н.В. Гоголя. Используйте знания, полученные в 5–7 классах.

2. Охарактеризуйте тематику произведений Н.В. Гоголя на основании прочитанных вами повестей.

3. Какие события и факты из биографии Гоголя оказались впоследствии важными для его драматургической деятельности?

ДРАМА

Драма — столь же древний, как лирика и эпос, литературный род, пришедший к нам из Античности, из древнегреческого и древнеримского театра. В переводе с греческого «драма» означает «действие». Так принято называть литературные произведения, предназначенные для постановки на сцене.

Вы берёте в руки томик стихов или прозаическую книгу и напрямую, без посредников, общаетесь с автором, его героями. Пьеса, как правило, не создаётся для прочтения. Её прочтение для нас осуществляется на сцене, где посредники между

автором и зрителем (читателем) — актёры, режиссёр. Не случайно пьеса помимо творческой имеет ещё и сценическую историю.

В лирике всегда есть лирический сюжет, но часто нет основных элементов фабулы: завязки, кульминации, развязки. В драме фабульные элементы обязательны. Однако есть существенная особенность, касающаяся многоактных пьес. Представьте себе: началось, завязалось действие. Пьеса захватила вас, вы переживаете происходящее вместе с актёрами, иногда весь зрительский зал — как один человек. И вдруг зажигаются люстры, медленно смыкается занавес. Вы встаёте, «встряхиваетесь», отходите от впечатлений, идёте в фойе... Вы уже снова принадлежите сами себе. Но вот прозвучал третий звонок, и актёрам снова нужно «брать вас в плен». Поэтому, в отличие от эпического произведения, в драме помимо основных завязки, кульминации и развязки все эти фабульные элементы присутствуют в каждом акте.

В эпосе кроме событий, диалогов и монологов героев часто есть авторская речь, лирические отступления, характеристики. В них выражено авторское отношение к событиям, авторская позиция. В драме такой возможности у писателя нет. Единственное, что он может себе позволить, это в скобках дать ремарку — пояснение автора к тексту пьесы, касающееся обстановки, поведения актёров и т.д.

Одним из элементов фабулы является экспозиция. Иногда с неё начинается эпическое произведение. Возможна экспозиция и в лирическом произведении. Драматургический текст начинается со списка действующих лиц (афиши); прежде он именовался «действующие». Этот перечень не случаен, он — часть пьесы. Из него ещё до начала представления публика узнаёт о героях. Помогут в этом «говорящие» фамилии, пришедшие в театр благодаря классицизму (помните: Вральман, Цыфиркин, Кутейкин, Правдин, Скотинин в «Недоросле» Д.И. Фонвизина?). Зритель уже может поразмышлять над значением имени или фамилии персонажей; иногда в списке указывается род занятий, возраст.

Эпическое произведение часто состоит из глав. В драме их заменяют отдельные сцены. Они называются явлениями внутри действия (акта).

Драма — это общее название литературного рода. Жанрами драмы являются трагедия, комедия и собственно драма.

Вспомните определение понятий, необходимых при изучении любого драматургического текста, в том числе и комедии.

Комедия — один из основных видов драмы, в котором коллизия, действия и характеры трактованы в формах смешного или проникнуты комическим.

Коллизия — изображение жизненных конфликтов и борьбы в художественном произведении.

Конфликт — противоборство характеров, идей, настроений в художественном произведении.

Сюжет — ход событий, развитие действия в эпических и драматических произведениях.

Экспозиция — исходная часть сюжета литературного произведения, ситуация, логически и хронологически непосредственно предшествующая завязке, началу основного действия, конфликта.

Завязка — событие, определяющее начало действия, «завязывание» конфликта в литературном произведении.

Кульминация — высшая точка напряжения в развитии действия художественного произведения.

Развязка — исход событий, разрешение противоречий (конфликта) сюжета.

Вопросы и задания

1. Объясните значение слов, связанных с театральным представлением: *акт, декорации, костюмер, мизансцена, монолог, режиссёр, ремарка, реплика, явление.*

2. В чём своеобразие конфликта в драматургическом тексте?

3. Назовите жанры драмы. Приведите примеры произведений, относящихся к каждому из драматургических жанров.

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПЬЕСЫ «РЕВИЗОР»

Чтобы понять замысел Гоголя, прежде всего следует обратиться к важнейшей мысли, сформулированной им в статье 1847 года «Авторская исповедь»: «Я увидел, что в сочинениях моих смеюсь даром, напрасно, сам не зная зачем. Если смеяться, так уж лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеяния всеобщего. В „Ревизоре" я решился собрать в одну

А.С. Пушкин. *Неизвестный художник.* 1831 г. (слева).
Н.В. Гоголь. *Художник И.И. Жерен.* 1842 г.

кучу всё дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем. Но это, как известно, произвело потрясающее действие. Сквозь смех, который никогда ещё во мне не появлялся в такой силе, читатель услышал грусть. Я сам почувствовал, что смех мой не тот, какой был прежде».

Для Гоголя, высоко почитавшего гений Пушкина, всегда были важны пушкинские оценки и советы. И дело не в том, что тогда, когда Гоголь делал первые робкие шаги в литературе, Пушкин был в расцвете творческих сил и прижизненной славы. Дело в том, что Гоголь осознавал «простоту, величие и силу» творчества Пушкина, видел в нём не просто литератора, а самобытного и неповторимого национального русского писателя. Об этом Гоголь сказал в замечательной статье «Несколько слов о Пушкине». Начатая в 1832 году, она была напечатана в 1835 году. Смерть Пушкина Гоголь воспринял как свою личную трагедию. С этого времени чувство творческого одиночества не покидало писателя, усиливаясь с годами.

Гоголь утверждал, что сюжет «Ревизора» был подсказан ему Пушкиным. В письме от 7 октября 1835 года он обращался к Пушкину: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русский чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию». В «Авторской исповеди» Гоголь указывал: «Мысль „Ревизора" принадлежит... Пушкину».

Комедия была начата в октябре, а закончена 4 декабря 1835 года, меньше чем в два месяца. Весной 1836 года было опубликовано отдельное издание «Ревизора». Гоголь неоднократно перерабатывал текст. В 1841 году комедия вышла вторым изданием с некоторыми изменениями. И только в 1842 году «Ревизор» появился в окончательном виде. В этой редакции текст был значительно переработан (вранью Хлестакова придан вдохновенный гиперболический характер, переделана финальная сцена, вставлено обращение городничего к публике: «Чему смеётесь? — Над собою смеётесь!..» и т.д.). Текст последней редакции, печатавшийся во всех изданиях Гоголя, зазвучал со сцены только в 1870 году.

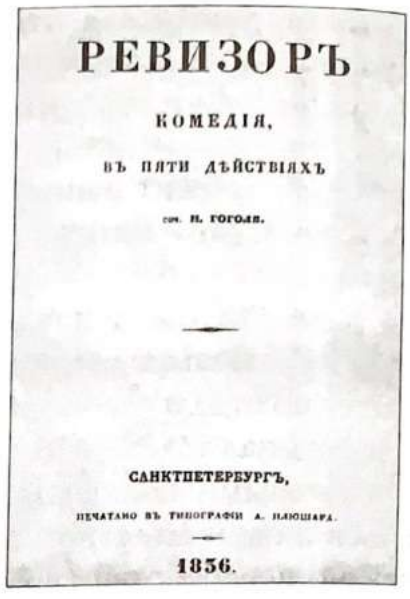
Для вас, любознательные

Не все исследователи «Ревизора» безоговорочно признают роль Пушкина в создании этой комедии. Вот как излагает эту проблему в книге «Гоголь» И.П. Золотусский: «Конечно, Пушкин мог вспомнить анекдот, записанный у него в дневнике, где речь идёт о некоем Криспине, который приезжает в губернию на ярмарку и которого принимают за важное лицо. Такой случай был со Свиньиным, и тот сам рассказал о нём Пушкину. Да и сам Пушкин попал однажды в подобную историю, когда во время путешествия в Нижний Новгород и Оренбург его приняли за человека, присланного ревизовать губернию.

Но к тому времени, когда Пушкин мог предложить этот сюжет Гоголю, существовала уже и комедия Квитки „Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе", где была обыграна точно такая же история. А в 1835 году в „Библиотеке для чтения", которую усердно читал Гоголь, появилась повесть А. Вельтмана „Провинциальные актёры", где опять-таки всё напоминало тот же сюжет. Актёр Зарецкий, не успевши переодеться в обычное платье, прибывает в уездный город в костюме маркиза Лафаста.

РЕВИЗОРЪ

КОМЕДІЯ,

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

СОЧ. Н. ГОГОЛЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ПЛЮШАРА.

1836.

«Ревизор». *Титульный лист первого издания комедии.* 1836 г.

Н.В. Гоголь. *Художник Горюнов.* 1835 г.

Будучи сильно пьян, он вываливается из брички на окраине города, и подобравшие его люди принимают его за настоящего генерала. К тому времени в городе ждут генерал-губернатора. Решив, что это он и есть, чиновники и обыватели приходят в ужас.

Прибытию Зарецкого предшествует описание именин в доме городничего. Песельники пожарной команды поют отцу города многие лета, а купцы преподносят его жене кулёчки для пополнения домашней экономии. В разгар торжества в комнаты врывается уездный казначей, который первым обнаружил Зарецкого, и объявляет, что генерал-губернатор уже в городе. Разражается паника. „В одно мгновение непроспавшаяся полицейская команда поставлена на ноги; письмоводитель с синим носом сел составлять рапорт о благосостоянии города и список колодников, содержащихся в остроге, другие побежали ловить на рынке подводы и рабочих людей для очищения улиц". Городской лекарь при мундире и шпаге является к всё ещё пьяному Зарецкому. Городничий, сопровождавший его, почтительно остаётся

НА АЛЕКСАНДРЫНСКОМЪ ТЕАТРѢ

Сего дня въ Воскресенье, 19 Апрѣля, Россійскими Придворными Актерами представлены будутъ

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ:

РЕВИЗОРЪ,

Оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Н. Гоголя

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, Городничій — Г-нъ Сосницкій
Анна Андреевна, жена его — Г-жа Сосницкая
Марья Антоновна, дочь его — Г-жа Асенкова м.
Лука Лукичъ Хлоповъ, Смотритель Училищъ — Г-нъ Хватовъ
Жена его — Г-жа Шелехова
Аммосъ Федоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, Судья — Г-нъ Григорьевъ 6
Артемій Филиповичъ Земляника, Попечитель Богоугодныхъ Заведеній — Г-нъ Толченовъ
Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ, Почтмейстеръ — Г-нъ Рославлевъ
Петръ Ивановичъ Добчинскій, Городскіе помѣщики — Г-нъ Крамской (воспит.)
Петръ Ивановичъ Бобчинскій, помѣщики — Г-нъ Петровъ (воспит.)
Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, Чиновникъ изъ Петербурга — Г-нъ Дюръ
Осипъ, слуга его — Г-нъ Аѳанасьевъ
Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лѣкарь — Г-нъ Долинскій
Федоръ Андреевичъ Люлюковъ, Г-нъ Горшковъ (воспит.)
Иванъ Лазаревичъ Растаковскій, Г-нъ Бекеръ 2
Степанъ Ивановичъ Коробкинъ, Г-нъ Байковъ
Жена Коробкина — Г-жа Передурова
Игнатій Ильичъ Уховертовъ, Частный Приставъ — Г-нъ Григорьевъ м.
Свистуновъ, Г-нъ Дубровинъ
Пуговицынъ, Г-нъ Чайкевъ
Держиморда, Г-нъ Аѳанасьевъ (воспит.)
Обдулинъ, купецъ — Г-нъ Сосновскій
Февронья Петровна Пашлепкина, слесарша — Г-жа Гуссева
Мишка, слуга Городничаго — Г-нъ Мареоцкій (воспит.)
Слуга въ трактирѣ — Г-нъ Крапошинъ
Жандармъ — Г-нъ Мальчиковъ

Гости и гостьи, купцы, мѣщане и просители.

«Ревизор». *Афиша первого представления пьесы в Петербурге.* 1836 г.

Портрет Н.В. Гоголя на репетиции пьесы «Ревизор» в Александринском театре. *Рисунок П.А. Каратыгина.* 1836 г.

у двери. Не понимая, что вокруг происходит, Зарецкий сыплет монологами из пьесы „Добродетельная преступница, или Преступник от любви". Поскольку имена действующих лиц пьесы и имена присутствующих совпадают, это производит ошеломляющий эффект. Все поражены, что „генерал-губернатор" знает каждого в лицо. Возвышенный тон его речей, их обличительные и неистовые интонации приводят всех в трепет. И лишь разоблачение мнимого генерал-губернатора, связанное с приездом в город остальных актёров, спасает положение.

Зарецкого в его костюме с фольговыми звёздами везут в сумасшедший дом. Он сидит там на кровати и декламирует, то „воображая себя честолюбцем Фиеско", то „маркизом Лафастом". Несчастный пьяница, принятый за значительное лицо, а затем за бунтовщика, и вправду сходит с ума. Отныне его сцена — камера в жёлтом доме, а зрители — сумасшедшие. Они „забывают свою манию... и... внимательно, безмолвно, разинув рот, дивятся исступлённому искусству Зарецкого".

Пусть почтенная публика, что называется, судит, где и у кого Гоголь почерпнул сюжет для комедии. Была ли это мысль Пушкина, так счастливо обыгранная им, переделка и преображение уже прочитанного и услышанного, или сама действительность подбросила Гоголю этот „русский анекдот".

Ситуация, описанная Квиткой и Вельтманом, содержащаяся в сюжете Пушкина, повторялась ежечасно на русских дорогах, в уездных и губернских городах, а также в самой столице, где перед появлением ревизора из ревизоров — императора — всё приходило в блеск и трепет».

СЦЕНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПЬЕСЫ

«Ревизор» был отправлен в III Отделение 27 февраля 1836 года для разрешения к представлению. Получена резолюция 2 марта: «Одобряется к представлению». Цензор Ольдекоп как будто не читал комедии. Он написал спешно: «Пьеса не заключает в себе ничего предосудительного». «Ревизор» был разрешён к печати 13 марта, а 19 апреля 1836 года его смотрели в Петербурге в Александринском театре, 23 мая 1836 года — в Москве в Малом театре. Городничего играл в Петербурге И.И. Сосницкий, в Москве — М.С. Щепкин. Петербургской постановкой Гоголь остался недоволен.

В статье «Предуведомление для тех, которые пожелали бы сыграть как следует „Ревизора"» автор давал следующие наставления актёрам: «Больше всего надобно опасаться, чтобы не впасть в карикатуру. Ничего не должно быть преувеличенного или тривиального даже в последних ролях. Напротив, нужно особенно стараться актёру быть скромней, проще и как бы благородней, чем как в самом деле есть то лицо, которое представляется. Чем меньше будет думать актёр о том, чтобы смешить и быть смешным, тем более обнаружится смешное взятой им роли. Смешное обнаружится само собою именно в той сурьёзности, с какою занято своим делом каждое из лиц, выводимых в комедии. Все они заняты хлопотливо, суетливо, даже жарко своим делом, как бы важнейшею задачею своей жизни. Зрителю только со стороны виден пустяк их заботы. Но сами они совсем не шутят и уж никак не думают о том, что над ними кто-нибудь смеётся. Умный актёр, прежде чем схватить мелкие причуды и мелкие особенности внешние доставшегося ему лица, должен стараться поймать *общече-*

ловеческое выражение роли. Должен рассмотреть, зачем призвана эта роль; должен рассмотреть главную и преимущественную заботу каждого лица, на которую издерживается жизнь его, которая составляет постоянный предмет мыслей, вечный гвоздь, сидящий в голове. Поймавши эту главную заботу выведенного лица, актёр должен в такой силе исполниться ею сам, чтобы мысли и стремления взятого им лица и как бы усвоились ему самому и пребывали бы в голове его неотлучно во всё время представления пьесы. О частных сценах и мелочах он не должен много заботиться. Они выйдут сами собою удачно и ловко, если только он не выбросит ни на минуту из головы этого гвоздя, который засел в голову его героя. Все эти частности и разные мелкие принадлежности, которыми так счастливо умеет пользоваться даже и такой актёр, который умеет дразнить и схватывать походку и движенье, но не создавать целиком роли, — суть не более как краски, которые нужно класть уже тогда, когда рисунок сочинён и сделан верно. Они — платье и тело роли, а не душа её. Итак, прежде следует схватить именно эту душу роли, а не платье её».

Комедия Гоголя вызвала в обществе самые противоречивые оценки. Многие смеялись, видя в «Ревизоре» не более как забавный фарс. В числе смеявшихся был и император Николай I, воскликнувший: «Ну, пьеска! Всем досталось, а мне больше всех». Большинство чиновников, присутствовавших на представлениях, угадывало серьёзный разоблачительный смысл комедии. «Комедия была признана многими либеральным заявлением, — писал князь П.А. Вяземский, — вроде, например, комедии Бомарше „Севильский цирюльник", признана за какой-то политический брандскугель[1], брошенный в общество под видом комедии... Одни приветствовали её, радовались ей как смелому, хотя и прикрытому, нападению на предержащие власти. По их мнению, Гоголь, выбрав полем битвы свой уездный городок, метил выше... С этой точки зрения другие, разумеется, смотрели на комедию как на государственное покушение: были им взволнованы, напуганы и в несчастном или счастливом комике видели едва ли не опасного бунтовщика». Гоголь писал М.С. Щепкину 29 апреля 1836 года: «Действие, произведённое ею [комедией], было большое и шумное. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так гово-

[1] *Брандску́гель* — зажигательный снаряд корабельной артиллерии.

рить о служащих людях. Полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня. Бранят и ходят на пьесу; на четвёртое представление нельзя достать билетов. <...> Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сцене, и уже находились люди, хлопотавшие о запрещении её. Теперь я вижу, что значит быть комическим писателем».

Правда, сказанная Гоголем, поднялась до высокого обобщения. Этого Гоголю чиновничье племя простить не могло. Его начали обвинять в сокрушении устоев общества — ведь именно основателями устоев считали себя персонажи комедии и тысячи их прототипов. «Сказать о плуте, что он плут, считается у нас подрывом государственной машины; сказать какую-нибудь только живую и верную черту — значит, в переводе, опозорить всё сословие и вооружить против него других или его подчинённых», — с болью отмечал Гоголь. Он очень точно сформулировал мысль о положении писателя-сатирика в России: «Грустно, когда видишь, в каком ещё жалком состоянии находится у нас писатель. Всё против него, и нет никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. „Он зажигатель! Он бунтовщик!" И кто же говорит? Это говорят люди государственные, люди, выслужившиеся, опытные люди, которые должны бы иметь сколько-нибудь ума, чтоб понять дело в настоящем виде, люди, которые считаются образованными и которых свет, по крайней мере русский свет, называет образованными. Выведены на сцену плуты, и все в ожесточении, зачем выводить на сцену плутов».

Вопросы и задания

1*. Прочитайте статьи учебника и другие доступные вам материалы о комедии «Ревизор». Подготовьте сообщение о творческой и сценической истории комедии.

2. Почему комедия Гоголя была воспринята чиновничьим миром и всеми ревнителями сословных порядков резко отрицательно? Какое обоснование для этого даёт сам писатель?

Живое слово

Посмотрите одну из современных театральных постановок пьесы и напишите на неё рецензию.

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.
Народная пословица

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий[1].

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукич Хлопов, смотритель[2] училищ.

Жена его.

Аммос Фёдорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Артемий Филиппович Земляника, попечитель[3] богоугодных заведений[4].

Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер[5].

Пётр Иванович Бобчинский
Пётр Иванович Добчинский } городские помещики.

Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.

Осип, слуга его.

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.

Фёдор Андреевич Люлюков
Иван Лазаревич Растаковский
Степан Иванович Коробкин } отставные чиновники, почтенные лица в городе.

---

[1] *Городни́чий* — начальник уездного города (должность, существовавшая до середины XIX в.).

[2] *Смотри́тель* — должностное лицо, которому поручался надзор за каким-нибудь учреждением.

[3] *Попечи́тель* — должностное лицо, руководившее сетью учреждений какого-нибудь ведомства на местах.

[4] *Богоугодные заведения* — больницы, приюты, дома для престарелых (создавались частными лицами, чтобы «угодить Богу»).

[5] *Почтме́йстер* — начальник почтовой конторы (ведал пересылкой почты и перевозкой пассажиров).

Степан Ильич Уховёртов, частный пристав[1].
Свистунов
Пуговицын } полицейские.
Держиморда
Абдулин, купец.
Февронья Петровна Пошлёпкина, слесарша.
Жена унтер-офицера.
Мишка, слуга городничего.
Слуга трактирный.
Гости и гостьи, купцы, мещане, просители.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ

Замечания для господ актёров.

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведёт себя очень солидно; довольно серьёзен, несколько даже резонёр[2]; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жёстки, как у всякого начавшего тяжёлую службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от низости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своём мундире с петлицами и в ботфортах со шпорами. Волоса на нём стриженые, с проседью.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, ещё не совсем пожилых лет, воспитанная вполовину на романах и альбомах, вполовину на хлопотах в своей кладовой и девичьей. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берёт иногда власть над мужем потому только, что он не находится, что отвечать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоит в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек лет двадцати трёх, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голо-

---

[1] *Частный при́став* — полицейский чиновник, в ведении которого находилась одна из частей города.

[2] *Резонёр* — человек, любящий вести пространные рассуждения нравоучительного характера.

ве, — один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит серьёзно, смотрит несколько вниз, резонёр и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с барином принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина и потому скорее догадывается, но не любит много говорить и молча плут. Костюм его — серый или синий поношенный сюртук.

Бобчинский и Добчинский, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные; чрезвычайно похожи друг на друга; оба с небольшими брюшками, оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше и серьёзнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки и потому каждому слову своему даёт вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своём значительную мину. Говорит басом, с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом, как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земляника, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всём том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы их всегда почти находятся перед глазами.

Господа актёры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесённое слово должно произвесть электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг. Звук изумления должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения этих замечаний может исчезнуть весь эффект.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в доме городничего.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие. К нам едет ревизор.

Аммос Фёдорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито[1]. И ещё с секретным предписаньем.

Аммос Фёдорович. Вот те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи Боже! ещё и с секретным предписаньем!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: чёрные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель» (*бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами*)... «и уведомить тебя». А! вот! «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (*значительно поднимает палец вверх*). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывёт в руки...» (*остановясь*), ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живёт где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дня я...» Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кирилловна приехала к нам с своим мужем, Иван Кириллович очень потолстел и всё играет на скрыпке...» — и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство.

---

[1] *Инко́гнито* — тайно.

Аммос Фёдорович. Да, обстоятельство такое необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! (*Вздохнув.*) До сих пор, благодарение Богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Фёдорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эк куда хватили! Ещё и умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Фёдорович. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром, что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предуведомил. Смотрите, по своей части я кое-какие распоряжения сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения — и потому вы сделайте так, чтобы всё было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артемий Филиппович. Ну, это ещё ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по-латыни или на другом каком языке... это уж по вашей части, Христиан Иванович, — всякую болезнь, когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдёшь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или к неискусству врача.

Артемий Филиппович. О! Насчёт врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше; лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрёт, он и так умрёт; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издаёт звук, отчасти похожий на букву и *и* несколько на *е*.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Фёдорович, обратить внимание на присутственные места[1]. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусёнками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводиться всякому похвально, и почему ж сторожу и не завесть его? только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но всё как-то позабывал.

Аммос Фёдорович. А я вот их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь, и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник[2]. Я знаю, вы любите охоту, но всё на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, — это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечён. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах. Можно ему посоветовать есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издаёт тот же звук.

Аммос Фёдорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдаёт немного водкою.

Городничий. Да я так только заметил вам. Насчёт же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить. Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено, и волтерианцы напрасно против этого говорят.

---

[1] *Присутственное место* — казённое учреждение. Здесь: уездный суд.

[2] *Ара́пник* — ременной кнут.

Аммос Фёдорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками или чем другим — всё взятки.

Аммос Фёдорович. Ну, нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

Городничий. Ну, а что из того, что вы берёте взятки борзыми щенками? Зато вы в Бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я по крайней мере в вере твёрд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнёте говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Фёдорович. Да ведь сам собою дошёл, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам Бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, так, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчёт учителей. Они люди, конечно, учёные и воспитывались в разных коллегиях[1], но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с учёным званием. Один из них, например вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись без того, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак (*делает гримасу*), и потом начнёт рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно ещё ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить, но вы посудите сами, если он сделает это посетителю — это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счёт. Из этого чёрт знает что может произойти.

Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот ещё на днях, когда зашёл было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда ещё не видывал. Он-то её сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству?

---

[1] *Колле́гия* — здесь: высшее учебное заведение.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он учёная голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — ещё ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и, что силы есть, хвать стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал... Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничий. Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек — или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи Бог служить по учёной части, всего боишься. Всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы ещё ничего. Инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?» — «Ляпкин-Тяпкин». — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» — «Земляника». — «А подать сюда Землянику!» Вот что худо!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и почтмейстер.

Почтмейстер. Объясните, господа, какой чиновник едет.

Городничий. А вы разве не слышали?

Почтмейстер. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

Аммос Фёдорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это всё француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то не будет войны с турками.

Городничий. Ну что же, как вы, Иван Кузьмич?

Почтмейстер. Да что я? Как вы, Антон Антонович?

Городничий. Да что я? Страху-то нет, а так, немножко... Купечество да гражданство[1] меня смущает. Говорят, что я им солоно пришёлся, а я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти. Я даже думаю (*берёт его под руку и отводит в сторону*), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же, в самом деле, к нам ревизор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нём какого-нибудь донесения или просто переписки? Если же нет, можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение: иное письмо с наслажденьем прочтёшь: так описываются разные пассажи[2]... а назидательность какая... Лучше, чем в «Московских ведомостях»[3]!

Городничий. Ну что ж, скажите: ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

Почтмейстер. Нет, о петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем. Есть прекрасные места. Вот недавно один поручик пишет к приятелю, и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый друг, течёт, говорит, в эмпиреях[4]: барышень много, музыка играет, штандарт[5] скачет...» С большим, с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите прочту?

Городничий. Ну, теперь не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадётся жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

---

[1] *Гражданство* — население (*устар.*).

[2] *Пассáж* — случай, происшествие.

[3] *«Московские ведомости»* — газета, издававшаяся Московским университетом.

[4] *Эмпирéй* — в древнегреческой мифологии — самая высокая часть неба, местопребывание богов. В эмпиреях — в блаженстве.

[5] *Штандáрт* — военное знамя (*устар.*). Здесь имеется в виду юнкер (унтер-офицер из дворян), носивший знамя.

Аммос Фёдорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если б вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Аммос Фёдорович. Да, нехорошее дело заварилось! А я, признаюсь, шёл было к вам, Антон Антонович, с тем, чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и у другого.

Городничий. Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждёшь, что вот отворится дверь и — шасть...

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Добчинский и Бобчинский, оба входят запыхавшись.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Неожиданное известие!

Все. Что? что такое?

Добчинский. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу...

Бобчинский *(перебивая)*. Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу...

Добчинский (*перебивая*). Э, позвольте же, Пётр Иванович, я расскажу.

Бобчинский. Э, нет, позвольте уж я... позвольте, позвольте... вы уж и слога такого не имеете...

Добчинский. А вы собьётесь и не припомните всего.

Бобчинский. Припомню, ей-богу, припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу, не мешайте! Скажите, господа, сделайте милость, чтоб Пётр Иванович не мешал.

Городничий. Да говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Пётр Иванович, вот вам стул!

Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.

Ну, что, что такое?

Бобчинский и Добчинский.
Художник П.М. Боклевский. 1890-е гг.

Бобчинский. Позвольте, позвольте; я всё по порядку. Как только имел я удовольствие выйти от вас после того, как вы изволили смутиться полученным письмом, да-с, — так я тогда же забежал... уж, пожалуйста, не перебивайте, Пётр Иванович! Я уж всё, всё, всё знаю-с. Так я, вот изволите видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашёл вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем...

Добчинский (*перебивая*). Возле будки, где продаются пироги.

Бобчинский. Возле будки, где продаются пироги. Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему: «Слышали ли вы о новости-та, которую получил Антон Антонович из достоверного письма?» А Пётр Иванович уже услыхали об этом от ключницы вашей Авдотьи, которая не знаю за чем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву...

Добчинский (*перебивая*). За бочонком для французской водки.

Бобчинский (*отводя его руки*). За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву... Уж вы, Пётр Иванович... энтого... не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли к Почечуеву, да на дороге Пётр Иванович говорит: «Зайдём, говорит, в трактир. В желудке-то у меня... с утра я ничего не ел, так желудочное трясение...» — да-с, в желудке-то у Петра Ивановича. «А в трактир, говорит, привезли теперь свежей сёмги, так мы закусим». Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек...

Добчинский (*перебивая*). Недурной наружности, в партикулярном[1] платье...

Бобчинский. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит эдак по комнате, и в лице эдакое рассуждение... физиономия... поступки, и здесь (*вертит рукою около лба*) много, много всего. Я будто предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: «Здесь что-нибудь неспроста-с». Да. А Пётр-то Иванович уж мигнули пальцем и подозвали трактирщика-с, трактирщика Власа; у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкий мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир. Подозвавши Власа, Пётр Иванович и спроси его потихоньку: «Кто, говорит, этот молодой человек?» — а Влас и отвечай на это: «Это», — говорит... Э, не перебивайте, Пётр Иванович, пожалуйста, не перебивайте. Вы не расскажете, ей-богу не расскажете! вы пришепётываете: у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом... «Это, говорит, молодой человек, чиновник, — да-с, — едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует: другую уж неделю живёт, из трактира не едет, забирает всё на счёт и ни копейки не хочет платить». Как сказал он мне это, а меня тут вот свыше и вразумило... «Э!» — говорю я Петру Ивановичу...

Добчинский. Нет, Пётр Иванович, это я сказал: «Э!»

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э! — сказали мы с Петром Ивановичем. — А с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит в Саратовскую губернию?» Да-с. А вот он-то и есть этот чиновник.

---

[1] *Партикуля́рный* — штатский, невоенный.

Городничий. Кто, какой чиновник?

Бобчинский. Чиновник-та, о котором изволили получить нотицию[1], — ревизор.

Городничий (*в страхе*). Что вы, Господь с вами! это не он.

Добчинский. Он! и денег не платит, и не едет. Кому же б быть, как не ему? И подорожная прописана в Саратов.

Бобчинский. Он, он, ей-богу он... Такой наблюдательный: всё обсмотрел. Увидел, что мы с Петром-то Ивановичем ели сёмгу, — больше потому, что Пётр Иванович насчёт своего желудка... да, так он и в тарелки к нам заглянул. Меня так и проняло страхом.

Городничий. Господи, помилуй нас, грешных! Где же он там живёт?

Добчинский. В пятом номере, под лестницей.

Бобчинский. В том самом номере, где прошлого года подрались проезжие офицеры.

Городничий. И давно он здесь?

Добчинский. А недели две уж. Приехал на Василья Египтянина[2].

Городничий. Две недели! (*В сторону.*) Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! В эти две недели высечена унтер-офицерская жена[3]! Арестантам не выдавали провизии! На улицах кабак, нечистота! Позор! поношенье! (*Хватается за голову.*)

Артемий Филиппович. Что ж, Антон Антонович? — ехать парадом в гостиницу.

Аммос Фёдорович. Нет, нет! Вперёд пустить голову, духовенство, купечество; вот и в книге «Деяния Иоанна Масона»[4]...

Городничий. Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, ещё даже и спасибо получал; авось Бог вынесет и теперь. (*Обращаясь к Бобчинскому.*) Вы говорите, он молодой человек?

Бобчинский. Молодой, лет двадцати трёх или четырёх с небольшим.

---

[1] *Нотúция* — письменное извещение.

[2] *Василий Египтянин* — имя выдуманного Гоголем святого. Праздники святых приходились на определённые дни года, и потому употребление имён святых нередко имело календарное значение.

[3] Телесные наказания жён унтер-офицеров были запрещены.

[4] *Иоанн Масóн* — английский религиозный писатель.

Городничий. Тем лучше: молодого скорее пронюхаешь. Беда, если старый чёрт, а молодой весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам, или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно для прогулки, наведаться, не терпят ли проезжающие неприятностей. Эй, Свистунов!

Свистунов. Что угодно?

Городничий. Ступай сейчас за частным приставом; или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно поскорее ко мне частного пристава, и приходи сюда.

Квартальный бежит впопыхах.

Артемий Филиппович. Идём, идём, Аммос Фёдорович! В самом деле может случиться беда.

Аммос Фёдорович. Да вам чего бояться? Колпаки чистые надел на больных, да и концы в воду.

Артемий Филиппович. Какое колпаки! Больным велено габерсуп[1] давать, а у меня по всем коридорам несёт такая капуста, что береги только нос.

Аммос Фёдорович. А я на этот счёт спокоен. В самом деле, кто зайдёт в уездный суд? А если и заглянет в какую-нибудь бумагу, так он жизни не будет рад. Я вот уже пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку — а! только рукой махну. Сам Соломон[2] не разрешит, что в ней правда, а что неправда.

Судья, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ и почтмейстер уходят и в дверях сталкиваются с возвращающимся квартальным.

ЯВЛЕНИЕ IV

Городничий, Бобчинский, Добчинский и квартальный.

Городничий. Что, дрожки там стоят?

Квартальный. Стоят.

Городничий. Ступай на улицу... или нет, постой! Ступай принеси... Да другие-то где? неужели ты только один? Ведь я приказывал, чтоб и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

---

[1] *Габерсу́п* — овсяный суп.

[2] *Соломо́н* — иудейский царь, отличавшийся, по библейским преданиям, особой мудростью.

Квартальный. Прохоров в частном доме[1], да только к делу не может быть употреблён.

Городничий. Как так?

Квартальный. Да так: привезли его поутру мертвецки. Вот уже два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Городничий (*хватаясь за голову*). Ах, Боже мой, Боже мой! Ступай скорее на улицу! или нет — беги прежде в комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Пётр Иванович, поедем!

Бобчинский. И я, и я... позвольте и мне, Антон Антонович!

Городничий. Нет, нет, Пётр Иванович, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожках не поместимся.

Бобчинский. Ничего, ничего, я так: петушком, петушком побегу за дрожками. Мне бы только немножко в щёлочку-та, в дверь этак посмотреть, как у него эти поступки...

Городничий (*принимая шпагу, к квартальному*). Беги сейчас, возьми десятских, да пусть каждый из них возьмёт... Эк шпага как исцарапалась! Проклятый купчишка Абдулин — видит, что у городничего старая шпага, не прислал новой. О лукавый народ! А так, мошенники, я думаю, там уж просьбы из-под полы и готовят. Пусть каждый возьмёт в руки по улице... чёрт возьми, по улице? — по метле! и вымели бы всю улицу, что идёт к трактиру, и вымели бы чисто. Слышишь! Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты там кумаешься да крадёшь в ботфорты серебряные ложечки: смотри, у меня ухо востро!.. Что ты сделал с купцом Черняевым, а? Он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку. Смотри, не по чину берёшь! Ступай!

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и частный пристав.

Городничий. А, Степан Ильич! Скажите, ради Бога: куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный пристав. Я был тут сейчас за воротами.

Городничий. Ну, слушайте же, Степан Ильич! Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

---

[1] *Частный дом* — помещение полицейской части (участка).

Частный пристав. Да так, как вы приказывали. Квартального Пуговицына я послал с десятскими[1] подчищать тротуар.

Городничий. А Держиморда где?

Частный пристав. Держиморда поехал на пожарной трубе.

Городничий. А Прохоров пьян?

Частный пристав. Пьян.

Городничий. Как же вы это так допустили?

Частный пристав. Да Бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, — поехал туда для порядка, а возвратился пьян.

Городничий. Послушайте ж, вы сделайте вот что: квартальный Пуговицын... он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную веху, чтоб было похоже на планировку. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельность градоправителя. Ах, Боже мой! я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверный город: только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — чёрт их знает откудова и нанесут всякой дряни! (*Вздыхает.*) Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу, довольны ли? — чтобы говорили: «Всем довольны, ваше благородие»; а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия... О, ох, хо, хо, ох! грешен, во многом грешен. (*Берёт вместо шляпы футляр.*) Дай только, Боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой ещё никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О Боже мой, Боже мой! Едем, Пётр Иванович! (*Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр.*)

Частный пристав. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа.

Городничий (*бросает её*). Коробка так коробка. Чёрт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую назад тому пять лет была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь,

---

[1] *Десятский* — служитель при полиции: выбирался из городских жителей (от каждых десяти домов).

позабывшись, сдуру скажет, что она и не начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он для порядка всем ставит фонари под глазами: и правому и виноватому. Едем, едем, Пётр Иванович! (*Уходит и возвращается.*) Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарниза наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ VI

Анна Андреевна и Марья Антоновна вбегают на сцену.

Анна Андреевна. Где ж, где ж они? Ах, Боже мой!.. (*Отворяя дверь.*) Муж! Антоша! Антон! (*Говорит скоро.*) А всё ты, а всё за тобой. И пошла копаться: «Я булавочку, я косынку...» (*Подбегает к окну и кричит.*) Антон, куда, куда? Что, приехал? ревизор? с усами! с какими усами?

Марья Антоновна и Анна Андреевна.
Художник П.М. Боклевский. 1890-е гг.

Голос городничего. После, после, матушка!

Анна Андреевна. После? Вот новости, после! Я не хочу после... Мне только одно слово: что он, полковник? А? (*С пренебрежением.*) Уехал! Я тебе вспомню это! А всё эта: «Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчас». Вот тебе и сейчас! Вот тебе ничего и не узнали! А всё проклятое кокетство: услышала, что почтмейстер здесь, и давай перед зеркалом жеманиться: и с той стороны, и с этой стороны подойдёт. Воображает, что он за ней волочится, а он просто тебе делает гримасу, когда ты отвернёшься.

Марья Антоновна. Да что ж делать, маменька? Все равно через два часа мы всё узнаем.

Анна Андреевна. Через два часа! покорнейше благодарю. Вот одолжила ответом! Как ты не догадалась сказать, что через месяц ещё лучше можно узнать! (*Свешивается в окно.*) Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то?.. Не слышала? Глупая какая! Машет руками? Пусть машет, а ты всё бы таки его расспросила. Не могла этого узнать! В голове чепуха, всё женихи сидят. А? Скоро уехали! да ты бы побежала за дрожками. Ступай, ступай сейчас! Слышишь, побеги, расспроси: куда поехали, да расспроси хорошенько, что за приезжий, каков он, слышишь? Подсмотри в щёлку и узнай всё, и глаза какие: чёрные или нет, и сию же минуту возвращайся назад, слышишь? Скорее, скорее, скорее, скорее! (*Кричит до тех пор, пока не опускается занавес. Так занавес и закрывает их обеих, стоящих у окна.*)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щётка и прочее.

ЯВЛЕНИЕ I

Осип лежит на барской постели.

Чёрт побери, есть так хочется, и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот не доедем, да и только, домой! Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошёл, как уже из Питера! Профинтил дорогою денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится. А стало бы, и очень бы

стало на прогоны[1]; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя! (*Дразнит его.*) «Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка[2] простой! С приезжающими знакомится, а потом в картишки, — вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности[3], да и заботности меньше, возьмёшь себе бабу, да и лежи весь век на полатях, да ешь пироги. Ну кто ж спорит, конечно, если пойдёт на правду, так житьё в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная[4]: кеятры[5], собаки тебе танцуют, и всё что хочешь. Разговаривают всё на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдёшь на Щукин[6] — купцы тебе кричат: «Почтенный!»; на перевозе в лодке с чиновником сядешь: компании захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер[7] расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони всё видишь. Старуха офицерша забредёт; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! (*Усмехается и трясёт головою.*) Галантерейное[8], чёрт возьми, обхождение! Невежливого слова никогда не услышишь; всякой тебе говорит «вы». Наскучило идти — берёшь извозчика и сидишь себе, как барин; а не хочешь заплатить ему, — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнёшь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А всё он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлёт денежки: чем бы их попридержать — и куды!.. пошёл кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеатр билет, а там через неделю, глядь — и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз всё до последней

---

[1] *Прого́ны* — плата за проезд на почтовых лошадях.

[2] *Елистра́тишка* — искажённое регистратор. Имеется в виду коллежский регистратор — низший гражданский чин в царской России (XIV класса).

[3] *Публи́чность* — наличие публики, общества (*устар.*).

[4] *Полити́чный* — вежливый, обходительный (*простореч.*).

[5] *Кея́тры* — искажённое театры.

[6] *Щукин* (двор) — один из петербургских рынков.

[7] *Кавале́р* — здесь: бывалый солдат.

[8] *Галантере́йный* — галантный, любезный, вежливый (*разг.*).

рубашки спустит, так что на нём всего останется сертучишка да шинелишка, ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублёв полтораста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать: а о брюках и говорить нечего — нипочём идут. А отчего? оттого, что делом не занимается: вместо того чтобы в должность, а он идёт гулять по прешпекту[1], в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин! Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почёсывался. Коли служить, так служи. Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? (*Со вздохом.*) Ах, Боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи: кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится: верно, это он идёт. (*Поспешно схватывается с постели.*)

ЯВЛЕНИЕ II

Осип и Хлестаков.

Хлестаков. На, прими это. (*Отдаёт фуражку и тросточку.*) А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врёшь, валялся; видишь, вся склочена!

Осип. Да на что мне она? Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков (*ходит по комнате*). Посмотри там в картузе[2] — табаку нет?

Осип. Да где ж ему быть, табаку? Вы четвёртого дня последнее выкурили.

Хлестаков (*ходит и разнообразно сжимает свои губы. Наконец говорит громким и решительным голосом*). Послушай, эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков (*громким, но не столь решительным голосом*). Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков (*голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе*). Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

---

[1] *Прешпе́кт* — искажённое проспект.

[2] *Карту́з* — здесь: бумажный мешочек для табака.

Осип. Да нет, я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак?

Осип. Да так, всё равно, хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Хлестаков. Как он смеет не дать? Вот ещё вздор!

Осип. «Ещё, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не плотит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, барин твой — плут. Мы-де, говорит, этаких широмыжников[1] и подлецов видали».

Хлестаков. А ты уж и рад, скотина, сейчас пересказывать мне всё это.

Осип. Говорит: «Этак всякий приедет, обживётся, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобою, чтоб на съезжую да в тюрьму».

Хлестаков. Ну, ну, дурак, полно! Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

Осип. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Хлестаков. На что ж хозяина? Ты поди сам скажи.

Осип. Да, право, сударь...

Хлестаков. Ну, ступай, чёрт с тобой! позови хозяина.

Осип уходит.

ЯВЛЕНИЕ III

Хлестаков один.

Ужасно как хочется есть! Так немножко прошёлся, думал, не пройдёт ли аппетит, — нет, чёрт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный капитан сильно поддел меня, штосы удивительно, бестия, срезывает[2]. Всего каких-нибудь четверть часа посидел и всё обобрал. А при всём том страх хотелось бы с ним ещё раз сразиться, случай только не привёл встретиться — на всё нужно случай. Какой скверный городишко! В овощенных лавках[3] ничего не дают в долг. Это уж просто подло. (*Насвистывает сначала из*

---

[1] *Широмы́жник* — искажённое шаромыжник — человек, который любит поживиться на чужой счёт, жулик.

[2] *Што́сы сре́зывать* — выигрывать в карты (штос — азартная карточная игра).

[3] *Ово́щенная лавка* — мелочная лавка.

«Роберта»[1]*, потом: «Не шей ты мне, матушка», а наконец ни сё ни то.*) Никто не хочет идти.

ЯВЛЕНИЕ IV

Хлестаков, Осип и трактирный слуга.

Слуга. Хозяин приказал спросить, что вам угодно?

Хлестаков. Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?

Слуга. Слава Богу.

Хлестаков. Ну что, как у вас в гостинице? хорошо ли всё идёт?

Слуга. Да, слава Богу, всё хорошо.

Хлестаков. Много проезжающих?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаков. Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так, пожалуйста, поторопи, чтоб поскорее, видишь, мне сейчас после обеда нужно кое-чем заняться.

Слуга. Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать. Он, никак, хотел идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаков. Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? ведь мне нужно есть. Этак могу я совсем отощать. Мне очень есть хочется, я не шутя это говорю.

Слуга. Так-с. Он говорил: «Я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее». Таков уж ответ его был.

Хлестаков. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что ж ему такое говорить?

Хлестаков. Ты растолкуй ему сурьёзно, что мне нужно есть. Деньги само собою... Он думает, что, как ему, мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже. Вот новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков один.

Это скверно, однако ж, если он совсем ничего не даст есть. Так хочется, как ещё никогда не хотелось. Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Штаны, что ли, продать? Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме.

---

[1] *«Роберт-Дьявол»* — название оперы французского композитора Д. Мейербёра.

Жаль, что Иохим[1] не дал напрокат кареты, а хорошо бы, чёрт побери, приехать домой в карете, подкатить этаким чёртом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади одеть в ливрею. Как бы, я воображаю, все переполошились: «Кто такой, что такое?» А лакей входит (*вытягиваясь и представляя лакея*): «Иван Александрович Хлестаков, из Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи, и не знают, что такое значит «прикажете принять». К ним если приедет какой-нибудь гусь-помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную. К дочечке какой-нибудь хорошенькой подойдёшь: «Сударыня, как я...» (*Потирает руки и подшаркивает ножкой.*) Тьфу! (*плюёт*) даже тошнит, так есть хочется...

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков, Осип, потом слуга.

Хлестаков. А что?

Осип. Несут обед.

Хлестаков (*прихлопывает в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле*). Несут! несут! несут!

Слуга (*с тарелкой и салфеткой*). Хозяин в последний раз уж даёт.

Хлестаков. Ну, хозяин, хозяин... Я плевать на твоего хозяина! Что там такое?

Слуга. Суп и жаркое.

Хлестаков. Как, только два блюда?

Слуга. Только-с.

Хлестаков. Вот вздор какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это в самом деле такое!.. этого мало.

Слуга. Нет, хозяин говорит, что ещё много.

Хлестаков. А соуса почему нет?

Слуга. Соуса нет.

Хлестаков. Отчего же нет? Я видел сам, проходя мимо кухни, там много готовилось. И в столовой сегодня поутру двое каких-то коротеньких человека ели сёмгу и ещё много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нет.

Хлестаков. Как нет?

---

[1] *Ио́хим* — искажённое Иоахим — известный в Петербурге каретный мастер и домовладелец.

Слуга. Да уж нет.

Хлестаков. А сёмга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Да это для тех, которые почище-с.

Хлестаков. Ах ты, дурак!

Слуга. Да-с.

Хлестаков. Поросёнок ты скверный... Как же они едят, а я не ем? Отчего же я, чёрт возьми, не могу так же? Разве они не такие же проезжающие, как и я?

Слуга. Да уж известно, что не такие.

Хлестаков. Какие же?

Слуга. Обнаковенно какие! они уж известно: они деньги платят.

Хлестаков. Я с тобою, дурак, не хочу рассуждать. (*Наливает суп и ест.*) Что это за суп? Ты просто воды налил в чашку: никакого вкуса нет, только воняет. Я не хочу этого супу, дай мне другого.

Слуга. Мы примем-с. Хозяин сказал: коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаков (*защищая руками кушанье*). Ну, ну, ну... оставь, дурак; ты привык там обращаться с другими: я, брат, не такого рода! со мной не советую... (*Ест.*) Боже мой, какой суп! (*Продолжает есть.*) Я думаю, ещё ни один человек в мире не едал такого супу: какие-то перья плавают вместо масла. (*Режет курицу.*) Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое!.. Там супу немного осталось, Осип, возьми себе. (*Режет жаркое.*) Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что ж такое?

Хлестаков. Чёрт его знает, что такое, только не жаркое. Это топор зажаренный, вместо говядины. (*Ест.*) Мошенники, канальи, чем они кормят! и челюсти заболят, если съешь один такой кусок. (*Ковыряет пальцем в зубах.*) Подлецы! совершенно как деревянная кора — ничем вытащить нельзя, и зубы почернеют после этих блюд. Мошенники! (*Вытирает рот салфеткой.*) Больше ничего нет?

Слуга. Нет.

Хлестаков. Канальи! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соус или пирожное. Бездельники! дерут только с проезжающих.

Слуга убирает и уносит тарелки вместе с Осипом.

ЯВЛЕНИЕ VII

Хлестаков, потом Осип.

Хлестаков. Право, как будто и не ел; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть сайку.

Осип (*входит*). Там зачем-то городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.

Хлестаков (*испугавшись*). Вот тебе на! Эка бестия трактирщик, успел уже нажаловаться! Что, если в самом деле он потащит меня в тюрьму? Что ж, если благородным образом, я, пожалуй... нет, нет, не хочу! Там в городе таскаются офицеры и народ, а я, как нарочно, задал тону и перемигнулся с одной купеческой дочкой... Нет, не хочу. Да что он, как он смеет, в самом деле? Что я ему, разве купец или ремесленник? (*Бодрится и выпрямляется.*) Да я ему прямо скажу: «Как вы смеете, как вы...» *(У дверей вертится ручка. Хлестаков бледнеет и съёживается.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков, городничий, Добчинский.

Городничий, вошед, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Городничий (*немного оправившись и протянув руки по швам*). Желаю здравствовать!

Хлестаков (*кланяется*). Моё почтение!..

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего.

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков (*сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко*). Да что ж делать?.. я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Бобчинский выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подаёт такую твёрдую, как бревно; а суп — он чёрт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морит голодом по целым дням... чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Городничий — К.П. Рудаков.
Москва, Малый театр. 1909 г.

Хлестаков — А.Ф. Горев.
Москва, Малый театр. 1909 г.

Городничий (*робея*). Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берёт такую. А если что не так, то... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть — в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеете?.. Я служу в Петербурге. (*Бодрится.*) Я, я, я...

Городничий (*в сторону*). О Господи ты Боже, какой сердитый! Всё узнал, всё рассказали проклятые купцы!

Хлестаков (*храбрясь*). Да вот вы хоть тут со всей своей командой — не пойду. Я прямо к министру! (*Стучит кулаком по столу.*) Что вы? Что вы?

Городничий (*вытянувшись и дрожа всем телом*). Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человеком.

Хлестаков. Нет, я не хочу! Вот ещё! мне какое дело. Оттого что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий (*дрожа*). По неопытности, ей-богу по неопытности. Недостаточность состояния. Сами извольте посудить: казённого жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу клевета. Это выдумали злодеи мои; это такой народ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаков. Да что? мне нет никакого дела до них. (*В размышлении.*) Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко... Вот ещё! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий (*в сторону*). О, тонкая штука! Эк куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет. Не знаешь, с какой стороны и приняться. Ну да уж попробовать, не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. (*Вслух.*) Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чём другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне взаймы, я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Городничий (*поднося бумажки*). Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков (*принимая деньги*). Покорнейше благодарю; я вам тотчас пришлю их из деревни, у меня это вдруг... Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий (*в сторону*). Ну, слава Богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдёт теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четыреста ввернул.

Хлестаков. Эй, Осип!

Осип входит.

Позови сюда трактирного слугу! (*К городничему и Добчинскому.*) А что ж вы стоите? Сделайте милость, садитесь. (*Добчинскому.*) Садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня... (*Добчинскому.*) Садитесь!

Городничий и Добчинский садятся.
Бобчинский выглядывает в дверь и прислушивается.

Городничий (*в сторону*). Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы: прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. (*Вслух.*) Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, я, кроме должности, ещё по христианскому человеколюбию хочу, чтоб всякому смертному оказывался хороший приём, — и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Городничий (*в сторону*). Да, рассказывай! не знал, чем заплатить. (*Вслух.*) Осмелюсь ли спросить: куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий (*в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение*). В Саратовскую губернию! А? и не покраснеет! О, да с ним нужно ухо востро! (*Вслух.*) Благое дело изволили предпринять. Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчёт задержки лошадей, а ведь, с другой стороны, развлеченье для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует; рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал да сейчас тебе Владимира в петлицу[1] и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

---

[1] *Владимир в петлице* — орден Владимира четвёртой степени, который носили на груди. Чиновников награждали этим орденом после 35 лет службы.

Городничий (*в сторону*). Прошу посмотреть, какие пули отливает! и старика отца приплёл! (*Вслух.*) И на долгое время изволите ехать?

Хлестаков. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, старый хрен, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками? Теперь не те потребности, душа моя жаждет просвещения.

Городничий (*в сторону*). Славно завязал узелок! Врёт, врёт — и нигде не оборвётся. А ведь какой невзрачный, низенький, кажется, ногтем бы придавил его. Ну да постой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать! (*Вслух.*) Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно ещё когда будет. (*Окидывает глазами комнату.*) Кажется, эта комната несколько сыра?

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки кусают.

Городничий. Скажите! такой просвещённый гость и терпит — от кого же? — от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

Хлестаков. Да, совсем темно, хозяин завёл обыкновение не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или придёт фантазия сочинить что-нибудь, — не могу: темно, темно.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас... но нет, я недостоин.

Хлестаков. А что?

Городничий. Нет, нет! недостоин, недостоин!

Хлестаков. Да что ж такое?

Городничий. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь, ей-богу, от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием, мне гораздо приятнее в приватном[1] доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется! У меня уж такой нрав: гостеприимство с самого детства;

---

[1] *Приватный* — частный.

особливо если гость просвещённый человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести. Нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже — я не люблю людей двуличных. Мне очень нравится ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уваженье, уваженье и преданность.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и трактирный слуга, сопровождаемый Осипом. Бобчинский выглядывает в дверь.

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаков. Да; подай счёт.

Слуга. Я уж давеча подал вам другой счёт.

Хлестаков. Я уж не помню твоих глупых счетов. Говори: сколько там?

Слуга. Вы изволили в первый день спросить обед, а на другой день только закусили сёмги и потом пошли всё в долг брать.

Хлестаков. Дурак, ещё начал высчитывать. Всего сколько следует?

Городничий. Да вы не извольте беспокоиться, он подождёт. (*Слуге.*) Пошёл вон, тебе пришлют.

Хлестаков. В самом деле, и то правда. (*Прячет деньги.*)

Слуга уходит, в дверь выглядывает Бобчинский.

ЯВЛЕНИЕ X

Городничий, Хлестаков, Бобчинский.

Городничий. Не угодно ли вам будет осмотреть некоторые заведения в нашем городе, как-то — богоугодные и другие?

Хлестаков. А что там такое?

Городничий. А так, посмотрите, какое у нас течение дел... порядок какой... для путешественника...

Хлестаков. С большим удовольствием, я готов.

Бобчинский выставляет голову в дверь.

Городничий. Также, если будет ваше желание, оттуда уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Городничий. Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы — рассмотрите, как у нас содержатся преступники.

Хлестаков. Да зачем же тюрьмы? уж лучше мы обсмотрим богоугодные заведения.

Городничий. Как вам угодно. Как вы намерены, в своём экипаже или вместе со мною на дрожках?

Хлестаков. Да, я лучше с вами на дрожках поеду.

Городничий (*Добчинскому*). Ну, Пётр Иванович, вам теперь нет места.

Добчинский. Ничего, я так.

Городничий (*тихо Добчинскому*). Слушайте: вы побегите, да бегом, во все лопатки, и снесите две записки: одну в богоугодное заведение Землянике, а другую жене. (*Хлестакову.*) Осмелюсь ли я попросить позволения написать в вашем присутствии одну строчку к жене, чтоб она приготовилась к принятию почтенного гостя?

Хлестаков. Да зачем же?.. А впрочем, тут и чернила, только бумаги не знаю... Разве на этом счёте?

Городничий. Я здесь напишу. (*Пишет и в то же время говорит про себя.*) А вот посмотрим, как пойдёт дело после фриштика[1] да бутылки-то толстобрюшки! Да есть у нас губернская мадера: неказиста на вид, а слона повалит с ног. Только бы мне узнать, что он такое и в какой мере нужно его опасаться. (*Написавши, отдаёт Добчинскому, который подходит к двери, но в это время дверь обрывается, и подслушивавший с другой стороны Бобчинский летит вместе с нею на сцену. Все издают восклицание. Бобчинский подымается.*)

Хлестаков. Что? не ушиблись ли вы где-нибудь?

Бобчинский. Ничего, ничего-с, без всякого-с помешательства, только сверх носа небольшая нашлёпка! Я забегу к Христиану Ивановичу: у него-с есть пластырь такой, так вот оно и пройдёт.

Городничий (*делая Бобчинскому укорительный знак. Хлестакову*). Это-с ничего. Прошу покорнейше, пожалуйте! А слуге вашему я скажу, чтобы перенёс чемодан. (*Осипу.*) Любезнейший, ты перенеси всё ко мне, к городничему, — тебе всякий покажет. Прошу покорнейше! (*Пропускает вперёд Хлеста-*

[1] *Фри́штик* — завтрак (*нем.*).

кова и следует за ним, но, оборотившись, говорит с укоризной Бобчинскому.) Уж и вы! не нашли другого места упасть! и растянулся как чёрт знает что такое. (*Уходит; за ним Бобчинский.*)

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ I

Анна Андреевна, Марья Антоновна стоят у окна в тех же самых положениях.

Анна Андреевна. Ну вот, уже целый час дожидаемся, а всё ты со своим глупым жеманством: совершенно оделась; нет, ещё нужно копаться... Было бы не слушать её вовсе. Экая досада! как нарочно, ни души! как будто вымерло всё.

Марья Антоновна. Да, право, маменька, чрез минуты две всё узнаем. Уж скоро Авдотья должна прийти. (*Всматривается в окно и вскрикивает.*) Ах, маменька, маменька! кто-то идёт, вон в конце улицы.

Анна Андреевна. Где идёт? У тебя вечно какие-нибудь фантазии. Ну да, идёт. Кто ж это идёт? Небольшого роста... во фраке... Кто ж это? а? Это, однако ж, досадно! Кто ж бы это такой был?

Марья Антоновна. Это Добчинский, маменька.

Анна Андреевна. Какой Добчинский? Тебе всегда вдруг вообразится этакое... Совсем не Добчинский. (*Машет платком.*) Эй, вы, ступайте сюда! скорее!

Марья Антоновна. Право, маменька, Добчинский.

Анна Андреевна. Ну вот, нарочно, чтобы только поспорить. Говорят тебе — не Добчинский.

Марья Антоновна. А что? а что, маменька? Видите, что Добчинский.

Анна Андреевна. Ну да, Добчинский, теперь я вижу: из чего же ты споришь? (*Кричит в окно.*) Скорей, скорей! вы тихо идёте. Ну что, где они? А? Да говорите же оттуда — всё равно. Что? очень строгий? А? а муж, муж? (*Немного отступя от окна, с досадою.*) Такой глупый: до тех пор, пока не войдёт в комнату, ничего не расскажет!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Добчинский.

Анна Андреевна. Ну скажите, пожалуйста: ну не совестно ли вам? Я на вас одних полагалась, как на порядочного человека: все вдруг выбежали, и вы туда ж за ними! и я вот ни от кого до сих пор толку не доберусь. Не стыдно ли вам! Я у вас крестила вашего Ванечку и Лизаньку, а вы вот как со мною поступили!

Добчинский. Ей-богу, кумушка, так бежал засвидетельствовать почтение, что не могу духу перевесть. Моё почтение, Марья Антоновна!

Марья Антоновна. Здравствуйте, Пётр Иванович!

Анна Андреевна. Ну что? Ну, рассказывайте: что и как там?

Добчинский. Антон Антонович прислал вам записочку.

Анна Андреевна. Ну, да кто он такой? генерал?

Добчинский. Нет, не генерал, а не уступит генералу. Такое образование и важные поступки-с.

Анна Андреевна. А! так это тот самый, о котором было писано мужу.

Добчинский. Настоящий. Я это первый открыл вместе с Петром Ивановичем.

Анна Андреевна. Ну, расскажите: что и как?

Добчинский. Да, слава Богу, всё благополучно. Сначала он принял было Антона Антоновича немного сурово, да-с; сердился и говорил, что и в гостинице всё нехорошо, и к нему не поедет, и что он не хочет сидеть за него в тюрьме; но потом, как узнал невинность Антона Антоновича и как покороче разговорился с ним, тотчас переменил мысли, и, слава Богу, всё пошло хорошо. Они теперь поехали осматривать богоугодные заведения... А то, признаюсь, уже Антон Антонович думали, не было ли тайного доноса; я сам тоже перетрухнул немножко.

Анна Андреевна. Да вам-то чего бояться? Ведь вы не служите?

Добчинский. Да так, знаете, когда вельможа говорит, чувствуешь страх.

Анна Андреевна. Ну что ж... это всё, однако ж, вздор; расскажите, каков он собою? что, стар или молод?

Добчинский. Молодой, молодой человек; лет двадцати трёх; а говорит совсем так, как старик. «Извольте, говорит, я поеду и туда, и туда...» (*размахивает руками*) так это всё славно.

«Я, говорит, и написать и почитать люблю, но мешает, что в комнате, говорит, немножко темно».

Анна Андреевна. А собою каков он: брюнет или блондин?

Добчинский. Нет, больше шантрет[1], и глаза такие быстрые, как зверки, так в смущенье даже приводят.

Анна Андреевна. Что тут пишет он мне в записке? (*Читает.*) «Спешу тебя уведомить, душенька, что состояние моё было весьма печальное; но, уповая на милосердие Божие, за два солёные огурца особенно и полпорции икры рубль двадцать пять копеек...» (*Останавливается.*) Я ничего не понимаю: к чему же тут солёные огурцы и икра?

Добчинский. А это Антон Антонович писали на черновой бумаге, по скорости: там какой-то счёт был написан.

Анна Андреевна. А, да, точно. (*Продолжает читать.*) «Но, уповая на милосердие Божие, кажется, всё будет к хорошему концу. Приготовь поскорее комнату для важного гостя, ту, что выклеена жёлтыми бумажками; к обеду прибавлять не трудись, потому что закусим в богоугодном заведении у Артемия Филипповича, а вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислал самого лучшего, а не то я перерою весь его погреб. Целуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антон Сквозник-Дмухановский...» Ах, Боже мой! Это, однако ж, нужно поскорей! Эй, кто там? Мишка!

Добчинский (*бежит и кричит в дверь*). Мишка! Мишка! Мишка!

Мишка входит.

Анна Андреевна. Послушай: беги к купцу Абдулину... постой, я дам тебе записочку. (*Садится к столу, пишет записку и между тем говорит.*) Эту записку ты отдашь кучеру Сидору, чтоб он побежал с ней к купцу Абдулину и принёс оттуда вина. А сам пойди сейчас прибери хорошенько эту комнату для гостя. Там поставить кровать, рукомойник и прочее...

Добчинский. Ну, Анна Андреевна, я побегу теперь поскорее посмотреть, как там он обозревает.

Анна Андреевна. Ступайте, ступайте, я не держу вас.

---

[1] *Шантре́т* — шатен (*устар.*).

ЯВЛЕНИЕ III

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, нам нужно теперь заняться туалетом. Он столичная штучка: Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмеял. Тебе приличнее всего надеть твоё голубое платье с мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маменька, голубое! Мне совсем не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходит в голубом, и дочь Земляники тоже в голубом. Нет, лучше я надену цветное.

Анна Андреевна. Цветное!.. Право, говоришь — лишь бы только наперекор. Оно тебе будет гораздо лучше, потому что я хочу надеть палевое; я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ах, маменька, вам нейдёт палевое!

Анна Андреевна. Мне палевое нейдёт?

Марья Антоновна. Нейдёт; я что угодно даю — нейдёт: для этого нужно, чтобы глаза были совсем тёмные.

Анна Андреевна. Вот хорошо! а у меня глаза разве не тёмные? самые тёмные. Какой вздор говорит! как же не тёмные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму.

Марья Антоновна. Ах, маменька, вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. (*Поспешно уходит вместе с Марьей Антоновной и говорит за сценою.*) Этакое вдруг вообразится! червонная дама! Бог знает что такое!

По уходе их отворяются двери, и Мишка выбрасывает из них сор. Из других дверей входит Осип с чемоданом на голове.

ЯВЛЕНИЕ IV

Мишка и Осип.

Осип. Куда тут?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда.

Осип. Постой, прежде дай отдохнуть. Ах ты горемычное житьё! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дядюшка, скажите: скоро будет генерал?

Осип. Какой генерал?

Мишка. Да барин ваш.

Осип. Барин? Да какой он генерал?

Мишка. А разве не генерал?

Осип. Генерал, да только с другой стороны.

Мишка. Что ж это, больше или меньше настоящего генерала?

Осип. Больше.

Мишка. Вишь ты как! то-то у нас сумятицу подняли.

Осип. Послушай, малый: ты, я вижу, проворный парень, приготовь-ка там что-нибудь поесть!

Мишка. Да для вас, дядюшка, ещё ничего не готово. Простого блюда вы не будете кушать, а вот как барин ваш сядет за стол, так и вам того же кушанья отпустят.

Осип. Ну, а простого-то что у вас есть?

Мишка. Щи, каша да пироги.

Осип. Давай их, щи, кашу и пироги! Ничего, всё будем есть. Ну, понесём чемодан! Что, там другой выход есть?

Мишка. Есть.

Оба несут чемодан в боковую комнату.

ЯВЛЕНИЕ V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков: за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу; городничий указывает квартальным на полу бумажку — они бегут и снимают её, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим всё в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь доложить вам, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользе; а здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием[1] и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош, я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поесть. Ведь на то живёшь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович (*подбегая*). Лабардан-с.

---

[1] *Благочи́ние* — здесь: соблюдение приличий, порядка.

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше, а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор как я принял начальство, — может быть, вам покажется даже невероятным, — все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров, и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наиумнейший человек пришёл бы в затруднение, но, благодарение Богу, всё идёт благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но, верите ли, что, даже когда ложишься спать, всё думаешь: «Господи Боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность[1] и было довольно...» Наградит ли оно или нет, конечно, в его воле, по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всём порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж мне больше? Ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью всё прах и суета.

Артемий Филиппович (*в сторону*). Эка, бездельник, как расписывает! Дал же Бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой и стишки выкинутся.

Бобчинский (*Добчинскому*). Справедливо, всё справедливо, Пётр Иванович! Замечания такие... видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста: нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Городничий (*в сторону*). Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (*Вслух.*) Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал, даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них

---

[1] *Ревность* — здесь: старание.

равнодушно, и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападает, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились, проклятые. Бог с ними, как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

Лука Лукич (*в сторону*). А у меня, подлец, выпонтировал[1] вчера сто рублей.

Городничий. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаков. Ну, нет, вы напрасно, однако же... Всё зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь[2], тогда как нужно гнуть от трёх углов[3]... ну, тогда конечно... Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Осмелюсь представить семейство моё: жена и дочь.

Хлестаков (*раскланиваясь*). Как я счастлив, сударыня, что имею в своём роде удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам ещё более приятно видеть такую особу.

Хлестаков (*рисуясь*). Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне ещё приятнее.

Анна Андреевна. Как можно-с! вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастие; впрочем, если вы так уж непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сижу возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счёт... Я думаю, вам после столицы вояжировка[4] показалась очень неприятною.

---

[1] *Выпонтировать* — выиграть в карточной игре.

[2] *Забастовáть* — здесь: перестать увеличивать ставку в игре в банк.

[3] *Гнуть от трёх углов* — втрое увеличивать ставки — в карточной игре.

[4] *Вояжирóвка* — путешествие (*устар.*).

Иллюстрация к действию третьему, явлению VI.
Художник А.И. Константиновский. 1950 г.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Привыкши жить, comprenez vous[1], в свете, и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества... Если б, признаюсь, не такой случай, который меня... (*посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней*) так вознаградил за всё...

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

---

[1] Понимаете ли (*фр.*).

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Как можно-с, вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу в деревне...

Хлестаков. Да деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю: нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!» Я только на две минуты захожу в департамент с тем только, чтобы сказать: «Это вот так, это вот так!» А там уж чиновник для письма, этакая крыса, пером только — тр, тр... пошёл писать. Хотели было даже меня коллежским асессором[1] сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит ещё на лестнице за мною со щёткою: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу». (*Городничему.*) Что вы, господа, стоите? пожалуйста, садитесь!

Вместе { Городничий. Чин такой, что ещё можно постоять.
Артемий Филиппович. Мы постоим.
Лука Лукич. Не извольте беспокоиться!

Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Я не люблю церемоний. Напротив, я даже стараюсь, стараюсь проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идёт!» А один раз меня приняли даже за главнокомандующего. Солдаты выскочили из гауптвахты[2] и сделали ружьём. После уж офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

Анна Андреевна. Скажите как!

---

[1] *Колле́жский асе́ссор* — гражданский чин VIII класса, до 1845 года данный чин давал титул потомственного дворянства, потом только личного.

[2] *Гауптва́хта* — помещение для караула.

Хлестаков. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так както всё...» Большой оригинал.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений. «Женитьба Фигаро»[1], «Роберт-Дьявол», «Норма»[2]. Уж и названий даже не помню. И всё случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец!» И тут же в один вечер, кажется, всё написал, всех изумил. У меня лёгкость необыкновенная в мыслях. Всё это, что было под именем барона Брамбéуса[3], «Фрегат „Надежда"»[4] и «Московский телеграф»[5]... всё это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин[6] даёт за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский»[7] ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это моё сочинение.

Анна Андреевна. Я сейчас догадалась.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда, это точно Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

---

[1] *«Женитьба Фигаро»* — комедия французского драматурга П. Бомаршé.

[2] *«Норма»* — опера итальянского композитора Беллúни.

[3] *Барон Брамбéус* — псевдоним русского писателя и журналиста О.И. Сенковского.

[4] *«Фрегат „Надежда"»* — повесть Марлинского (А.А. Бестужева).

[5] *«Московский телеграф»* — журнал, издававшийся в 1825—1834 гг.

[6] *Смúрдин Александр Филиппович* — известный петербургский книгопродавец и издатель.

[7] *«Юрий Милославский»* — роман М.Н. Загоскина.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. (*Обращаясь ко всем.*) Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы!

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа, откроют крышку — пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист[1] свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвёртый этаж, скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель...» Что ж я вру — я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница стоит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я ещё не проснулся. Графы и князья толкутся и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Городничий и прочие с робостью встают со своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: «Ваше превосходительство»[2]. Один раз я даже управлял департаментом[3]. И странно: директор уехал — куда уехал, неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, — нет, мудрёно. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь — просто чёрт возьми; после, видят, нечего делать, — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! каково положение — я спрашиваю? «Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!» Я, при-

---

[1] *Вист* — карточная игра между четырьмя партнёрами.

[2] *Ваше превосходительство* — обращение в царской России к высшим чинам (III—IV классов — генерал-лейтенантам, генерал-майорам или тайным советникам и действительным статским советникам).

[3] *Департáмент* — отдел министерства.

знаюсь, немного смутился, вышел в халате, хотел отказаться, но думаю, дойдёт до государя; ну да и послужной список тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни! Уж у меня ухо востро! уж я...» И точно: бывало, как прохожу через департамент — просто землетрясение, всё дрожит и трясётся, как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха,
Хлестаков горячится сильнее.

О! я шутить не люблю; я им всем задал острастку. Меня сам Государственный совет[1] боится. Да что в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам». Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... (*Поскальзывается и чуть-чуть не шлёпается на пол, но с почтеньем поддерживается чиновниками.*)

Городничий (*подходя и трясясь всем телом, силится выговорить*). А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков (*быстрым отрывистым голосом*). Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва-ва... ва...

Хлестаков (*таким же голосом*). Не разберу ничего, всё вздор.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вот и комната, и всё, что нужно.

Хлестаков. Вздор — отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... я доволен, я доволен. (*С декламацией.*) Лабардан! лабардан! (*Входит в боковую комнату, за ним городничий.*)

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, кроме Хлестакова и городничего.

Бобчинский (*Добчинскому*). Вот это, Пётр Иванович, человек-то. Вот оно, что значит человек! В жисть не был в присутствии такой важной персоны, чуть не умер со страху. Как вы думаете, Пётр Иванович, кто он такой в рассуждении чина?

---

[1] *Государственный совет* — высший законосовещательный орган в России XIX в.

Добчинский. Я думаю, чуть ли не генерал.

Бобчинский. А я так думаю, что генерал-то ему и в подмётки не станет! а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус. Слышали: Государственный-то совет как прижал? Пойдём расскажем поскорее Аммосу Фёдоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинский. Прощайте, кумушка.

Оба уходят.

Артемий Филиппович (*Луке Лукичу*). Страшно просто, а отчего, и сам не знаешь. А мы даже и не в мундирах. Ну что как проспится да в Петербург махнёт донесение? (*Уходит в задумчивости вместе с смотрителем училищ, произнеся:*) Прощайте, сударыня.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ах, какой приятный!

Марья Антоновна. Ах, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращение! сейчас можно увидеть столичную штучку. Приёмы и всё это такое... Ах, как хорошо! я страх люблю таких молодых людей! я просто без памяти. Я, однако ж, ему очень понравилась: я заметила — всё на меня поглядывал.

Марья Антоновна. Ах, маменька, он на меня глядел!

Анна Андреевна. Пожалуйста, с своим вздором подальше! Это здесь вовсе неуместно.

Марья Антоновна. Нет, маменька, право!

Анна Андреевна. Ну вот! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя, да и полно! Где ему смотреть на тебя? и с какой стати ему смотреть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маменька, всё смотрел. И как начал говорить о литературе, то взглянул на меня, и потом, когда рассказывал, как играл в вист с посланниками, и тогда посмотрел на меня.

Анна Андреевна. Ну, может быть, один какой-нибудь раз, да и то так уж, лишь бы только. «А, — говорит себе, — дай уж посмотрю на неё!»

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и городничий.

Городничий (*входит на цыпочках*). Чш... ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничий. И не рад, что напоил. Ну, что если хоть одна половина из того, что он говорил, правда? (*Задумывается.*) Да как же и не быть правде? Подгулявши, человек всё несёт наружу; что на сердце, то и на языке. Конечно, прилгнул немного. Да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь. С министрами играет и во дворец ездит... Так вот, право, чем больше думаешь... чёрт его знает, не знаешь, что и делается в голове, просто как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видела в нём образованного, светского, высшего тона человека, а о чинах его мне и нужды нет.

Городничий. Ну, уж вы — женщины! Всё кончено, одного этого слова достаточно! Вам всё — финтирлюшки[1]! Вдруг брякнут ни из того, ни из другого словцо. Вас посекут, да и только, а мужа и поминай как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, как будто с каким-нибудь Добчинским.

Анна Андреевна. Об этом я уж советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое... (*Посматривает на дочь.*)

Городничий (*один*). Ну, уж с вами говорить!.. Эка, в самом деле, оказия! До сих пор не могу очнуться от страха. (*Отворяет дверь и говорит в дверь.*) Мишка, позови квартальных Свистунова и Держиморду: они тут недалеко где-нибудь за воротами. (*После небольшого молчания.*) Чудно всё завелось теперь на свете: хоть бы народ-то уж был видный, а то худенький, тоненький — как его узнаешь, кто он! Ещё военный всё-таки кажет из себя, а как наденет фрачишку — ну точно муха с подрезанными крыльями. А ведь долго крепился давеча в трактире, заламливал такие аллегории и екивоки, что, кажись, век бы не добился толку. А вот наконец и подался. Да ещё и наговорил больше, чем нужно. Видно, что человек молодой.

---

[1] *Финтирлю́шка* (финтифлюшка) — глупость, пустяк.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Осип; все бегут к нему навстречу, кивая пальцами.

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничий. Чш!.. что? что? спит?

Осип. Нет ещё, немного потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, как тебя зовут?

Осип. Осип, сударыня.

Городничий (*жене и дочери*). Полно, полно вам! (*Осипу.*) Ну что, друг, тебя накормили хорошо?

Осип. Накормили, покорнейше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну что, скажи: к твоему барину слишком, я думаю, много ездит графов и князей?

Осип (*в сторону*). А что говорить? Коли теперь накормили хорошо, значит, после ещё лучше накормят. (*Вслух.*) Да, бывают и графы.

Марья Антоновна. Душенька Осип, какой твой барин хорошенький!

Анна Андреевна. А что, скажи, пожалуйста, Осип, как он...

Городничий. Да перестаньте, пожалуйста! Вы этакими пустыми речами только мне мешаете. Ну что, друг?..

Анна Андреевна. А чин какой на твоём барине?

Осип. Чин обыкновенно какой.

Городничий. Ах, Боже мой, вы всё с своими глупыми расспросами! Не дадите ни слова поговорить о деле. Ну что, друг, как твой барин?.. строг? любит этак распекать или нет?

Осип. Да, порядок любит. Уж ему чтобы всё было в исправности.

Городничий. А мне очень нравится твоё лицо. Друг, ты должен быть хороший человек. Ну что...

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а как барин твой там, в мундире ходит, или...

Городничий. Полно вам, право, трещотки какие! Здесь нужная вещь. Дело идёт о жизни человека... (*К Осипу.*) Ну что, друг, право, мне ты очень нравишься. В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик; оно теперь холодновато. Так вот тебе пара целковиков на чай.

Осип (*принимая деньги*). А покорнейше благодарю, сударь! Дай вам Бог всякого здоровья; бедный человек, помогли ему.

Городничий. Хорошо, хорошо, я и сам рад. А что, друг...

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а какие глаза больше всего нравятся твоему барину?..

Марья Антоновна. Осип, душенька! какой миленький носик у твоего барина!

Городничий. Да постойте, дайте мне! (*К Осипу.*) А что, друг, скажи, пожалуйста: на что больше барин твой обращает внимание, то есть, что ему в дороге больше нравится?

Осип. Любит он, по рассмотрению, что как придётся. Больше всего любит, чтобы его приняли хорошо, угощение чтоб было хорошее.

Городничий. Хорошее?

Осип. Да, хорошее. Вот уж на что я, крепостной человек, но и то смотрит, чтобы и мне было хорошо. Ей-богу! Бывало, заедем куда-нибудь: «Что, Осип, хорошо тебя угостили?» — «Плохо, ваше высокоблагородие!» — «Э, говорит, это, Осип, нехороший хозяин. Ты, говорит, напомни мне, как приеду». — «А, — думаю себе (*махнув рукою*), — Бог с ним! я человек простой».

Городничий. Хорошо, хорошо, и дело ты говоришь. Там я тебе дал на чай, так вот ещё сверх того на баранки.

Осип. За что жалуете, ваше высокоблагородие? (*Прячет деньги.*) Разве уж выпью за ваше здоровье.

Анна Андреевна. Приходи, Осип, ко мне, тоже получишь.

Марья Антоновна. Осип, душенька, поцелуй своего барина!

Слышен из другой комнаты небольшой кашель Хлестакова.

Городничий. Чш! (*Поднимается на цыпочки; вся сцена вполголоса.*) Боже вас сохрани шуметь! идите себе! полно уж вам...

Анна Андреевна. Пойдём, Машенька! Я тебе скажу, что я заметила у гостя такое, что нам вдвоём только можно сказать.

Городничий. О, уж там наговорят! Я думаю, поди только да послушай! и уши потом заткнёшь. (*Обращаясь к Осипу.*) Ну, друг...

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же, Держиморда и Свистунов.

Городничий. Чш! экие косолапые медведи — стучат сапогами! Так и валится, как будто сорок пуд сбрасывает кто-нибудь с телеги! Где вас чёрт таскает?

Держиморда. Был по приказанию...

Городничий. Чш! (*Закрывает ему рот.*) Эк как каркнула ворона! (*Дразнит его.*) Был по приказанию! Как из бочки, так рычит! (*Осипу.*) Ну, друг, ты ступай, приготовляй там, что нужно для барина. Всё, что ни есть в доме, требуй.

Осип уходит.

А вы — стоять на крыльце, и ни с места! И никого не впускать в дом стороннего, особенно купцов! Если хоть одного из них впустите, то... Только увидите, что идёт кто-нибудь с просьбою, а хоть и не с просьбою, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, взашей так прямо и толкайте! так его! хорошенько! (*Показывает ногою.*) Слышите? Чш... чш... (*Уходит на цыпочках вслед за квартальными.*)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Та же комната в доме городничего.

ЯВЛЕНИЕ I

Входят осторожно, почти на цыпочках:

Аммос Фёдорович, Артемий Филиппович, почтмейстер, Лука Лукич, Добчинский и Бобчинский, в полном параде и мундирах.

Вся сцена происходит вполголоса.

Аммос Фёдорович (*строит всех полукружием*). Ради Бога, господа, скорее в кружок, да побольше порядку! Бог с ним: и во дворец ездит, и Государственный совет распекает! Стройтесь! На военную ногу, непременно на военную ногу! Вы, Пётр Иванович, забегите с этой стороны, а вы, Пётр Иванович, станьте вот тут.

Оба Петра Ивановича забегают на цыпочках.

Артемий Филиппович. Воля ваша, Аммос Фёдорович, нам нужно бы кое-что предпринять.

Аммос Фёдорович. А что именно?

Артемий Филиппович. Ну известно что.

Аммос Фёдорович. Подсунуть?

Артемий Филиппович. Ну да, хоть и подсунуть.

Аммос Фёдорович. Опасно, чёрт возьми, раскричится: государственный человек. А разве в виде приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятник?

Почтмейстер. Или же: «вот, мол, пришли по почте деньги, неизвестно кому принадлежащие».

Артемий Филиппович. Смотрите, чтоб он вас по почте не отправил куды-нибудь подальше. Слушайте: эти дела не так делаются в благоустроенном государстве. Зачем нас здесь целый эскадрон? Представляться нужно поодиночке, да между четырёх глаз и того... как там следует — чтобы и уши не слыхали! Вот как в обществе благоустроенном делается! Ну вот вы, Аммос Фёдорович, первый и начните.

Аммос Фёдорович. Так лучше ж вы: в вашем заведении высокий посетитель вкусил хлеба.

Артемий Филиппович. Так уж лучше Луке Лукичу, как просветителю юношества.

Лука Лукич. Не могу, не могу, господа! Я, признаюсь, так воспитан, что, заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет, и язык, как в грязь, завязнул. Нет, господа, увольте, право, увольте!

Артемий Филиппович. Да, Аммос Фёдорович, кроме вас, некому. У вас что ни слово, то Цицерон[1] с языка слетел.

Аммос Фёдорович. Что вы! что вы: Цицерон! смотрите, что выдумали! Что иной раз увлечёшься, говоря о домашней своре или гончей ищейке...

Все (*пристают к нему*). Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении[2]... Нет, Аммос Фёдорович, не оставляйте нас, будьте отцом нашим!.. Нет, Аммос Фёдорович!

Аммос Фёдорович. Отвяжитесь, господа!

В это время слышны шаги и откашливание в комнате Хлестакова. Все спешат наперерыв к дверям, толпятся и стараются выйти, что происходит не без того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицания:

---

[1] *Цицеро́н Марк Ту́ллий* (106—43 до н.э.) — римский оратор и философ.

[2] *Столпотворе́ние* — смешение языков, происшедшее, по библейским преданиям, с жителями Вавилона в наказание за то, что они попытались построить башню (столп) до неба.

Голос Бобчинского. Ой, Пётр Иванович! Пётр Иванович! наступили на ногу!

Голос Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяние — совсем прижали!

Выхватываются несколько восклицаний: «Ай! ай!» — наконец все выпираются, и комната остаётся пуста.

ЯВЛЕНИЕ II

Хлестаков один, выходит с заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин; даже вспотел. Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностию проводить время. Я люблю радушие, и мне, признаюсь, больше нравится, если мне угождают от чистого сердца, а не то чтобы из интереса. А дочка городничего очень недурна, да и матушка такая, что ещё можно бы... Нет, я не знаю, а мне, право, нравится такая жизнь.

ЯВЛЕНИЕ III

Хлестаков и Аммос Фёдорович.

Аммос Фёдорович (*входя и останавливаясь, про себя*). Боже, Боже! вынеси благополучно! так вот коленки и ломает. (*Вслух, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.*) Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский асессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

Аммос Фёдорович. С восемьсот шестнадцатого был избран на трёхлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. А выгодно, однако же, быть судьёю?

Аммос Фёдорович. За три трёхлетия представлен к Владимиру четвёртой степени с одобрения со стороны начальства. (*В сторону.*) А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

Хлестаков. А мне нравится Владимир. Вот Анна третьей степени[1] уже не так.

---

[1] *Анна третьей степени* — низшая степень ордена Святой Анны. Орден Владимира четвёртой степени был выше ордена Анны третьей степени.

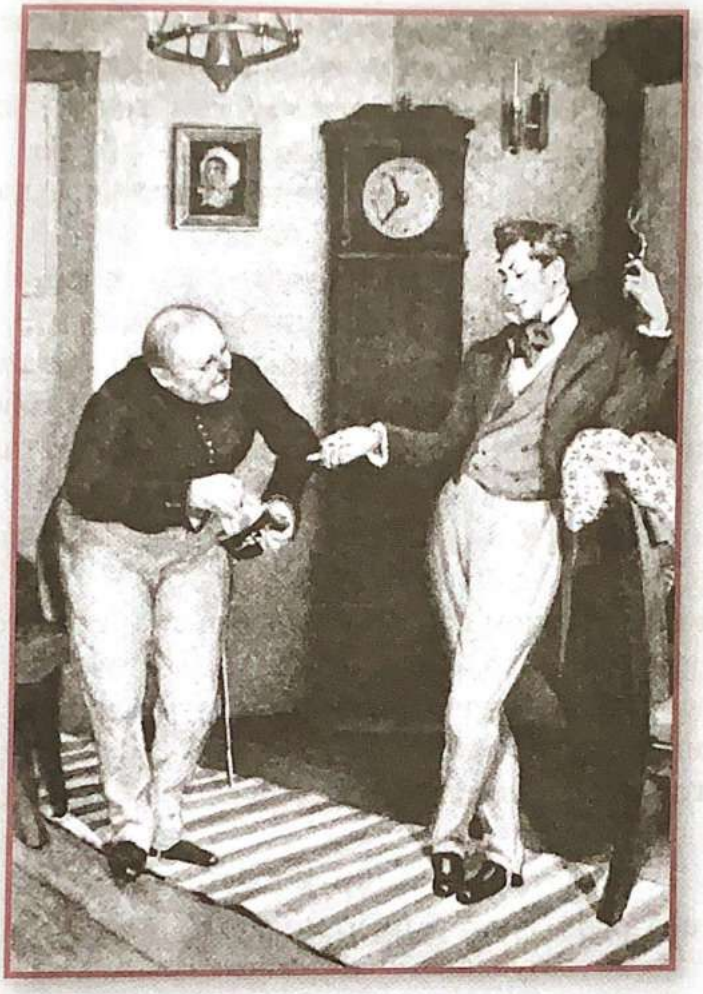

Иллюстрация к действию четвёртому, явлению III.
Художник А.И. Константиновский. 1950 г.

Аммос Фёдорович (*высовывая понемногу вперёд сжатый кулак. В сторону*). Господи Боже! не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков. Что это у вас в руке?

Аммос Фёдорович (*потерявшись и роняя на пол ассигнации*). Ничего-с.

Хлестаков. Как ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммос Фёдорович (*дрожа всем телом*). Никак нет-с. (*В сторону.*) О Боже! вот уж я и под судом! и тележку подвезли схватить меня!

Хлестаков (*подымая*). Да, это деньги.

Аммос Фёдорович (*в сторону*). Ну, всё кончено — пропал! пропал!

Хлестаков. Знаете ли что? дайте их мне взаймы.

Аммос Фёдорович (*поспешно*). Как же-с, как же-с... с большим удовольствием. (*В сторону.*) Ну, смелее, смелее! Вывози, Пресвятая Матерь!

Хлестаков. Я, знаете, в дороге издержался: то да сё... Впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

Аммос Фёдорович. Помилуйте! как можно! и без того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству... постараюсь заслужить... (*Приподымается со стула, вытянувшись и руки по швам.*) Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Хлестаков. Какого приказанья?

Аммос Фёдорович. Я разумею, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду?

Хлестаков. Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нём надобности; нет, ничего. Покорнейше благодарю.

Аммос Фёдорович (*раскланиваясь и уходя, в сторону*). Ну, город наш!

Хлестаков (*по уходе его*). Судья — хороший человек!

ЯВЛЕНИЕ IV

Хлестаков и почтмейстер, входит вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу.

Почтмейстер. Имею честь представиться: почтмейстер, надворный советник[1] Шпекин.

Хлестаков. А, милости просим! Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Ведь вы здесь всегда живёте?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно — ну что ж! Ведь это не столица. Не правда ли, ведь это не столица?

Почтмейстер. Совершенная правда.

Хлестаков. Ведь это только в столице бонтон[2] и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. (*В сторону.*) А он, однако ж, ничуть не горд: обо всём расспрашивает.

---

[1] *Надво́рный советник* — гражданский чин VII класса.

[2] *Бонто́н* — хороший тон, светская учтивость (от *фр.* bon ton).

Хлестаков. А ведь, однако ж, признайтесь, ведь и в маленьком городке можно прожить счастливо?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. По моему мнению, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно, — не правда ли?

Почтмейстер. Совершенно справедливо.

Хлестаков. Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер. (*Глядя в глаза ему, говорит про себя.*) А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы. (*Вслух.*) Какой странный со мной случай: в дороге совершенно издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Почтмейстер. Почему же? почту за величайшее счастье. Вот-с, извольте. От души готов служить.

Хлестаков. Очень благодарен. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себе в дороге, да и к чему? Не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. (*Встаёт, вытягивается и придерживает шпагу.*) Не смею долее беспокоить своим присутствием... Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

Хлестаков. Нет, ничего.

Почтмейстер раскланивается и уходит.

(*Раскуривая сигарку.*) Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек: по крайней мере, услужлив. Я люблю таких людей.

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков и Лука Лукич, который почти выталкивается из дверей. Сзади его слышен голос почти вслух: «Чего робеешь?»

Лука Лукич (*вытягиваясь не без трепета и придерживая шпагу*). Имею честь представиться: смотритель училищ, титулярный советник[1] Хлопов.

Хлестаков. А, милости просим! Садитесь, садитесь! Не хотите ли сигарку? (*Подаёт ему сигару.*)

Лука Лукич (*про себя, в нерешимости*). Вот тебе раз! Уж этого я никак не предполагал. Брать или не брать?

---

[1] *Титуля́рный советник* — гражданский чин IX класса.

Хлестаков. Возьмите, возьмите, это порядочная сигарка. Конечно, не то, что в Петербурге. Там, батюшка, я куривал сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка, — просто ручки себе потом поцелуешь, как выкуришь. Вот огонь, закурите. (*Подаёт ему свечу.*)

Лука Лукич пробует закурить и весь дрожит.

Да не с того конца!

Лука Лукич (*от испуга выронил сигару, плюнул и, махнув рукою, про себя*). Чёрт побери всё! сгубила проклятая робость!

Хлестаков. Вы, как я вижу, не охотник до сигарок. А я признаюсь: это моя слабость. Вот ещё насчёт женского полу, никак не могу быть равнодушен. Как вы? Какие вам больше нравятся — брюнетки или блондинки?

Лука Лукич находится в совершенном недоумении, что сказать.

Нет, скажите откровенно, брюнетки или блондинки?

Лука Лукич. Не смею знать.

Хлестаков. Нет, нет, не отговаривайтесь. Мне хочется узнать непременно ваш вкус.

Лука Лукич. Осмелюсь доложить... (*В сторону.*) Ну и сам не знаю, что говорю!

Хлестаков. А! а! не хотите сказать. Верно, уж какая-нибудь брюнетка сделала вам маленькую загвоздочку. Признайтесь, сделала?

Лука Лукич молчит.

А! а! покраснели, видите! видите! Отчего ж вы не говорите?

Лука Лукич. Оробел, ваше бла... преос... сият... (*В сторону.*) Продал проклятый язык! продал!

Хлестаков. Оробели? А в моих глазах точно есть что-то такое, что внушает робость. По крайней мере, я знаю, что ни одна женщина не может их выдержать, не так ли?

Лука Лукич. Так точно-с.

Хлестаков. Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Лука Лукич (*хватаясь за карманы, про себя*). Вот те штука, если нет? Есть, есть! (*Вынимает и подаёт, дрожа, ассигнации.*)

Хлестаков. Покорнейше благодарю.

Лука Лукич (*вытягиваясь и придерживая шпагу*). Не смею долее беспокоить присутствием...

Хлестаков. Прощайте.

Лука Лукич (*летит вон почти бегом и говорит в сторону*). Ну, слава Богу! авось не заглянет в классы!

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков и Артемий Филиппович, вытянувшись и придерживая шпагу.

Артемий Филиппович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да, помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я признаюсь, это моя слабость — люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филиппович. Очень может быть. (*Помолчав.*) Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. (*Придвигается ближе с своим стулом и говорит вполголоса.*) Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был перед моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, — если признаться перед вами, — конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, — поведения самого предосудительного. Здесь есть один помещик, Добчинский, которого вы изволили видеть, и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов... и нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского; но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите пожалуйста! а я никак этого не думал.

Артемий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища... Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность. Он хуже, чем якобинец[1], и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я всё это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, этак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? Я всё позабываю.

Артемий Филиппович. Земляника.

Хлестаков. А, да! Земляника. И что же, скажите, пожалуйста, есть у вас детки?

Артемий Филиппович. Как же-с! пятеро; двое уже взрослых.

Хлестаков. Скажите: взрослых! А как они... как они того?..

Артемий Филиппович. То есть, не изволите ли вы спрашивать, как их зовут?

Хлестаков. Да, как их зовут?

Артемий Филиппович. Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаков. Это хорошо.

Артемий Филиппович. Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать времени, определённого на священные обязанности... (*Раскланивается, с тем чтобы уйти.*)

Хлестаков (*провожая*). Нет, ничего. Это всё смешно, что вы говорили. Пожалуйста, и в другое тоже время... Я это очень люблю. (*Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.*) Эй вы! как вас! я всё позабываю, как ваше имя и отчество.

Артемий Филиппович. Артемий Филиппович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артемий Филиппович, со мной странный случай: в дороге совершенно издержался. Нет ли у вас денег взаймы рублей четыреста?

Артемий Филиппович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как кстати. Покорнейше вас благодарю.

---

[1] *Якоби́нец* — 1) представитель революционно-демократических слоёв буржуазной революции конца XVIII в., обычно член Якобинского клуба; 2) человек крайних политических убеждений, революционер.

ЯВЛЕНИЕ VII

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Пётр Иванов сын Бобчинский.

Добчинский. Помещик Пётр Иванов сын Добчинский.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали? Что, как ваш нос?

Бобчинский. Слава Богу! Не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Хлестаков. Хорошо, что присох. Я рад... (*Вдруг и отрывисто.*) Денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков. Взаймы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Пётр Иванович?

Добчинский. При мне-с не имеется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения[1].

Хлестаков. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Бобчинский (*шаря в карманах*). У вас, Пётр Иванович, нет ста рублей? у меня всего сорок ассигнациями.

Добчинский (*смотря в бумажник*). Двадцать пять рублей всего.

Бобчинский. Да вы поищите-ка получше, Пётр Иванович! У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха, так в прореху-то, верно, как-нибудь запали.

Добчинский. Нет, право, и в прорехе нет.

Хлестаков. Ну всё равно... Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей... это всё равно. (*Принимает деньги.*)

Добчинский. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

Хлестаков. А что это?

Добчинский. Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите видеть, рождён мною ещё до брака...

Хлестаков. Да?

---

[1] *Приказ общественного призре́ния* — учреждение, ведавшее больницами, приютами, а также производившее некоторые денежные операции.

Добчинский. То есть оно так только говорится, а рождён мною так совершенно, как бы и в браке, и всё это, как следует, я завершил потом законными-с узами супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтобы он теперь уже был совсем, то есть, законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с.

Хлестаков. Хорошо, пусть называется! Это можно.

Добчинский. Я бы и не беспокоил вас, да жаль насчёт способностей. Мальчишка-то этакой... большие надежды подаёт: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадёт ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с. Вот и Пётр Иванович знает.

Бобчинский. Да, большие способности имеет.

Хлестаков. Хорошо, хорошо: я об этом постараюсь, я буду говорить... я надеюсь... всё это будет сделано, да, да... (*Обращаясь к Бобчинскому.*) Не имеете ли и вы чего-нибудь сказать мне?

Бобчинский. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Хлестаков. А что, о чём?

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, или превосходительство, живёт в таком-то городе Пётр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живёт Пётр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да если этак и государю придётся, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живёт Пётр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Добчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Бобчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Хлестаков. Ничего, ничего! Мне очень приятно. (*Выпроваживает их.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков один.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачьё! Напишу-ка я обо всём в Петер-

бург к Тряпичкину. Он пописывает статейки, пусть-ка он их общёлкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернилы!

Осип выглянул из дверей, произнёсши: «Сейчас».

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадёт на зубок, — берегись, отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста. Это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот, какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот!.. Ого! за тысячу перевалило... Ну-ка, теперь, капитан, ну-ка, попадись-ка ты мне теперь. Посмотрим, кто кого!

ЯВЛЕНИЕ IX

Хлестаков и Осип с чернилами и бумагою.

Хлестаков. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают? (*Начинает писать.*)

Осип. Да, слава Богу! Только знаете что, Иван Александрович?

Хлестаков (*пишет*). А что?

Осип. Уезжайте отсюда! Ей-богу, уже пора.

Хлестаков (*пишет*). Вот вздор! зачем?

Осип. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька — ну и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! не ровён час, какой-нибудь другой наедет... Ей-богу, Иван Александрович! А лошади тут славные; так бы закатили!..

Хлестаков (*пишет*). Нет, мне ещё хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Осип. Да что завтра! Ей-богу, поедем, Иван Александрович! Оно хоть и большая честь вам, да всё, знаете, лучше уехать скорее. Ведь вас, право, за кого-то другого приняли, и батюшка будет гневаться, что так замешкались. Так бы, право, закатили славно! А лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков (*пишет*). Ну хорошо. Отнеси только наперёд это письмо; пожалуй, вместе и подорожную[1] возьми. Да зато, смотри, чтобы лошади хорошие были. Ямщикам скажи, что я

[1] *Подоро́жная* — документ о маршруте и праве пассажира пользоваться определённым количеством почтовых лошадей.

буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря[1], катили! и песни бы пели!.. (*Продолжает писать.*) Воображаю, Тряпичкин умрёт со смеху...

Осип. Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтобы не прошло понапрасну время.

Хлестаков (*пишет*). Хорошо. Принеси только свечу.

Осип (*выходит и говорит за сценой*). Эй, послушай, брат! отнесёшь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтоб он принял без денег, да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит: прогон, мол, скажи, казённый. Да чтоб всё живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, ещё письмо не готово.

Хлестаков (*продолжает писать*). Любопытно знать, где он теперь живёт — в Почтамтской или Гороховой? Он ведь тоже любит часто переезжать с квартиры и недоплачивать. Напишу наудалую в Почтамтскую. (*Свёртывает и надписывает.*)

Осип приносит свечу. Хлестаков печатает.
В это время слышен голос Держиморды:
«Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено пускать».

(*Даёт Осипу письмо.*) На, отнеси.

Голоса купцов. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за делом пришли.

Голос Держиморды. Пошёл, пошёл! Не принимает, спит.

Шум увеличивается.

Хлестаков. Что там такое, Осип? Посмотри, что за шум.

Осип (*глядя в окно*). Купцы какие-то хотят войти, да не допускает квартальный. Машут бумагами: верно, вас хотят видеть.

Хлестаков (*подходя к окну*). А что вы, любезные?

Голоса купцов. К твоей милости прибегаем. Прикажите, государь, просьбу принять.

Хлестаков. Впустите их, впустите! пусть идут. Осип, скажи им: пусть идут.

Осип уходит.

(*Принимает из окна просьбы, развёртывает одну из них и читает:*) «Его высокоблагородному Светлости Господину Финансову от купца Абдулина...» Чёрт знает что: и чина такого нет!

---

[1] *Фельдъе́герь* — правительственный или военный курьер.

ЯВЛЕНИЕ X

Хлестаков и купцы с кузовом вина и сахарными головами.

Хлестаков. А что вы, любезные?

Купцы. Челом бьём вашей милости.

Хлестаков. А что вам угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпим совсем понапрасну.

Хлестаков. От кого?

Один из купцов. Да всё от городничего здешнего. Такого городничего никогда ещё, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем[1] совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит: «Ах ты, татарин!» Ей-богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважили его, а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платья супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего мало. Ей-ей! придёт в лавку и, что ни попадёт, всё берёт. Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мне». Ну и несёшь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят.

Хлестаков. Неужели? Ах, какой же он мошенник!

Купцы. Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так всё и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берёт: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесёшь, ни в чём не нуждается. Нет, ему ещё подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? и на Онуфрия несёшь.

Хлестаков. Да это просто разбойник!

Купцы. Ей-ей. А попробуй прекословить, наведёт к тебе в дом целый полк на постой. А если что, велит запереть двери. «Я тебя, говорит, не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать — это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селёдки!»

Хлестаков. Ах, какой мошенник! Да за это просто в Сибирь.

---

[1] *Постóй* — расквартирование военнослужащих в частных домах.

Купцы. Да уж куда милость твоя ни запровадит его — всё будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью. Кланяемся тебе сахарцом и кузовком вина.

Хлестаков. Нет, вы этого не думайте; я не беру совсем никаких взяток. Вот если бы вы, например, предложили мне взаймы рублей триста — ну тогда совсем другое дело: взаймы я могу взять.

Купцы. Изволь, отец наш! (*Вынимают деньги.*) Да что триста! уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Хлестаков. Извольте: взаймы — я ни слова, я возьму.

Купцы (*подносят ему на серебряном подносе деньги*). Уж, пожалуйста, и подносик вместе возьмите.

Хлестаков. Ну и подносик можно.

Купцы (*кланяясь*). Так уж возьмите одним разом и сахарцу.

Хлестаков. О нет: я взяток никаких...

Осип. Ваше высокоблагородие! зачем вы не берёте? Возьмите! в дороге всё пригодится. Давай сюды головы и кулёк! Давай всё, всё пойдёт впрок. Что там? верёвочка! давай и верёвочку! — и верёвочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство! Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Хлестаков. Непременно, непременно! Я постараюсь.

Купцы уходят. Слышен голос женщины:
«Нет, ты не смеешь не допустить меня! Я на тебя
нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!»

Кто там? (*Подходит к окну.*) А, что ты, матушка?

Голоса двух женщин. Милости твоей, отец, прошу! Повели, государь, выслушать!

Хлестаков (*в окно*). Пропустить её.

ЯВЛЕНИЕ XI

Хлестаков, слесарша и унтер-офицерша.

Слесарша (*кланяясь в ноги*). Милости прошу...

Унтер-офицерша. Милости прошу...

Хлестаков. Да что вы за женщины?

Унтер-офицерша. Унтер-офицерская жена Иванова.

Слесарша. Слесарша, здешняя мещанка, Февронья Петровна Пошлёпкина, отец мой...

Хлестаков. Стой, говори прежде одна. Что тебе нужно?

Слесарша. Милости прошу, на городничего челом бью! Пошли ему Бог всякое зло! Чтоб ни детям его, ни ему, мошеннику, ни дядьям, ни тёткам его ни в чём никакого прибытку не было!

Хлестаков. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты[1], и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! да и по закону нельзя: он женатый.

Хлестаков. Как же он мог это сделать?

Слесарша. Сделал, мошенник, сделал; побей Бог его и на том и на этом свете! Чтобы ему, если и тётка есть, то и тётке всякая пакость, и отец если жив у него, то чтоб и он, каналья, околел или поперхнулся навеки, мошенник такой! Следовало взять сына портного, он же и пьянюшка был, да родители богатый подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала к супруге полотна три штуки; так он ко мне. «На что, говорит, тебе муж, он уж тебе не годится». Да я-то знаю: годится или не годится, это моё дело, мошенник такой! «Он, говорит, вор; хоть он теперь и не украл, да всё равно, говорит, он украдёт, его и без того на следующий год возьмут в рекруты». Да мне-то каково без мужа, мошенник такой! Я слабый человек, подлец ты такой! чтоб всей родне твоей не довелось видеть света Божьего! А если есть тёща, то чтоб и тёще...

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? (*Выпроваживает старуху.*)

Слесарша (*уходя*). Не забудь, отец наш! Будь милостив!

Унтер-офицерша. На городничего, батюшка, пришла...

Хлестаков. Ну, да что, зачем? говори в коротких словах.

Унтер-офицерша. Высек, батюшка!

Хлестаков. Как?

Унтер-офицерша. По ошибке, отец мой! Бабы-то наши задрались на рынке, а полиция не подоспела, да и схвати меня. Да так отрапортовали: два дни сидеть не могла.

Хлестаков. Так что ж теперь делать?

Унтер-офицерша. Да делать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штрафт. Мне от своего сча-

[1] *Забрить лоб в солдаты* — сдать в солдаты.

стья неча отказываться, а деньги бы мне теперь очень пригодились.

Хлестаков. Хорошо, хорошо! Ступайте, ступайте! я распоряжусь.

В окно высовываются руки с просьбами.

Да кто там ещё! (*Подходит к окну.*) Не хочу, не хочу! не нужно, не нужно! (*Отходя.*) Надоели, чёрт возьми! не впускай, Осип!

Осип (*кричит в окно*). Пошли, пошли! Не время, завтра приходите!

Дверь отворяется, и выставляется какая-то фигура во фризовой[1] шинели, с небритою бородою, раздутою губою и перевязанною щекою; за нею в перспективе показывается несколько других.

Пошёл, пошёл! чего лезешь? (*Упирается первому руками в брюхо и выпирается вместе с ним в прихожую, захлопнув за собою дверь.*)

ЯВЛЕНИЕ XII

Хлестаков и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ах!

Хлестаков. Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нет, я не испугалась.

Хлестаков (*рисуется*). Помилуйте, сударыня, мне очень приятно, что вы меня приняли за такого человека, который... Осмелюсь ли спросить вас: куда вы намерены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаков. Отчего же, например, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здесь ли маменька...

Хлестаков. Нет, мне хотелось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вам помешала. Вы занимались важными делами.

Хлестаков (*рисуется*). А ваши глаза лучше, нежели важные дела... Вы никак не можете мне помешать; никаким образом не можете; напротив того, вы можете принесть удовольствие.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

---

[1] *Фриз* — толстая, грубая ткань.

Хлестаков. Для такой прекрасной особы, как вы. Осмелюсь ли быть так счастлив, чтобы предложить вам стул? Но нет, вам должно не стул, а трон.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мне так нужно было идти. (*Села.*)

Хлестаков. Какой у вас прекрасный платочек!

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чём вы говорите: какой-то платочек... Сегодня какая странная погода!

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы всё эдакое говорите... Я бы вас попросила, чтоб вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много.

Хлестаков. Для вас, сударыня, всё, что хотите. Требуйте, какие стихи вам.

Марья Антоновна. Какие-нибудь эдакие — хорошие, новые.

Хлестаков. Да что стихи! я много их знаю.

Марья Антоновна. Ну скажите же, какие же вы мне напишете?

Хлестаков. Да к чему же говорить? я и без того их знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю их...

Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: «О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек!..»[1] Ну и другие... теперь не могу припомнить; впрочем, это всё ничего. Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда... (*Придвигая стул.*)

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда не знала, что за любовь... (*Отдвигает стул.*)

Хлестаков (*придвигая стул*). Отчего ж вы отдвигаете свой стул? нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Марья Антоновна (*отдвигаясь*). Для чего ж близко? всё равно и далеко.

Хлестаков (*придвигаясь*). Отчего ж далеко: всё равно и близко.

---

[1] Начальные строки стихотворения М.В. Ломоносова.

Марья Антоновна (*отдвигается*). Да к чему ж это?

Хлестаков (*придвигаясь*). Да ведь это вам кажется только, что близко: а вы вообразите себе, что далеко. Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Марья Антоновна (*смотрит в окно*). Что это там как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Хлестаков (*целует её в плечо и смотрит в окно*). Это сорока.

Марья Антоновна (*встаёт в негодовании*). Нет, это уж слишком... Наглость такая!..

Хлестаков (*удерживая её*). Простите, сударыня: я это сделал от любви, точно от любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинциалку... (*Силится уйти.*)

Хлестаков (*продолжая удерживать её*). Из любви, право, из любви. Я так только, пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь! Я готов на коленках у вас просить прощения. (*Падает на колени.*) Простите же, простите. Вы видите, я на коленях.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна (*увидя Хлестакова на коленях*). Ах, какой пассаж!

Хлестаков (*вставая*). А, чёрт возьми!

Анна Андреевна (*дочери*). Это что значит, сударыня? Это что за поступки такие?

Марья Антоновна. Я, маменька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь: прочь, прочь! и не смей показываться на глаза.

Марья Антоновна уходит в слезах.

Извините, я, признаюсь, приведена в такое изумление...

Хлестаков (*в сторону*). А она тоже очень аппетитна, очень недурна. (*Бросается на колени.*) Сударыня, вы видите, я сгораю от любви.

Анна Андреевна. Как, вы на коленях? Ах, встаньте, встаньте, здесь пол совсем нечист.

Хлестаков. Нет, на коленях, непременно на коленях, я хочу знать, что такое мне суждено, жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я ещё не понимаю вполне значения слов. Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию[1] насчёт моей дочери.

Хлестаков. Нет, я влюблён в вас. Жизнь моя на волоске. Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостоин земного существования. С пламенем в груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем.

Хлестаков. Это ничего. Для любви нет различия, и Карамзин сказал: «Законы осуждают»[2]. Мы удалимся под сень струй... Руки вашей, руки прошу!

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Марья Антоновна вдруг вбегает.

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказал, чтобы вы... (*Увидя Хлестакова на коленях, вскрикивает.*) Ах, какой пассаж!

Анна Андреевна. Ну что ты? к чему? зачем? Что за ветреность такая! Вдруг вбежала, как угорелая кошка. Ну что ты нашла такого удивительного? Ну что тебе вздумалось? право, как дитя какое-нибудь трёхлетнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лет. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнее, когда ты будешь вести себя, как прилично благовоспитанной девице; когда ты будешь знать, что такое хорошие правила и солидность в поступках.

Марья Антоновна (*сквозь слёзы*). Я, право, маменька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вечно какой-то сквозной ветер разгуливает в голове, ты берёшь пример с дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебе глядеть на них, не нужно тебе глядеть на них. Тебе есть примеры другие: перед тобою мать твоя. Вот каким примерам ты должна следовать.

Хлестаков (*схватывая за руку дочь*). Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

---

[1] *Декларáция* — здесь: предложение.

[2] *«Законы осуждают предмет моей любви»* — строчки из песни в повести Н.М. Карамзина «Остров Борнгольм».

Анна Андреевна (*с изумлением*). Так вы в неё?

Хлестаков. Решите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну вот видишь, дура, ну вот видишь: из-за тебя, этакой дряни, гость изволил стоять на коленях; а ты вдруг вбежала как сумасшедшая. Ну вот, право, сто́ит, чтобы я нарочно отказала; ты недостойна такого счастия.

Марья Антоновна. Не буду, маменька. Право, вперёд не буду.

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же и городничий впопыхах.

Городничий. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я её высек, она врёт, ей-богу врёт. Она сама себя высекла.

Хлестаков. Провались унтер-офицерша — мне не до неё.

Городничий. Не верьте, не верьте! это такие лгуны... им вот этакой ребёнок не поверит. Они уж и по всему городу известны за лгунов. А насчёт мошенничества, осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство, она немного с придурью, такова же была и мать её.

Хлестаков. Да, я точно прошу руки. Я влюблён.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шутя вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума.

Городничий. Не смею верить, недостоин такой чести.

Хлестаков. Да. Если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я чёрт знает что готов...

Городничий. Не могу верить: изволите шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан в самом деле! ну, когда тебе толкуют.

Городничий. Не могу верить!

Хлестаков. Отдайте, отдайте — я отчаянный человек, я решусь на всё: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Городничий. Ах, Боже мой! Я, ей-ей, не виноват ни душою, ни телом! Не извольте гневаться! извольте поступать так, как вашей милости угодно! У меня, право, в голове теперь... я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким ещё никогда не бывал.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Городничий. Да благословит вас Бог, а я не виноват!

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной.
Городничий смотрит на них.

Что за чёрт! в самом деле! (*Протирает глаза.*) Целуются! Ах, батюшки, целуются! Точный жених. (*Вскрикивает, подпрыгивая от радости.*) Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! вона как дело-то пошло.

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же и Осип.

Осип. Лошади готовы.

Хлестаков. А, хорошо... я сейчас.

Городничий. Как-с? Изволите ехать?

Хлестаков. Да, еду.

Городничий. А когда же, то есть... вы изволили сами намекнуть насчёт, кажется, свадьбы?

Хлестаков. А это на одну минуту только, на один день к дяде — богатый старик; а завтра же и назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать, в надежде благополучного возвращения.

Хлестаков. Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя... нет, просто не могу выразить. Прощайте, душенька!

Городничий. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах?

Хлестаков. О нет, к чему это? (*Немного подумав.*) А впрочем, пожалуй.

Городничий. Сколько угодно вам?

Хлестаков. Да вот тогда вы дали двести, то есть не двести, а четыреста: я не хочу воспользоваться вашею ошибкою, — так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсот.

Городничий. Сейчас! (*Вынимает из бумажника.*) Ещё, как нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаков. А, да! (*Берёт и рассматривает ассигнации.*) Это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками?

Городничий. Так точно-с.

Хлестаков. Прощайте, Антон Антонович! очень обязан за ваше гостеприимство. Я признаюсь от всего сердца, мне нигде не было такого хорошего приёма. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька Марья Антоновна!

Выходят.

За сценой:

Голос Хлестакова. Прощайте, ангел души моей Марья Антоновна.

Голос городничего. Как же это вы? прямо так на перекладной и едете?

Голос Хлестакова. Да, я привык уж так. У меня голова болит от рессор.

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Так, по крайней мере, чем-нибудь застлать: хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я велю подать коврик?

Голос Хлестакова. Нет, зачем? это пустое; а впрочем, пожалуй, пусть дают коврик.

Голос городничего. Эй, Авдотья! ступай в кладовую: вынь ковёр самый лучший, что по голубому полю, персидский. Скорей!

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Когда прикажете ожидать вас?

Голос Хлестакова. Завтра или послезавтра.

Голос Осипа. А, это ковёр? давай его сюда, клади вот так! теперь давай-ко с этой стороны сена.

Голос ямщика. Тпр...

Голос Осипа. Вот с этой стороны! сюда! ещё! хорошо! Славно будет! (*Бьёт рукою по ковру.*) Теперь садитесь, ваше благородие.

Голос Хлестакова. Прощайте, Антон Антонович!

Голос городничего. Прощайте, ваше превосходительство!

Женские голоса. Прощайте, Иван Александрович!

Голос Хлестакова. Прощайте, маменька!

Голос ямщика. Эй вы, залётные!

Колокольчик звенит. Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Та же комната.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь об этом? экой богатый приз, канальство! Ну, признайся откровенно: тебе и во сне не виделось — просто из какой-нибудь городничихи и вдруг... фу-ты, канальство!.. с каким дьяволом породнилась!

Анна Андреевна. Совсем нет; я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек, никогда не видел порядочных людей.

Городничий. Я сам, матушка, порядочный человек. Однако ж, право, как подумаешь, Анна Андреевна: какие мы с тобой теперь птицы сделались! а, Анна Андреевна? Высокого полёта, чёрт побери! Постой же, теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы! Эй, кто там?

Входит квартальный.

А, это ты, Иван Карпович! Призови-ка сюда, брат, купцов. Вот я их, каналий! Так жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый иудейский народ! Постойте ж, голубчики! Прежде я вас кормил до усов только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всех, кто только ходил бить челом на меня, и вот этих больше всего писак, писак, которые закручивали им просьбы. Да объяви всем, чтоб знали: что вот, дескать, какую честь Бог послал городничему, что выдаёт дочь

свою — не то чтобы за какого-нибудь простого человека, а за такого, что и на свете ещё не было, что может всё сделать, всё, всё, всё! Всем объяви, чтобы все знали. Кричи во весь народ, валяй в колокола, чёрт возьми! Уж когда торжество, так торжество!

Квартальный уходит.

Так вот как, Анна Андреевна, а? Как же мы теперь, где будем жить? здесь или в Питере?

Анна Андреевна. Натурально, в Петербурге. Как можно здесь оставаться?

Городничий. Ну, в Питере так в Питере; а оно хорошо бы и здесь. Что, ведь, я думаю, уже городничество тогда к чёрту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, что за городничество!

Городничий. Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он запанибрата со всеми министрами и во дворец ездит; так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в генералы?

Анна Андреевна. Ещё бы! конечно, можно.

Городничий. А, чёрт возьми, славно быть генералом! Кавалерию[1] повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?

Анна Андреевна. Уж, конечно, голубую лучше.

Городничий. Э? вишь, чего захотела! хорошо и красную. Ведь почему хочется быть генералом? — потому что, случится, поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперёд: «Лошадей!» И там на станциях никому не дадут, всё дожидается: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь. Обедаешь где-нибудь у губернатора, а там: стой, городничий! Хе, хе, хе! (*Заливается и помирает со смеху.*) Вот что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебе всё такое грубое нравится. Ты должен помнить, что жизнь нужно совсем переменить, что твои знакомые будут не то что какой-нибудь судья-собачник, с которым ты ездишь травить зайцев, или Земляника; напротив, зна-

[1] *Кавале́рия* — здесь: широкая орденская лента, которую носили через плечо при самых высоких орденах (красную — при Станиславе и Анне первой степени, голубую — при Андрее Первозванном).

комые твои будут с самым тонким обращением: графы и все светские... только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого в хорошем обществе никогда не услышишь.

Городничий. Что ж? Ведь слово не вредит.

Анна Андреевна. Да хорошо, когда ты был городничим; а там ведь жизнь совершенно другая.

Городничий. Да, там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечёт, как начнёшь есть.

Анна Андреевна. Ему всё бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице и чтоб у меня в комнате такое было амбре, чтоб нельзя было войти и нужно бы только этак зажмурить глаза. (*Зажмуривает глаза и нюхает.*) Ах, как хорошо!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и купцы.

Городничий. А! Здорово, соколики!

Купцы (*кланяясь*). Здравия желаем, батюшка!

Городничий. Что, голубчики, как поживаете? как товар идёт ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувалы мирские! жаловаться? Что, много взяли? Вот, думают, так в тюрьму его и засадят!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что...

Анна Андреевна. Ах, Боже мой, какие ты, Антоша, слова отпускаешь!..

Городничий (*с неудовольствием*). А, не до слов теперь! Знаете ли, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я вас!.. у!.. Обманываете народ... Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь её, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь двадцать аршин, да и давай тебе ещё награду за это? Да если б знали, так бы тебе... И брюхо суёт вперёд: он купец; его не тронь. «Мы, говорит, и дворянам не уступим». Да дворянин... ах ты, рожа! дворянин учится наукам; его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное. А ты что? — начинаешь плутнями, тебя хозяин бьёт за то, что не умеешь обманывать. Ещё мальчишка, «Отче наша»[1] не знаешь, а уж обмери-

[1] *«Отче наш»* — главная христианская молитва, которую заучивали ещё в детстве.

ваешь; а как разопрёт тебе брюхо да набьёшь себе карман, так и заважничал! Фу-ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваров выдуешь в день, так оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы (*кланяясь*). Виноваты, Антон Антонович!

Городничий. Жаловаться? А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода! Ты позабыл это? Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также спровадить в Сибирь. Что скажешь? а?

Один из купцов. Богу виноваты, Антон Антонович. Лукавый попутал. И закаемся вперёд жаловаться. Уж какое хошь удовлетворение, не гневись только!

Городничий. Не гневись! вот ты теперь валяешься у ног моих. Отчего? оттого, что моё взяло, а будь хоть немножко на твоей стороне, так ты бы меня, каналья, втоптал в самую грязь, ещё бы и бревном сверху навалил.

Купцы (*кланяются в ноги*). Не погуби, Антон Антонович!

Городничий. «Не погуби!» Теперь: «не погуби!», а прежде что? Я бы вас... (*Махнув рукой.*) Ну, да Бог простит! полно! Я не памятозлобен; только теперь смотри держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина. Чтоб поздравление было... понимаешь? не то чтоб отбояриться каким-нибудь балычком или головою сахару... Ну, ступай с Богом!

Купцы уходят.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Аммос Фёдорович,
Артемий Филиппович, потом Растаковский.

Аммос Фёдорович (*ещё в дверях*). Верить ли слухам, Антон Антонович? к вам привалило необыкновенное счастие?

Артемий Филиппович. Имею честь поздравить с необыкновенным счастием. Я душевно обрадовался, когда услышал. (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Анна Андреевна! (*Подходит к ручке Марьи Антоновны.*) Марья Антоновна!

Растаковский (*входит*). Антона Антоновича поздравляю. Да продлит Бог жизнь вашу и новой четы и даст вам потомство

многочисленное, внучат и правнучат! Анна Андреевна! (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Марья Антоновна! (*Подходит к ручке Марьи Антоновны.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Коробкин с женою, Люлюков.

Коробкин. Имею честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Марья Антоновна! (*Подходит к её ручке.*)

Жена Коробкина. Душевно поздравляю вас, Анна Андреевна, с новым счастием.

Люлюков. Имею честь поздравить, Анна Андреевна! (*Подходит к ручке и потом, обратившись к зрителям, щёлкает языком с видом удальства.*) Марья Антоновна! Имею честь поздравить. (*Подходит к её ручке и обращается к зрителям с тем же удальством.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Множество гостей в сюртуках и фраках подходят сначала к ручке Анны Андреевны, говоря: «Анна Андреевна!», потом к Марье Антоновне, говоря: «Марья Антоновна!» Бобчинский и Добчинский проталкиваются.

Бобчинский. Имею честь поздравить!

Добчинский. Антон Антонович! имею честь поздравить!

Бобчинский. С благополучным происшествием!

Добчинский. Анна Андреевна!

Бобчинский. Анна Андреевна!

Оба подходят в одно время и сталкиваются лбами.

Добчинский. Марья Антоновна! (*Подходит к ручке.*) Честь имею поздравить. Вы будете в большом, большом счастии, в золотом платье ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время...

Бобчинский (*перебивая*). Марья Антоновна, имею честь поздравить! Дай вам Бог всякого богатства, червонцев и сынка — с этакого, маленького, вон энтакого-с (*показывает рукою*), чтоб можно было на ладонку посадить, да-с! Всё будет мальчишка кричать: уа! уа! уа!..

ЯВЛЕНИЕ VI

Ещё несколько гостей, подходящих к ручкам.
Лука Лукич с женою.

Лука Лукич. Имею честь.

Жена Луки Лукича (*бежит вперёд*). Поздравляю вас, Анна Андреевна!

Целуются.

А я так, право, обрадовалась; говорят мне: «Анна Андреевна выдаёт дочку». «Ах, Боже мой!» — думаю себе, и так обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчик, вот какое счастье Анне Андреевне!» «Ну, — думаю себе, — слава Богу!» И говорю ему: «Я так восхищена, что сгораю нетерпением изъявить лично Анне Андреевне...» «Ах, Боже мой, — думаю себе, — Анна Андреевна именно ожидала хорошей партии для своей дочери, а вот теперь такая судьба: именно так сделалось, как она хотела», и так, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вот просто рыдаю. Уж Лука Лукич говорит: «Отчего ты, Настенька, рыдаешь?» — «Луканчик, говорю, я и сама не знаю, слёзы так вот рекой и льются».

Городничий. Покорнейше прошу садиться, господа! Эй, Мишка! принеси сюда побольше стульев!

Гости садятся.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, частный пристав и квартальные.

Частный пристав. Имею честь поздравить вас, ваше высокоблагородие, и пожелать благоденствия на многие лета!

Городничий. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа!

Гости усаживаются.

Аммос Фёдорович. Но скажите, пожалуйста, Антон Антонович, каким образом всё это началось: постепенный ход всего дела.

Городничий. Ход дела чрезвычайный: изволил собственнолично сделать предложение.

Анна Андреевна. Очень почтительным и самым тонким образом. Всё чрезвычайно хорошо говорил. Говорит: «Я, Анна

Андреевна, из одного только уважения к вашим достоинствам...» И такой прекрасный, воспитанный человек, самых благороднейших правил! «Мне, верите ли, Анна Андреевна, мне жизнь — копейка, я только потому, что уважаю ваши редкие качества».

Марья Антоновна. Ах, маменька! Ведь это он мне говорил.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не в своё дело не мешайся! «Я, Анна Андреевна, изумляюсь...» В таких лестных рассыпался словах... И когда я хотела сказать: «Мы никак не смеем надеяться на такую честь», — он вдруг упал на колени и таким самым благороднейшим образом: «Анна Андреевна! не сделайте меня несчастнейшим! согласитесь отвечать моим чувствам, не то я смертью окончу жизнь свою».

Марья Антоновна. Право, маменька, он обо мне это говорил.

Анна Андреевна. Да, конечно... и об тебе было, я ничего этого не отвергаю.

Городничий. И так даже напугал: говорил, что застрелится. «Застрелюсь, застрелюсь!» — говорит.

Многие из гостей. Скажите пожалуйста!

Аммос Фёдорович. Экая штука!

Лука Лукич. Вот подлинно, судьба уж так вела.

Артемий Филиппович. Не судьба, батюшка, судьба — индейка, заслуги привели к тому. (*В сторону.*) Этакой свинье лезет всегда в рот счастье!

Аммос Фёдорович. Я, пожалуй, Антон Антонович, продам вам того кобелька, которого торговали.

Городничий. Нет, мне теперь не до кобельков.

Аммос Фёдорович. Ну, не хотите, на другой собаке сойдёмся.

Жена Коробкина. Ах, как, Анна Андреевна, я рада вашему счастию! вы не можете себе представить.

Коробкин. Где ж теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышал, что он уехал зачем-то.

Городничий. Да, он отправился на один день по весьма важному делу.

Анна Андреевна. К своему дяде, чтоб испросить благословения.

Городничий. Испросить благословения; но завтра же... (*Чихает.*)

Поздравления сливаются в один гул.

Много благодарен! Но завтра же и назад... (*Чихает.*)

Поздравительный гул; слышнее других голоса:

Частного пристава. Здравия желаем, ваше высокоблагородие!

Бобчинского. Сто лет и куль червонцев!

Добчинского. Продли Бог на сорок сороков!

Артемия Филипповича. Чтоб ты пропал!

Жена Коробкина. Чёрт тебя побери!

Городничий. Покорнейше благодарю! И вам того ж желаю.

Анна Андреевна. Мы теперь в Петербурге намерены жить. А здесь, признаюсь, такой воздух... деревенский уж слишком!.. признаюсь, большая неприятность... Вот и муж мой: он там получит генеральский чин.

Городничий. Да, признаюсь, господа, я, чёрт возьми, очень хочу быть генералом.

Лука Лукич. И дай Бог получить.

Растаковский. От человека невозможно, а от Бога всё возможно.

Аммос Фёдорович. Большому кораблю — большое плаванье.

Артемий Филиппович. По заслугам и честь.

Аммос Фёдорович (*в сторону*). Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! Ну, брат, нет, до этого ещё далека песня. Тут и почище тебя есть, а до сих пор ещё не генералы.

Артемий Филиппович (*в сторону*). Эка, чёрт возьми, уж и в генералы лезет! Чего доброго, может, и будет генералом. Ведь у него важности, лукавый не взял бы его, довольно. (*Обращаясь к нему.*) Тогда, Антон Антонович, и нас не позабудьте.

Аммос Фёдорович. И если что случится: например, какая-нибудь надобность по делам, не оставьте покровительством!

Коробкин. В следующем году повезу сынка в столицу на пользу государства, так, сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, место отца заступите сиротке.

Городничий. Я готов с своей стороны, готов стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готов обещать. Во-первых, тебе не будет времени думать об этом. И как можно и с какой стати себя обременять этакими обещаниями?

Городничий. Почему ж, душа моя: иногда можно.

Анна Андреевна. Можно, конечно, да ведь не всякой же мелюзге оказывать покровительство.

Жена Коробкина. Вы слышали, как она трактует[1] нас?

Гостья. Да, она такова всегда была; я её знаю: посади её за стол, она и ноги свои...

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и почтмейстер впопыхах,
с распечатанным письмом в руке.

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор, я узнал это из письма.

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейстер. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес — вижу: «в Почтамтскую улицу». Я так и обомлел. «Ну, — думаю себе, — верно, нашёл беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство». Взял да и распечатал.

Городничий. Как же вы?..

Почтмейстер. Сам не знаю: неестественная сила побудила. Призвал было уж курьера с тем, чтобы отправить его с эштафетой[2]; но любопытство такое одолело, какого ещё никогда не чувствовал. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянет, так вот и тянет! В одном ухе так вот и слышу: «Эй, не распечатывай! пропадёшь, как курица»; а в другом словно бес какой шепчет: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей-богу мороз. И руки дрожат, и всё помутилось.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он не уполномоченный и не особа!

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

---

[1] *Трактова́ть* — здесь: оценивать (жена Коробкина употребляет это слово, чтобы подчеркнуть свою «образованность»).

[2] *Эштафе́та* (*искаж.* эстафета) — здесь: срочная почта.

Почтмейстер. Ни сё ни то: чёрт знает что такое!

Городничий (*запальчиво*). Как ни сё ни то? Как вы смеете назвать его ни тем ни сем, да ещё чёрт знает чем? Я вас под арест...

Почтмейстер. Кто? вы?

Городничий. Да, я!

Почтмейстер. Коротки руки!

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу?

Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! что Сибирь? далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер (*читает*). «Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую[1], волочусь напропалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать; думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали нашаромыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счёт доходов аглицкого короля; теперь совсем другой оборот. Все мне дают взаймы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых: городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. Не может быть! там нет этого.

Почтмейстер (*показывает письмо*). Читайте сами.

Городничий (*читает*). «Как сивый мерин». Не может быть! вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артемий Филиппович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте!

Почтмейстер (*продолжая читать*). «Городничий — глуп, как сивый мерин...»

---

[1] *Жуи́ровать* — развлекаться, вести весёлую жизнь.

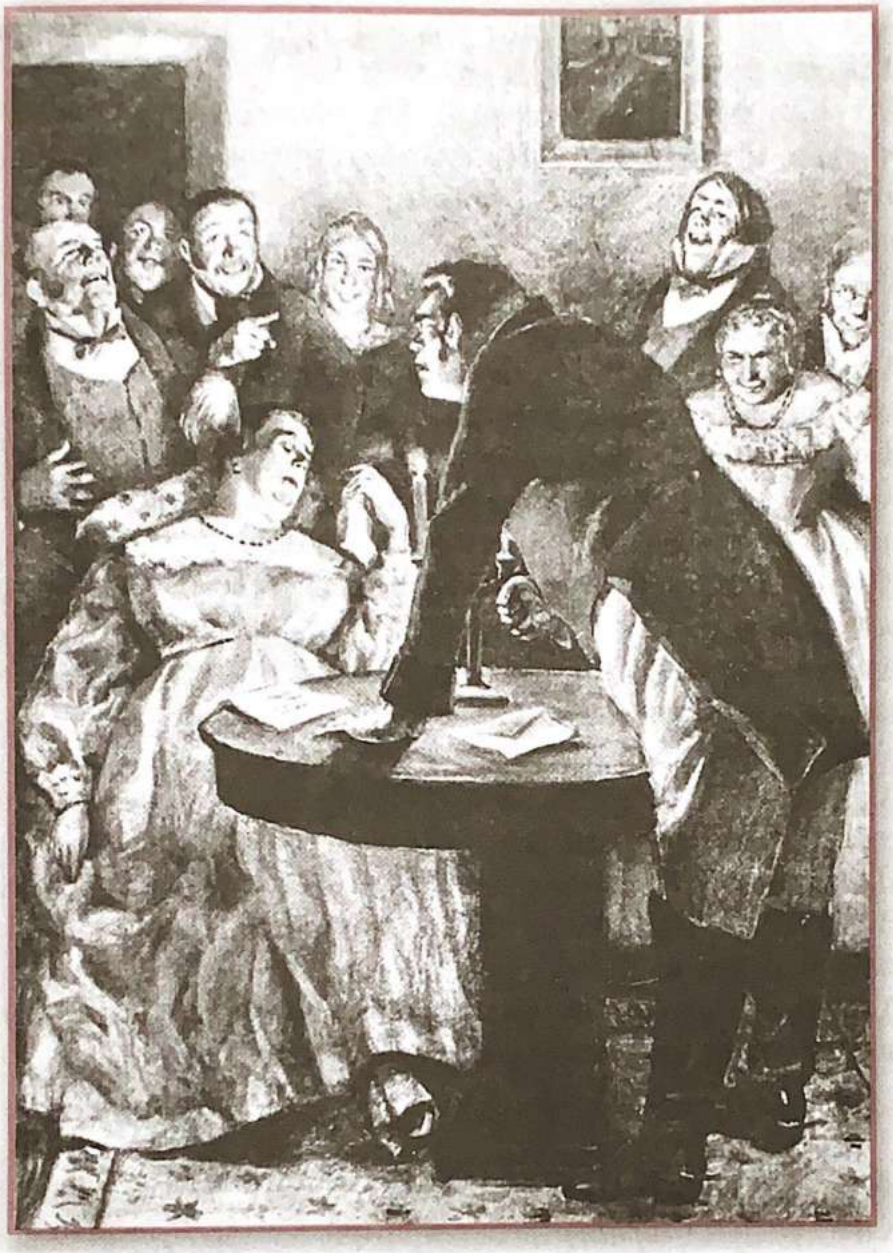

Иллюстрация к действию пятому, явлению VIII.
Художник А.И. Константиновский. 1950 г.

Городничий. О, чёрт возьми! нужно ещё повторять! как будто оно там и без того не стоит.

Почтмейстер (*продолжая читать*). Хм... хм... хм... хм... «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек...» (*Оставляя читать.*) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, чёрт возьми, когда уж читать, так читать! Читайте всё!

Артемий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. (*Надевает очки и читает.*) «Почтмейстер точь-в-точь департаментский сторож Михеев, должно быть, также, подлец, пьёт горькую».

Почтмейстер (*к зрителям*). Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь; больше ничего!

Артемий Филиппович (*продолжая читать*). «Надзиратель над богоугодным заведе...и...и...и...» (*Заикается.*)

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филиппович. Да нечёткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне! Вот у меня, я думаю, получше глаза. (*Берёт письмо.*)

Артемий Филиппович (*не давая письма*). Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артемий Филиппович. Прочитать я и сам прочитаю: далее, право, всё разборчиво.

Почтмейстер. Нет, всё читайте! ведь прежде всё читано.

Все. Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо! (*Коробкину.*) Читайте!

Артемий Филиппович. Сейчас. (*Отдаёт письмо.*) Вот, позвольте... (*Закрывает пальцем.*) Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

Почтмейстер. Читайте, читайте! вздор, всё читайте!

Коробкин (*читая*). «Надзиратель за богоугодным заведением Земляника — совершенная свинья в ермолке».

Артемий Филиппович (*к зрителям*). И неостроумно! Свинья в ермолке! где же свинья бывает в ермолке?

Коробкин (*продолжая читать*). «Смотритель училищ пропах насквозь луком».

Лука Лукич (*к зрителям*). Ей-богу, и в рот никогда не брал луку.

Аммос Фёдорович (*в сторону*). Слава Богу, хоть, по крайней мере, обо мне нет!

Коробкин (*читает*). «Судья...»

Аммос Фёдорович. Вот тебе на... (*Вслух.*) Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чёрт ли в нём: дрянь этакую читать.

Лука Лукич. Нет!

Почтмейстер. Нет, читайте!

Артемий Филиппович. Нет, уж читайте!

Коробкин (*продолжает*). «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон[1]...» (*Останавливается.*) Должно быть, французское слово.

Аммос Фёдорович. А чёрт его знает, что оно значит! Ещё хорошо, если только мошенник, а может быть, и того ещё хуже.

Коробкин (*продолжая читать*). «А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить, хочешь наконец пищи для души. Вижу: точно нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. (*Переворачивает письмо и читает адрес.*) Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санкт-Петербурге, в Почтамтскую улицу, в доме под нумером девяносто седьмым, поворотя на двор, в третьем этаже направо».

Одна из дам. Какой реприманд[2] неожиданный!

Городничий. Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рылы вместо лиц, а больше ничего... Воротить, воротить его! (*Машет рукою.*)

Почтмейстер. Куды воротить! Я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку; чёрт угораздил дать и вперёд предписание.

Жена Коробкина. Вот уж точно, вот беспримерная конфузия!

Аммос Фёдорович. Однако ж, чёрт возьми, господа! он у меня взял триста рублей взаймы.

Артемий Филиппович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер (*вздыхает*). Ох! и у меня триста рублей.

---

[1] Здесь: человек дурного тона (от *фр.* mauvais ton).

[2] Здесь: неприятность (от *фр.* réprimande — буквально: выговор).

Бобчинский. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с, да-с.

Аммос Фёдорович (*в недоумении расставляет руки*). Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

Городничий (*бьёт себя по лбу*). Как я?.. нет, как я, старый дурак! Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести, мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трёх губернаторов обманул!.. что губернаторов! (*махнул рукой*) нечего и говорить про губернаторов...

Анна Андреевна. Но это не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой...

Городничий (*в сердцах*). Обручился! Кукиш с маслом — вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обрученьем!.. (*В исступлении.*) Вот смотрите, смотрите, весь мир, всё христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (*Грозит себе самому кулаком.*) Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вот он теперь по всей дороге заливает колокольчиком! Разнесёт по всему свету историю; мало того что пойдёшь в посмешище... найдётся щелкопёр[1], бумагомарака, в комедию тебя вставит, вот что обидно, чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеётесь? над собой смеётесь!.. Эх вы!.. (*Стучит со злости ногами об пол.*) Я бы всех этих бумагомарак! У, щелкопёры, либералы[2] проклятые! чёртово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стёр вас всех да чёрту в подкладку! в шапку туды ему!.. (*Суёт кулаком и бьёт каблуком в пол. После некоторого молчания.*) До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если Бог хочет наказать, так отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе[3] похожего на ревизора? ничего не было! Вот просто ни на полмизинца не было похожего — и вдруг все: ревизор, ревизор! Ну кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте.

---

[1] *Щелкопёр* — бумагомаратель, писака, враль (*устар.*).

[2] *Либерал* — здесь: свободомыслящий человек.

[3] *Вертопра́х* — легкомысленный, ветреный человек (*устар.*).

Артемий Филиппович (*расставляя руки*). Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, чёрт попутал.

Аммос Фёдорович. Да кто выпустил! — вот кто выпустил: эти молодцы! (*Показывает на Добчинского и Бобчинского.*)

Бобчинский. Ей-ей, не я, и не думал...

Добчинский. Я ничего, совсем ничего...

Артемий Филиппович. Конечно, вы!

Лука Лукич. Разумеется. Прибежали как сумасшедшие из трактира: «Приехал, приехал и денег не плотит...» Нашли важную птицу!

Городничий. Натурально, вы! сплетники городские, лгуны проклятые!

Артемий Филиппович. Чтоб вас чёрт побрал с вашим ревизором и рассказами!

Городничий. Только рыскаете по городу да смущаете всех, трещотки проклятые! Сплетни сеете, сороки короткохвостые!

Аммос Фёдорович. Пачкуны проклятые!

Лука Лукич. Колпаки!

Артемий Филиппович. Сморчки короткобрюхие!

Все обступают их.

Бобчинский. Ей-богу, это не я, это Пётр Иванович.

Добчинский. Э, нет, Пётр Иванович, вы ведь первые того...

Бобчинский. А вот и нет; первые-то были вы.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесённые слова поражают как громом всех.
Звук изумления единодушно излетает из дамских уст;
вся группа, вдруг переменивши положение,
остаётся в окаменении.

НЕМАЯ СЦЕНА

Городничий посередине в виде столба с распростёртыми руками и закинутою назад головою. По правую сторону его жена и дочь, с устремившимся к нему движеньем всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращённый к зрителям; за ним Лука Лукич, потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гостьи, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выражением лиц, относящимся прямо к семейству городничего. По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движенье губами, как бы хотел посвистать или произнесть: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» За ним Коробкин, обратившийся к зрителям с прищуренным глазом и едким намёком на городничего; за ним, у самого края, Добчинский и Бобчинский, с устремившимися движеньями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение.

Занавес опускается.

1835—1842

Немая сцена. *Рисунок неизвестного художника, ошибочно приписывавшийся Н.В. Гоголю*

В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ГОГОЛЕВСКОЙ КОМЕДИИ

В.Г. Белинский относил «Ревизора» к тем «дивно-художественным» и «глубоко-истинным» творениям, которыми Гоголь «могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на себя самоё, как будто в зеркало». «Ревизор», по определению А.И. Герцена, был комедией не только для избранной части публики, а комедией всенародной, «комедией для всех».

Приступая к работе над драматургическими произведениями, Гоголь стремился поднимать в них общественно значимые темы. «Наши комики, — говорил он, имея в виду своих предшественников, Фонвизина и Грибоедова, — двигнулись общественной причиной, а не собственной, восстали не противу одного лица, но против целого множества злоупотреблений, против уклоненья всего общества от прямой дороги». В «Театральном разъезде» в связи с «Ревизором» он утверждал: «Комедия должна вязаться сама собою, всей своей массою, в один большой, общий узел. Завязка должна обнимать все лица, а не одно или два, — коснуться того, что волнует более или менее всех действующих. Тут всякий герой; течение и ход пьесы производит потрясение всей машины». Такой комедией стал его «Ревизор», где «честное, благородное лицо был — *смех*».

Одной из основных художественных идей «Ревизора» является мысль о личной ответственности каждого человека за совершаемые им поступки, за повсеместные и повседневные злоупотребления своим положением. Характерно, что каждый из персонажей пьесы, взятый отдельно, в общем и целом безобиден и кажется не опасен: городничий, с точки зрения самого персонажа, — взяточник «слегка». Судья вообще почти сущий ангел — берёт взятки не деньгами, а исключительно борзыми щенками, которых бескорыстно и страстно любит. А это в его представлении и не взятка вообще. Правда, он нерадиво исполняет свои служебные обязанности, но ведь никто на службе не усердствует. Другие судейские чиновники людям вред приносят, а он безобиден. Невежественен попечитель богоугодных заведений, но зачем ему ум и знания, чтобы занимать это место, когда плутовство и подхалимство успешно заменяет ему служ-

Разъезд из Александринского театра.
Литография Р.К. Жуковского. 1843 г.

бу. Бобчинский и Добчинский — вообще бескорыстные сплетники. А между тем, взятые вместе, чиновники составляют горестную картину морального разложения государственных служащих, и потому комедия является в русской литературе произведением острейшего социального обличения, превосходящим в этом плане все пьесы социальной тематики, созданные во второй половине XIX века.

Образный мир «Ревизора» — это новый мир комедийных характеров. Своеобразие многих из них обозначил сам драматург, и поэтому мы обратимся прежде всего именно к его оценкам. Они даны в статьях и письмах писателя.

В статье «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления „Ревизора" к одному литератору», которая (как свидетельствовал сам Гоголь в письме к С.Т. Аксакову 17 марта 1841 года) является неотправленным письмом к Пушкину, давалось авторское ви́дение героев комедии.

Хлестаков, по Гоголю, «вовсе не надувает; он не лгун по ремеслу; он сам позабывает, что лжёт, и уже сам почти верит тому, что говорит. Он развернулся, он в духе, видит, что всё идёт хорошо, его слушают — и по тому одному он говорит вообще развязнее, говорит от души, говорит совершенно откровенно и, говоря ложь, выказывает именно в ней себя таким, как есть». Рассуждая об особенностях актёрского исполнения типажей такого рода, Гоголь замечает: «...вообще у нас актёры совсем не умеют лгать. Они воображают, что лгать — значит просто нести болтовню. Лгать — значит говорить ложь тоном, так близким к истине, так естественно, так наивно, как можно только говорить одну истину; и здесь-то заключается именно всё комическое лжи».

В гоголевском понимании Хлестаков — «человек ловкий... умный и даже, пожалуй, добродетельный. <...> Хлестаков лжёт вовсе не холодно или фанфаронски-театрально; он лжёт с чувством; в глазах его выражается наслаждение, получаемое им от этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута в его жизни — почти род вдохновения. <...> У Хлестакова ничего не

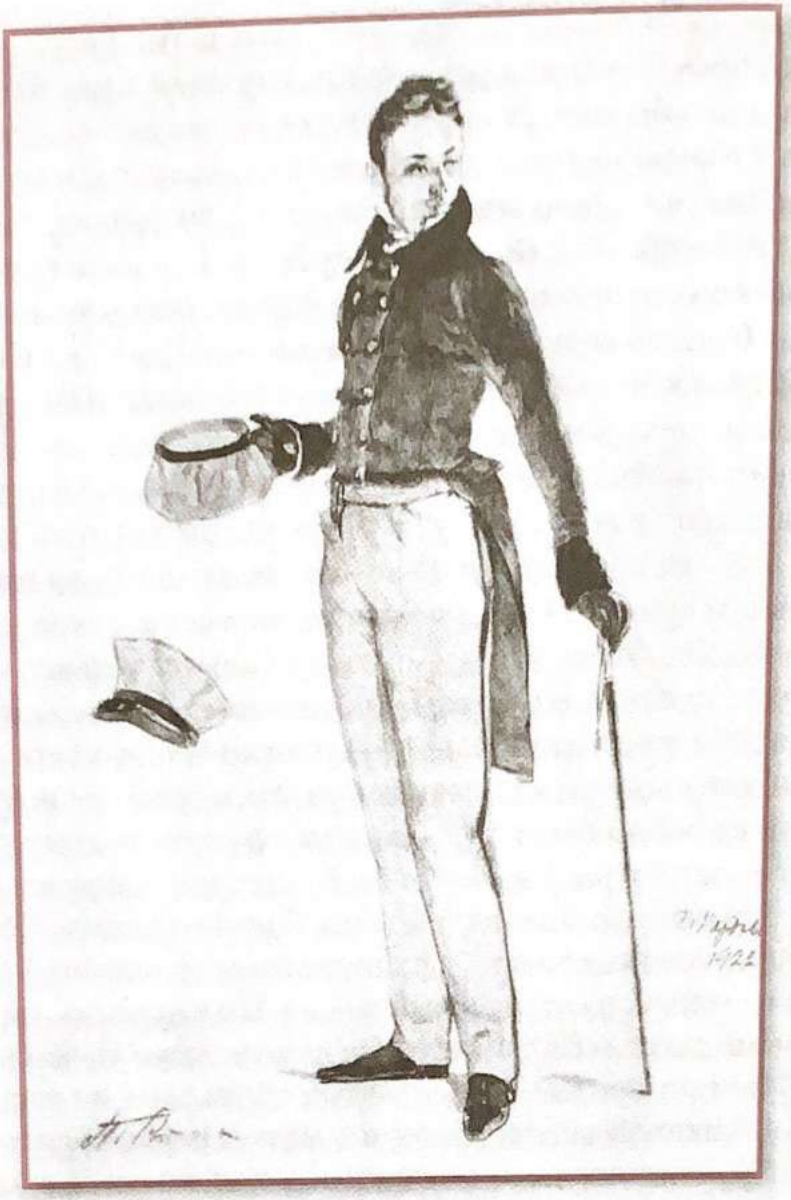
должно быть означено резко. Он принадлежит к тому кругу, который, по-видимому, ничем не отличается от прочих молодых людей. Он даже хорошо иногда держится, даже говорит иногда с весом, и только в случаях, где требуется или присутствие духа, или характер, выказывается его отчасти подленькая, ничтожная натура. <...> Что такое, если разобрать в самом деле, Хлестаков? Молодой человек, чиновник, и пустой, как называют, но заключающий в себе много качеств, принадлежащих людям, которых свет не называет пустыми. Выставить эти качества в людях, которые не лишены, между прочим, хороших достоинств, было бы грехом со стороны писателя, ибо он тем поднял бы их на всеобщий смех. Лучше пусть всякий отыщет частицу себя в этой роли и в то же время осмотрится вокруг без боязни и страха, чтобы не указал кто-нибудь на него пальцем и не назвал бы его по имени. Словом, это лицо должно быть тип многого разбросанного в разных русских характерах, но которое здесь соединилось случайно в одном лице, как весьма часто попадается и в натуре. Всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым, но, натурально, в этом не хочет только признаться; он любит даже и посмеяться над этим фактом, но только, конечно, в коже другого, а не в собственной. И ловкий гвардейский офицер окажется иногда Хлестаковым, и государственный муж окажется иногда Хлестаковым, и наш брат, грешный литератор, окажется подчас Хлестаковым. Словом, редко кто им не будет хоть раз в жизни, — дело только в том, что вслед за тем очень ловко повернётся, и как будто бы и не он».

В другой статье читаем: «Хлестаков сам по себе ничтожный человек. Даже пустые люди называют его пустейшим. Никогда бы ему в жизни не случилось сделать дела, способного обратить чьё-нибудь внимание. Но сила всеобщего страха создала из него замечательное комическое лицо. Страх, отуманивши глаза всех, дал ему поприще для комической роли. Обрываемый и обрезываемый доселе во всём, даже и в замашке пройтись козырем по Невскому проспекту, он почувствовал простор и вдруг развернулся неожиданно для самого себя. В нём всё сюрприз и неожиданность. Он даже весьма долго не в силах догадаться, отчего к нему такое внимание, уважение. Он почувствовал только приятность и удовольствие, видя, что его слушают, угождают, исполняют всё, что он хочет, ловят с жадностью всё, что ни произносит

он. Он разговорился, никак не зная с начала разговора, куда поведёт его речь. Темы для разговоров ему дают выведывающие. Они сами как бы кладут ему всё в рот и создают разговор. Он чувствует только то, что везде можно хорошо порисоваться, если ничто не мешает. Он чувствует, что он и в литературе господин, и на балах не последний, и сам даёт балы, и, наконец, что он — государственный человек. Он ни от чего не прочь, о чём бы ему ни лгать. Обед со всякими лабарданами и винами дал изобразительную словоохотность и красноречие его языку. Чем далее, тем более входит всеми чувствами в то, что говорит, и потому выражает многое почти с жаром. Не имея никакого желанья надувать, он позабывает сам, что лжёт. Ему уже кажется, что он действительно всё, что производил. Поэтому сцена, когда он говорит о себе как о государственном человеке, способна, точно, смутить чиновника. Особенно в то время, когда он рассказывает, как распекал всех до единого в Петербурге, является в лице важность и все атрибуты и всё, что угодно. Будучи сам неоднократно распекаем, он это должен мастерски изобразить в речах: он почувствовал в это время особенное удовольствие распечь наконец и самому других, хотя в рассказах. Он бы и подальше добрался в речах своих, но язык его уже не оказался больше годным, по какой причине чиновники нашлись принуждёнными отвести его с почтеньем и страхом на отведённый ночлег. Проснувшись, он тот же Хлестаков, каким и был прежде. Он даже не помнит, чем напугал всех. В нём по-прежнему никакого соображения и глупость во всех поступках. Влюбляется он и в мать и в дочь почти в одно время. Просит денег, потому что это как-то само собой срывается с языка и потому, что уже у первого он попросил и тот с готовностью предложил. Только к концу акта он догадывается, что его принимают за кого-то повыше. Но если бы не Осип, которому кое-как удалось ему несколько растолковать, что такой обман недолго может продолжаться, он бы преспокойно дождался толчков и проводов со двора не с честью».

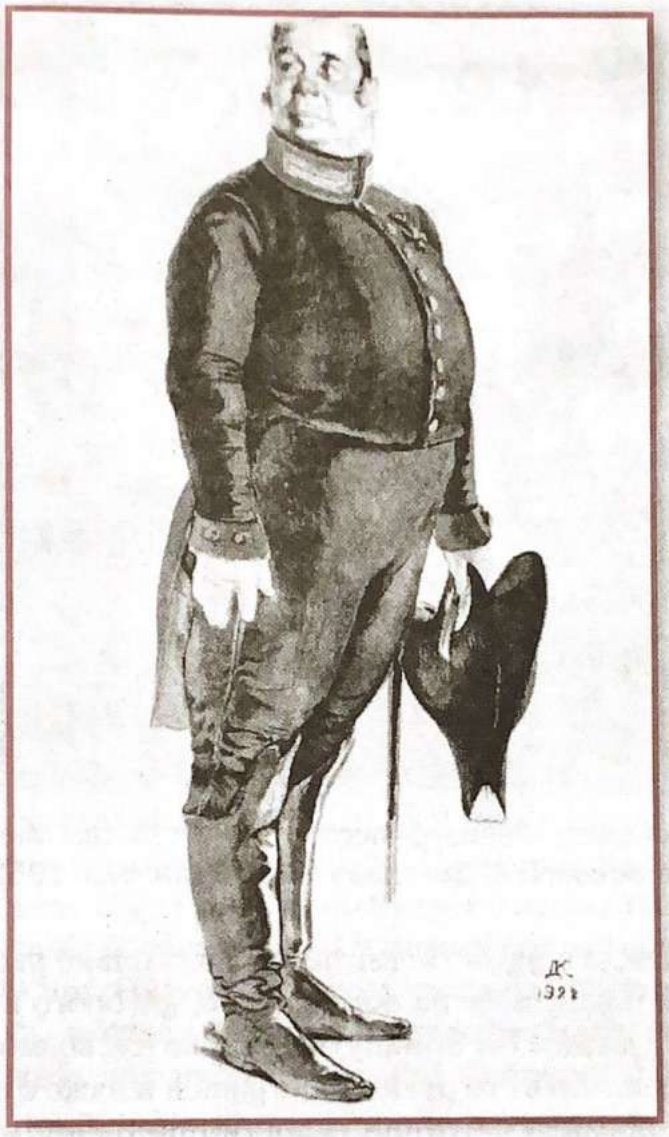
Актёрам адресована статья «Предуведомление для тех, которые пожелали бы сыграть как следует „Ревизора"». Характеристики и оценки писателя важны, ибо кто, как не он, лучше других чувствует и понимает своеобразие каждого героя своей комедии.

Наряду с Хлестаковым, главное действующее лицо — городничий. «Человек этот более всего озабочен тем, чтобы не про-

Хлестаков. *Художник Д.Н. Кардовский.* 1922 г.

пускать того, что плывёт в руки. Из-за этой заботы ему некогда было взглянуть построже на жизнь или же осмотреться получше на себя. Из-за этой заботы он стал притеснителем, не чувствуя сам, что он притеснитель, потому что злобного желанья притеснять в нём нет; есть только желанье прибирать всё, что ни видят глаза. Просто он позабыл, что это в тягость другому и что от этого трещит у иного спина. Он вдруг простил купцов, замышлявших погубить его, когда те предложили заманчивое предложение, потому что эти заманчивые блага жизни обуяли им и сделали то, что в нём очерствело и огрубело чутьё слышать

Городничий. *Художник Д.Н. Кардовский.* 1922 г.

положенье и страданье другого. Он чувствует, что грешен; он ходит в церковь, думает даже, что в вере твёрд, даже помышляет когда-нибудь потом покаяться. Но велик соблазн всего того, что плывёт в руки, и заманчивы блага жизни, и хватать всё, не пропуская ничего, сделалось у него уже как бы просто привычкой. Его поразил распространившийся слух о ревизоре, ещё более поразило то, что этот ревизор — incognito, неизвестно когда будет, с которой стороны подступит. Он находится от начала до конца пьесы в положениях свыше тех, в которых ему случалось бывать в другие дни жизни. Нервы его напряжены. Переходя от

Гоголь читает пьесу «Ревизор» писателям и артистам Малого театра. *Художники О.А. Дмитриев и В.В. Данилова.* 1952 г.

страха к надежде и радости, взгляд его несколько распалён оттого, и он стал податливее на обман, и его, которого в другое время не скоро удалось бы обмануть, становится возможным. Увидевши, что ревизор в его руках, не страшен и даже с ним вступил в родню, он предаётся буйной радости при одной мысли о том, как понесётся отныне его жизнь среди жирований, попоек, как будет он раздавать места, требовать на станциях лошадей и заставлять ждать в передних городничих, важничать, задавать тон. Поэтому-то внезапное объявление о приезде настоящего ревизора для него больше, чем для всех других, громовой удар, и положенье становится истинно трагическим».

«Последняя сцена „Ревизора" должна быть особенно сыграна умно. Здесь уже не шутка, и положенье многих лиц почти трагическое. Положение городничего всех разительней. Как бы то ни было, но увидеть себя вдруг обманутым так грубо и притом пустейшим, ничтожнейшим мальчишкой, который даже видом и фигурой не взял, будучи похож на спичку (Хлестаков, как

известно, тоненький, прочие все толсты), — быть им обманутым — это не шуточное. Обмануться так грубо тому, который умел проводить умных людей и даже искуснейших плутов! Возвещенье о приезде, наконец, настоящего ревизора для него громовый удар. Он окаменел. Распростёртые его руки и закинутая назад голова остались неподвижны, и вокруг него вся действующая группа составляет в одно мгновенье окаменевшую группу в разных положеньях».

«Судья — человек, меньше грешный в взятках. Он даже не охотник творить неправду, но велика страсть ко псовой охоте... Что ж делать! У всякого человека есть какая-нибудь страсть; из-за неё он наделает множество разных неправд, не подозревая сам того. Он занят собой и умом своим, и безбожник, только потому, что на этом поприще есть простор ему выказать себя. Для него всякое событие, даже и то, которое навело страх для других, есть находка, потому что даёт пищу его догадкам и соображениям, которыми он доволен, как артист своим трудом».

«Земляника — человек толстый, но плут тонкий, несмотря на необъятную толщину свою, который имеет много увёртливого и льстивого в оборотах поступков. На вопрос Хлестакова, как называлась съеденная рыба, он подбегает с лёгкостью двадцатидвухлетнего франта, затем чтобы у самого его носа сказать: «Лабардан-с». Он принадлежит к числу тех людей, которые только для того, чтобы вывернуться сами, не находят другого средства, как чтобы топить других, и торопливы на всякие каверзничества и доносы, не принимая в строку ни кумовства, ни дружбы, помышляя только о том, как бы вынести себя. Несмотря на неповоротливость и толщину, всегда поворотлив».

«Смотритель училищ — ничего более, как только напуганный человек частыми ревизовками и выговорами неизвестно за что; а потому боится, как огня, всяких посещений и трепещет, как лист, при вести о ревизоре, хотя и не знает сам, в чём грешен».

«Почтмейстер — простодушный до наивности человек, глядящий на жизнь как на собрание интересных историй для препровождения времени, которые он начитывает в распечатываемых письмах».

Бобчинский и Добчинский — «это люди, которых жизнь заключилась вся в беганьях по городу с засвидетельствованием

почтенья и в размене вестей. Всё у них стало визит. Страсть рассказать поглотила всякое другое занятие, и эта страсть стала их движущею страстью и стремленьем жизни. Словом, это люди, выброшенные судьбой для чужих надобностей, а не для своих собственных. Нужно, чтобы видно было то удовольствие, когда наконец добьётся того, что ему позволят о чем-нибудь рассказать. Торопливость и суетливость у них единственно от боязни, чтобы кто-нибудь не перебил и не помешал ему рассказать. Любопытны — от желанья иметь о чём рассказать. От этого Бобчинский даже немножко заикается. Они оба низенькие, коротенькие, чрезвычайно похожи друг на друга, оба с небольшими брюшками. Оба круглолицы, одеты чистенько, с приглаженными волосами. Добчинский даже снабжён небольшой лысинкой на середине головы; видно, что он не холостой человек, как Бобчинский, но уже женатый. Но при всём том Бобчинский берёт верх над ним по причине большей живости и даже несколько управляет его умом».

«Все прочие лица: купцы, гостьи, полицейские и просители всех родов — суть ежедневно проходящие перед нашими глазами лица, а потому могут быть легко схвачены всяким, умеющим замечать особенности в речах и ухватках человека всякого сословия».

Осип — «слуга пожилых лет, который смотрит несколько вниз, грубит барину, смекнувши, что барин щелкопёр и дрянцо, и который любит себе самому читать нравоученье для барина, который молча плут, однако очень умеет воспользоваться в таких случаях, когда можно мимоходом поживиться, — известен всякому».

«Не нужно только позабывать того, что в голове всех сидит ревизор. Все заняты ревизором. Около ревизора кружатся страхи и надежды всех действующих лиц. У одних надежда на избавление от дурных городничих и всякого рода хапуг. У других панический страх при виде того, что главнейшие сановники и передовые люди общества в страхе. У прочих же, которые смотрят на все дела мира спокойно, чистя у себя в носу, — любопытство, не без некоторой тайной боязни увидеть наконец то лицо, которое причинило столько тревог и, стало быть, неминуемо должно быть слишком необыкновенным и важным лицом».

Осип — В.Ф. Грибунин.
Москва, Малый театр. 1909 г.

Подлинная глубина проблематики «Ревизора», не сводимого к социально-политической сатире, требует внимательного прочтения пьесы и тонкого проникновения в авторский замысел. Гоголь остался недоволен тем, как комедию восприняли зрители, увидевшие в ней лишь карикатуру на чиновников. О сокровенном, что писатель хотел донести до каждого, о духовно-нравственном плане изображения Гоголь рассказал в пьесе «Развязка „Ревизора"». Вот фрагмент из неё:

«Всмотритесь-ка пристально в этот город, который выведен в пьесе: все до единого согласны, что этакого города нет во всей России... Не так ли? Ну, а что, если это наш же душевный город, и сидит он у всякого из нас? Нет, взглянем на себя не глазами светского человека, — ведь не светский человек произнесёт над нами суд, — взглянем хоть сколько-нибудь на себя глазами Того, кто позовёт на очную ставку всех людей, перед

Которым и наилучшие из нас, не позабудьте этого, потупят от стыда в землю глаза свои... Что ни говори, но страшен тот ревизор, который ждёт нас у дверей гроба. Будто не знаете, кто этот ревизор? Что прикидываться? Ревизор этот наша проснувшаяся совесть, которая заставит нас вдруг и разом взглянуть во все глаза на самих себя. Перед этим ревизором ничто не укроется, потому что по именному высшему повеленью он послан и возвестится о нём тогда, когда уже и шагу нельзя будет сделать назад. Вдруг откроется перед тобою, в тебе же, такое страшилище, что от ужаса подымется волос. Лучше ж сделать ревизовку всему, что ни есть в нас, в начале жизни, а не в конце её. ...Клянусь, душевный город наш сто́ит того, чтобы подумать о нём, как думает добрый государь о своём государстве. Благородно и строго, как он изгоняет из земли своей лихоимцев, изгоним наших душевных лихоимцев! Есть средство, есть бич, которым можно выгнать их. Смехом, мои благородные соотечественники! Смехом, которого так боятся все низкие наши страсти! Смехом, который создан на то, чтобы смеяться над всем, что позорит истинную красоту человека. Возвратим смеху его настоящее значенье! Отнимем его у тех, которые обратили его в легкомысленное светское кощунство над всем, не разбирая ни хорошего, ни дурного!»

Вопросы и задания

1. Что является завязкой комедии: I или III явление первого действия? Свой ответ аргументируйте.

2. Предысторию может иметь не только определённое событие, но и персонаж. Определите предысторию Хлестакова. В каком месте второго действия Хлестаков входит в общее движение пьесы?

3. Благодаря каким событиям вовлекаются в комедию чиновники, купцы, дамы?

4. С какой целью даны сцены представления чиновников и купцов Хлестакову? Нужны ли они для развития действия?

5. В комедии «Ревизор» две развязки. Найдите и зачитайте их. С какими явлениями первого действия связана каждая из них?

6. Ориентируясь на материалы статьи Гоголя, расскажите об изображении в комедии провинциального чиновника. Предварительно запишите ключевые слова.

7. Сопоставьте характеры городничего и Земляники. Имеются ли индивидуальные различия? В чём они? Сформулируйте развёрнутый вывод.

8. Городничий говорит, что Хлестаков «может сделать всё, всё, всё». Как это можно понять?

9. Определите самый лживый монолог Хлестакова и прочитайте его выразительно. Назовите основные художественные приёмы, к которым прибегает писатель.

10. Прочитайте по ролям эпизод разговора жены и дочери городничего. Какие приёмы создания комической ситуации используются в нём? Сходны ли они с другими сценами или Гоголь для каждого эпизода подбирает особые приёмы создания комического эффекта?

11. Охарактеризуйте речь персонажей комедии (двух-трёх по выбору).

12. Драматург неоднократно прибегает к приёму, когда персонаж говорит как бы для себя, не вслух («слова в сторону»). Данный приём используется с XVIII века. Какова его роль в комедии?

13. Как вы думаете, автор воспроизводит в комедии «копию действительности» или моделирует собственный художественный мир?

14. В чём смысл «Ревизора»? Почему пьеса имеет такое название?

15. Как соотносятся эпиграф (пословица «На зеркало неча пенять, коли рожа крива») и слова городничего «Чему смеётесь? над собой смеётесь!»?

16. Что такое хлестаковщина? Это явление — уже достояние истории или оно характерно и для нашего времени?

Исследовательский проект

Сопоставьте «Недоросль» Д.И. Фонвизина и «Ревизор» Н.В. Гоголя. Определите, что общего в объектах и приёмах сатиры и в чём различие.

Самостоятельная работа

Найдите и прочитайте статью Н.В. Гоголя «Театральный разъезд». Как эта статья дополняет ваше представление об авторском замысле в комедии «Ревизор»?

ТЕМЫ ДЛЯ РЕФЕРАТОВ, СООБЩЕНИЙ, СОЧИНЕНИЙ

1. Купечество в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор».
2. «Ревизор» на сцене и в кино.
3. Самый комический эпизод в «Ревизоре» (рецензия на эпизод).
4. О чём говорят «говорящие фамилии»?
5. Цель употребления иностранных слов в комедии.
6. Прошлое в рассказах Хлестакова и в реальности.
7. Современники о комедии «Ревизор».
8. Честное, благородное лицо в комедии — смех.
9*. Трагическое и комическое в пьесах Д.И. Фонвизина «Недоросль» и Н.В. Гоголя «Ревизор».
10. Петербург в жизни и творчестве Н.В. Гоголя.

Для вас, любознательные

Прочитайте высказывания Н.В. Гоголя. Какими примерами из его произведений вы могли бы проиллюстрировать их?

«Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок: всё зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное названье ещё драгоценней самой вещи».

«...Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово».

«Обращаться со словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку».

«Нет уз святее товарищества! Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь своё дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови может один только человек».

«В литературном мире нет смерти, и мертвецы так же вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как живые».

После уроков

1. Проведите дискуссию «Долго ли смеяться над тем, над чем смеялся ещё Н.В. Гоголь?».
2. Подготовьтесь к творческому вечеру на тему «Н.В. Гоголь и А.С. Пушкин». Проведите его.
3. Подберите иллюстративный материал к комедии. Расскажите об известных вам иллюстрациях и иллюстраторах «Ревизора». Определите сходство и различие взглядов автора и художника (например, гоголевские типы в характеристике писателя и художников П. Боклевского, А. Агина).

Советуем прочитать

1. *Воропаев В.А.* Николай Гоголь: опыт духовной биографии. М., 2008.
2. Духовный путь Н.В. Гоголя: в 2 ч. М., 2009.
3. *Золотусский И.П.* Гоголь. М., 2007. (ЖЗЛ).
4. *Капитанова Л.А.* Н.В. Гоголь в жизни и творчестве. М., 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

Художественная литература и история 3

ИЗ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Иван Грозный молится по сыне 10
Возвращение Филарета 19
Разин и девка-астраханка 21
Солдаты освобождают Смоленск 23

ИЗ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Житие Сергия Радонежского (*Избранные главы*) 31
Слово о погибели Русской земли 49
Житие Александра Невского (*В сокращении*) 51

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

Гавриил Романович Державин 64
Памятник 69
Николай Михайлович Карамзин 71
Бедная Лиза 75

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Василий Андреевич Жуковский 108
Лесной царь 113
Невыразимое (Отрывок) 114

Кондратий Фёдорович Рылеев 119
Иван Сусанин 122
Александр Сергеевич Пушкин 130
Завещание Кюхельбекера 132
«За ужином объелся я...» 132
19 октября 139
И.И. Пущину 147
Бесы 149
Капитанская дочка 159
Михаил Юрьевич Лермонтов 273
Мцыри 285
Николай Васильевич Гоголь 317
Ревизор 329